

ISSN 0131-6656

СМОНА

СИГИЗМУНД ЛИБРОВИЧ • ЖЕНСКИЙ КРУГ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

6'93

АГАТА КРИСТИ •

КАК РАСТЕТ ВАШ САД?

Тутаевская идилия

(Читайте стр. 4.)

6'93

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 26.03.93.

Подписано к печати 22.04.93.

Формат 84×108^{1/2}.

Бумага «Газетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. п. 23,10.

Тираж 429 300 экз.

Заказ № 305.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14,

212-15-07 — для справок

257-30-55 — отдел писем

и распространения

250-49-98 — отдел рекламы,

Факс (095) 250-59-28.

Учредитель —

коллектив редакции

журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

Б (1544) ИЮНЬ

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и массовой информации
Российской Федерации. Рег. № 166.
© Издательство «Пресса»,
© «Смена», 1993.

Проза

26

РАДА ПОЛИЩУК. НЕПРОШЕННАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ
Рассказ

114

АГАТА КРИСТИ. КАК РАСТЕТ ВАШ САД?
Рассказ

178

ГОР ВИДАЛ. ГОРЯЧЕЕ ДЫХАНИЕ СМЕРТИ
Детектив*Поэзия*

21

НАТАЛИЯ ВОРОБЬЕВА, АЛЕКСЕЙ ПРОКОПЬЕВ

51

СВЕТЛАНА ФЕТИСОВА

134

**ВИКТОР КАРПУШИН, ВАЛЕРИЙ КРАСКО, ЕКАТЕРИНА
КОЗЫРЕВА**

147

АЛЛА ШАРАПОВА*Человек и общество*

4

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. ТУТАЕВСКАЯ ИДИЛЛИЯ

41

МИХАИЛ КОБИЩАНОВ. ТУРЦИЯ — СВЕТ В КОНЦЕ
ТОННЕЛЯ?

52

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

70

МАРИЯ ТЕЛИШЕВСКАЯ. НАЙТИ НИТОЧКУ ЧТОБЫ
РАСПУТАТЬ УЗЕЛ

80

СИГИЗМУНД ЛИБРОВИЧ. ЖЕНСКИЙ КРУГ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
Исторический очерк

На нашей
обложке:
фотоэтиюд
АЛЕКСАНДРА
ДОРОШЕНКО

98

ВЛАДИМИР СЕМИН. СВЯТЫНЯ

138

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ. МЕСТО ЖИЗНИ

Культура, музыка, искусство

148

ПИТЕР БРАУН, СТИВЕН ГЕЙНС. ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ ТЫ ОТДАЕШЬ

175

ВЛАДИМИР МАРКИН: «У ВСЕХ НАС БЫЛО ТРУДНОЕ ДЕТСТВО»

287

АЛЛА ПАВЛЕНКО. АЛЕКСАНДР ЗАВАРИН

64, 110

ВАШИ ПИСЬМА

280

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

7•93

3

■ **ДЖОН ФАРРИС. «КОГДА ЗВОНИТ МАЙКЛ»**

Представляя одну из лучших работ своего любимого писателя и наставника — роман «Когда звонит Майкл», Стивен Кинг говорит: «Книга Фарриса — это прежде всего удивительно захватывающий сюжет, который от страницы к странице все больше накаляет ваши нервы и вдруг подводит к совершенно неожиданной развязке...» И с ним трудно не согласиться: напряженная нить расследования вьется вокруг цепи загадочных смертей, каждую из которых предвещает телефонный звонок с того света...

■ **СВЕТЛАНА СОЛОЖЕНКИНА. «ПОРТРЕТ В РИФМОВАННОЙ РАМЕ»**

14 октября 1990 г. в Петербурге на 96-м году жизни умерла «прекрасная дама серебряного века» — поэтесса Ирина Владимировна Одоевцева.

Почти вся ее творческая жизнь прошла в Париже, куда она в 30-х годах эмигрировала со своим мужем Георгием Ивановичем. И лишь в возрасте 92 лет Ирина Одоевцева вернулась на родину. Мужественно перенося тяжелый недуг, она умела быть счастливой, говоря при этом, что «возраста вообще не существует».

«...ты заброшена в наше пространство, где тебе даже звезды чужды» — писал Георгий Иванов. И эти слова были действительно о ней, женщине необыкновенной, ни на кого не похожей...

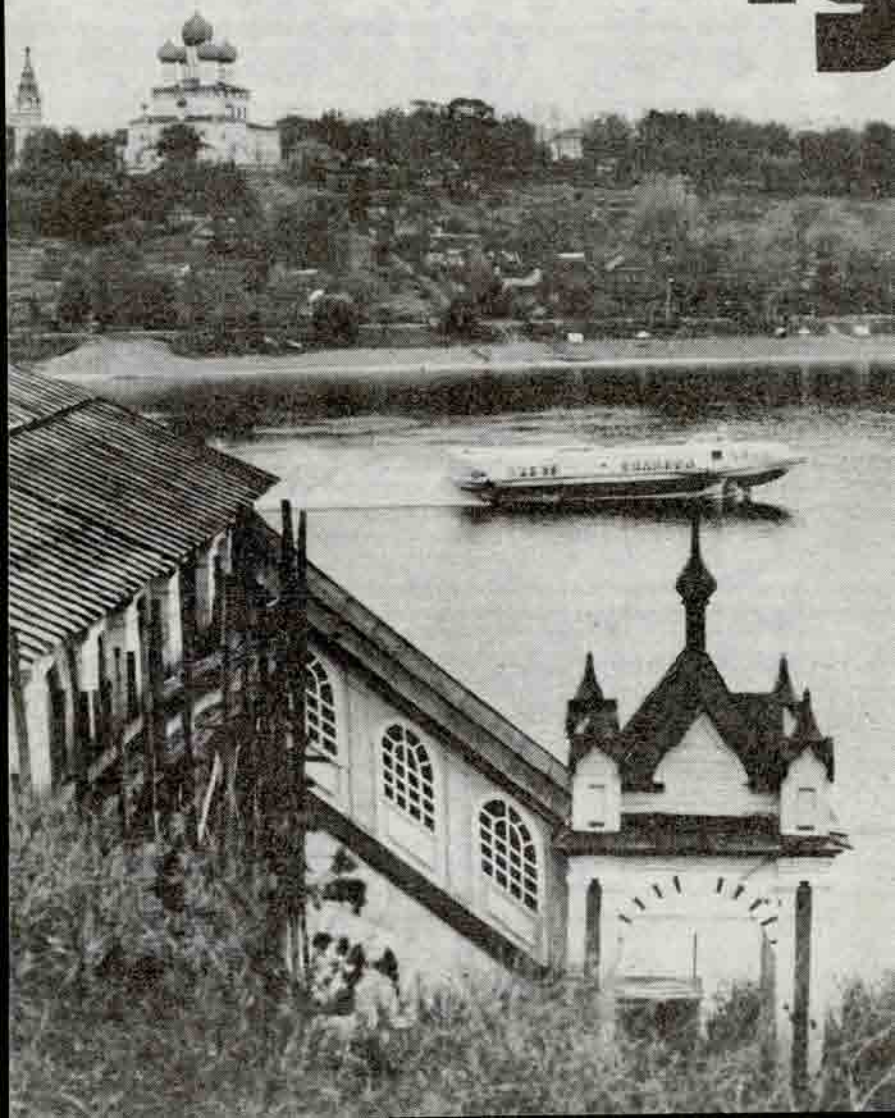
■ **АНДРЕЙ ЕФИМОВ. «КЛЕЙМЕНАЯ ГРАФИНЯ»**

Нашумевшая в свое время история с бриллиантами французской королевы Марии Антуанетты имела неожиданное продолжение в России...

АНОНС:

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ
ФОТО ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

Ту

Тутаевская царщина

Двадцатилетний крестьянин, красногвардеец-доброволец Илья Тутаев погиб в первом же бою летом 1918 года. «По предложению трудящихся» — земляков Ильи — город Романово-Борисоглебск был тогда же переименован в Тутаев. А недавно образовалась инициативная группа, добивающаяся возвращения городу прежнего имени. Особого успеха и мощной общественной поддержки эта идея не имела, но... кто знает, что покажет городской референдум? В наше время не всегда угадаешь, на какой улице, в каком городе завтра проснешься...

Раньше здесь было два города: Романов — на левом берегу Волги, Борисоглебск — на правом. Романову уже семь веков, Борисоглебску — чуть меньше. (Впрочем, еще до того, как угличский князь Роман основал свой город, стояла напротив, через Волгу,

Борисоглебская слобода.) В 1822 году они объединены «в целях экономии по управлению». Согласно местному преданию Тутаев — будем пока называть его так — стоит на семи холмах, семи ключах, семи оврагах...

Знаменит был здешний уезд романовской породой овец. Изделия из овчины отмечались наградами на всемирных выставках в Лондоне, Париже.

Пол-России снабжали романовцы самым лучшим урожайным луком. Рыбу поставляли царскому двору...

А еще были тут льняная мануфактура (одна из крупнейших в Ярославской губернии), две полотняные фабрики, четыре кожевенных завода, четыре сальных, три уксусных, два крупяных, три сыромятных, два кирпичных, 23 кузницы. Как сказано в очерке протоиерея Иоанна Триецкого, вышедшем в прошлом веке: «Худо-

жества здешних жителей: шубное, набойчатое, портное, сапожное, кузнечное, хлебное, сбитенное и квасное в лучшем состоянии». Интересная цифра: на 2816 жителей — 683 купца! (Данные 1802 года.) Но надо уточнить существенную деталь: тогдашние купцы в отличие от большинства сегодняшних не только торговали. Это им принадлежали многочисленные заводы и фабрики...

Светало, когда я оказался на автовокзале. Первое впечатление: ошшиб, сел не в тот автобус и попал в другой город! Готовился-то к встрече с патриархальной стариной, а тут такое... Широченная, продуваемая насквозь улица, стандартные девятиэтажки, почти полное отсутствие какой-либо растительности. И ни одной церквушки не видно, ни одного старинного купеческого особняка! Словом, обычный новый район, каких сотни. Хоть в Набережных Челнах, хоть в Новом Уренгое. Но попутчики меня успокоили: да Тутаев это, вон, если не веришь, вывеска на вокзале. И впрямь, Тутаев...

А объяснилось все очень просто. 25 лет назад на борисоглебской стороне началось строительство моторного завода. Позднее он был объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Параллельно с заводом строился на пустом месте фактически новый город. Сравните: за эти годы население увеличилось с восьми до сорока пяти тысяч! Около десяти тысяч работают на моторном. Численность росла, разумеется, за счет переселенцев — я почти не встречал здесь коренных тутаевцев. А в последние годы, увы, она прибавляется за счет беженцев. В гостинице разговорился с уборщицей, пожилой русской женщиной. Оказалось, из Сумгаита...

— Я там с сорок шестого года жила, — рассказывала она. — Учи-

лась в азербайджанской школе... Оставили мы с мужем трехкомнатную квартиру, тут получили однокомнатную. Обидно было уезжать...

— Зато здесь спокойнее, — попробовал я как-то «утешить».

— Это конечно... Но я в Тутаеве три года и, знаете, к чему никак не могу привыкнуть? К русскому мату. Кругом ругаются! В Азербайджане я такого не слышала. Зато сдачу в магазинах отдают до копейки...

Моторостроители недавно очень весело отметили юбилей завода в своем роскошном Дворце культуры. Хорошо, говорят, по-праздновали. Что ж, имеют полное право. В то время, как множество заводов стоит на пороге банкротства, безработицы, тутаевцы трудятся стабильно, рентабельно и даже увеличивают выпуск дизелей. В декабре средняя зарплата составляла 16—17 тысяч, с января решили ее удвоить. Разгадка такого «феномена» несложна: продукция завода пользуется спросом. Тутаевские дизели охотно берут самые разные заводы: Кировский, МАЗ, КраЗ, Воронежский экскаваторный, Одесский крановый... Видно, качественные и долговечные моторы.

Не все, однако, тутаевцы живут со спокойной уверенностью в завтрашнем дне. Пуск моторного завода здорово «подкосил» старейшее предприятие города — льнокомбинат «Тульма» (расшифровывается «Тутаевская льняная мануфактура»). Из четырех тысяч работников осталось чуть более тысячи. Уходили на завод целыми отделами. Ушли ремонтники, механики... А комбинат, когда я туда пришел, не работал уже почти два месяца. Инженерам, руководителям выплачивали пол-оклада, а рабочим — две трети ставки за вынужденный простой. Больше

всех пострадали семьи, где все работали на комбинате. Многие были бы рады устроиться куда-нибудь на временную работу, но... их же с комбината не увольняли! Стало быть, никуда и принять не могут.

Название комбината не совсем точно отражает суть его деятельности. Он выпускает брезент, парусину из смеси льна и хлопка.

Все 128 лет существования предприятия специализируется на производстве именно технических тканей. Так что же произошло в этом году?

— Нет финансов и сырья — хлопчатобумажной пряжи, — отвечает директор Владимир Красовицкий. — Во всем мире товар оплачивают после получения, а у нас с первого января ввели так называемую предоплату. И вот что вышло: мы должны поставщикам 123 миллиона за отгруженное ранее сырье. Но и нам должны 205 миллионов! Купить пряжу не на что... Со льном проблемы. Цены возросли в сотни раз, хотя качество льна снижается. Мы не сможем покупать так дорого! А если льняное дело в России погубят, его не восстановишь. Кстати, во всех странах технические культуры убыточны. Но фермеры получают дотации от государства. Я был во Франции по приглашению фирмы «Санеко», которая занимается выращиванием и переработкой льна. У них посадка, уборка, транспортировка и переработка полностью механизированы. Рука человека ко льну не прикасается! Так вот, эту компанию дотирует государство, чтобы сохранить рабочие места, сохранить льноводство.

Тутаев первый (если не ошибаюсь) российский город, полностью приватизировавший торговлю. Что это дало городу и его

жителям? На такие вопросы тутаявцы обычно отвечали: хуже не стало.

По вечерам я заходил в соседний с гостиницей универсам «Волжский», сравнивал ассортимент, цены. Выбор продуктов, пожалуй, был побогаче, чем в универсаме у моего московского дома. Мясо, рыба, консервы всевозможные... Цены? Ну, они на уровне общероссийских, но кое-что и подешевле.

Молоко, например, 31 рубль за литр (в Москве на тот момент — 65). Яйца — 115 (140—170). Пиво — 35 рублей бутылка (сколько в Москве, не знаю, его в наших магазинах не бывает). Словом, в Москву, как прежде, за колбасой не ездят. Наоборот, продукты увозят приезжающие погостить родственники — кто бы мог подумать, что такие невероятные факты будут возможны?! В чем-то тутаявцам живется даже полегче: каждый желающий может получить участок под сад-огород. Причем недалеко от города, а не за сотни верст, как москвичи...

В один из дней познакомился с директором «Волжского» Надеждой Алексанinou. Я уже знал, что коллектив купил универсам на аукционе за 60 миллионов рублей. Откуда такие деньги? Алексанина для наглядности взяла лист бумаги, ручку и произвела несложные подсчеты.

— Коллективам делается скидка в размере 30 процентов. Значит, фактически купили за 42 миллиона. Первый взнос — 15 миллионов. Остальное — рассрочка на три года.

— Но и 15 миллионов — немалая сумма. Наверное, — спросил я, — взяли ссуду в банке?

— Банк нам ничего не дал. Отказался. Тогда мы нашли спонсора — строительную фирму. Она стала нашим соучредителем.

А в дальнейшем фирма будет искать и поставлять нам товары. Да всем магазинам кто-то поможет! В счет будущей прибыли.

— А зачем вам вообще это нужно было — выкупать свой магазин?

— Не мы — купил бы кто-то другой. И коллектива не стало бы. А так мы сохранили всех людей, никому не пришлось идти на биржу труда...

— Меня одно смущает... Вам надо возвращать долг спонсору, выплачивать остаток. Каким образом? Накручивать цены?

— Мы собираемся расплачиваться за счет наращивания товарооборота, а не повышения цен. Чтобы рубль быстрее оборачивался, быстрее приносил прибыль...

Не знаю, устроит ли тутавцев такое объяснение. Но, должен сказать, городской бюджет солидно пополнился доходами от аукционов. Появились средства для дополнительной помощи детям, инвалидам, малоимущим...

А еще хотелось мне найти «частника-единоличника», начавшего свое дело с нуля. Депутат горсовета Владимир Благополучный привел меня в магазинчик «Аэлита» к Владимиру Кириллову.

Кириллов работал раньше на моторном старшим мастером.

— Как это вы, техник, подались в торговлю?

— Не в торговлю, а в бизнес, — поправил меня Владимир. — Магазин — это только начало. Пойдемте, посмотрите. — Он повел меня в соседнее, еще не законченное помещение. — Вот тут будет кухня и бар. Мы хотим сделать элитный бар, со швейцаром, платным входом. Никакой водки и бормотухи! Только хорошие вина, ликеры. Чтоб все было без пьянок и безобразий.

Мы вернулись в маленький кабинет владельцев.

— «Азлита» — самый дешевый из аналогичных магазинов, — заметил Благополучный.

— Я не имею дела с перекупщиками, — пояснил Кириллов. — У меня прямые связи с тремя московскими СП. Любой товар могу достать. Интересная работа... Могут ночью позвонить и сказать: приезжай сегодня же, а то товар уйдет другому. И что же? Встаешь, садишься за руль — у нас свой фургон — и едешь в Москву.

— Все новые бизнесмены только торговлей и занимаются...

— А как иначе? Во-первых, система налогообложения не стимулирует производственный бизнес. Во-вторых, где взять капитал на строительство цехов и заводов? Его может дать только торговля, где быстрый оборот. Тем не менее... Мы уже купили полтора гектара земли, вбили там сваи под строительство здания — начнем разводить нутрий. Будем шить шубки. Кроме того, это еще и прекрасное диетическое мясо. Помните, одно время продавались «охотничьи» пельмени из нутрии? А еще думаем перевезти сюда асфальтовый завод из Ярославля...

Доход города от приватизации составил в прошлом году 65 миллионов рублей. Почему так мало, если магазины шли по 60—100 миллионов? Тут надо учитывать, что львиная доля уходит в областной и российский бюджеты. Кроме того, новые владельцы платят в рассрочку, так что городская казна еще будет пополняться. Но и этих 65 миллионов хватило, чтобы поднять зарплату в здравоохранении, просвещении, увеличить разные пособия и льготы. Правда, не все согласны с «обвальными» методами приватизации. Даже заместитель председателя горсовета Нина Орлова считает, что не обошлось без некоторых перегибов.

— Наверное, у нас большевизм в крови... Раньше как было? Все немедленно коллективизировать! А теперь? Все немедленно продать! Нам бы надо было оставить два-три магазина и столовые для ветеранов, малоимущих. Но мы не могли этого сделать: согласно российской программе приватизации все торговые точки должны были быть выставлены на аукцион. Нам повезло в том смысле, что некоторые покупатели оказались несостоятельными. Так что один магазин мы передали в аренду обществу инвалидов. Открываем и дешевую столовую, а многие там будут питаться вовсе бесплатно, по талонам. Это примерно пятьсот человек...

По количеству «купцов» Тутаев приближается к дореволюционному уровню. Что заметно даже внешне: на улицах и площадях нового района возникли коммерческие ларьки. Это не удивительно — они молниеносно расплодились по всей России. Удивительно другое: ларьки в Тутаеве легкие, деревянные — в отличие от бронированных московских. Видно, не дошла сюда мода жечь и громить коммерсантов...

Для тех, кому совсем худо и одиноко, есть в Тутаеве Дом милосердия. Раньше тут было общежитие «химиков». Здание ремонтировали и обставляли всем городом. Не пожалели денег предприятия (в том числе и частные), скинулись кто сколько мог. Люди приходили на субботники не по разнарядке... Весной прошлого года Дом милосердия открылся.

Я не стану подробно описывать обстановку, отделку, цветные телевизоры и т. д. Разве в этом дело? Тутаевский Дом резко отличается от обычных домов престарелых принципами своей деятельности. Если хотите — моралью.

Начать с того, что берут здесь

с человека не 90, а 75 процентов пенсии. Разница, согласитесь, существенная. Кроме того, вовсе не обязательно, переселяясь сюда, сдавать квартиру государству. Каждый может жить в Доме столько, сколько пожелает. Допустим, бабушка приезжает перезимовать, а летом — домой, в деревню. Есть даже отделение дневного пребывания: приходят пообщаться, показаться врачу, отдохнуть от домашних забот — заодно и пообедают. В таком случае платят только за обед. А некоторые и вовсе не платят, смотря по пенсии.

Кормят, надо сказать, очень даже неплохо и разнообразно. Между прочим, бизнесмены не забывают Дом и год спустя после открытия. При мне, например, один кооператив прислал в столовую прекрасные пироги. А то и дачники заглянут, принесут свою садово-огородную продукцию...

Работает в Доме отделение социальной помощи на дому. На учете у них 130 человек в городе и 115 в районе. Развозят продукты, помогают по хозяйству: кому дров доставить, кому ремонт сделать... Есть также отделение срочной социальной помощи. У него в резерве всегда запас продуктов, одежды, обуви. Готовы выехать по тревожному звонку, сообщению.

Удивился я, увидев ребятшек среди почтенных пенсионеров. Оказалось, в Доме действует реабилитационный центр для больных детей, открыта специальная детская комната. Возраст — от 6 до 12 лет. Родители приводят их утром, а после обеда (бесплатно) забирают. Днем их осматривает врач; медсестра проводит лечебные процедуры. Медработники — терапевт, четыре медсестры, санитарки — в штате Дома.

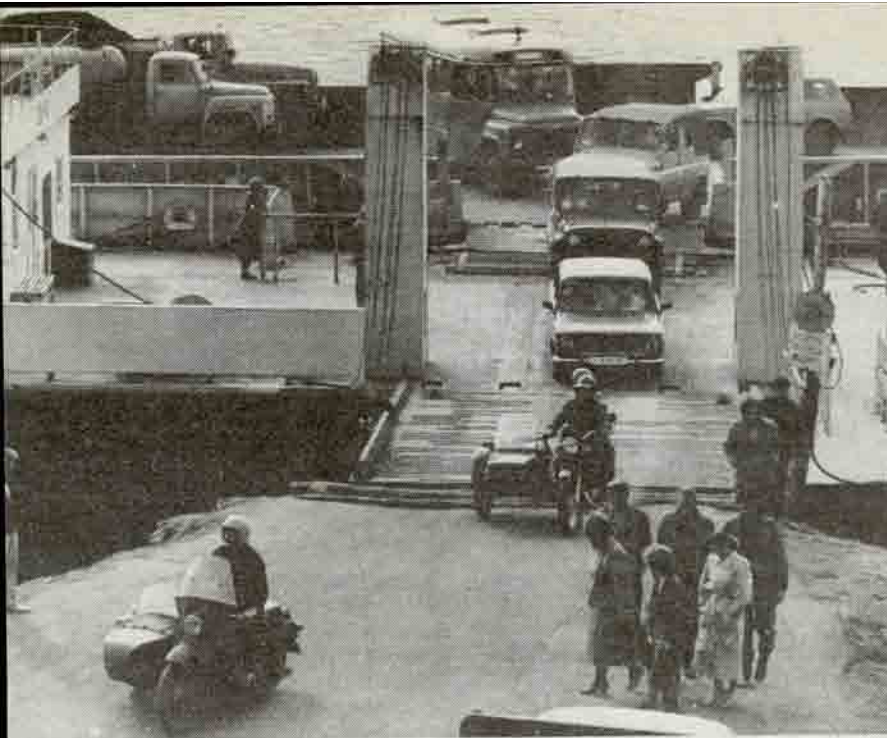
Водила меня по всем четырем этажам директор Дома Ольга Рех-

лина. Показала медкабинеты, модельную комнату, маленькую швейную мастерскую (в ней бабушки шьют несложные вещи из отходов швейной фабрики — время коротают, да и заработок дополнительный); художественную мастерскую, где хозяйствует полуплепой художник Николай Ножницкий. На мой дилетантский взгляд, прекрасные пейзажи пишет...

Что еще добавить о Доме? За год справили здесь две свадьбы...

В целом же Тутаев — город молодёжный. Есть гимназия, лицей технический(?), выпускные экзамены в котором могут быть засчитаны как вступительные в Рыбинский авиационно-технологический институт. Филиал Ярославского автомеханического техникума превратился в технологический колледж. Как видите, в системе образования — некая смесь английского с нижегородским. Но и кое-что свое, доморощенное имеется: православная гимназия, где (пока!) учатся около тридцати детей с первого по шестой класс. Осталось «перекрестить» ПТУ — в реальное училище? — и живем совсем как наши прадеды...

К слову, о крещении. Летом отец Николай произвел массовый обряд, крестив несколько десятков тутаевцев в Волге — как при князе Владимире язычников. Зрителей, рассказывают, было еще больше. При всем уважении к церкви, элементы театральности в столь глубоко личном обряде кажутся не совсем уместными. Чем-то это напоминает массовый «ленинский призыв» в партию двадцатых годов... Кстати, возрождается и компартия. На первое организационное собрание пришло человек 60. Не исключено, что в будущем возникнут новые имущественные конфликты по поводу бывшего горкомовского здания,

занятого администрацией и горсоветом...

Следов комсомола я, правда, в городе не обнаружил, кроме старого плаката с незабываемым «Слава!». На вопрос о новых молодежных объединениях даже бывшие комсомольские работники пожимали плечами. Кто-то посоветовал заглянуть в молодежный центр «Галактика».

«Галактика» предлагает молодым видеосалон, бильярд, кафе, игровые автоматы, танцзал. Не уверен, сохранится ли все это ко времени выхода этого номера журнала. Дело в том, что молодежный центр строился за счет 5-процентных отчислений от строительства моторного завода, потом был передан на баланс заводского комитета комсомола, а позже перешел в муниципальную собственность. И вот теперь завод предъявил права на здание. Через созданную им частную фирму намерен отсудить «Галактику» и приспособить ее под коммерческие структуры. Уже приходил судебный исполнитель, предлагал очистить помещение. Горсовет пытается помочь «Галактике». Удастся ли?..

— Вдруг и впрямь выселят на улицу? — говорит заместитель директора Людмила Семенова. — А если и нет — то как выживем? Завод берет 150 тысяч в месяц за коммунальные услуги, плюс огромная арендная плата. Мы столько заработать не можем. Основной доход дает дискотека... Моя мечта — создать кукольный театр, но опять все упирается в финансы. У воспитателей детской комнаты зарплата три с половиной тысячи. Все держится на голом энтузиазме. Попробуем создать клуб предпринимателей — может, с его помощью легче будет решать проблемы.

Как-то зимой молодежь пришла

на дискотеку и увидела неприятный сюрприз: танцзал занят — там устроили семейный вечер.

— Холодно, метель, — вспоминала Семенова, — а они стоят, ежатся у дверей — и не расходятся. Идти-то им больше некуда. Никому они не нужны...

Казалось бы, странно — как это некуда, когда в городе два больших дворца культуры — моторного завода и льнокомбината? Плюс небольшой районный на левом, романовском берегу?

Но Дворец и дома культуры российские — тутавские не исключение — мало приспособлены для того, чтобы просто прийти сюда и сообразно интересам провести вечер с друзьями, женами. Они рассчитаны в основном на «организованный» досуг: танцевальные и театральные коллективы, кружки, ансамбли, народные хоры ветеранов... Дело, бесспорно, нужное, но занимаются здесь, как правило, дети и те, кому «за 30». Для массы подростков, молодежи 18—25 лет одно развлечение — дискотеки. Это и главный доход «очагов культуры». А с дотациями теперь туго. Если моторный завод еще может поддерживать своих культработников, то льнокомбинату самому в пору по миру идти...

Да, оба дворца тоже борются за выживание. Приезжих гастролеров стало меньше, так как в Тутаве не могут хорошо платить — значит, доходы от гастролей упали. Киносекансы — себе в убыток: в кино почти никто не ходит. Так, 5—10 человек на 300-местный зал.

Пытаются заработать и на модных поветриях. У ткачей вел приемы экстрасенса; у моторостроителей я видел афишку московской «белой колдуньи» Серафимы: «Во время встречи у вас есть уникальная возможность поправить здоровье, избавиться от сглаза, при-

ворожения, изгнать беса, снять нервный стресс, получить рецепты, советы по лечению самих себя и своих близких. Желательно иметь при себе соль, воду, свечи». Надо же, сколько удовольствий сразу!

Директор Дворца все же надеялся, что найдутся тутаявцы, способные выложить за билет 500 рублей.

Я почти ничего еще не сказал о левобережной, романовской, стороне города. Попастъ в нее летом можно на пароме, зимой — по льду. В период ледостава и ледохода сообщение через Ярославль. Насколько мне известно, организации, заинтересованные в строительстве комплекса предприятий по переработке, утилизации, захоронению промышленных отходов (сокращенно «Полигон») Тутаява, Ярославля и Рыбинска обещали построить мост — вроде как компенсация за использование исконно русских заповедных мест. Администрация области разрешила начать изыскательские работы в Чебаковском лесничестве.

Но тутаявцы не захотели платить такую цену за транспортные удобства. Начались протесты... Мэр Юрий Зелинский заявляет категорически: «Строительства «Полигона» не допущу!» Он даже официально запретил проектантам изыскания на территории района. Но... не отменено же было (на тот момент) «разрешающее» постановление областной администрации.

Господи, и вся-то наша жизнь в последние годы состоит из сплошных противостояний!..

Бывший Романов сохранил свою патриархальность. Вскрабавшись по длинной крутой лестнице на волжский откос, попадаешь будто в другой город. Набережная, где любил работать Кустодиев, безлюдные и безмашинные улочки двухэтажной застрой-

ки. Тишина... Но нет бывшего богатого романовского базара (а его еще помнят современные бабульки!), торговых рядов. Нет трактиров и чайных. Мужики сидят в столовой, не обременяя желудка закуской, и покорно повинуются горластой буфетчице: «Вася, тебе хватит! Шел бы домой!» Сидят мужики в разгар рабочего дня, и не волнует их безработица!

Вот такая провинциальная идиллия...

Тутаяв засыпает рано. Даже городские учреждения работают здесь с восьми часов. Неправдоподобная тишина за окном долго не дает уснуть. Зато утром не будят скребки и метлы дворников...

НАТАЛИЯ ВОРОБЬЕВА

*Поздний гость стучит
пальцами усталыми,
просто дождь стучит —
друга не узнали мы.
Поспешили окна
занавесить темью,
порешили: «Мокро» —
и застыли тенью
на стене белесой.
Но звенели песни
над осенним плесом,
и светлели песни
струями капельными.
Не сидели вместе,
с другом их не пели мы.*

*Пустыни! Бешеные кони
по солнцу красному летят,
и умещаются в ладони,
и вместе с осадником горят!*

Ах, мой синий прохожий,
мой зеленый колдун,
у заветных подножий
я с тобой, как в аду!

В твоих огненных сказках
не смеюсь, не пою,
не дарящая ласки,
я с тобой, как в раю!

А в морях каравеллы —
перезвон, перепляс!
Но утеряны стрелы,
те, которые в нас!

Этот всплеск и предчувствий, и боли,
Этот зов, понапрасну встревоживший ночь,
Эта горечь утрат и неволи,
Эта вера, что лик твой мне сможет помочь.
Сумасшедшее сердце в раздоре
Со щедротами всех площадей!
И молю, пребывая в позоре:
— Дорогое лицо, отпусти! Пощади!
Не томи. Не злорадствуй. Не мучай.
Отпусти — дай забыть, и простить, и уйти,
С этой горькой, неверной, нелучшей
Долей дай навсегда затеряться в пути.
Этот снег, эти ливни и листья,
Эта суть, эта стать самых дальних огней...
Да отпустят меня ваши лица
На изломе прогорклых и ветреных дней.

Леса дальнего берегись!
Этим голосом — с сосен вниз,
этим сумраком дальних рек
в том лесу упаду на снег,
тихим промельком по губам
слово бранное «не отдам»!

Так тихо — сгинувший струной,
лесами, канувшими в полночь,
так горько-сладко — стороной,
где не понять — чья помощь в помощь,
так ветрено — не устеречь...
Настигнута — не притвориться —
забытой праздничностью свеч
под сводами святой столицы,

так сумрачно — лишь наугад,
настигнута — по бездорожью,
непостижимостью наград,
той дальней пропастью и рожью.

Туманом, меркнувшим, прощальным,
по узким улочкам скользя,
я прокрадусь в твои печали
и пригублю твое «нельзя»...

АЛЕКСЕЙ ПРОКОПЬЕВ

МЕТАМОРФОЗЫ

Я стану прозрачным от мыслей, от их свеченья,
когда надо мной закачается виолончельный
мятущийся воздух густой; и, уже безучастный
к обиженным ближним, увижу: из листьев сочатся
туманные капли.

Мы все понемногу ослепли.

С момента рождения — в дымные падаем петли.

И все же, за воздух держась,

ни на что не надеясь,

на что-то надеемся, то есть: сжигая, как ересь,

отцветишие звуки и желтые запахи, помним
о прежних препонах. В пруду отражаются сонмом

все те же обиды. Войду в эту темную воду,

и деревом выйду, и встану от леса поодаль.

Мой горестный день.

Кем я только за жизнь свою не был —

и хлебом, и камнем, и зверем, и рыбой, и небом,

но все превращения пели мне болью в ключицах,

немым удивлением, горьким осадком на лицах.

И больше ничто не случится. Я знаю наверно.

Дорога безлюдная в сторону дергает нервно —

и лес расступается.

Птица упасть не боится.

Грохочет вдали колесо, и блестит его спицы.

Ведь это не блажь —

постоянно пить свет из миражей,

не приступ отчаянья и не обязанность даже.

А только на что ж это может быть

странно похоже?

Кто бархатной ветошью водит по съезженной коже?

ЛУНА

Когда Луна запутается в шторах

среди зеленой медленной зимы,

какое небо в каменных просторах,

как мы огромны в лабиринтах тьмы,

то городом их называя гордо,
то фьордами заблудшего ума,
где в круге зренья чайка чертит хорду
и зрением становится сама.

Под ней громады варварского Рима,
мазут казарм и казематов грязь,
чугунный торс реки непримиримой
и лик серебряный влекут, лиясь

в люк водостока! но, с теченьем споря,
ночная лампа, желтый батискаф,
плывет в каком-то безысходном море
среди бесцветных и бесшумных трав

блаженный спутник городов-гигантов,
ты пламя электрических ночей,
ты сторож их, ты кладбище талантов,
мерцает свет на дне твоих очей,

в твоих морях какие царства слыбли,
в твоих песках их легкий прах и пыль,
а на Земле свеченье лунной пыли,
подчас одно оправдывает быль.

ЛУНАТИК

Разбиваются насмерть. Стекло разобьешь —
лука треснет звездой. Лучащийся еж
пробегаёт по коже иголками света.
Ради этого только не спишь, а идёшь,
и осенняя грязь, как холодная дрожь:
не летаешь, а падаешь мимо планеты.

Разбивается сердце. Осколками вазы
одевается ночь. Серебрится, как вязь.
Как ручей, серебрится дорога, и к ней,
на мгновенье припав, оттолкнуться бы с силой,
чтоб гремучая сила вопь выносила —
из орбиты — шарами холодных огней.

Но к стыду, в наказание, за слух и за зренье,
за чутье и за тягу, за то, что не спишь,
а летаешь, всем сердцем почувешь презренье
всей вселенной, посторонившейся лишь
для того, чтоб колючим комочком свернулась,
не разбившись, душа, по которой идёшь, —
не звезда и не птица, — очнувшись, как юность,
боль в затылке, и в сердце колотится еж.

Я пишу вам печальные буквы,
потому что круглятся поля,
шар земной превращается в тыкву,
и в золу золотую — земля,

потому что, как семечки, спеем
и, целуя теперь уже всех,
превратимся в простор эпопеем,
в злой подзол и в удушливый смех

и простого уже не успеем
ни пространства унять, ни простить,
ни проститься, ни выцвести репеем,
ни хоть что-нибудь изменить,

и в себя мы прийти не успеем,
заломает нам руки азарт,
потому что пора портупеям
к рапортам торопиться от парт,

потому что все время тупеем,
силаясь что-нибудь произнести,
только буквы достались плебеем
и легко написались: прости.

Зверя бьют — мы растем зверобоем,
хлябь хлебаем — царит краснобай,
сотоварищи подлым разбоем,
китобойной флотилии пай,

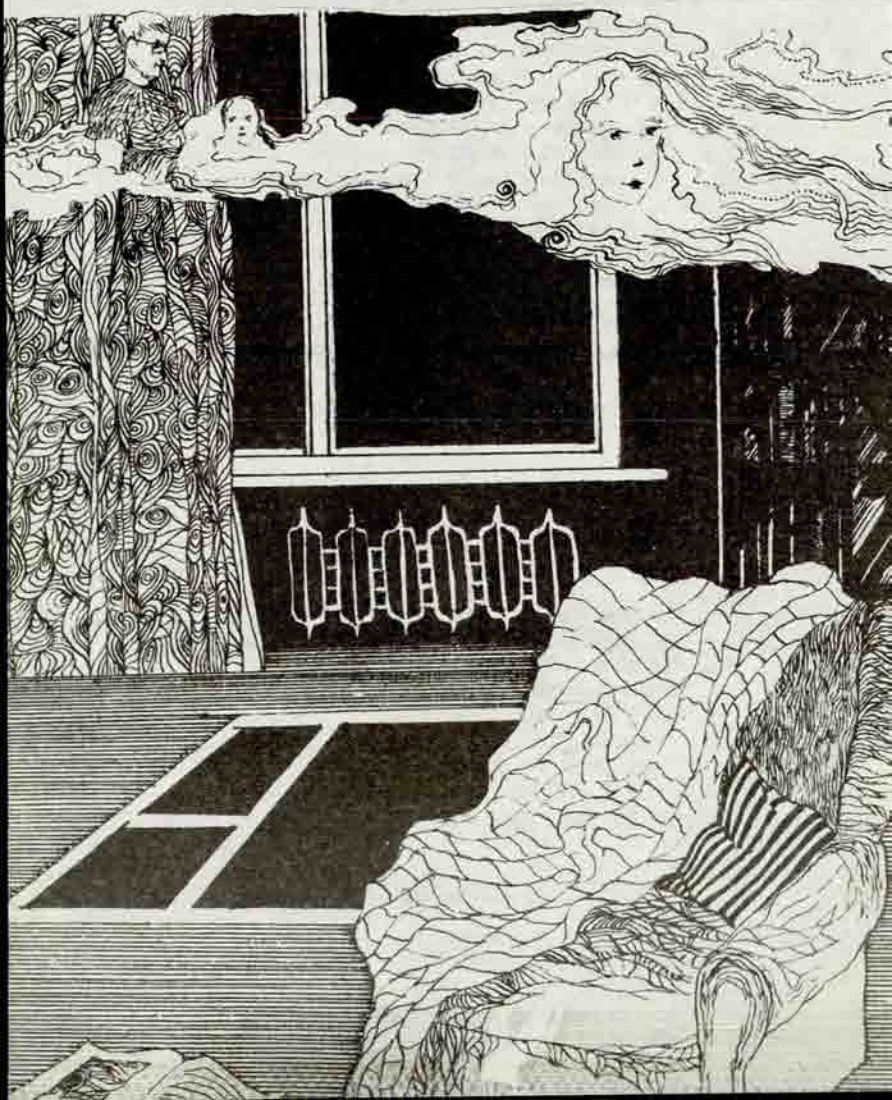
где коробятся грязные буквы,
этикеток пустой этикет,
сколько милые вынесли мук вы,
а без слов содержимого нет,

лишь мычанье голодного стада
и в утробе дробится глагол,
алкоголя огульного чадо,
вой дебила, чей предок монгол,

в чьих раскосых улыбчивых генах
превосходно тылы оголя,
на конях нас увозят как пленных,
и за нами круглится земля.

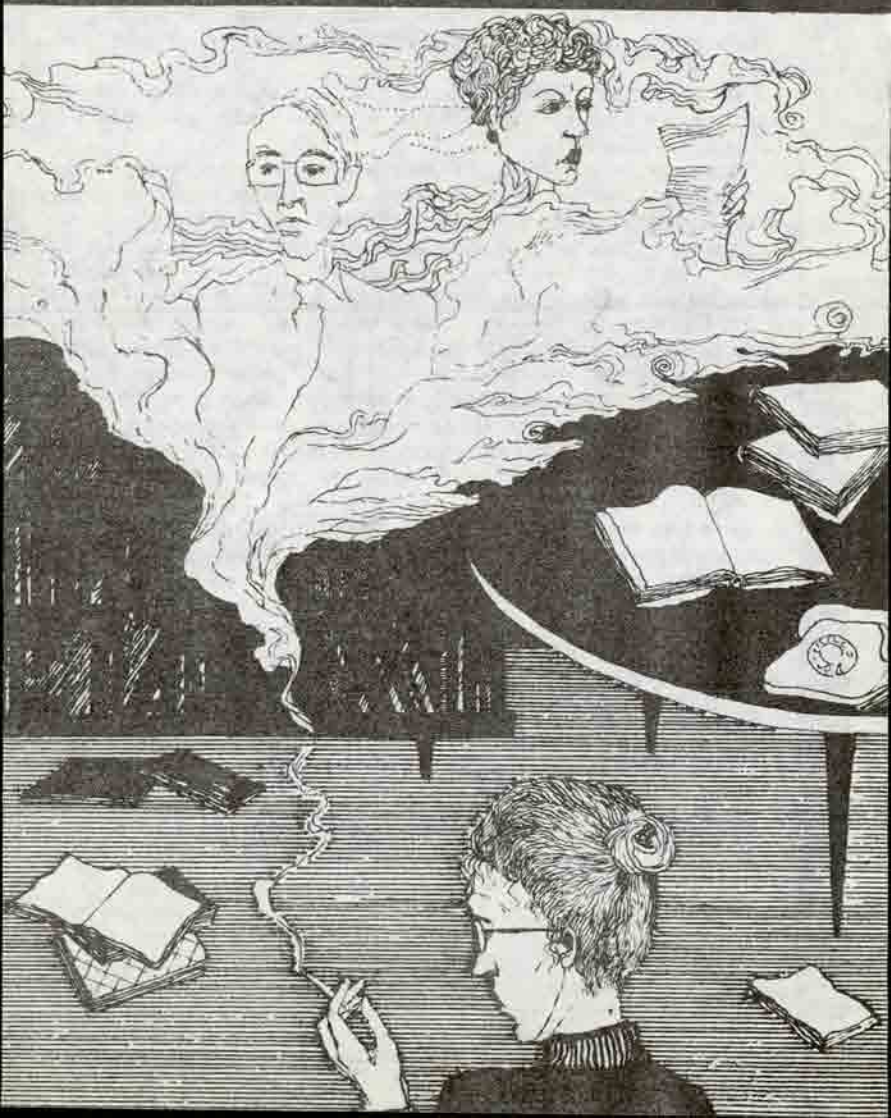
РАДА ПОЛИЩУК

НЕПРОШЕННАЯ

БЛАГОДАРНОСТИ

Рисунок АЛЕКСАНДРЫ ТУРЕЦКОЙ

Агнесса Фирсова, 48-летняя одинокая женщина, филолог по образованию, всю жизнь проработавшая в отделе информации нефтехимического института, человек скорее равнодушный и пассивный, чем злой и мстительный, только что опустила в почтовый ящик анонимное письмо.

И тут же раскаялась в содеянном. Она стояла, словно громом пораженная, глядя на голубой металлический ящик, неприступный, как древняя крепость, и не могла сдвинуться с места. Наспех одетая и обутая, она не замечала тридцатиградусного мороза и полыхала изнутри пожаром запоздалого сожаления.

«Что же делать? Что же делать?» — бормотала она, с трудом шевеля закованенными губами.

И вдруг к ней пришло озарение: «На почту. На почту! Скорее!»

Она побежала к высокой белой башне, над ярко освещенным нижним этажом которой тускло мерцало знакомое: «ПОЧТА ЕЛЕГРАФ ЕЛЕФОН».

Вбежав в пустой в это позднее время зал, она остановилась в нерешительности. Что, собственно, скажет она, как объяснит свою странную просьбу вернуть ей письмо? Она же только что собственноручно, добровольно и в здравом уме отправила его, тщательно надписанное ее крупным угловатым почерком, она даже индекс нарисовала, хотя обычно никогда этого не делала.

Ах, Господи, анонимку — своим почерком, какая дура! Инкогнито анонимщика заранее раскрыто. С таким же успехом она могла подписать это послание. Господи! Что же теперь будет?!

На миг ей представилось, что конверт снова у нее в руках и она рвет его, кромсает, крошит, нет, она сжигает его и раздувает, разметает маленькую горстку черной золы, чтоб и следа не было. Какое облегчение испытала бы она, какое радостное избавление!

Но опущенное в ящик письмо, неподвластное уже ее воле, понеслось по таинственным и невидимым каналам связи неудержимо, как выпущенная из лука стрела.

Агнессе стало дурно. Дурнота волнами поднималась откуда-то изнутри и тошнотворным спазмом подкатывала к горлу. Она присела на стул. Молоденькая девушка-телеграфистка подбежала к ней и испуганно спросила:

— Вам плохо? Случилось что-нибудь? — И, немного помявшись, неуверенно добавила: — Нужно отправить телеграмму?

Этот порыв чистого сострадания замутил Агнессину душу стыдом и отчаянием.

— Ничего, не беспокойтесь, я просто зашла погреться.

И, с трудом поднявшись, заспешила прочь. Прочь, прочь от сочувствия, она его не заслужила!

Ни спать, ни курить, ни даже читать в ту ночь Агнесса не могла.

«Я брошу курить, есть и читать одновременно, как только умру», — отшучивалась она обычно от непрошенных советчиков.

Но вот она еще не умерла, а ее будто уже нет. Стены вокруг —

ее, диван — ее, ее дом, ее крепость. И только страх, парализующий душу страх, — чужой, неведомый. Так должен чувствовать себя зверек, попавший в подброшенный в его нору капкан. Но этот капкан она поставила сама, исковеркав, изломав, расплющив свой покой, свой мирок, привычный и незаменимый.

Как приговоренный к казни успевает в последний миг увидеть всю свою жизнь, так и Агнесса вдруг вспомнила все: былое, далекое и, казалось, забытое и ненужное, и вчерашнее, спокойное и мирное.

И все это было теперь таким недостижимо прекрасным.

Раньше Агнесса всегда считала, что живет достойно. Гордиться ей особенно нечем, это она понимала — никаких добрых дел, выдвинувших бы ее в ранг добротворцев, она не совершала, но и стыдиться ей было нечего. Судите сами.

Отца своего Агнесса не помнила. Он не вернулся с фронта. В самом этом факте не было ничего необычного, у многих тогда отцы не вернулись с фронта. Но те, многие, погибли, а ее отец был жив. Он просто бросил их, уехав в какой-то другой город прямо с войны, не заходя домой.

И мать уехала тоже. Наревевшись вволю, накричавшись до хрипоты, она начала укладывать чемодан, зло шепча бабке:

— Я еще поживу, я свое возьму. Я себе вместо выродка этого, сыночка вашего паршивого, такого мужика найду — закачаешься. Я шесть лет своей жизни на него сгубила без радости и надежды. А он бабу нашел поганую и смылся. Нет уж, дудки, я тоже найду свое счастье — не все мне горе мыкать!

Захлопнув крышку чемодана, приложилась покрашенными губами к мокрой от слез Агнессиной щеке и ушла из дома навсегда.

А бабка молча прижимала к себе икающую от неудержимого плача пятилетнюю Агнессу.

Бабка и учила ее уму-разуму, наставляла, вразумляла, а то и наказывала. Строга была и придирчива не в меру. А отлупила всего однажды.

Странно, как ясно вдруг вспомнила Агнесса, даже запах почувствовала...

Керосинка нещадно коптила. Масло шипело и брызгалось, а котлеты, румяные и пышные, так и просились в рот. На огромной коммунальной кухне не было ни души. Тетя Катя Елифанова, жарившая котлеты для своего многодетного семейства, побежала в комнату разнимать дерущихся сыновей.

И Агнесса не выдержала: обжигаясь до боли, она схватила со сковородки три котлеты и засунула их в карманчик платя. Она бы взяла больше, да некуда было положить.

Забившись в дальнем и темном углу коридора за большущий ничейный сундук, она жадно и быстро, не чувствуя вкуса, сжевала все три котлеты. И долго еще не выходила из своего убежища, слыша, как гордо орет ее ровесник Славка Елифанов:

— Бей, бей, сколько хочешь, не ел я твои котлеты-ы-ы!

— А кто ж их съел? Уж хоть не врал бы, бессовестный! — кричала тетя Катя, нанося очередной, на сей раз незаслуженный, удар ремнем по многострадальной Славкиной попе.

Плачущую Агнессу выволокла из-за сундука бабка и тоже отвела душу, приговаривая:

— Запомни на всю жизнь: на чужой каравай рот не разевай.

Агнесса запомнила. И как пошли с бабкой к тете Кате извиняться, а та гладила Агнессу по головке:

— Не плачь, маленькая, не плачь, деточка. Скушай еще котлетку.

А ей совсем не хотелось. И только чувство непоправимого стыда, сродни сегодняшнему, терзало ее душу.

Нет, сколько ни вспоминает Агнесса, ничего более постыдного с того дня до вчерашнего в ее жизни не было. Она вообще была тихоней, за это и доставалось ей от бабки больше всего.

Маленькая хромоножка Агнесса едва попевала за своей высокой, сухопарой, резвой на ногу бабкой. А та поторапливала:

— Быстрей, быстрей, учись ходить, как люди, не переваливайся! Жалеть не будут — задразнят.

И покоя не было от нее Агнессе.

— Оторвись от книжки! С пеленок очки носишь, — ворчала бабка. — Ослепнешь, что делать станешь?

— Ослепну, тогда и посмотрим, — отгрызалась Агнесса, потому что бабкино ворчанье грубо вырывало ее из того мира, добровольной пленницей которого хотела она быть всегда.

Но бабка хватала ее, волокла за собой, везла на трамвае и отпускала только, когда они оказывались на этом странном, всегда безлюдном пустыре у железнодорожной насыпи за свалкой. Здесь их поджидала черная, пахнущая сыростью земля, расчерченная бабкой на клеточки.

Слегка придерживая Агнессу за руку, бабка заставляла ее прыгать до изнеможения, приговаривая сердито:

— Прыгай, прыгай, дружить с девчонками будешь. «В классики умеешь?» «Умею». А то вырастешь букой и злокой. Одиночество заест.

Бабкиными упрямыми стараниями Агнесса выросла здоровой и выносливой. Ходить могла долго, без усталости, и бегала быстро. Хромоту свою физически не ощущала, только кожей и сердцем под взглядами оценивающими, насмешливыми или жалеющими. И еще мысля о том, что этого могло и не быть — врожденные вывихи тогда уже научились распознавать вовремя и устранять бесследно.

Букой и злокой она не стала, была общительна в меру. Просто больше всего на свете любила читать.

Бабка слегла неожиданно. И сразу как-то осунулась, посерела. А глаза смотрели виновато. Непривычное это выражение больше всего смущало Агнессу.

— Скрутило что-то сильно, — словно оправдываясь, без конца повторяла бабка и прижимала к животу руку с пожелтевшими от табака пальцами. — Пройдет скоро, — утешая то ли Агнессу, то ли себя, добавляла она, для убедительности покачивая головой. — Я чувствую, скоро пройдет.

А в тот день с утра попросила Агнессу позвать подругу свою по старому дому, тетю Катю Епифанову. Они долго о чем-то шепта-

лись, и Агнесса видела, как теть Катя украдкой смахивает слезы.

Бабка уже совсем ничего не ела, глаза ввалились и горячечно блестели. Она подозвала Агнессу и сказала:

— Сядь, внучечка, посиди со мной.

Она погладила Агнессу по руке натруженной своей и крепкой, а теперь совсем почти невесомой рукой. Потом словно спохватилась, заторопилась:

— Ты вот что, внучечка, ты иди... Пойди-ка в аптеку, попроси порошок какой-нибудь от боли. Иди, внучечка, иди.

И Агнесса ушла. Она поняла, что бабка умирает и не хочет, чтоб Агнесса это видела. Она поняла это сразу, как только услышала столь непривычное «внучечка». Словно бабка вынула со дна души и показала ей свою трепетную любовь и нежность к ней, самому дорогому существу на земле.

Отец на похороны бабки не приехал, не смог. Телеграмму прислал. Приехала мать, неуместно шумная, нарядная, слезливая. Все в ней было чуждо и неприятно Агнессе.

Агнесса не отрывала взгляда от бабкиного лица, то ли силясь запомнить его (ни одной фотографии бабкиной у нее не было), то ли пытаясь разгадать то, чего никому разгадать не удалось — что же такое смерть? Куда уходит от нее бабка, бабушка, бабулечка, родная, единственная?!

— Поцелуй бабушку, попрощайся. Не стой как каменная, поплачь, — шептали ей, подталкивая к гробу.

А она не двигалась с места. Вспоминала, как писала под бабкину диктовку: «Дорогая мамочка! (Дорогой папочка!) Я учусь хорошо, окончила пятый (шестой... десятый) класс. Нам с бабушкой ничего не нужно, живем мы хорошо. Чего и вам желаем...»

И слово себе дала — никогда никому не жаловаться, нести самой все, что выпадет на ее долю. И писем родителям больше не писала.

Так и жила. Не навязывалась никому со своим одиночеством, да и сама несколько от него не страдала. И никогда ни о чем не сожалела: ни о том, что ушло, ни о том, чего не было.

«Ах, где мои 18?! Ах, почему мне не 20?!» — восклицали другие женщины. Ей это было чуждо, а лицемерить она не умела. Ничего такого необыкновенного не было у нее ни в 18, ни в 20 лет.

Да, сбылась ее мечта: она поступила на филфак. Все равно большую часть времени она проводила дома на диване, уткнувшись в книгу. На вечера, в компании, просто к девчонкам в общежитие, даже в театр она почти не ходила. Хромоты своей стеснялась, лень было, да и не очень хотелось.

Все это и многое другое она готова была променять на чтение. Ничего более сладостного и упоительного в своей жизни она не знала.

Страсть к чтению дополнилась двумя развившимися и устоявшимися с годами страстями: к курению и к еде. Они и составляли смысл и цель ее жизни.

С фанатическим упорством и азартом настоящего охотника колесила она по городу в поисках любимого лакомства или, поддавшись прихоти, какого-нибудь кулинарного изыска к своему столу. И никакой небрежности в этом серьезнейшем деле, никаких поблажек себе, невзирая на погодные условия, самочувствие и, главное, природную лень.

В остальном же — все иначе. Она годами носила вещи, годами мечтала постричься или сделать ремонт в квартире. Но менялись моды, названия и формы причесок, брюки укорачивались, сужались книзу, расширялись кверху, а она по-прежнему носила допотопные кримпленовые брюки-клеш, закалывала поседевшие волосы в утлый пучочек устаревшими шпильками и старалась не замечать облупившийся потолок и выгоревшие обои.

И не обращала внимания на ехидные взгляды сослуживцев и соседей, надорвавшихся в погоне за спиртным престижем. Ее раздражала их усредненность, стремление во что бы то ни стало, вопреки собственным вкусам и интересам, если таковые, конечно, имелись, носить, читать, смотреть одно и то же, не важно, идет ли, не важно, увлекательно ли, главное — заодно со всеми, как все. Модная кофта, модный роман, модная телепередача — общий круг интересов.

А у нее был свой. И никого она туда не допускала. Были в ее компании старые знакомцы, друзья детства и юности. Были спутники зрелых лет. Были и совсем молодые, узнанные и полюбившиеся недавно. Но ненасытная душа ее жаждала новых увлечений и привязанностей.

В жизни же все наоборот: ни друзей, ни подруг у нее не было. Да и какие подруги могут быть у немолодой, незамужней женщины. Те, что раньше считались подругами, давно опустились на дно житейского моря, обросли, как затонувший корабль ракушками и водорослями, мужьями, детьми, а некоторые уже и внуками. Агнессе было неинтересно с ними, задавленными гнетом прозаических дел и забот. Ей хотелось если уж общения, то возвышенного. Слезливо-умильные воспоминания о юности, о счастливых студенческих годах оставляли ее равнодушной, у нее не было ностальгии по прошлому.

Существовал, правда, еще один, неблагоприятный, предлог ее отторжения от бывших подруг: она не любила детей. Они утомляли и раздражали ее, всякие: неугомонные и строптивые, сопливые и капризные, тихие буки, себе на уме, и любвеобильные, норвежские залезть вам на голову. Так было всегда.

Потому-то, не раздумывая, она и отказалась от предложенной ей работы в одной из лучших московских спецшкол. Но устроиться по специальности ей, конечно, тоже не удалось. Это и вообще было не просто: кому она нужна со своим классическим образованием, античной литературой и мертвыми, хоть и красивыми, языками, при ее же лени и пассивности — подавно. Она долго перебивалась то там, то сям, но о школе ни разу не пожалела. Она до сих пор с содроганием вспоминает, как люто ненавидел их класс, и она вместе со всеми, учительницу русского

языка, немолодую, болезненного вида женщину с лицом измученным и покорным.

Необходимость каждый день ходить на работу Агнессы воспринимала как неизбежность. И никогда не сетовала. И не ныла, как другие, изо дня в день: «До чего же все это надоело» или «Ах, когда же наконец это кончится!» Она вовсе не хотела, чтоб все это поскорее кончилось.

Конечно, ей было обидно, что работа вместе с дорогой на целых одиннадцать часов отрывали ее от главного дела ее жизни. Если бы такое было возможно, она вообще не поднималась бы с продавленного своего дивана. И никогда не покидала бы свою прокуренную малогабаритную однокомнатную квартирку, всю обстановку которой, кроме упомянутого уже дивана, составляли небольшой колченогий бабкин зеркальный гардероб, кухонный столик, три стула и множество разновеликих и разномастных полок, заваленных книгами.

Она никогда не расставляла книги, как это принято в приличных домах, ни по цвету корешков, ни по «росту», ни по тематике. Она складывала их по мере приобретения и перекладывала по прочтении бессистемно, как придется. Но безошибочно находила нужную книгу сразу же, словно экстрасенс, чувствуя ее биополе.

Несмотря на то, что счастлива, по-настоящему счастлива, Агнесса бывала лишь дома, на работу она ходила без всякого отвращения. Читать на работе она себе не позволяла, то есть книги с собой не брала. Настоящее чтение требовало, по ее мнению, особой атмосферы, целомудренной тишины и уединения. По этой причине она также никогда не читала в транспорте.

Но, поскольку жить без печатного слова не могла, она скупала в киосках «Союзпечать», попадавшихся ей по пути, всю прессу, которая туда ежедневно поступала, и, придя на работу, прочитывала ее от корки до корки, попивая крепчайший кофе из поллитровой чашки в горошек и время от времени прерываясь на перекуры.

Так что и на работе она время проводила не без приятности. Тем более что была у нее здесь одна слабость. Именно слабость, а не страсть, так как страстей у нее было всего три. Это вы уже знаете.

Слабостью этой был зав. отделом Яков Романович Соболев, тщедушный, с боязливым голосом и беспумной походкой. Таких, как он, снисходительно-насмешливо называют «хлипкий интеллигент».

Они с Яковым учились вместе в университете. Он был единственным представителем сильного пола на их курсе, потому его знали все. Но был он как бы не одушевленным предметом, а музейным экспонатом. Никто из девчонок даже не думал влюбиться в него: полиглот, круглый отличник, подающий большие надежды. В отличие от многих Яков не тайно, а явно мечтал о блестящей карьере и строил ее на виду у всех, старательно и демонстративно: уже на третьем курсе все знали, что

Яков начал исследовательскую работу, которая станет фундаментом для всех последующих его трудов.

Кстати, Агнесса тоже была круглой отличницей, но тихой отличницей, выходило это у нее как-то само собой, не являясь ни самоцелью, ни рекламой. И никто действительно не замечал этого.

Другое дело Яков. Таким экземпляром нужно было гордиться, сделать его кумиром, образцом для подражания, как положительного литературного героя.

Сам Яков, поглощенный собой и лингвистикой, тоже ни в кого влюблен не был. Само собой разумеется, после успешной защиты диплома его оставили работать на кафедре, где и должно было состояться его блистательное восхождение к непокоренным вершинам науки.

Но тут, неожиданно для всех, Яков женился на дочке директора нефтехимического института, и тесть немедленно устроил его начальником ОНТИ этого института. Видимо, положение и мизерный оклад с прекрасной, но отдаленной перспективой, которые имел Яков на кафедре, не устраивали его новых родственников. И он покорился — любовь, как всем известно, требует жертв.

Перепаало от всех этих перемен в жизни Якова и Агнессе. Случай свел их как-то лицом к лицу в переполненном трамвае и, не имевшая ранее никаких полезных знакомств и связей, Агнесса была по протекции принята на работу.

34 Вскоре от нее же самой об этом узнали все сотрудники отдела, ну и, естественно, молва покатила. Агнессе нравилось ее, несколько привилегированное, положение бывшей однокурсницы начальника, нравилось чуточку фамильярно и интимно называть его по имени и на «ты», меж тем как все остальные величали по отчеству.

Она чувствовала себя обязанной Якову и, чем могла, старалась услужить ему. Поначалу услуги эти лежали исключительно в сфере производственно-общественных отношений: она печатала для него всякие бумаги, приносила ему книги из библиотеки института, расположенной на другой территории, делала за него переводы и даже ходила на овощную базу, если не набиралось требуемое количество единиц. Словом, делала все, чтоб оградить Якова от неприятностей.

Постепенно набор услуг расширился: она покупала ему по утрам сигареты, газеты, заваривала чай или кофе, в зависимости от времени дня и его настроения. Угадывала она это безошибочно, чутьем хорошо вышколенной горничной, и подавала прямо на рабочее место.

Если Яков заболел, она брала в отделе профкоме деньги, полагающиеся на визит к больному, покупала соки и фрукты и навещала его. В рабочее, разумеется, время. Вечера и выходные дни принадлежали ей всецело, она соблюдала это свято, как истово верующий посты.

Жену Якова, Зинаиду, Агнесса несколько раз видела и охотно рассказывала всем желающим, какая она. Ей хотелось, чтоб у сотрудников сложилось впечатление, будто они хорошо знако-

мы. Если ей случалось звонить Якову с работы и к телефону подходила его жена, Агнесса громко, чтоб все слышали, говорила:

— Зинаида, привет, Агнесса беспокоит. Яков дома?

Сотрудники сделали должные выводы и, если говорили при Агнессе о Якове, то не иначе, как: «твой Яков» или «скажи своему Якову». А ей ничего больше и не нужно было, никаких честолюбивых, корыстных или, упаси Бог, личных побуждений у нее не было. Ее вполне устраивала эта роль заочного друга семьи, и она легко и с удовольствием играла ее ежедневно с 9 до 18 часов.

Яков по утрам бывал, как правило, угрюм и подавлен. Агнесса ставила перед ним стакан крепкого чая и спрашивала ворчливо, по-свойски:

— Ну, что там у вас опять?

Яков всякий раз говорил одно и то же: что теща и теща совершенно подавили его, он чувствует себя в их присутствии младенцем ясельного возраста, а поскольку живут они вместе, то из пеленок ему никогда не выкарабкаться. Он опутан, как свивальником, их мировоззрением, их опытом. Он хочет независимости, а Зинаида обожает родителей и слепо верит каждому их слову. Даже детей у них нет потому, что сначала теща считала, что им еще рано заводить детей, а потом как-то сразу, без переходного периода, — что уже поздно. Да к тому же у Зинаиды какая-то мудреная болезнь появилась, и вопрос о ребенке был вообще снят с повестки дня.

— Они отняли у меня любимое дело и ничего не дали взамен! — восклицал Яков, нервно хрустя длинными ломкими пальцами.

Агнесса слушала этот обличающий монолог почти ежедневно и знала, что Яков сейчас успокоится. Тем более что она уже положила перед ним ворох газет с кроссвордами. Разгадывание кроссвордов излечивало его от всех недугов. Это теперь было единственное, что увлекало его, захватывало целиком и полностью, бывшего отличника, надежду курса. Он блистал эрудицией перед самим собой и был счастлив.

Часто Яков просил ее позвонить куда-нибудь в службу быта, телеателье или справочную Аэрофлота.

— У меня нет терпения. Умоляю тебя, дозвонись. А то они скажут, что на меня ни в чем нельзя положиться.

Говоря «умоляю», Яков тем не менее никогда не говорил ей «спасибо». Он вообще довольно быстро усвоил по отношению к ней пренебрежительно-насмешливый тон. Возможно, он таким образом желал возвыситься в глазах подчиненных, которых откровенно побаивался, всех, за исключением Агнессы. Он подозревал всех в каких-то интригах и кознях, в посягательстве на его, Якова, покой и благополучие. Это была его мания, навязчивая идея.

Посмеиваясь над Агнессой, он как бы самоутверждался, и она не мешала ему, ее это несколько не смущало.

Всякий раз, когда Агнесса подходила к его столу, неся чай или

прессу, повторялась одна и та же мизансцена. Яков шумно поводит носом, как служебная собака, которая вот-вот должна взять след, затем махал рукой, отдувался, словно отгоняя дым, и патетически восклицал:

— Нет, Агнесса, ты — не женщина, ты — табачное облако в штанах!

Агнесса привычно, а в душе снисходительно, улыбалась. А Яков поводит глазами по комнате, проверяя реакцию. И если видел, что кто-нибудь обратил внимание на это лицедейство, несмотря на его повседневность, и хихикнул, лицо его расплывалось от удовольствия. Ему оставалось лишь встать и раскланяться, так походил он в этот момент на довольного собой провинциального актера, только что, в который уж раз, с блеском сыгравшего свою коронную сцену в плохонькой пьеске.

Впрочем, так высокопарно Агнесса о Якове никогда не думала. Она вообще не думала о нем.

Дома она обо всем забывала, погружаясь в свой, только ей принадлежащий, книжный мир. И если случалось, что Яков звонил ей домой, она раздражалась и нервничала, потому что он мешал, крадя у нее ее личное время, которое она ни с кем делить не собиралась.

Поэтому глубоко ошибались те, кто считал, что Агнесса влюблена в Якова. А таких было большинство, она это знала. Сами помешанные на любви, они даже допустить не могли, что кто-то прекрасно проживает свою жизнь без нее.

Агнесса не то чтобы ненавидела и презирала мужчин, она просто не замечала их, живых, во плоти. В ее воображении жили, всецело им владея, лишь литературные персонажи. Лишь они одни властвовали над ее чувствами. Она любила их, ненавидела, соперничала им и завидовала, огорчалась, мучилась, испытывала горькое, до слез, до полного опустошения души, разочарование. Она преклонялась перед ними и осуждала, гордо и непримиримо, предавая долготу забвению.

Но время шло, менялись взгляды, переоценивались поступки, и вот уже она извлекает из книжного завала заброшенную когда-то книгу. И, не зная, как иначе искупить свою вину перед отвергнутыми ею героями, кладет ее под подушку и каждый вечер подолгу листает страницу за страницей, испытывая при этом сладостное чувство примирения, искупления. У нее не было личного жизненного опыта, слишком мало довелось увидеть и пережить ей. Так, во всяком случае, считает сама Агнесса. Зато как велик, как богат ее книжный багаж. Какие глубины подсознания, какую изощренность чувств, утонченность ума познала она в своем, закрытом постороннему взгляду, мире. Всю сложнейшую гамму чувств, отпущенных человеку, переживает здесь Агнесса. Во всей полноте и многообразии оттенков. Не каждый может похвастать такой эмоциональной наполненностью. А у нее она есть.

Что же касается Якова, то она, ко всему прочему, со студенческих лет несла в себе табу на любовь к нему. «От любви до Якова, как от Луны до Кракова». Эта незатейливая шуточка, придуманная их однокурсницей полькой Марысей, означавшая, что

Яков и любовь — понятия далекие и несовместимые, заведомо обрекала на провал любую попытку влюбиться в него. Впрочем, никто из однокурсниц, и Агнесса в том числе, даже не предпринимал такую попытку. И все как одна были несказанно удивлены женитьбой Якова, как если бы узнали что-то совершенно невероятное.

Кроме того, любить Якова было абсолютно не за что.

Агнесса, правда, не сразу поняла, что Яков человек ничтожный. Она не может теперь точно припомнить, когда, в какой именно момент, всегда облаченный в яркие, помпезные одежды былой незаурядности, он вдруг предстал перед ней голым. И оказался прост и однозначен: самовлюбленный, болезненно тщеславный и пустой.

Он был среднего роста, лысый, с лицом невыразительным и бледным. И не было в этой бледности ничего романтического, все от нездорового образа жизни и вечной неудовлетворенности. Лицо это имело две маски, два выражения: брезгливого, капризного недовольства и ничем не прикрытого радостного самолюбования.

К тому же Яков был стопроцентный бездельник. А поскольку рыба, как известно, гухнет с головы, то и весь якобы руководимый им отдел работал нехотя, с ленцой. Эта всепоглощающая лень поразила в конце концов всех, даже самых устойчивых и неподдающихся.

При всем при том Яков хотел нравиться, жаждал успеха, популярности, все равно какой — лишь бы быть на виду.

Он все время жил в ожидании. Ничего не предпринимая, ничего абсолютно не делая, он пребывал в уверенности, что все его корыстолюбивые мечты сбудутся. Он твердо знал, что в один, как водится, прекрасный день кто-нибудь добренький сжалится над ним и преподнесет ему на блюде сложнй десерт-ассорти, в котором будет все, о чем долгие годы грезил его душа: «На, Яшенька, кушай». И он съест. Не благодаря, не спрашивая: «Зачем так много?» И не скромничая: «Мне одному не осилить».

Словом, Яков заслуживал презрения. Но Агнесса не презирала его.

Они проработали вместе почти четверть века. Их отношения были ее средой обитания, которую не выбирают, к которой, тысячелетиями эволюционируя, приспособливаются. И Агнесса приспособилась: однообразно, неинтересно, зато безмятежно. И никаких сюрпризов: не происходит ничего хорошего, но и неприятности отсутствуют. Это было для нее главное — стабильность и покой.

И вдруг все изменилось. Словно космическая буря пронеслась и стихла, как не бывало. И все вроде осталось прежним: столы и стены, и картинки на стенах, и папки с рефератами и переводами на полках. И люди обличьем тоже напоминали прежних. Но все наполнилось каким-то иным смыслом, новой жизнью. И Агнесса неожиданно оказалась на задворках этой жизни. Сразу и навсегда.

Центром этой новой жизни стало юное существо, материальный след исчезнувшей бури: новая переводчица с французского

Лелечка, с непристойно торчащим бюстом и лениво вихляющими бедрами, плотно, как лайковой перчаткой, обтянутыми черными кожаными брюками.

Когда Лелечка появилась в отделе, Агнесса была больна. Такое случилось с ней впервые. Закаленная бабкой, она успешно противостояла всем вирусам и болезнетворным микробам. А тут неожиданно занемогла: поясницу скрутило — ни согнуться, ни выпрямиться. Десять дней пролежала она на диване с книгой, принимая по часам прописанное врачом лекарство. Осознав себя полноправным членом профсоюза, она вышла на работу, как всегда, спокойная и умиротворенная.

Тут и обрушились на нее все новости сразу. Ее теплое и светлое, лучшее в комнате (возле батареи и у окна), насиженное и обжитое местечко оказалось занято. Имущество ее было небрежно свалено на бесхозном столе в пыльном и темном углу за шкафом. Она не сразу поняла, что этот угол — ее высылки, что отныне здесь предстоит отсиживать ей долгие и одинокие часы, всеми забытой, никому не интересной.

На ее месте, ярко освещенная солнцем, как лучом прожектора, специально направленным на нее, красовалась, как майская роза, Лелечка. Она весело щебетала, сверкая васильковыми глазками и перламутровыми зубками, хлопая тяжелыми от туши опухшими ресниц.

Увидев лицо Якова, Агнесса впервые поняла, что это такое — «пожирать глазами». Он плотоядно и жадно глядел на Лелечку и, казалось, вот-вот лопнет от безудержного желания вкусить этот райский плод. Он весь подался вперед, неловко согнувшись над столом, неестественно вытянув шею и выпятив губы, словно стремясь дотянуться, прикоснуться к ней. Так тянется к спасительным каплям дождя немощный росток, погибающий от жажды в скудной, пересохшей почве.

Первое время Агнесса, запрятав обиду, пыталась восстановить нарушенное Лелечкой экологическое равновесие окружающей среды.

Смирненно обосновавшись за шкафом, она все же с гордым упрямством стремилась сохранить свой статус первой придворной дамы, подруги и наперсницы.

Но не тут-то было. Ее даже не отстраняли, не отвергали — ее просто не замечали. Как если бы ее никогда и не было. Весь тот набор услуг и дел, вершительницей которых в отделе испокон века была она, вдруг оказался никому не нужен. И вместе с этим пропал всякий интерес к ее персоне.

Поначалу ее еще жалели: «Да, Агнесса, эта Лелечка в мгновение ока изжила тебя как класс. Кто бы мог подумать!» Или припоминали старое: «Твой Яков, Агнесса, совсем голову потерял..»

Потом и это забылось. Все умы занимала эта такая неожиданная и странная, нахально выставленная напоказ, дразнящая всех, погрязших в повседневной серости, любовь. Это была самая сенсационная сплетня последних лет. Из уст в уста, обрастая, как всякая легенда, вымышленными, но очень красочными подробностями, передавалась история, складывающаяся из слу-

чайно подслушанного, неожиданно подсмотренного, нечаянно придуманного.

В этой невыносимой атмосфере всеобщего оживления Агнесса все больше чахла и увядала. Она металась, как рыба в отравленном водоеме. Не желая погибать, она упорно искала выход. Но не находила. От нее абсолютно ничего не зависело, все ее усилия были тщетными.

С тяжелым сердцем и дурной головой после мучительной бессонной ночи брела она понуро знакомым путем на работу, как кандалами опутанная тоской и отчаянием.

И вот однажды Яков ни с того ни с сего попросил ее позвонить в меховое ателье, узнать что-то про Зинаиду шубу. Он говорил что-то обычное про то, что они, как всегда, используют его как мальчика на побегушках, на подхвате, а он меж тем самостоятельный и взрослый человек со своим кругом дел и интересов и пр. и пр. Он говорил, а лицо его светилось неподходящим к тексту счастливым сиянием.

И тут ее словно прорвало. Зинаида, Лелечка, шуба! Владея всем, он отнял у нее то немного, что у нее было. Походя, небрежно растоптал ее и еще смеет обращаться с подобными просьбами.

— Я тебе не прислуга! — не помня себя от ярости, закричала она. — Лелечку свою попроси, она больше ни на что не способна... А ко мне не смей обращаться! Не смей!

На лице Якова появилось одно из самых отвратительных выражений мстительной злобы. Он прошипел:

— Заткнись, истеричка! Ты еще пожалеешь об этом.

И Агнесса поняла, что погубила себя. Яков никогда не простит ей этого выпада. Она знала, что его изошренная и вдохновенная мстительность не знает границ. Тут он — ас, корифей, непобедимый мастер.

И она решила нанести удар первой. Решение ее было непоколебимо. К ней даже вернулось утраченное за последнее время самообладание, в голове просветлело, сердце билось ровно и спокойно.

Письмо она писала хладнокровно и бесстрастно. Стиль она не выбирала, он сложился сам собой. Она лишь была удивлена, что в каких-то запасниках ее сознания хранилось такое пестрое разнообразие бранных, грязных и пошлых слов.

Единым духом написав сие послание, она, наспех одевшись, сбегала вниз к почтовому ящику. Ей не терпелось поскорее запустить машину своего возмездия, чтоб заработали ее жернова, сокрушая и разбивая в пыль выстроенные Яковым воздушные замки.

У нее подкосились ноги, она едва устояла под ударом волны цепящего ужаса, захлестнувшей ее с головы до ног. Только что своими руками она исключила себя из разряда нормальных приличных людей. Они живут, не теша свою совесть делами великими, но и не тревожа ее никакими низостями. Теперь же она оказалась в одном ряду с мелкими, подлыми людишками,

подобно навозным червям вползающими в душу, неся с собой смрад и разложение.

И все это ради ничтожного и призрачного удовлетворения. И главное — ничего нельзя повернуть вспять. И не спасти уже свое доброе имя. Оно непоправимо пропало, как те три съеденные котлеты. Извиняйся не извиняйся.

Телефонный звонок, раздавшийся в воскресенье вечером, вывел Агнессу из состояния долгого оцепенения, похожего на летаргический сон. Она только что вывернула наизнанку душу, перекопав день за днем всю жизнь свою в поисках истины. Или хотя бы оправдания. Но не нашла ни того, ни другого.

Звонил Яков. Голос его возбужденно звенел, дрожа и срываясь. Почти захлебываясь словами, он кричал в трубку:

— Агнесса, ты спасла мне жизнь! Ты освободила меня из темницы! Я так ждал, что кто-нибудь это сделает, только не думал, что ты... Если б не твое письмо, Агнесса, ты слышишь меня? Если б не твое письмо, я никогда бы не решился порвать с ними и всю жизнь прожил бы в кабале. Ты почему молчишь, Агнесса? Я так благодарен тебе! Я теперь начну новую жизнь с Лелечкой... Агнесса, спасибо тебе! Ты почему молчишь, Агнесса? Я никогда не забуду...

Гудки в телефонной трубке и гулкие удары сердца...

Как люто ненавидела она его с его ненужной и такой неуместной благодарностью.

Не благодарности, а искупления желала она.

На следующий день на работе стало известно, что Якова ночью увезли в больницу с инфарктом.

Все были ошарашены новостью, судачили, сплетничали, думали, что бы сделать, как помочь, предлагали установить дежурство в больнице, узнать, не нужны ли дефицитные лекарства.

И только Лелечка сидела отсутствующая, спокойная и, высунув кончик языка, похожий на лепесток розы, старательно рисовала что-то в блокнотике. Было видно, что она потеряла всякий интерес к Якову. Что теперь с него возьмешь? И когда к ней обратились с каким-то вопросом, она равнодушно пожала плечиком: «Да мне безразлично, я все равно скоро уйду от вас». И продолжала рисовать.

Тогда выступила вперед Агнесса. Она взяла бразды правления в свои руки и к полудню позвонила Якову домой:

— Зинаида, привет,— пересилив спазм в горле, как можно тверже сказала она.— Агнесса беспокоит. Мы тут посоветовались и решили...

ТУРЦИЯ- СВОТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ ?

Михаилу Кобищанову 28 лет. Кандидат экономических наук. Генеральный директор недавно созданной товарно-фондовой биржи «Русская палата», руководитель товарищества «Биржевые исследования». В его подчинении около семидесяти сотрудников. Читает лекции и ведет семинары

в Московском международном университете, где учатся выпускники ВГИМО и других элитарных вузов (они, кстати, признали М. К. — проводился опрос — лучшим преподавателем). Свободно владеет английским, французским и итальянским языками.

— Знаю, что ты, Михаил, окончил МИНХ имени Плеханова — традиционно престижный в годы застоя вуз. Однако, честно говоря, не очень похоже, чтобы тебя интересовали торговые блага, которые давал своим выпускникам этот институт...

— Ты прав: меня не вырезка интересовала, а наука. Я выбрал «Плешку» во многом потому, что в этом институте в отличие от экономического факультета МГУ читали не только политэкономии социализма, но и товароведение, бухгалтерский учет, экономику торговли... Поскольку требования были довольно низки, институт я закончил без единой четверки. Между прочим, в течение двух лет у нас читал лекции и вел семинар Руслан Имранович Хасбулатов. У меня с ним были прекрасные отношения, которыми я, кстати, ни разу после вуза не воспользовался. На общем фоне он был достаточно подготовлен, но поскольку постоянно боролся за власть в институте, то как бы в знак протеста лекции читал так: открывал учебник политэкономии Румянцева и зачитывал все подряд — сколько успеет до звонка. Не потому, повторяюсь, что слабо знал эту науку, а, похоже, кому-то назло. А вот на семинарах у него было интересно. Они начинались в восемь утра по понедельникам, и народу всегда приходило много. Руслан Имранович выпивал чашечку кофе, закуривал неизменную трубку и говорил мне: «Ну, Миш, давай», — и я «давал», а он слушал, попыхивая, и взгляд его задумчиво бродил по аудитории, особенно часто останавливаясь на блондинках...

Хорошо, что в «Плешке» учились четыре года, и, так как я закончил школу в шестнадцать,

в двадцать уже был самостоятельным. А идея свободы всегда была для меня очень важна. Именно она подвигла к тому, что в прошлом году я ушел из академического института в предпринимательство...

— Странный ход... Мне всегда казалось, что наука и бизнес бесконечно далеки друг от друга. И наука неизмеримо «чище», нравственнее... Как вообще, на твой взгляд, сочетаются ум, порядочность — и делание денег?

— В Америке есть поговорка: если ты умный, то почему ты не богатый? У нас она никак не применима. В этом, кстати, одно из больших отличий шахмат (люблю эту игру, сам перворазрядник) от отечественного бизнеса. В шахматах трудно добиться больших успехов, если ты неумный человек. В этой игре, конечно, можно достичь каких-то вершин, если даже ты человек ограниченный. Пример: Капабланка. А в бизнесе по-другому. Тем более в бизнесе отечественном. Отличаются эти две увлекательные игры и тем, что шахматные правила объявлены еще до начала состязания, одинаковы для всех и не меняются в ходе поединка. В нашем бизнесе все наоборот...

— Ты не раз говорил мне: «Бизнесменом себя не считаю...» Так кто же вы, господин Кобищанов?

— Я не предприниматель-собственник, а скорее менеджер. Занимаюсь управлением. Работаю на организованных товарных рынках — биржах, в инвестиционных фондах. Фактически от собственности отлучен. Моя задача: наиболее эффективно использовать чужой капитал. Я не собственными деньгами рискую. Имею обязательства не перед самим собой (что мне морально, наверное,

было бы легче), а перед другими людьми.

И еще. Все-таки по своему характеру и самооценке я не склонен считать себя бизнесменом.

Есть вещи, которые для меня важнее. Люблю учиться и учить. Хочу заниматься наукой.

— Но заработок старшего научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений несопоставим с окладом генерального директора биржи...

— Уверяю тебя, я перешел на новое поприще вовсе не для того, чтоб максимизировать свои доходы.

Для меня важна определенная независимость: в жизни, творчестве, личных отношениях. Раньше мне казалось, что свободу и самореализацию наиболее оптимально сочетает наука. Я и теперь, отдавая много времени бизнесу, не чужаюсь научной работы. Принимал и принимаю участие в разработке новых российских законов, готовлю аналитические материалы. Но со временем понял: академической свободы в западном ее понимании у нас просто нет. И даже после того, как на научную среду перестали давить партийные и государственные структуры, все равно сохранилась (а порой даже увеличилась) личная зависимость от руководителя. Меня всегда чрезвычайно раздражало, что приходится заниматься не тем, что необходимо, а обслуживать карьерные интересы начальника...

— Почему же ты стал именно биржевиком?

— Организованными товарными рынками, доморощенными и настоящими, мне довелось заниматься как ученому. 1991 год был временем такого биржевого бума, которого не знала история миро-

вой экономики. На отечественных биржах сколачивались огромные состояния. За воздух — в буквальном смысле! — то есть за биржевые места, за право посещения торгового зала платили миллионы. Цены на биржах превышали государственные порой в десятки раз. Основным умением брокеров было «выдернуть» из распределительной системы товар и продать его по свободной цене. Организаций, именующих себя биржами, насчитывалось в Союзе свыше пятисот — больше, чем во всем остальном мире, и в 50 раз (!) более, чем в США. Однако торговали на них реальным товаром (от книг до пуховиков), в то время как на цивилизованных биржах продают и покупают фьючерсные контракты на узкий круг традиционно биржевых товаров.

Когда мы (я был одним из авторов) готовили российский Закон о биржах (его принял наш парламент в феврале 1992 года), шло сильнейшее давление со стороны крупных бизнесменов, утверждавших, что в рамках закона работать будет невозможно. И меня охватило, быть может, чисто мальчишеское желание создать в России настоящую цивилизованную биржу, которая работала бы законно и брокерам которой было бы недостаточно знания только четырех правил арифметики, а надо было бы серьезно шевелить мозговой извилиной. К счастью, на путь цивилизованности встанут и другие крупные биржи — такие, как Российская товарно-сырьевая, Московская и Свердловская товарные... И мы тоже будем торговать фьючерсными и форвардными контрактами, заключать сделки на традиционно биржевые товары: цветные и черные металлы, сельскохозяйственную продукцию...

— Неужели вот так, по желанию старшего научного сотрудни-

ка, можно создать целую биржу?

— Конечно, в одиночку такое никому не по силам. Пришлось «включить» все свои связи, нарабатанные за те восемь лет, что я был ученым. В итоге учредителями «Русской палаты» стали Российский союз промышленников и предпринимателей, возглавляемый Аркадием Вольским, Российская ассоциация новых хозяйственных форм и социальных инициатив, Ассоциация областей и городов Центрального района России, госпредприятие Центральный телеграф, корпорация «Теледиск холдинг», имеющая обширную торговую сеть за рубежом, а также другие организации.

Повлияло на мое решение стать биржевиком-практиком и то, о чем нынче предпочитают не говорить и даже не задумываться: насколько полезно людям дело, которым ты занимаешься. Наша «Русская палата» начинает работу не одна, а в системе Евроазиатских опционно-фьючерсных бирж. Биржи, находящиеся во всех часовых поясах России, будут торговать в системе единых электронных биржевых торгов в режиме реального времени. С бирж, находящихся в Москве, товары будут реализовываться, например, в Новосибирске, а калининградские, скажем, изделия — продаваться в Москве. Что это даст людям? В стране огромный дефицит всего, главным образом продовольствия. Это с одной стороны. С другой — невыносимое количество товаров бездарно теряется, попросту сгнивает. Мы втянем как можно больше товаров в систему бирж. Тогда, чтобы купить, к примеру, в Белгороде сахар, не нужно будет ездить на тамошнюю биржу «Урожай». Брокеры в Тольятти или Москве через систему электронной торговли смогут в своих же городах его

приобрести. Ведь один из самых больших наших дефицитов — дефицит информации. Никто не знает, где находятся товары и сколько они стоят... Я считаю, что делаю полезное дело.

— Право, послушаешь тебя (да порой и других деятелей нового бизнеса) и подумается: да они мессии, явившиеся спасти Россию...

— Я знаком со многими российскими бизнесменами: руководителями всех бирж, большинства крупных банков и торговых домов. Все они (мы!) разные. Ведь они не прилетели к нам на НЛО. Они сформировались здесь, в нашей стране. И капиталы их тоже сформировались в этой стране, во вполне определенных условиях. Поэтому никакой идеализации этих людей быть не должно. Многие из них балансируют на грани законного и незаконного и очень часто ее переступают. Капитал многих стал следствием отмывания денег. Но! К сожалению, ничего другого, учитывая нашу историю, быть и не могло.

Нравы царят жестокие. «Честное купеческое слово» забыто. Девять соглашений из десяти не выполняются. Подписываются договора, ставятся печати, даются обещания — клятвенные! — и нарушаются... Еще в мае прошлого года один из членов нашей биржи дал гарантийное письмо, что внесет в уставный фонд «Русской палаты» сорок четыре тысячи долларов. Более того, у меня есть копия его приказа в бухгалтерию оплатить эту сумму. Но воз и ныне там... Каждую неделю мы с ним беседуем. Он клянется собственной матерью, своим здоровьем, что перечислит деньги на следующей неделе, и это продолжается уже восемь месяцев...

Из общего числа я бы к безого-

ворочно честным и умным бизнесменам отнес процентов двадцать. Но дальше развивать эту тему не буду. Кто дал мне право судить? Почему я, такой же человек, как они, буду расставлять оценки?

Меня беспокоит и огорчает, что ничего не делается для изменения ситуации в стране... Печально, что напрочь отсутствует какая-либо национальная идея. Ее нет. Когда для грандиозной страны, большой страны, лучшая часть генофонда которой была уничтожена, но все-таки великой державы, в качестве светлого будущего предлагается Турция с дешевыми кожанами куртками и джинсами?! Это же трагедия!

...Наше правительство, вместо того чтобы цивилизовать рынок, проводит такую налоговую и финансовую политику, которая толкает либо на криминальные действия, либо на перевод своих средств за границу. Я уверен: никто не может вести сейчас бизнес в России, не нарушая законодательства — настолько оно противоречиво и неумно.

Новые предприниматели — большей частью та номенклатура, которая правила страной в прошлом. Правда, произошло перераспределение между различными ее эшелонами. Ряд преуспевающих ныне бирж и банков сформированы целиком из комсомольских функционеров. При нормальном развитии событий эти люди не вышли бы сейчас на авансцену. Для этого им потребовалось бы несколько десятилетий.

С номенклатурой тесно переплелись уголовные и полууголовные элементы, которые благодаря развалу хозяйственных связей и действиям правительства получили возможность открыто использовать и приумножать свои нечестно нажитые капиталы...

Велико общее падение нравов...

Я проводил семинар совместно с английской компанией «Бритиш рисерч ассошиэйтс», и одна из наших «новых деловых газет» после первого дня дала абсолютно неадекватную информацию. Когда я выловил ее автора, припер к стенке и сказал: «Что ж ты, сукин сын, делаешь?» — то этот мальчик, только с институтской скамьи, спокойно ответил: «А мы знаем, что пишем неправду, подавай в суд, у нас все там свхвачено...» Когда эти молокососы приходят уже с такими взглядами... Когда большая часть умных людей собирается уехать из страны... Когда для многих девчонок супермечта стать валютной проституткой — вот это страшно...

— Бог ты мой, сколько отталкивающего, возмутительного в этой новой России, на которую мы все надеялись... Неужели уже не существует хотя бы законов, по которым — для начала — вычистили бы из руководства чиновников-взяточников?

— Многие возмущаются. И я возмущаюсь. Что, госбезопасность и милиция не видят, что происходит? Что, не читают зарубежных справочников по Москве, где написано не только, в какой комнате сидит тот или иной чиновник, но и сколько он берет? Что, не знают, какие взятки получают иные депутаты? Все это делается открыто и цинично. Но! Возмущаясь вместе со всеми, я понимаю, что, посадив в камеру Ивана Ивановича, а в его кресло — Петра Петровича, ничего не изменишь. Просто придет новый голодный чиновник, который пока не наестся, не успокоится. А может, он никогда не наестся. И никогда не успокоится. И не поможет серия показательных процессов. Будут брать осторожнее и больше. Увеличится размер взятки — за риск...

— Приблизимся, Михаил, к конкретной экономической ситуации. Например, сейчас, в феврале, когда мы беседуем, и в июне, когда выйдет номер, всех интересует и будет волновать: куда вложить ваучер?

— Нам всем надо для начала понять: ваучеризация ничего в нашей жизни и социальном статусе не изменила. Это кампания прежде всего политическая. Единственное, что Госкомимущества России сумел сделать, — раздать приватизационные чеки и потихоньку подготовить некоторые предприятия к акционированию. Информацию для населения комитет наладить не смог, равно как и подготовку кадров, но при всех недостатках ведомство Чубайса хоть что-то пыталось сделать. Но, повторюсь, приватизация пока чисто политический акт, направленный на то, чтобы повысить доверие населения к властям. И сама судьба их, властей, зависит от того, провалится эта кампания или нет...

И все же вложить надежно, разумно, прибыльно свой ваучер не помешает. Я бы всем посоветовал поменять приватизационные чеки на акции инвестиционных фондов. Петербургская история, когда ваучеры «подарили» мошенникам, должна бы вкладчиков научить: надо иметь дело только с теми фондами, которые получили соответствующую лицензию Госкомимущества; хорошо бы также выяснить каким-то путем квалификацию специалистов, работающих в выбранном фонде. Я вложил пятьдесят ваучеров в свой фонд. И лицензия Госкомимущества, и квалифицированные сотрудники у нас есть.

— А когда же прекратится инфляция? Сколько можно: каждый день цены все выше и выше...

— Да, инфляция высока, но неизбежна ли она? Я очень доброжелательно относился к команде Гайдара, но неверно было бы думать, что за высокую инфляцию несут ответственность плохие Центральный банк и парламент, а хорошее правительство ни при чем. Нет, большая часть кредитной эмиссии организована самим Гайдаром. Как только усилилось давление на них и перед правительством встала угроза отставки (несмотря на все заверения, что они «команда камикадзе» и ухода из Кремля не боятся), Гайдар тут же дал многим предприятиям огромные кредиты и налоговые льготы, чтобы остаться на плаву, не потерять кресло...

Чем хуже дела в экономике, чем ниже уровень жизни, тем сильнее давление, лоббирование разных общественных групп на руководство страны. И проще всего сейчас же удовлетворить все требования — и этим еще более ухудшить положение.

Инфляцию можно подавить. Но при этом придется свертывать социальные программы. Для этого необходимо согласие общества. Чтобы оно поняло, что станет много легче, если пойти на жесткую политику в течение нескольких месяцев, нежели мучиться еще годы. За три-четыре месяца можно реализовать разумную дефляционную политику, и инфляция снизится до 15—20 процентов в год. А не 40—50 процентов в месяц, как это было в январе...

Кто-то воскликнет: правительство не знает, как сдержать инфляцию, а нашелся умный Кобищанов — знает!.. И правительство знает, там немало грамотных экономистов, в том числе великолепный специалист вице-премьер Бо-

рис Федоров, понимают многие другие ученые, но для того, чтобы ограничить инфляцию, нужны не знания, а воля. Волевое усилие, которого не хватает ни Президенту, ни правительству. Слишком многие на них дают.

— А что ты скажешь о заочном споре, который произошел на страницах «Смены»: доктор экономических наук Анатолий Дерябин в первом номере за этот год утверждал, что сумасшедший курс доллара к рублю объясняется сговором наших крупных банков. А в пятом номере заместитель председателя правления Инкомбанка Алексей Кузнецов возражает Дерябину, утверждая, что банки к этому абсолютно не причастны.

— Конечно же, прав Дерябин. Еще год назад тот курс доллара, который будет на завтрашних торгах, определялся вечером перед торгами за столом на даче пятью-шестью банкирами. И если бы им очень захотелось, они могли сделать так, что за один рубль давали бы сто долларов. Сейчас ситуация более размыта, но возможность крупнейших российских банков манипулировать курсом, договариваться очень высока. И до сих пор одна из самых выгодных коммерческих операций в России — игра на разнице курсов.

— Понимаю, что для тебя, ученого-экономиста и практика-биржевика, гадание на кофейной гуще не дело... А аргументированно предсказать экономическое положение общества хотя бы на три-четыре месяца вперед сейчас весьма сложно. И все же, все же... К примеру, недавно по ТВ прошла информация: идет резкое сокращение числа бирж...

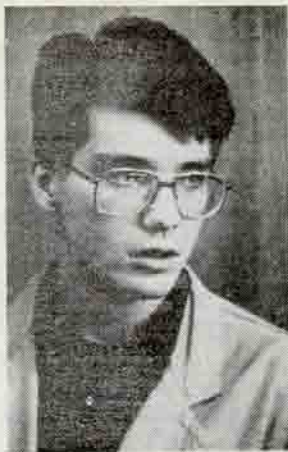
— Это закономерно. К лету, ду-

маю, бирж будет вдвое меньше. Но возрастет число фьючерсных контрактов. Рубль по отношению к доллару упадет еще больше. Инвестиции в производство вряд ли резко возрастут. Но краха, всеобщего раздвоя не предвижу. Мы все-таки уникальный в смысле выживаемости народ — приспособимся...

— Теперь, став биржевиком, ты наверно, едешь на иномарке...

— У меня «Москвич», который большей частью стоит в гараже. А езжу я на метро. Там читать можно...

**Беседу вел
СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ.**

ИЛЬЯ МАШАРОВ

Без малого полтора года назад при нашем журнале начал свою работу Клуб предпринимателей. Он оказался полезным его членам: с помощью Клуба они завязывали неформальные связи, получали юридические консультации, взаимно делились информацией...

На одном из заседаний было решено, что быть нужными только друг другу — мало. И тогда президент московского АО «Созидатель» Олег Ахмалетдинов предложил учредить при Клубе и журнале «Смена» фонд, из которого выплачивались бы стипендии лучшим студентам московских вузов. Тут же определили, студентам

“СТИПЕНДИИ”

Михаил Синайский представлен Московским институтом культуры. Как он сам думает, за что? — спросил я его первым делом, когда он пришел в редакцию.

Михаил пожал плечами.

— Вряд ли потому, что в зачетке у меня одни пятерки. Наверное, за то, что вместе со своим руководителем профессором Кашинцевым всерьез занят проблемой реституции — возвращения культурных ценностей, которые были вывезены фашистами в годы Великой Отечественной войны из СССР, а нами, в свою очередь, из поверженной Германии. Недавно было подписано межправительственное соглашение между Россией и ФРГ, согласно которому все должно быть возвращено на свои места.

— Так в чем проблема-то? Подписано — давайте возвращать...

— Однако многие немецкие деятели утверждают почти официально: мы, мол, не вывезли прак-

тически ничего. Мы стараемся доказать обратное и уже можем почти достоверно сказать: из СССР похищены даже первопечатные книги XVI и XVII веков... С тем же, что оприходовано советской стороной, другая проблема: известно, что вывезено, вплоть до номеров накладных, но вот где это находится сейчас...

Вот и приходится, рассказал дальше Михаил, рыться в архивах. Искать следы и наших ценностей, и немецких. В государственные архивы Синайского и его руководителя почему-то пускают с большой неохотой, но от этой работы Михаил, по его словам, «получает истинный кайф». «Когда случайно трогаешь бумагу за подписью Молотова или, скажем, высокое решение о том, что надо рассыпать набор книги Есенина или Пастернака, охватывает пронзительное чувство истории».

«Библиограф, — продолжает

каких институтов будут направлены эти выплаты: будущим медикам и работникам сферы культуры. Потому что эти отрасли оказались сегодня в самом, пожалуй, бедственном положении, а гуманитарный характер медицины и культуры как нельзя лучше соответствует духу самого журнала. Но где взять деньги на стипендии? Олег Ахмалетдинов обещал, что перечислит в фонд 120 тысяч рублей. И слово свое сдержал.

Таким образом, один студент-медик и один будущий работник культуры стали обладателями стипендий по 5 тысяч рублей ежемесячно.

МИХАИЛ СИНАЙСКИЙ

ОШАТ-93"

Синайский, — должен, по идее, получать очень много. Потому что он помогает ученым отыскивать самое ценное, что им необходимо, — информацию по их проблеме».

Однако в действительности денег у библиографов и архивистов не густо. Синайский как отличник получает стипендию 1789 рублей. Но, несмотря на это, собирается после института идти в аспирантуру...

Что еще? Уже полгода женат на сокурснице, любит играть на пианино (классику), а слушать — «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Машину времени» и Б. Г. Еще Высоцкого и Вертинского. Любимые писатели — Достоевский, Розанов. Естественно, Пушкин и Булгаков. На сон грядущий читает фантастику. Смотреть любит Райкина в «Саатириконе», Таганку, Тарковского и «XX век» Бертолуччи. Шесть часов простоял в очереди, когда привозили картины Дали. Попал... До же-

нитьбы ходил на дискотеки, хорошо танцует, сейчас предпочитает вечеринки в складчину со своими друзьями...

Второй стипендиат — двадцатидвухлетний пятикурсник Государственной медицинской академии имени Н. И. Пирогова **Илья Кашпаров**.

— В детстве, лет с восьми, у меня было два серьезных увлечения — биология и астрономия. А к восьмому классу я твердо решил: буду поступать на медико-биологический факультет. Моя будущая специальность — биофизика. Занимаюсь вопросами структурно-функциональной организации белка. Это огромная теоретическая и прикладная проблема: понять, как белок, основа всего живого, выполняет свои многообразные функции.

Задача нашей научной группы, конечно, более узкая: «расшифровать» по мере сил работу одного из

белков — ренина. Он участвует в регуляции кровяного давления человека. А если учесть, что гипертонию называют невидимым убийцей, то, научившись управлять этими процессами, можно было бы облегчить жизнь миллионам людей.

Несмотря на то, что занимаюсь очень земной темой, я верующий человек. И хотя признаю и протестанство, и католицизм, истинной Верой полагаю Православие. Стараюсь держать пост, бывать в церкви, однако считаю, что ни в чем, как говорил Толстой, нельзя быть «излишне подробным»: можно, например, и постным объесться так, что впадешь в грех чревоугодия; а можно удовлетвориться кусочком скоромного...

У меня много друзей. Пожалуй, больше десяти. Именно не товарищей, а друзей, которые в тяжкие периоды моей жизни были рядом.

Моя любимая группа — «Воскресение». Я и сам играю на гитаре и пишу песни... Детективов не читал ни разу и никогда не буду читать. Из фантастов больше всего нравится Станислав Лем. Очень люблю Сент-Экзюпери и недавно перечитал его «Маленького принца» и «Планету людей». А сейчас читаю Жития Святых — это такое вдохновение!..

Мы благодарны случаю, который свел нас с этими интеллигентными и образованными молодыми людьми. Ведь мы порой забываем, что есть тихие библиотеки, полные людьми; грифельные доски, испещренные уравнениями; понедельник, который начинается в субботу для экспериментаторов в лаборатории... А это все было, и есть, и будет. И пока есть это — жива и наука российская.

...А для господ бизнесменов замечу: стипендиальный фонд Клуба предпринимателей всегда открыт для ваших взносов, которые пойдут на новых студентов.

≡
 Углом стрелы, ножа, меча
 Тоска по острию.
 И даже самый смертный час
 Не сбавит боль мою.
 Она нужна мне, как вода,
 Как компас кораблю.
 По ней я чувствую всегда
 Того, кого люблю.

≡
 Блажен, кто плачет, ибо он утешится.
 Пусть плачу я, меня не трогай.
 Моя душа теперь нездешняя,
 Она стремится выше, к Богу.
 Моя слеза — от сердца странного,
 Которое меня не слушает.
 Возлюбленных не судят заново —
 До смерти им грехи отпущены.

≡
 Я живу на изгибах
 пестрых мгновений,
 Среди черных чернил,
 зеленых растений.
 И хожу по обломкам
 цветного стекла,
 Словно солнечный зайчик
 по теням угла.
 Я качаюсь на тонких
 нитях молчаний
 И книгу смотрю
 из одних окончаний.

≡
 Там жизнь стремилась через край,
 Но было больно.
 Не оттого ль, что сад шумел
 Легко и вольно,
 Не оттого ли, что близка
 Была прохлада,
 И ветер угли от костра
 Катил куда-то,
 А воздух яблони ласкал
 Прозрачным светом,
 Овраг сгущал почную тьму,
 Кончалось лето...
 И было больно оттого —
 Друзья, поверьте! —
 Что жизнь была недалеко
 От смерти.

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

Мысль

Международный гроссмейстер торгует в метро самодельными пирожками с вареной курятиной. Это даже не пирожок, а целый пирог: половина белого батона с вынутой серединой, нафаршированная кусками куриного мяса. Но покупатель мало. Очень уж подозрительным кажется этот человек: одет во все импортное, дорогое, на первый взгляд, преуспевающий коммерсант из южных краев. Особенно если учесть типично южный облик. И вдруг — пирожками торгует...

Проходящие мимо люди удивились бы еще больше, узнай они, что этот человек вообще-то преступник, причем преступник, хорошо известный властям: за тысячу долларов перешел границу, еще за три тысячи долларов его переправили в Москву...

Я проходил мимо него не раз и никогда бы не узнал ни о нем, ни о его многочисленных товарищах, таких же нарушителях границы, не посети меня однажды самая что ни на есть обыкновенная мысль. Можно сказать, вдруг открылись глаза. Вдруг, идучи по переходу в метро, увидел и осознал, что жизнь вокруг стала совсем-совсем другой.

Конечно, она не вчера возникла, не за одну ночь, и я тоже не сегодня только на свет появился, но, согласитесь, смотреть и видеть — не одно и то же. Видеть и осознать — тоже есть разница. К тому же надо учитывать, что все мы, озабоченные нынешними устройствами жизни, заняты в основном только собой. А уж москвичи в силу многолюдства столицы — тем более. Каждый москвич что-то вроде рабочей лошади с заданной программой и шорами на глазах. Он двигается

в утреннем и вечернем потоке из дома на работу и с работы домой, ничего не видя и не слыша. Он даже названий станций не различает, переходов не помнит — за него все помнят и знают ноги. Ноги сами выносят его из вагона, ноги сами помнят, где надо свернуть, где ступеньки перехода, где начинается эскалатор...

В один из таких дней, когда меня несло вместе с толпой по переходу, когда глаза мои смотрели в пространство, ничего не видя, я заметил вдруг группу юношей и девушек в белых балахонах с какими-то плакатами, брошюрами. Даже в привычной глазу пестроте подземной жизни они выделялись, привлекали внимание. Я подошел к ним, послушал, что-то спросил, хмыкнул: экая, мол, свобода теперь у нас, аж уличные проповедники появились... И в этот-то миг сквозь обыденную коросту сознания пробилась банальнейшая, но необыкновенно яркая мысль: все-все вокруг изменилось! Не где-то там, в стороне от меня, а вот она, в обыкновенном подземном переходе, царит новая, незнакомая и неизвестная мне жизнь! В тот момент я сразу увидел по-новому обыденные, привычные картины, которые тем не менее оттеснялись на край сознания: и ряды цветочниц в переходах, и нищих с маленькими иконками в руках, и непонятных молодых людей с картонными табличками, на которых написано: «Продам ваучер» или «Куплю ваучер», — и полузабытые, из далекого далека духовые оркестры, вдруг возникшие повсеместно, и... И многое, многое другое, что окружает меня теперь в подземном мире метро и чего я не замечал, хотя и видел. И я об этом мире, об этих людях не знаю ровным счетом ничего.

Белое братство

Да, они очень заметны, эти молодые люди в белых балахонах. В их руках портреты, на которых изображена женщина в белых же одеяниях. Молодые люди называют ее Мария Дэви Христос, Матерь Мира. «Дэви» в переводе с санскрита — «госпожа», «богиня». Она же Дева Мария, пришедшая в мир, чтобы возвестить Слово своего Сына, чтобы спасти людей. Известен точный день ее пришествия — 1 июня 1990 года. Ей отмерено 1260 дней, как и ее распятому Сыну. По истечении сего срока грянет конец света, но 144 тысячи истинно верующих, посвященных в Белое братство, спасутся, и на земле воцарится Матерь Мира Мария Дэви Христос, и царство ее продлится 3000 лет.

Простите, если я очень уж примитивно, огрубленно изложил основы их вероучения. В теологии я вообще не силен. Но, насколько понял из брошюр, там много чего совмещено: и Библия, и элементы индуизма, и новейшая терминология («зомби», «энергетика»), и политика, начиная с отношений Украины и России и кончая Ельциным и гонениями на «Известия».

Кто такая Мария, эта женщина на фотографии? Где родилась, где живет? Отвечают: родилась в Киеве, сейчас в изгнании, странствует по свету, неся слово Божье. Но она скоро вернется в Киев и в День Суда соберет там своих чад.

О вещах конкретных: о том, какова организационная структура братства, кто стоит во главе, где печатаются брошюры, газеты (они все — без выходных данных), — «братья и сестры» не говорят, уклоняются. Объясняют это тем, что их братство, их учение, как единственно верное, не признаются официальными конфессиями,

они гонимы, а отсюда и конспирация.

Однако мне более всего интересен сам факт их появления, открытой проповеди, интересна реакция людей. Вроде бы в их устных проповедях, в ответах на вопросы нет ничего, что вызвало бы протест. Никакого надрыва, никакой агрессии. Они говорят о мире и добре, называют всех людей братьями, призывают к очищению от грехов. По мне так они смешноваты в своей проповеди близкого конца света, отказа от семьи, посвящении себя только Богу и Учителю, в общем, явные и всем знакомые черты сектантства. Но не нравится — не слушай, иди себе с миром. Однако наш человек сразу же начинает выяснять отношения. Самые невинные вопросы: «Вы от какой организации?» или «Так вы за демократов или против?». А уж самый злобный вопрос известен нам с детства и сопровождает нас всю жизнь: «А ты кто такой?» Казалось бы, давно его сделали достоянием анекдотов, но становится не до смеха, когда подходит нормальный с виду пожилой человек и с ходу начинает кричать: «А кто ты такой, чтобы меня учить?!» Подходит старик — и то же самое: «Кто ты такой, чтобы здесь стоять?!»

Офицер в бушлате без погон, задав какие-то вопросы, выслушав ответы, вдруг взрывается:

— А я вам не верю! Вы позорите Бога своим языком! Если даже Бог есть, то на этом месте должен быть другой человек, но не вы!

Гражданин средних лет, в потертом пальто, возмущается:

— Да не может такого быть, чтобы сорокалетний мужик слушал какого-то двадцатилетнего пацана!

Другой, уже в годах преклон-

ных, собрав вокруг себя людей, с жаром объясняет:

— Это чистой воды провокация! Они специально делают, чтобы их преследовали. Начнут с них, а потом маховик репрессий раскрутится, как в 37-м году! Говорю вам: провокация!

Что поделаться, видно, это наше родимое пятно: стремление везде и всюду непременно доказать свое. Однако сцены, которые изо дня в день разыгрываются возле проповедников Белого братства, отнюдь не означают, что все мы или в большинстве своем патологически агрессивны. Ведь основная масса людей плывет мимо, не обращая внимания, занятая своими заботами. К молодым людям в белых балахонах подходят в основном приезжие или те из москвичей, кому любопытно, интересно. И, разумеется, те, кто по любому поводу жаждет высказаться, доказать свое.

Свобода

Если вокруг «белых братьев» нет-нет да и вскипают страсти, то вокруг индуистов — некая зона, некая дистанция. И вокруг тех, кто подпрыгивает на площади Пушкина и поет под бубен: «Хари Кришна! Хари Кришна!», — и вокруг славянских женщин в индийских сари, торгующих в переходах красочной книгой «Бхагавад-Гита». Они для нас как бы иностранцы. Хотя и свои, но все-таки...

Так всегда было. Вообще даже то, что мы называли свободой, внутри имело еще свою иерархию, шкалу дозволенностей. Помню, подростками приезжая в Москву, прямо-таки упивались здешними вольностями. В Москве, взяв мороженого в открытом кафе на Новом Арбате, можно было не садиться за столик, а устроиться рядом на гранитном парапете. Пред-

ставляете: перед тобой течет Новый Арбат, многолюдье, а ты с подружкой сидишь на гранитном парапете, болтаешь ногами, ешь мороженое — и никто тебе и слова не скажет. Попробуй такое в своем Чугуеве — тут же подойдет взрослый доброхот: «Чего это вы тут расселись в общественном месте!» Мы же с пеленок знали, что в общественном месте можно только ходить строем или стоять под салютом.

А московские, ленинградские отроки, в свою очередь, завидовали иностранцам, которым все позволено. Как-то в Ленинграде, году в семидесятом, тамошние юноши решили вкусить иностранных вольностей. Расселись на Аничковом мосту и начали промез себя лопотать... по-английски. Кто как мог. Естественно, народ на них — ноль внимания: иностранцы, мол, им можно. Но тут прошла одна бабулька, которая возьми да и закричи на весь свет: «Да что вы тут себе воображаете? Я же вас знаю, вы все с нашего двора!» Конфуз получился...

Музыканты

Обо всем этом — о тогдашней свободе для иностранцев и нынешней свободе для всех — мы и разговаривали, посмеиваясь, с вольным музыкантом Сашей Королевым в переходе на станции «Китай-город», там, где выход к Солянке.

Вот уже полтора года, как его рок-группа (назовем ее так) обосновалась в этом переходе. Снаряжение обычное: гитары, ударные, усилитель. Инструмент обшарпанный, не «фирма». Но играют на нем ребята с азартом, с удовольствием. И отношение к ним самое благожелательное. Самые разные люди, кладя пятерку или червонец в банку из-под киноплёнки, гово-

рят: «Ну, ребята, вы свой хлеб отработываете!»

Да и то сказать: почти каждый день три-четыре часа играть и петь — это, знаете ли, нагрузка.

Саша Королев в некотором роде «типичный представитель».

— Вообще-то я театральный режиссер, — рассказывает он. — Скоро получу диплом, только что вернулся с последней сессии. Учусь в Барнауле. А живу в Москве. Прописки у меня нет, прописка небесная. Вообще я много раз был женат, хотя и годы еще вроде молодые, и во многих городах жил. Скажем так — богема. Или бродяга, кому как нравится. В Москве живу уже два года. Полтора года назад познакомился с Юрой, барабанщиком. Он москвич. Есть еще один парень из Москвы. А вот Андрей, второй гитарист, из Воркуты. Такая у нас команда. За это время много разных людей прошло, только мы с Юрой аемся в этом переходе. Тут и раньше молодежь тусовалась, а как стали мы играть постоянно, образовался как бы всемосковский клуб. Я серьезно, со всей Москвы сюда приезжают. Например, знаю ребят из Бибирева, из Текстильщиков — это же край света... В основном шестнадцатилетние-восемнадцатилетние. Многие со своими гитарами. Мы-то на жизнь зарабатываем, а они играют для себя, для друзей. Ну, бывает, тоже деньги делают: на сигареты, на выпивку. Да, уж не без этого. Но драк или еще чего — извините, такого тут нет. И вообще, сами посудите, ну где им еще собираться? Зимой на улице? В подъездах торчать? И в милиции поняли, что ничего дурного здесь не происходит, перестали гонять. Да, раньше гоняли. Даже нас тревожили: мол, нет разрешения. Мы пошли в управление метрополитена, а там говорят, что разрешение дают только тем, кто

от организации. А как нам быть, вольным музыкантам? Отвечают: а никак, продолжайте играть, никто вас не тронет. Вот мы и играем.

На другом выходе из метро, у Старой площади, играют на духовых. Здесь взрослые люди. Строго одетые. Пюпитры, ноты. Труба, бас, баритон. И музыка, конечно, другая, другой репертуар. Эти мужчины — музыканты профессиональные, с дипломами Ипполитовского и Гнесинского училищ. Сейчас они оркестранты в ансамбле песни и пляски Военно-Воздушных Сил. У каждого из них семья, по двое детей. Зарплаты не хватает. И как только увидели они на улицах Москвы первых «духовиков», так сразу же и спросили друг друга: «А почему бы и нам?..» И, недолго думая, стали вечерами играть здесь. Когда я спросил, легко ли им было поначалу, не испытывали ли они некоторой неловкости — ну, знакомые увидят, и вообще... они мне ответили: «Нет, это у тех, кто постарше... А мы, тридцатилетние, люди без комплексов. Если можно заработать — надо зарабатывать. Стыдно детей в скудости держать да еще при этом в грудь себя бить: я, мол, музыкант... А зарабатывать не стыдно».

Курды

С весны — лета прошлого года по Москве пошли разговоры: «А чего это кавказцы на Пушкинской площади собираются?» Ближе к осени, с наступлением холодов, слухи усилились, поскольку смуглые, курчавые люди переместились в подземный переход, в верхний вестибюль станции «Пушкинская» и оказались на виду у всех.

Потом выяснилось, что это не кавказцы. Это курды. Беженцы.

Официально говоря, они даже не беженцы. Они только мечтают получить статус беженцев. Пока что они нарушители государственной границы. И торгующий пирогами международный гроссмейстер Талиб Ахмед Мухаммад, с которого я и начал этот «переходный» очерк, тоже курд, тоже беженец, то бишь нарушитель нашей границы. Как и его товарищи Гуран, Камал, Маджиди, как сотни, тысячи других курдов, оказавшихся вдруг в Москве.

Их истории похожи одна на другую как две капли воды.

Но для начала надо прояснить ситуацию. Мы видели по телевизору курдов, спасающихся в горах от солдат Саддама Хусейна, замерзающих на снежных перевалах Иракского Курдистана. Широкие крестьянские одежды у мужчин, такие же широкие накидки у женщин, шатры, вьючные ослики, простые, грубые лица людей, всю жизнь пашущих землю, пасущих скот, всю жизнь воюющих с голодом, нищетой.

Этих же людей, с утра до вечера гуртующихся в переходе и вестибюле станции «Пушкинская», поначалу и язык не поворачивается назвать беженцами. В основном это мужчины от тридцати до сорока лет, явно городского вида, ухоженные, одетые в роскошные кожаные куртки, в каких-то сапогах, незнакомых мне даже по витринам коммерческих ларьков.

И тем не менее они самые настоящие беженцы. Во-первых, если курдские крестьяне могли хоть как-то укрыться в своих горах, то городские курды могли стать и стали первыми жертвами внутрииракского конфликта. А, во-вторых, для курдского крестьянина бегство за границу просто-напросто невозможно — уезжали только те, кто имел долла-

ры, то есть люди, более или менее состоятельные.

И вот здесь-то начинается история, самая подлая и самая гнусная: обман, обирание, обворование беженцев. Видимо, действительно имели место случаи, когда кому-то из курдов удалось через Азербайджан и Россию попасть в страны Скандинавии. Другое дело, что слух об этом намеренно раздувался... А много ли надо, чтобы заронить искру надежды. Все, кто имел маломальские деньги, продав, бросив все, через Иран и Турцию кинулись к нашей границе. Твердой ставки за прохождение наших рубежей пограничники не устанавливали, она колебалась от шестисот до тысячи долларов. А уже здесь, по эту сторону, курдов поджидали очень деловые люди, у которых «все схвачено», которые «знают в МИДе все ходы и выходы» и которые «гарантируют им транзитные визы в Скандинавию». Конечно, ставка уже другая: от трех тысяч долларов и выше. С одного человека, разумеется. А курды — народ многодетный, в каждой семье три-четыре ребятенка.

Группы «транзитников» собирались в Баку и в Сочи. Затем поезд до Москвы. На Курском вокзале «сопровождающие лица» просили членов группы подождать, «пока они съездят в Министерство иностранных дел», и — растворялись в толпе. Навсегда.

В безвыходном положении оказались и сами курды, и правительство России. Выдворить несчастных, отправить их через Иран и Турцию обратно в Ирак нельзя: это значит отдать их в руки режима. Переправить в Скандинавию невозможно: туда их не пустят. Верховный Комиссариат ООН по делам беженцев просит правительство России помочь беженцам, как это и следует из международной

конвенции, которую Россия недавно подписала. Но ведь статус беженца предполагает постоянное денежное содержание до полного устройства и, разумеется, жилье. Что это означает в нашей действительности — судить читателю...

А пока что курды снимают на доллары квартиры в Москве и спят вповалку, по десять человек в комнате. Женщины и дети остаются там и днем. Мужчины же собираются на «Пушкинской», обмениваются новостями, которых нет, и все говорят, говорят друг другу о своих бедах. А что будет, когда кончатся последние доллары, никто не знает.

На прощание я купил у одного из лучших шахматистов Азии, гроссмейстера Талиба Ахмед Мухаммада, пирог за сто пятьдесят рублей. Это все, чем я мог ему помочь...

Цветочницы

У каждой цветочницы — своя судьба. В чем-то они схожи. Впрочем, как и у всех нас, людей, оказавшихся перед лицом экономического краха громадной страны. Так что о типичности здесь говорить трудно. И потому я приведу лишь рассказ Ирины Неунывакиной, который представляется мне наиболее полным, подробным и более или менее откровенным.

— Мне 31 год. Не замужем, живу с мамой. Сестре 24 года, брату 18 лет. Отца нет, он давно нас бросил. Живем все вместе, в двухкомнатной квартире. Вообще наши родители — люди заводские, у нас сильны были заводские традиции. Брат после школы сразу на завод пошел, сестра — тоже. Но теперь это все позади, заводом не прокормишься. Мы все, в том числе и мама, пошли в торговцы, вернее, в продавцы

цветов. Ну, как это бывает? У мамы нашлась знакомая, которая ей подсказала. Мама уже нас туда перетащила, а мы — своих знакомых и так далее. Вот и получается у нас как бы свой социальный слой, что ли, своя какая-то община, не знаю, как точно сказать.

Работа простая. Поднимаемся в половине пятого, к половине седьмого добираемся до подвала, где расположен наш кооператив. Там уже все готово, цветы подвезены. Разбираем их — и к семи часам каждый на своем месте. До девяти вечера, четырнадцать часов одна смена. Вечером — снова в кооператив, сдаем выручку. Десять процентов от выручки — наши, вручаются тут же. Какие у нас заработки — не скажу, но бывает, что кто-то и несколько тысяч в день имеет. Но это как получится, зависит от случая, от места. Например, я на «Войковской» торгую, а другая — на «Пушкинской». Так ведь там совсем другая публика, там покупка цветов — обычное, будничное дело.

А что за кооператив, кто там правит, где цветы берут — в Подмосковье выращивают или с юга привозят, — мы не вникаем, это не наше дело. Иногда, конечно, хочется поучаствовать в «общественной жизни», как раньше в своей конторе, но потом спохватываешься и прикусываешь язык. И правильно: знай свое дело и не лезь, куда тебя не просят. Но таких кооперативов много по всей Москве. У них теплицы свои есть, целые хозяйства...

Нет, в штате мы не состоим. Такого вообще нет, штата. Есть договор и все. Причем никакого профсоюза, никаких бюллетеней — все на свой страх и риск. Конечно, постоянно по четырнадцать часов нельзя, мы через два

дня работаем. Устаю я сильно и физически, и морально. Люди очень злобные. Обязательно оскорбят. Ну, что обычно говорят, известно что: «Хапуги, спекулянты! Громить вас всех надо!» Или: «Ишь, стоит! Небось, в колхоз не идет работать, гадина!» Как будто сами в колхозе работают. Понятно, что это плохо, когда человеку цветы купить не по средствам, но мы-то, продавцы, при чем? Обидно. Но терпишь. Потому что другой такой работы не будет. Потому что деньги, обеспеченность. Вы думаете, если вся семья продавцы — так мы миллионеры, в усадьбах живем и на «фордах» катаемся? Что вы, мы о таких вещах, как машина, дача, никогда не думали и все еще не думаем. Сами посудите, каково было нам жить в Москве втроем на одну мамину зарплату. После школы я пошла работать в контору статистиком, до 1991 года зарплата у меня была 150 рублей. Помогала маме, тянула сестру и брата, ставила на ноги. То есть вся жизнь в скудости, в нищете. И сейчас мы только-только опоминаемся от той жизни, добираем то, что в свое время не получили. Особенно я и, конечно, в первую очередь мама, которая всю жизнь из себя жилы тянула...

Нищие

Николай Александрович Тупиков, отсидев в лагерях и тюрьмах в общей сложности 39 лет 6 месяцев и 17 дней, так и не стал вором. Точно так же не стал вором и Юрий Александрович Мухин, «отмотав», как он говорит, «шесть сроков», а если сложить по годам — 27 лет...

Нищих в Москве много. Но эти, бывшие зеки — особый случай. Когда я говорю, что, отсидев не один срок, они так и не стали

ворами, я имею в виду «вора» в его блатном, тюремно-лагерном значении и смысле. Не стали блатными, не приняли воровского «закона», или, вернее всего, воровской мир их не принял, не пустил в свою стаю. Потому что эти люди по натуре не были уголовниками, не подходили этому миру, негодились в блатари.

А воровать-то они воровали. Тупиков, на свою беду, в армию попал служить по интендантской части, а Мухин, дитя послевоенной Самотеки и Трубы, то есть Самотечной и Трубной площадей, оступился на «красивой жизни», как он ее понимал в то время. Хапнули — «сели». Вышли, а прописку не дают, потому что работы нет, а на работу не берут без прописки. Известное дело. Снова хапнули — снова «сели». А после второго срока ты уже рецидивист. К тому же Москва родной город, а тут тебя поджидает 198 статья — проживание без прописки и вообще бродяжничество.

Так и катилась жизнь по привычным лагерям, с короткими просветами «ходок», но уже — на волю.

Наверное, они были выгодны нашему государству, наверное, лагерной экономике была необходима бесплатная рабочая сила, которая оплачивала еще и охрану, и нары, и питание.

Амнистия 1992 года выбросила на улицы городов тысячи таких людей. Они никто. Ворами не стали, работать без принуждения не умеют и не хотят. Да и сил уже нет, здоровья нет.

Так и закончат свой век, прося подаяния.

Граждане

Однажды в переходе я услышал объявление по радио: «Граждане пассажиры!..» И — восхитился му-

дростью неведомого мне метрополитеновского идеолога-редактора. А он есть там, свой отдел пропаганды, свой идеолог! Он-то и раскусил здраво, что мы уже не «товарищи», но еще и не «господа». И выбрал золотую середину — «граждане», хотя и знал, наверное, что у нас обращение «граждане» всегда почему-то числилось по уголовно-судебной терминологии. Так, осужденным запрещалось обращаться к кому-либо со словом «товарищ». А если кто-то забывался, то следовала немедленная отповедь конвоя: «Тамбовский волк тебе «товарищ»!»

С «товарищами» все ясно. А вот с «господами» сложнее. С одной стороны, радио в метро — это «средство массовой информации». Как же можно по нему употреблять слово «господа»? А с другой стороны... Тут надо привести сцену, которую я наблюдал в переходе на станции «Свиблово». Четверо мужчин самого забулдыжного, самого многолетне пропойного вида скинулись и добыли бутылку водки. И радостно устремились к выходу. Трое впереди, монолитной группой, а четвертый отстал, налетел на кого-то, замешкался. И торопливо хрипел вслед уходящим: «Господа, подождите меня, господа...»

Д-да... И впрямь задумываешься, как нас теперь называть, граждане.

Ваучеры и помидоры

Эти люди и вправду загадочны. Стоит в метро, держит в руках картонку с надписью: «Куплю ваучер». А метров через десять стоит другой, но у него на картонке уже написано: «Продам ваучер». Казалось бы, если один желает купить, а другой желает продать один и тот же товар, так подойдите друг

к другу, договоритесь ко взаимному удовольствию.

Так ведь нет. Стоят.

В чем причина?

В том, объяснили мне, что у каждого свой бизнес. Отдельный. Два или три дня, или неделю человек покупает. Как можно дешевле, сбивая цену, говоря, что ваучер — это бумажка, обман народа. А другую неделю продает как можно дороже, поднимая цену, объясняя всем, что ваучер — это право на наши заводы и фабрики.

Такая простая операция и в голову не могла прийти Василию Игнатьевичу Савенкову, хотя он по должности плановик, экономист. Василий Игнатьевич последние два года перед пенсией работает на одном небольшом предприятии в Ступинском районе. Плановик — самый рядовой клерк, и зарплата — самая рядовая. Василий Игнатьевич в субботу и воскресенье приезжает на электричке на «Павелецкую» и продает здесь семена домашнего помидора, который можно выращивать в квартире, в горшке или в кадке. Один горшок он возит с собой, напоказ.

Подбила его на коммерцию младшая дочка. Как-то, приехав в Москву, она увидела на Новом Арбате женщину, которая приехала аж из Риги и продавала здесь семена помидорного дерева, которое стояло тут же, на улице, в кадке. Вот дочь и пристала к нему: почему ты не продаешь свои семена, а раздаешь бесплатно? Неужели ты худший огородник, чем эта тетка?

А Василий Игнатьевич в своем городке славился как лучший огородник. Ступинская жизнь — полугородская-полудеревенская, и его участок, рядом с домом, был всем на загляденье. Мало того, свежими помидорами семья питалась круглый год, потому что

нет ничего проще, чем выращивать его в гостиной в элегантно горшке...

В общем, не устоял Василий Игнатьевич перед напором дочки. Сдался. Стал ездить на «Павелецкую». И ничего, хорошо покупают, деньги появились кое-какие.

Своего точного места жительства Василий Игнатьевич называть не стал. Стеснялся, что на работе узнают.

Милиционеры

— А мы не курим! Мы просто сидим! — раздался испуганный девичий голос у меня над головой, справа.

Я поднимался на эскалаторе в верхний вестибюль станции «Пушкинская». А справа от меня, между эскалатором и стеклянной стеной, на каких-то перилах, словно куры на жердочке, сидели два парня и девушка лет пятнадцати. Она-то и оправдывалась: мол, мы не курим... Только обращалась не ко мне, как я вначале решил, а к человеку, который стоял на эскалаторе ступенькой выше меня и оказался милиционером, в форме.

— Не курите? — спросил он. — Ну так свалитесь и шею себе свернете...

И пошел дальше.

«Странный какой милиционер», — отметил я про себя. Потом я его часто видел, познакомился. Зовут Александр. Фамилия — Сырцов. 34 года, старший сержант. Служит почти полтора десятка лет, и все время здесь, на «Пушкинской». Рассказывает, что самые страшные минуты за всю службу довелось испытать недавно, когда задерживал человека, угрожавшего взорвать гранату. Уговорить не удалось, пришлось брать силой. Никто ведь не знает, что у психа на уме, взорвал бы он себя и Сыр-

цова — неизвестно. Но, к счастью, граната оказалась учебной.

Вообще у Саши Сырцова место беспокойное, людное. А тут еще курды. Стоит появиться Саше, как все курдские детишки, которые шныряют тут же, среди взрослых, бросаются к нему, виснут на плечах и на руках, дергают за рацию, за погоны, значки... Как воробы, честное слово.

Другая встреча с милиционером, которая запомнилась, была в «Китай-городе». Мы сидели в подземном переходе с бывшим зеком, а ныне нищенствующим Николаем Александровичем Туликовым, и разговаривали за его горемычную жизнь. И тут сбоку медленно возник милиционер. Здоровый, что называется, ражий мужик. Мундир лопается, голова под потолок. В руках — рация, значит, не просто так идет, а на службе.

Вообще ко всему привыкаешь, но иногда встряхиваешь головой, будто ото сна опоминаешься. Ведь этот бывший зек, ныне нищий, просит подаяния не где-нибудь, а на Старой площади (!), в двухстах метрах от ЦК КПСС (!)... тыфутьфу! — нынешнего Совмина России.

Но это — к слову. А милиционер тот подошел к нищему медленными, командорскими шагами, не останавливаясь, на ходу наклонился, положил в шапку червонец и так же тяжело, медленно прошествовал далее.

Собаки

А в переходе под Арбатской площадью продают щенков, котят, хомячков, сусликов, кроликов...

И каждое путешествие по подземным переходам московского метро я непременно завершаю здесь. Потому что больше всего на свете люблю зверей, особенно со-

бак. Про маленьких щенков я уже и не говорю.

...Если бы вместо съездов, сессий, вместо других передач и фильмов весь день по телевизору показывали собак! как они трусят по своим делам, очень озабоченные, как гоняются за воронами, а те их дразнят, как обнюхивают цветы, перелаиваются, как бегают щенки, заваливаясь набок, потому что задние ноги заносятся, — я бы смотрел телевизор не отрываясь, круглые сутки.

Переходный период

Признаем мы или не признаем, но она вокруг нас — иная жизнь. Она параллельна нашей, привычной. Границы тут прозрачны, взаимопроницаемы. В конце концов что плохого в том, что появились люди, быть может, особая социальная прослойка, которая торгует цветами. И вообще торгует. Хорошо, что цветами, не автоматами. Лишь бы не путать нам свободу с безответственностью или, говоря нынешним языком, с беспредельщиной. А что касается несчастных, выброшенных на обочину жизни, так они были всегда, только мы их не замечали. Они же сегодня нуждаются в нашем милосердии — только и всего.

Но, подавая нищим, слушая в суете подземных переходов музыкантов, мы тоже как бы включаемся в эту «вторую», параллельную жизнь, — и кто тут кому способствует, помогает, кто кого «вытаскивает» на поверхность жизни — трудно сказать. В конце концов и мы, и они — одно целое. И мы, и они — существуем в переходном периоде.

Сегодня «жизнь такова, какова она есть, и больше никакова», — написала одна девочка.

И нам в ней жить, в этой жизни. Другой не будет...

ЧИТАТЕЛЬ·«СМЕНА»·ЧИТАТЕЛЬ

ЧЬЕ ПИСЬМО ИНТЕРЕСНЕЕ, — тот и получит премию «Смены»

64

Все реже и реже мы пишем друг другу, и не только потому, что письма влетают в копеечку, — проще позвонить, «шлепнуть» телеграммку, подскочить пообщаться. А вот редакция по-прежнему ежегодно получает огромное количество писем. В большинстве из них вопросы: что делать в том или ином случае? как поступить? как жить? В последнее время, правда, вопрос ставится конкретнее: как выжить? И, верно, — все мрачней лица идущих навстречу, все хуже одеты старики, все больше грязи вокруг. Конечно, каждый по-своему реагирует на все происходящее — одни свои горькие думы держат при себе, другие ищут разрядки, совета.

Если вас мучает боль за детей, саднит рана от нанесенной кем-то обиды, не дает уснуть тоска одиночества или тайна, которую не раскроешь близким, — облегчите душу, поделитесь своими переживаниями с нами...

Временем проверено — вопреки самым тяжелым обстоятельствам женщинам дарят цветы, молодые влюбляются, рождаются дети. Жизнь продолжается! Кто-то закончил институт, кто-то вернулся из армии, у кого-то завтра свадьба, словом, радость, о которой хочется рассказать всему свету. Так и расскажите!

Самые интересные письма мы напечатает, а в конце года жюри определит победителей, которые получат денежные премии.

Первая премия — 10 тысяч рублей.

Две вторых премии — по 7 тысяч рублей.

Три третьих премии — по 5 тысяч рублей.

Итак, пишите нам, пометив на конверте «Письмо-93». Вы нам — письма, мы вам — премии.

Я — инвалид I группы с детства; не хожу, сам себя не обслуживаю, почти глухой, очки — 7,5. Диагноз: поражение центральной нервной системы в результате родовой травмы. Мне сейчас тридцать три года. Живу с родителями, которые сделали для меня почти невозможное. Правда, и я много, упорно трудился, хотя, если смотреть трезво, сошли бы меня, двухлетнего, родители в интернат, как им предлагали, меня и в живых бы давно не было.

Лечила и учила меня мама. Я до шестнадцати лет не получал ничего, с шестнадцатью — госпособие 16 рублей в месяц, с 1981 года (мне уже исполнился 21 год) — 30 рублей. Большие деньги, не правда ли? Нанимать врачей и учителей было не на что; мама сама делала уколы, массажировала, стригла, брила, а главное, сама преподавала мне все дисциплины за десятилетку по новой программе (сама кончала школу по старой!) и за пять лет института, работая уборщицей на двух участках — зато весь день дома. Изобрели мы свою систему обучения. Диктанты писали от обратного: напишет мама текст с огромным количеством орфографических, синтаксических, стилистических ошибок, а я их ищу. В пять лет я уже хорошо читал, стал рано изучать английский, научился логически мыслить. До 6-го класса все учил устно, а пошли алгебра, геометрия, физика, химия — понадобились мамини руки: я диктую, она пишет. И для изучения английского был свой прием. В шестом классе я уже стал работать со словарями, в восьмом — учиться печатать. Отец буквально с помойки принес старенькую машинку, сам ее отремонтировал,

и я через два года проливного пота стал сам печатать, в первую очередь сочинения. По черчению занимался устно — с шестого класса мама начала мне чертить проекции моих игрушек, объяснила азы астрономии и убедилась вопреки утверждениям врачей, что пространственное воображение у меня нормальное. Принимать экзамены учителя приходили к нам домой. Особенно серьезно я изучал английский — в перспективе видел себя переводчиком, работающим дома. Потратились мы на предметно-профессиональные словари по химии, физике, математике, геологии, машиностроительному черчению, электронике. Школу я окончил с одной четверкой, но в Саратовском университете не оказалось заочного факультета иностранных языков (а мы в то время жили в двухстах километрах от Саратова), и решил я поступать в заочный экономический на факультет «планирование промышленности». Сдавал на общих основаниях, только письменную математику заменили на устную, да сочинение печатал. Сдал все на «отлично». Занимались мы с мамой по вечерам (теперь она днем работала на заводе); учился так, что после первого курса меня стали буквально «толкать» в науку: дескать, начинай собирать карточку по политэкономии. Но мы отказались от этого → мне бы профессию получить, да работать — мама уже замучилась. В город мы приезжали на два-три дня во время сессии: бывало, сдавал по три экзамена в день, хотя и не положено это, — без билетов, без подготовки беседовал с преподавателями. Закончил институт с отличием, мне предлагали аспиран-

туру, но мы чрезвычайно устали, да и надо было работать, чтобы получить хорошую пенсию. Но жизнь внесла свои коррективы. На заводе в экономике особой нужды не было, а вот с инженерами-конструкторами — просто беда, и предложили мне попробовать работу инженера по конструкторскому контролю: уж больно безобразные приходили от заказчиков чертежи. Сначала не все понимал, но мама у меня человек упорный: сиди, мол, разбирайся. И разбирался. Со временем мне стали доверять проверку чертежей любой сложности. Потом, когда вернулись в Саратов, работал в НИИ. С 1980 года я получал пенсию уже как инвалид I группы, хорошо зарабатывал, и нам полегчало материально. Деньги тратили на питание, книги, журналы, газеты; лекарства мне стоили 50%, одежду я «досаживаю» за отцом.

Наступил период гласности, который принес поток интереснейшей информации, но скоро я потерял самое главное, к чему стремился всю жизнь, — работу, потому что не стало централизованных заказов, постепенно уменьшились и договорные. Пришлось взять отпуск за свой счет и жить только на пенсию. Пятнадцать лет учебы плюс двенадцать лет работы — все «пошло козе под хвост». Сижу, гляжу в окно и думаю: неужели мы зря столько сил, столько времени потратили?! Если другие, потеряв работу, могут переквалифицироваться, то я такой возможности лишен. То, что я мог делать в жизни, я делал на совесть. Как я радовался и отличной учебе, и работе! А главное, тому, что стал помогать родителям материально: на книги, магнитофон, новую ма-

шинку, калькулятор заработал сам.

Теперь меня очень страшит будущее. Понял — нет его у таких, как я, в нашей стране. Родители стареют, все, что отложили на старость и мою жизнь без них, уничтожила инфляция. Работу я потерял. С января этого года дали мне бесплатное лечение, а лекарств в аптеках нет, рецепты даже на контроль не берут, как раньше. Просто издевательство! Как-то поехала мама по объявлению в газете в коммерческую палатку, а там одна таблетка стоит 1200 рублей.

Президент регулярно обращается к нам за поддержкой. В чем я его должен поддерживать, за что? За то, что перечеркнута моя жизнь? Я старался учиться, радовался, что судьба хоть голлову мне оставила, мечтал о работе, а теперь надеяться не на что — ни мне, ни родителям. У нас отняли все — и накопления, и работу, и надежду. Остались мы у разбитого корыта. Спекулянты «законно» наживают миллионы, а уж они-то таких, как я, не пожалеют. Впрочем, последнее слово мне и прозвучит неудобно. Не жалость мне нужна, а работа.

Не спрашиваю ни совета, ни помощи. Иллюзий не осталось.

**ПАВЕЛ ВЛАСКИН,
Саратов**

«...Вот вы, журналисты, все кричите: ребенка бросила, так уже не человек. И тут же: ах, умирает людей больше, чем рождается...»

Да, я оставила ребенка в роддоме. Не выбросила в мусоропровод. Не убила дочку. Дала ей жизнь. И оставила на попечение государства. Хотите — на, ваше, если вы такие добренькие.

Она вырастет и будет работать. И детей рожать — приносить пользу государству. Вашу демографию любимую исправлять. Да мне еще доплатить должны, что аборта не сделала. И вообще... Меня, может, тоже бросили. И ничего. Живу.

Благополучная семья — слышали? Вот у меня такая была. Папа — партаппаратчик. Мама — домохозяйка. Как полагается. Я в спецшколе себя избранной чувствовала. Правда, у нас в классе чуть не все такие же были. Других-то мы за людей не считали... Мы — одного круга. Все так понятно, четко. Знаешь, как себя вести, что говорить — пионеры, комсомольцы, общественная работа. Я, разумеется, всегда в активе...

Что отец на работе делал? Боялся! Боялся сказать не то, попасть под плохое настроение, не в струю. Боялся — начальник загремит. А новому кто подойдет? Неизвестно! И вообще — всего боялся. Я ведь думала — так и должно быть. Дача, машина, жратва, прикиды — не задаром же! Радовалась, что женщиной уродилась. Значит, бояться будет мой муж, не я. А я буду пользоваться. Все ясно было, как на ладони. Иняз, а лучше — МГИМО. Ну и — замуж. Не работать же! Нормальная женская жизнь. Домработница, заграница, приемы. Меня готовили для такой жизни. Чего словами не говорили — подразумевали. И обманули! Пропали они...

Я школу как раз кончала. Тут все началось — перестройка-ка! Кинулись выходить из партии — крысы! А мне плевать на эту партию. Просто противно. То рвались в партию, то — из нее. И главное — сами ни черта не понимают,

и туда же. Строят из себя! Отец психовал. Сердечные приступы, «скорая» каждый день. Дома никакой жизни не стало. Дачу забрали...

Нет бы дочке репетиторов нанять, ходы подыскать. Так он все своими проблемами занимался. Я, между прочим, первая почувяла, чем пахнет. А они, идиоты, все цеплялись. Надо было нахапать — и за бугор! А отец, дурак, пэть начал. Сначала напьется, а назавтра — «скорую». Так и умер. Я как раз экзамены в школе сдавала. Мать растерялась, конечно. У них уже мозги заржавели от прежней жизни. Вперед никак не крутятся. Назад только. Она с Украины, мать-то... Ну, я в иняз экзамены завалила, она давай меня к бабке звать. На Украину. Поедем да поедем — зациклилась прямо. А я подала документы в медучилище, поступила левой ногой. На ахушерку учиться, смех, а? И поехала к бабушке... Там мать и выскочила замуж. Вдовец подвернулся с домом, с машиной, с садом. Состоятельный крот. Ну, она тоже не Дюймовочка. Небось на пару там торгуют на рынке. Туда тебе, думаю, и дорога. Грустно, господи.

Я уехала домой. Как раз после «переворота» и уехала. Чудно! Там и не заметили. Бред по телеку кто же всерьез принимает? А тут, в Москве, все бегают. Защитники «Белого дома»! Удовостоверения раздают. Из окон кидаются. Если бы отец не умер, он бы тоже кинулся, точно...

Посмотрела я — чего не жить? Одежды полно. И мой, и мать половину своей оставила. Опять же отцовская. Что продала, что оставила. Квартира приличная. Дом престижный.

Мать деньги шлет и жратву с проводницей.

Замуж я бы вышла. За кого только? Раньше ясно было — за аппаратчика надо выходить. А лучше — за дипломата. А теперь? За дилера-брокера, что ли? А где его взять? Где они водятся-то?

Гулять мне всегда было с кем — не уродка. А вот замуж... Отец девочки, дочка моей, мне предлагал. Но на фига он мне? Он же вроде меня, того же круга. Также «не у дел».

Хотела аборт сделать. А потом думаю — чего уродоваться-то? Что я, себе враг? В училище научили. Нет уж, дудки. Пошла к хирургу, наврала. Мол, сотрясение мозга. Ничего, клюнул. Академку оформила. Больничный-то не нужен, вот и не придираются особо. Потом медичка — отношение свойское. Ну и сидела дома... И все получилось без проблем. Заехала подалее, явилась в роддом без паспорта. Вроде в гости шла. Фамилию придумала себе, адрес. А с подружкой заранее договорилась. Она мне, как позвонила, одежду принесла и халат белый. По веревке в окно пакет затянула, в туалете я переоделась и через весь роддом прошла спокойно. Будто работаю здесь. И все кино. А соседям сказала — умер ребенок... Скоро в училище вернусь.

Поняли, как надо? Только одно сомнение у меня. Недавно объявление в газете увидела: «Рожу ребенка в январе. Продам желающим». Может, надо было продать? И девочке было бы хорошо, и мне. Каждый труд должен быть оплачен. Промазала я тут, пожалуй.

Вот и смотрите сами. Кому я плохо сделала? Государству — польза. Девочке — жизнь. И ни

кому никакого вреда. И попробуйте возразите...

ЛЕНА АНТОНОВА,
Москва

Фамилия по понятным причинам изменена, но в редакции есть координаты автора.

Пишу из колонии. Может, мое письмо покажется неинтересным — я даже не надеюсь на его публикацию, — но все же пишу: вдруг меня услышат и помогут. Не зря же говорят, что надежда умирает последней.

Может, моя откровенность испугает, но врать и выдумывать романтическую историю о беспомощной девушке, которую я защищал, и несправедливо осужден, не стану. Осужден я за ряд серьезных преступлений на семь лет колонии строгого режима, пять из которых уже провел в лесах Богом забытой Вятки.

За свою сравнительно небольшую жизнь повидал я многое. Знаю, что такое измена, лицемерие, предательство. Окружавшие меня на свободе люди называли себя друзьями, а на деле оказались подонками. Да и сам я, однажды оступившись, пошел по кривой дорожке. Но тогда мне нравилось быть на виду, ощущать свою силу и даже власть. Шумные компании, бары, девицы легкого поведения... А ведь я люблю искусство, книги, музыку — и современную, и классическую. Жил в хорошей семье и, как мне кажется, получил недурное воспитание. Но, несмотря на это, я, увы, в заключении и не знаю, как жить дальше, потому что к прошлому не вернусь, а будущего не представляю. Что ждет меня на свободе?

За эти годы я, конечно, изменился. Пять лет страшного по-

лусуществования даром не прошли. Вначале было отчаяние, потом оно притупилось, и эта «жизнь» стала привычной, порой даже бравада находила: мол, теперь мне сам черт не страшен! Да, здесь игры жестоки, законы суровы, борьба за выживание не прекращается ни на день. Заслужил? Да. Но всему есть предел.

Психологи утверждают, что преступниками становятся те, кто не добрал в свое время самого главного в жизни — любви. Именно это ожесточает, толкает на преступление. Так чем же лечить нас? Многолетним унижением? Презрением? Ненавистью? Уверен, только любовью. Да, да, нас, погрязших в зле и пороках, исправить можно только любовью. Иногда она проникает за колючую проволоку мимо бдительных контролеров и охранников, притаясь между строк писем, тщательно вычитываемых тюремным цензором. Я понял теперь: разве есть что-то прекраснее глаз, глядящих на тебя с любовью? Разве можно рисковать этим счастьем ради липовой «красивой» жизни?! Правда, лгать не стану, сожмет иногда сердце тоска и по прежней «красивой» жизни, но это у меня с детства, как хроническое заболевание: меня даже пеленали в импортные пеленки. Сознаюсь, иногда прямо как маленький ребенок — знаю, что это плохо, но все-таки тянусь...

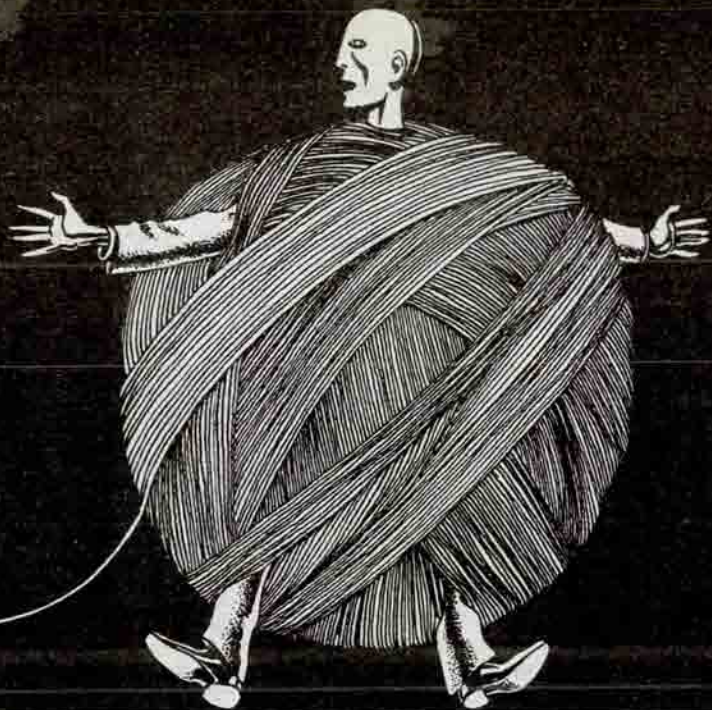
Написал в надежде, что кто-нибудь поможет. Адрес прошу оставить в редакции.

**ЮРИЙ,
22 года**

С профессором, психотерапевтом МАРИЕЙ ТЕЛИШЕВСКОЙ наш читатель уже знаком — ее статья «Закрытый рояль», опубликованная в «Смене» № 4—6 за 1992 год, вызвала серьезный интерес. Письма и звонки в редакцию убеждали нас, что разговор, начатый в «Закрытом рояле», должен быть продолжен...

Найти
ниточку,
чтобы
распутать
узел...

— Мария Эмильевна, перед вами десятки писем. Что волнует их авторов, о чем просят они, в каких врачебных советах нуждаются? Можно ли по этим письмам хотя бы приблизительно судить о нынешнем состоянии нашего общества, о его наиболее типичных душевных недугах?

— Большинство респондентов прямо-таки кричат: помогите найти общий язык с близкими, родными. Неудачная женитьба, различные сексуальные расстройства, неуверенность в себе, в будущем — из этого складывается человеческое горе...

Пишут о том, что нынче очень сложно адаптироваться в рабочем коллективе, семье, обществе — в этих трех основных социальных нишах, от приспособления к которым зависит наше ежечасное самочувствие, наша психика. И если хотя бы к одной из них человек не

в силах приспособиться — он уже не может нормально работать, жить. Психика — на грани срыва. Много писем об ужасных бытовых условиях, о страхах перед будущим... В общем, картина довольно-таки мрачноватая. Но есть и очень важный оптимистический момент.

— Какой же?

— Люди обращаются за помощью, значит, они верят в лучшее, надежда не потеряна. Проще говоря, психика их не сломлена, она лишь нуждается в корректировке...

— А кого больше среди авторов писем — женщин или мужчин, молодых или старых?

— Возможно, удивитесь, но подавляющее большинство люди молодые, среднего возраста. Образованные, много из среды новых бизнесменов. Думаю, они кинулись в бизнес, не учитывая сво-

их возможностей — экономических, психических...) И еще замечу: у мужчин в сегодняшних, можно сказать, экстремальных ситуациях психика менее устойчива. Но это, как правило, если дело касается работы, престижа, конкуренции в профессиональной, общественной, социальной сферах... В семье эмоционально более уязвимы женщины.

— Имеют ли значение для душевного равновесия такие факторы, как место жительства, национальность, воспитание, общая культура?

— Конечно, в таком мегаполисе, как Москва, сложнее быть уравновешенным: тут «раздражителей» с лихвой... И, как принято сейчас говорить, «лица кавказской национальности» более возбудимы и темпераментны, чем северяне. Но те же кавказцы, хотя и мгновенно «заходятся», так же быстро и успокаиваются. То, что происходит сейчас на Кавказе (я имею в виду братоубийственную войну), нельзя, однако же, списывать лишь на южную «горячность» людей, на особый психический менталитет южан. Это хладнокровный расчет политиков ли, «теневиков», — не берусь судить, кого именно. Но убеждена: в данном случае психотерапевтическое лечение необходимо не тем, кто в окопах, а тем, кто отдает приказы...

А вообще национальность в какой-то мере «срабатывает» при душевном заболевании. Мне пришлось сталкиваться с этим. У меня была больная из Сухуми. Она пять лет не покидала собственной квартиры, потому что боялась смерти. Выходила на минуту на лестничную клетку и теряла сознание, пульс пропадал, кожа синела. Такой я увидела ее в первый раз и с трудом вывела из

этого состояния. Это была интеллигентная женщина, по национальности гречанка. И в данном случае национальность, по-видимому, играла не последнюю роль. Греки имеют определенные особенности характера, темперамента и поведения. И в картине болезни, в ее страхах, в контактности в какой-то степени отразились и сугубо национальные черты...

Что касается культуры, воспитания, образования, то, безусловно, это напрямую связано с психикой человека. Но воспитание влияет больше, чем образование: если человек эмоционально возбудим и неуправляем, он скорее «сорвется»... Есть такой термин — система отношений личности. Мой учитель академик Мясищев разработал доказательства, что у каждого человека существует система отношений. Каждый из нас определенным образом относится к своей профессии, к религии, другу, мужу, ребенку и так далее... У человека могут быть срывы только из-за того, что ему трудно открыться, трудно быть самим собой, как мы говорим. Встречаются, как известно, экстраверты и интраверты. Люди, которые накапливают эмоции (потом наступает разрядка), — это интраверты. Экстраверты сразу выплескивают эмоции, иначе им очень трудно.

Так вот: чем эта система богаче и разнообразнее (а здесь важны и культура, и воспитание!), тем личность самобытнее, ярче. А значит — система отношений личности подвижнее. Например, я определенным образом отношусь к какому-то явлению, но попадаю в безвыходную ситуацию. Если система подвижна, я могу подкорректировать свои взгляды и установки, перестроиться, не нарушая каких-либо очень важных человеческих норм. Подвижность психики часто спасает жизнь...

— И вам, Мария Эмильевна, приходилось сталкиваться с такими случаями?

— Приходилось. И, что называется, нос к носу... Как-то вечером ко мне в поликлинику пришел наркоман и потребовал немедленно дать наркотик. «А то как курице откручу голову». Я тут же поняла: нельзя ни в коем случае выказывать испуг. И сказала, может быть, нелепую фразу: «Делайте, что хотите, если вы здоровенный мужик, сможете... ну что ж, откручивайте беззащитной женщине голову». Вижу, он растерялся. Я решила его психологически «достать» и прямо-таки заорала: «Ну, откручивай! Давай!» Не ожидая такого напора, неудавшийся грабитель спешно ретировался. Еще случай. Вечером, зимой, на меня напали воры, потребовали снять дорогую шубу. Я сказала, что я врач, нужна людям. Если я заболею... Проводите меня лучше до подъезда, там я вам отдам шубу. Они действительно проводили и... не раздели.

Вот — две экстремальные ситуации. В каждой нужно было мгновенно выбрать линию поведения. Короче, найти в человеке агрессивном, эмоционально неустойчивом ту «кнопочку», которая его «переключит» — снимет напряжение, агрессию. Это не просто — тут нужно обладать действительно подвижной личностной системой. То есть душевно ограниченный, с малым запасом культуры, фантазии человек вряд ли сможет быстро и адекватно прореагировать на неординарную житейскую обстановку.

— Ну, хорошо, у каждого, как вы говорите, есть «кнопка». Но, предположим, напавший человек не совсем нормален — у него нарушена психика...

— А что называть нормой? Достоевский, как известно, страдал

эпилепсией. И творчество его носило следы этой болезни: длинные обстоятельные фразы, усложненная стилистика, но писатель-то гениальный! Академик Бехтерев, по-видимому, цикломитик: размахи настроения за пределами нормы. Таким же, по-видимому, был и Пушкин... Банальные люди — это субъективное понятие! Остальные чаще всего — все цвета спектра. Один — яркая личность с огромной эрудицией, памятью... Другой мог бы быть таким, но жизнь распорядилась иначе. В каких-то обстоятельствах человек зажат и производит на вас впечатление флегматика или «примитивного», в других же — раскрывается как человек удивительный. Вам и самим, уверена, приходилось открывать в знакомых совершенно неожиданные стороны характера... «Зжатость» и «замкнутость» нередко таят в себе богатство внутренней жизни человека.

— Здесь вы абсолютно правы — приходилось. И все же, возвращаясь к разговору о «подвижности личности», хотелось бы остановиться подробнее вот на чем: разве постоянство — это не признак здоровья личности? Постоянство в любви, в привязанности. Как правило, порядочность — это еще и постоянство. Значит, говоря упрощенно, порядочным людям трудно и перестраиваться. У них нет той самой так необходимой, как выяснилось, «подвижности».

— Не надо упрощать... Психика человека, если так можно сказать, механизм саморегулирующийся. И чем выше интеллект, глубже воспитание, культура (тут я не имею в виду примитивное классовое деление на рабочих, интеллигенцию и тому подобное — важен внутренний потенциал человека, а не его социально-профессио-

нальная принадлежность), тем тоньше и точнее «самонастройка» психики на жизненные коллизии и перипетии. То есть личность как сумма множества субъективных и объективных факторов будет в этом случае первична по отношению к заданным обстоятельствам. И то, что мы называем порядочностью, совестью, принципиальностью (обозначая этим словом определенные психологические личностные установки), вполне укладывается в предложенную схему. В самом деле, порядочность представителя племени канибалов и члена палаты лордов мягко говоря, различны. Но и тот, и другой в своей социально-общинной нише психически вполне полноценны и, возможно, счастливы. Вот если их поменять местами... Ущербность психики — это не просто отклонение от какой-то абстрактной «нормы», а невозможность соединить реальное с воображаемым, примирить действительность и «мечту». Отсюда — неврозы, психологическая несовместимость с людским окружением, житейской повседневностью. Почему у нас так болезненно, трудно, с такими катастрофическими издержками идут реформы? Причин много. Но не последнее место занимает психологическое невосприятие их. Мы не только социально, экономически были сориентированы на социализм (в большевистском понимании!), но и психологически. И теперь, так сказать, взрывается в обществе «психологическая бомба»... Стандарт, стереотип поведения должен соответствовать внутренним установкам личности. Тогда даже неблагоприятные внешние обстоятельства не приведут к невротическим срывам или даже к душевным заболеваниям. Человек сумеет легче адаптироваться к психической травме.

— Но психотерапевт может помочь человеку сделать свою психику более подвижной, изменить личность?

— Конечно... У меня была больная, с которой я давно переписывалась. Она педагог, филолог. Я считала (и внушала ей это!), что она должна стать школьным психологом. По эмоциональности, интеллекту... И сейчас она успешно заканчивает психологический факультет. Но это долгий и незаметный процесс, как воспитание ребенка. Вы должны привить те особенности и навыки, каких, может быть, вообще не было у человека... Практика жизни доказывает реальность такой перестройки личности, которая приносит радость.

Вообще, хочу сказать, работа психотерапевта требует длительного, доверительного и постоянного контакта с пациентом. Не обязательно «с глазу на глаз». Может быть общение и через письмо, доверительные телефонные разговоры, дневниковые записи... Важна внутренняя душевная нить, связывающая их.

Недавно я получила письмо от этой же моей пациентки — она уже работает в школе психологом и счастлива.

Многие не понимают, что такое психотерапия, гипноз. «Спите-засыпайте» — и все... А между тем это очень сложная наука: чтобы найти источник болезни, нужно проникнуть в душу человеческую, найти глубокий контакт, вызвать доверие, оказать влияние.

Мне удалось буквально спасти женщину. Она жила на окраине села неподалеку от Харькова. В хату ворвались трое неизвестных и изнасиловали ее. Она пыталась повеситься, слава Богу, неудачно. Хотела рассказать обо всем мужу, я ее разубедила. Мы

достаточно долго общались, я провела и несколько сеансов гипноза. Теперь это здоровый уравновешенный человек...

Я не сторонник медикаментозной, «таблеточной» психотерапии. Есть более рациональная, эффективная — разговорная, речевая. Она успокаивает, стимулирует, реконструирует психологические установки. К сожалению, многие врачи (и психотерапевты тоже) слишком мало разговаривают с пациентами. Мало не только для того, чтобы вылечить, а чтобы хотя бы поставить адекватный диагноз. А должно бы выяснять особенности личности, характера, эмоциональности, окружения. Особенности переживаний в разных системах жизни... Как ему живется, удовлетворен ли он жизнью? Каждый из нас по-своему психотерапевт. Когда вы хотите ободрить друга, вы говорите, что жизнь продолжается, есть семья, любовь, работа, есть идеалы. Но только психотерапевты делают это на более высоком уровне... Здесь вспоминается Станиславский: он говорил, что надо «сложное делать простым, простое — привычным, привычное — приятным».

— Увы, в стрессовых ситуациях мы чаще всего не бежим к специалисту. Нет у нас такой культуры (и денег нет, если хотите...). Мы из своих друзей, из 5—15 выберем одного, с кем мы можем быть откровенны, и который «входит» в нашу душу. Но те, которые умеют «входить в душу», отдают столько сил на сопереживание! Они быстрее, чем могли бы, устают, стареют. Просят о помощи, ты как бы отбираешь у них кусочек жизни... Или не так?

— Это вы точно подметили. И у профессионала подобные «затраты» на порядок выше. После приема чувствую себя донором,

который отдал всю кровь. Я не лгу... Чтобы помочь больному, психотерапевт должен прежде всего понять его психическое, душевное состояние. Для этого есть определенный набор профессиональных приемов, методов. Но тут главное — суметь поставить себя на его место. Как говорится, влезть в его «шкуру». И подобная душевная «перекачка» не проходит бесследно. Чем выше уровень мастерства, профессионализма психотерапевта, тем, как ни странно, он менее «толстокож» к чужому горю, менее защищен. И только великолепное знание собственной психики, ее «порогов», «шлюзов», умение «блокировать» свои эмоции, стрессы дают возможность восстанавливать душевную «прану» — энергию.

— А как вы восстанавливаете?

— Довольно быстро. Помогают кино, театр, музыка...

— А сами вы были в стрессовых ситуациях, очень острых и болезненных?

— Конечно. У меня было «полное собрание сочинений» врагов, связанных с научной карьерой. Но я искренне говорю: спасибо врагам — они меня тонизируют... Помните, романтический монолог Сирано: «Но все-таки я борюсь, я борюсь, я борюсь!»

— Какие душевные заболевания, Мария Эмильевна, сегодня наиболее ощутимы?

— Неврозы, различные страхи, депрессивные состояния, тревога, сексуальные расстройства, связанные не с физиологией, а именно с психикой, неудовлетворенностью в себе и т. д. Усилилась вера в колдовство, порчу, сглаз — это тоже область психической аномальности. Люди боятся сойти с ума, заболеть раком; боятся одиночества, заснуть и не проснуться; их пугает толпа, встречи с незна-

комцами... Все эти страхи известны давно и возникают в любом обществе, поколении... Но сейчас их число увеличилось за счет объективно ухудшившейся социальной среды. Страх идти одному вечером реален, потому что каждый день по телевизору мы видим, как в нашем городе совершаются бессмысленные, жестокие преступления. Массовый психоз толпы — тоже не выдумка. Побывайте на сегодняшних митингах, почитайте периодику... И тут я хочу сказать кое-что непосредственно вам, журналистам. Будьте осторожны со словом! Оно ведь не только лечит, но и калечит. И пусть обвинения в адрес средств массовой информации в «нагнетании» не воспринимаются вами лишь как попытка «удушить гласность». Когда люди изо дня в день читают почти в каждой газете о чудовищных преступлениях, о бессовестном насилии, наплевательстве на их достоинство, и подбор фактов, комментарии, интерпретация обстоятельств нацелены только на накопление отрицательных эмоций — скажите, какая психика выдержит такое?! А многочасовая трансляция съездовских баталий — мир алогичности, лишенный здравого смысла, — что может вызвать, кроме раздражения и душевной боли?! «Четвертая власть», как сейчас принято именовать прессу, — это власть над душами людей, не забывайте этого.

— Как вы считаете, в нашем правительстве, Верховном Совете должен работать классный психотерапевт?

— И не один! Врач-психотерапевт нужен сегодня большинству из нас, в том числе и членам правительства, если, конечно, он умен, эрудирован, корректен, ненавязчив и, главное, если есть

вера в него, в его авторитет, если он войдет в вашу жизнь — и личную, и профессиональную. В отдельных странах Запада, на которые мы нынче равняемся, личный психотерапевт, я бы сказала, не роскошь, а средство для нормальной полноценной жизни и профессиональной деятельности. Такие психотерапевты есть там и у членов сената США, и у членов английского парламента, и у «простых смертных». Я уверена, что характерные для наших властных структур не всегда корректные споры, излишняя нервозность, «защикленность», иногда нежелание или неумение слушать и слышать друг друга в значительной мере сгладились бы, а то и вовсе исчезли при умной и постоянной работе психотерапевтов. При такой нервной душевной нагрузке, которую испытывают члены парламента и правительства, стрессовые срывы, к сожалению, неизбежны...

— Сейчас мы слышим все чаще, что совершенно нормальных людей нет и все мы, каждый по-своему, с отклонениями... На ваш взгляд, Мария Эмильевна, как много людей подвержено неврозам сегодня?

— На основании врачебного опыта могу сказать: резко увеличилось количество «ипохондриков». Это когда болезни — на копейку, а страха и жалости к себе — на рубль. Иногда это доходит до полного абсурда: одному кажется, что он сошел с ума, другому — что заболел раком и скоро умрет и так далее. У них жалобы и однотипные, и многообразные, нередко совершенно невероятные, обычно не укладывающиеся в картину никакой болезни... Опытный специалист не затрудняется в диагнозе. Так, женщина 45 лет, мать шестерых детей

и бабушка двоих внуков (мать ее — медсестра, отец — музыкант, муж — крупный административный работник), обратилась ко мне после безуспешного врачевания у колдунов и гадалок в Московской области; страхи сойти с ума и смерти усилились. А возник этот тяжелый невроз совершенно случайно. Она шла с детьми по дачному поселку, и дети бросили на чью-то крышу камни. Вышла хозяйка дома, оскорбляла ее и крикнула: «Ты сегодня заболеешь и сойдешь с ума, дети тебя лишатся». (Надо заметить, что женщина эта весьма внушаема.) И что же? Она действительно заболела в тот же день. Считая, что умирает, ничего не ела, слабела на глазах. Мне пришлось лечить ее более полугода... Снимать «психологические блокировки». А вот еще случай: девушка вышла замуж, но детей не было. Свекровь постоянно твердила, что если не будет ребенка, муж ее бросит. Молодая женщина страшно боялась этого. У нее развилась аэрофобия (человек заглатывает воздух, и у него растет живот) — нередкий случай при истерии, а она была уверена, что наконец-то забеременела. Через 9 месяцев поняли: нужен психотерапевт...

...Типичный маменькин сынок, subtilный, не приспособленный к семейному быту, по настоянию родителей женился на богатой молодой женщине. Так вот, жена вызывала у него рвотный рефлекс. Врачи поставили диагноз: «гастрит», а затем «язва желудка». Ко мне его привезли, когда положение было угрожающим. Но диагноз оказался и проще, и сложнее: истерия... Самовнушаемость, мнительность становятся чрезвычайно опасными, если они бесконтрольны, гипноз же в этих случаях творит чудеса!

— *Тогда такой вопрос: человек*

заболел. Как правило, он идет к участковому терапевту. Но, возможно, ему необходим именно психотерапевт. Кто подскажет это больному?

— Если он попадет к хорошему специалисту, тот поможет ему сориентироваться...

— *А если нет?.. Пошлет к хирургу, урологу, «ухо-горло-носу» — ведь залечат!*

— Я бы советовала в таком случае все же найти время, чтобы заглянуть к психотерапевту. К сожалению, у многих психотерапия ассоциируется с такими понятиями, как «психушка», «сумасшествие», «помешательство». Люди иногда просто боятся идти к нам. И мы, психотерапевты, боязнь эту понимаем. Десятилетия в стране психотерапия была медицинской «падчерицей», а психиатрия вообще «мерой пресечения». При таком раскладе, конечно же, психотерапевт — пугало. Необходимо ломать этот стереотип. И как можно скорее. Повторяю, нынче многие нуждаются в профилактической корректировке личностного восприятия действительности и отношения к ней... Здесь нужны психопрофилактика и психотерапия.

Сегодня происходит иногда и деформация личности. Есть люди, которые легко приспособляются к жизни, другие платят тяжелыми неврозами, «не вписываясь» в среду. И здесь дело не в возрасте, точнее, не только в нем. Человеку консервативному, пожилому, конечно же, сложнее приспособливаться. Бывает, что реалии жизни человека мешают трезво оценить живость его ума, фантазию, способность к эмоциональному восприятию действительности. Обратите внимание, люди истинно творческих профессий — писатели, художники — сейчас работают мало и, может

быть, не так продуктивно, как хотелось бы. Почему? В одних случаях им не везет — они плохо адаптируются, в других — разочарование (какой-то трехкопеечный сексуальный романчик быстро раскупается, а вещь более глубокая и самооценная оказывается не нужной). Если бы жил сегодня Тургенев, написал бы он свои знаменитые «Записки охотника», «Первую любовь», «Рудина»? Едва ли... А вот Дюма, скажем, человек более авантюрного, «жизнестойкого» плана, вполне вероятно, приспособился бы легче. Древние философы говорили: перестрой отношение к вещам, которые волнуют тебя, и ты будешь от них вне опасности. Это и в нынешней психотерапии очень важное положение. Работа психотерапевта не в том, чтобы вылечить человека, но в том, чтобы дать ему возможность вылечить самого себя. Психотерапевт «открывает шлюзы»: Конечно, психотерапия — метод психологического воздействия. Я обязана отлично знать психологию, психиатрию, социальную психологию, овладеть разными психотерапевтическими методами, иметь и навыки терапевта...

— Как и в любое «смутное время», сейчас появилось множество практикующих экстрасенсов, колдунов, различных чудо-целителей. И почти каждый считает, что может излечить от недугов не только пациента, но и все общество... Как вы относитесь к ним?

— И экстрасенсы, и психотерапевты влияют на внушаемых людей. Если человек верит в магические силы экстрасенса, это ему, случается, и помогает... То есть он своей верой излечивает себя. Нельзя не отметить, что и среди экстрасенсов есть одаренные, талантливые люди. Психотерапия же — вместилище многообразных

методических вариантов психологического воздействия на человека. Психотерапевт познает глубоко человека как личность: по сути, он занимается особой областью — человековедением.

У одной женщины во время митинга во Львове затоптали мать. Трагедия. Конечно, помочь практически невозможно — мать не воротить. Я спросила: крестилась ли она? Говорит: нет, не верю в Бога. Я ее убедила пойти к священнику и окреститься. Она пришла потом ко мне успокоенная. Даже если б я ей душу отдала, я бы одна ей не помогла...

Лично меня многие считают экстрасенсом, хотя я себя к их числу не отношу... Мы мало знакомы с биоэнергетикой (и я, в частности). Что такое психологическая установка? Вера в вас! Внушаемость — это когда несколько снижен критический настрой. Человек говорит: я влюбился, она такая красивая. Он видит ее такой. Но вот что не приемлю напрочь — это массовых сеансов! Тут вред может быть огромный. Говорю это как врач с опытом. Ведь среди сотен сидящих в зале есть люди с хроническими заболеваниями важнейших органов, различными эмоциональными особенностями, психическими отклонениями — к ним нужен индивидуальный подход, нередко необходимо поставить правильный диагноз. А такое, с позволения сказать, «лечение» может даже индуцировать психозы. Это ведь нередко самообман... Человек — очень сложное понятие: помните народную мудрость, что «надо пуд соли съесть»...

— Но отчего же сейчас особенно возрастает вера в колдунов, в необычное?

— От падения внутренней культуры. А нынешняя социальная среда этому способствует...

Человек ищет то, что отвлекло бы его от насущных проблем, которые он не в состоянии разрешить. У него маленькая квартира, и едва ли он получит большую. Маленькая зарплата, не слишком удачная личная жизнь... Он в растерянности, ему не на что опереться душой. Идеалы разрушены, ориентиры утрачены... Частое явление — одиночество, а это «чума XX века». Лишь немногие как личности самодостаточны. И в поэтической строке «возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке», на мой взгляд, заложен большой, если можно так сказать, психотерапевтический смысл... Должны быть семья, друзья, интересы, увлечения, радости. Нужно созидать жизнь!

— *Перед вами, Мария Эмильевна, человек, по сути, исповедуется как перед слугой Божиим. Так, возможно, церковь тоже занимается психотерапией, лечением душ?*

— Мне было бы не совсем тактично судить об этом. Я человек неверующий, но ведь у нас есть Бог в душе человеческой. В это я верю! Но убеждена в одном: церковная исповедь как бы перекладывает людские заботы, грехи на «Божьи плечи». Исповедь и у психотерапевта... По существу, это путь к самопознанию. Я логически ссылаюсь на реальные объективные обстоятельства, убеждаю больного в его здравии. Ко мне приходит женщина и говорит: отец моей дочери не мой муж. Она сходит от этого с ума, готова покончить с собой. Я ее убеждаю: вы родили прекрасного, здорового ребенка, муж любит ее, любит вас. Ваш «грех» мимолетен, он в прошлом, впереди же жизнь, которая без вас станет мучением для ваших близких. И в первую очередь для мужа и ребенка. Казня себя,

вы казните любимых вами людей...

— *И вы отпускаете ее «грех»?*

— Нет, я всегда стараюсь найти ниточку, чтобы распутать узел.

**Беседу вели
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ,
НАТАЛЬЯ РОДИОНОВА.**

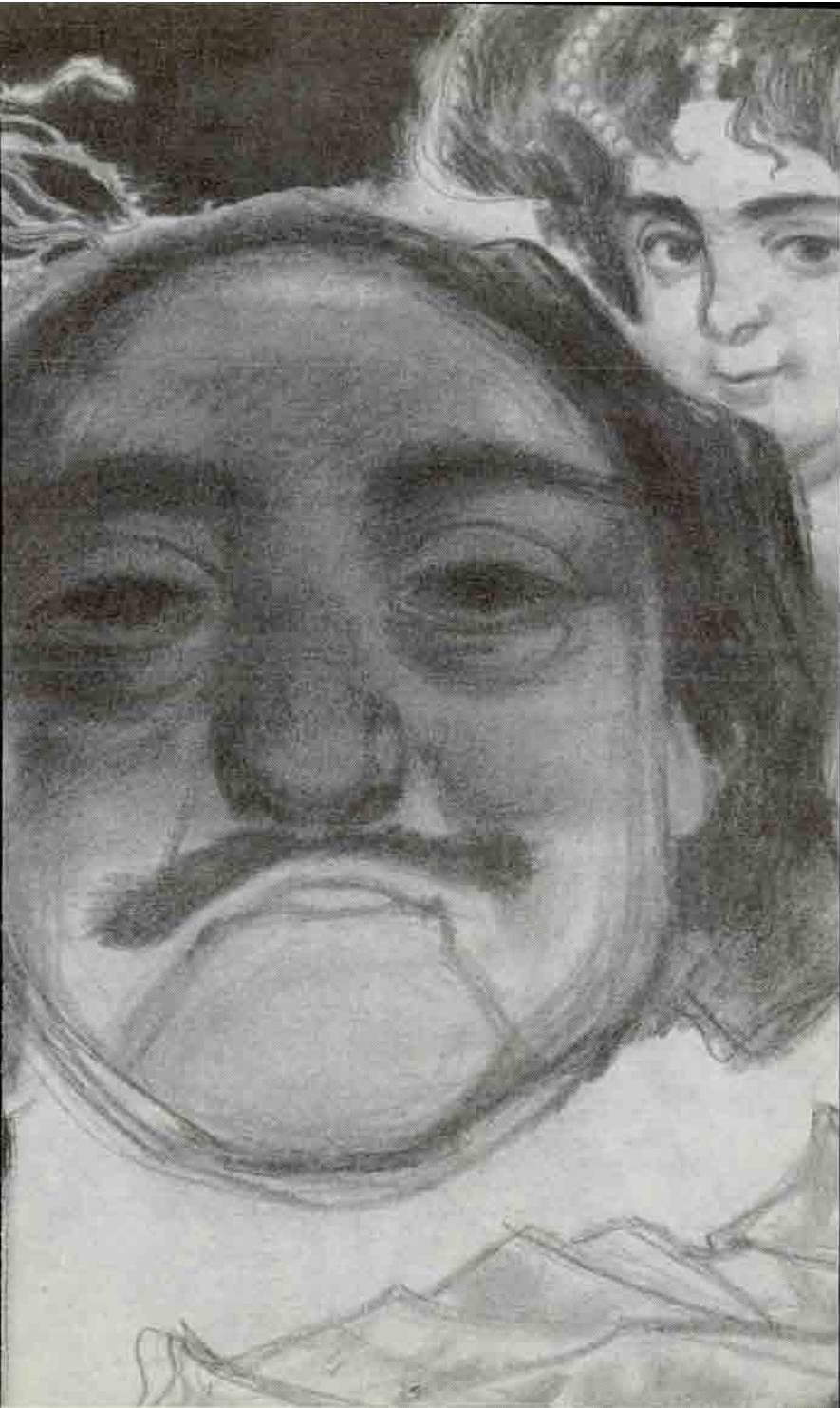
Женский круг

СИГИЗМУНД ЛИБРОВИЧ

Потра Вальки

Рисунки ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

Ни один из властителей России не сравнится с Петром Великим по обилию страниц, о нем написанных. Деятельность Петра — реформы его и баталии — породила литературу поистине необъятную. Однако интимная сторона жизни преобразователя, а выражаясь прямее — отношения его с женщинами, окружавшими в разные годы первого российского императора, исследована сравнительно мало, в то время как иные венценосцы обрели в этом смысле богатое литературное наследство.

Причину этому нужно искать, должно быть, в том, что в отличие от других монархов, русских и европейских, Петр не поддавался влиянию прекрасного пола настолько, чтобы позволить страсти возобладать над рассудком и тем самым воздействовать на государственную политику. Между тем Петр не был, мягко выражаясь, ни аскетом, ни женоненавистником, что единодушно отмечают все его биографы, хотя и касаются этой темы как бы побочно. Первая и, кажется, единственная до сих пор попытка раскрыть ее в отдельном исследовании принадлежит перу знакомого читателям нашей рубрики библиографа и историка Сигизмунда Либровича («Смена» № 12, 1992). Книжка эта, вышедшая в Петербурге в 1904 году, давно уже стала библиографической редкостью, хотя, как нам кажется, заслуживает внимания и современного читателя.

28 января в Москве, в небольшой придворной церкви св. Апостолов Петра и Павла протопоп Меркурий венчал молодого царя Петра Алексеевича с дочерью окольного боярина Евдокией Федоровной Лопухиной.

Венчание было скромное. Из посторонних присутствовало только несколько бояр, преданных царице-матери Наталье Кирилловне, да несколько юных товарищей самого жениха. Вообще венчание имело характер странный: казалось, точно Петр тайком сочетается браком с молодою боярышней.

На лице царя-жениха, которому в то время минуло всего 16 лет, не видно было радости. Напротив, лицо его было мрачное, грустное. Немногие свидетели венчания отлично понимали причину грусти Петра. Ведь не по своей он воле женился, но исполнил лишь настойчивое желание царицы-матери. Наталье Кирилловне не нравились его увлечения разными «огненными и водяными потехами», полное равнодушие ко всему, что творилось в Кремле, его буйные пирушки с жившими под Москвою иноземцами Немецкой слободы. И вот как средство остепенить молодого царя она решила женить сына.

Были, однако, у Наталье Кирилловны еще и другие, пожалуй, более веские соображения. Она с ужасом видела, как ее падчерица, правительница Софья Алексеевна, с каждым днем все более и более прибирает власть в свои руки, что она отстраняет ее, Наталью Кирилловну, от всякого вмешательства в государственные дела, и еще боялась царица-мать, что не сегодня-завтра Софья со своими многочисленными приверженцами окончательно

но вырвет венец из рук братьев Петра и Иоанна. И вот как средство упрочить престол за Петром и его ожидаемыми наследниками придумана была женитьба.

По принятому у московских царей обычаю, невесту для юного царя предстояло искать среди знатных боярских дочерей. Но царица не дала Петру самому сделать выбор, а прямо заявила, что приискала уже невесту для сына. Выбор ее пал на дочь боярина Лопухина, одну из замечательнейших московских красавиц того времени. Евдокия Федоровна была девушка смиренная, благочестивая, воспитанная в страхе Божиим и отеческих обычаях. Царица-мать считала, что именно такая жена нужна была Петру, привыкшему к слишком вольной компании, с плясками, пениями, попойками, и что именно такая подруга жизни скорее всего отучит его от опасных этих забав. Правда, Евдокия Федоровна была тремя годами старше Петра, но это, по взглядам Натальи Кирилловны, выходило вполне к стати.

Однако надежды царицы-матери, рассчитывавшей, что семейные обязанности привяжут Петра к Москве и отвлекут его от прежних забав, не сбылись. Едва миновал медовый месяц, Петр оставил молодую жену и поскакал в Переяславль строить суда с немецкими корабельными мастерами.

84

Вообще вопреки ожиданиям Натальи Кирилловны Евдокия Федоровна не имела ни малейшего влияния на своего супруга, да и никоим образом не могла иметь его. Боярышня Лопухина принадлежала к числу тех бесцветных женских личностей, которые были местным продуктом старорусской почвы и в людях, не возросших на этой почве или оторвавшихся от нее, не порождали никакого иного чувства, кроме чувства сострадания. Воспитанная, как воспитывались все боярышни того времени, она, по всей вероятности, совмещала в себе все добродетели и таланты «Домостроя» и тому подобных кодексов старорусской мудрости и морали; но все эти добродетели и таланты, совокупность которых составляла идеальную женщину в глазах Алексея Михайловича или Федора и Иоанна Алексеевичей, не имели уже вовсе такого значения в глазах Петра. Его требования были совсем иного рода, и по силе этих требований между ним и женою его не было ничего общего. Петр любил деятельную, кипучую жизнь, военные упражнения, море, походы, путешествия, а Евдокии Федоровне хотелось, чтобы он постоянно сидел с нею, целовался да миловался, разнообразя это полезное занятие чтением какой-нибудь минеи да душеспасительною беседою с каким-нибудь блаженным. Петр любил общество иностранцев, их обычаи, нравы, образ мыслей, а Евдокия Федоровна весьма серьезно почитала всех иностранцев проклятыми, отверженцами, еретиками, созданными на одни мерзкие дела, и якшанье с ними казалось ей позором и богоотступничеством. Петр после тяжелых, продолжительных трудов не прочь был повеселиться, поплясать и побалагурить с дочерьми и женами своих немецких друзей, а Евдокия Федоровна, верная взглядам и преданиям старины, видела в забавах мужа нечто крайне предосудительное и безнравственное и преследовала его за это жалобами, упреками и самую докучную ревностью. Впоследствии ко

всему этому присоединились еще другие, совершенно особенные обстоятельства, заставившие Петра видеть в своей супруге врага.

Наглядевшись на свободную жизнь иностранцев в Немецкой слободе, жизнь, так резко отличающуюся от теремной замкнутости московских боярышень, Петр не мог довольствоваться одною красотой своей супруги. Пылкая, страстная натура его, очевидно, уже тогда искала в женщине если не знания, то по крайней мере ума, между тем как Евдокия Федоровна, судя по отзывам современников, особо умом не отличалась. Неглупая, но бездарная, кроткая, но ревнивая, дородная и цветущая, но не вызывающе красивая, она была скучная, невежественная и не терпела иностранцев. О каком-либо образовании ее, о способности сочувствовать обширным планам царя-преобразователя не могло быть и речи. Этим главным образом можно объяснить, почему Петр охладел к жене, которую он, впрочем, никогда и не любил.

Охлаждение это явилось, разумеется, не вдруг; оно шло последовательно, день за днем, увеличиваясь по мере того, как характер, склонности и требования царицы все яснее и яснее обозначались перед пронизательным царем.

В 1690 году царица разрешилась от бремени сыном. Новорожденный был наречен именем своего знаменитого деда, царя Алексея Михайловича. Затем, в октябре 1691 года, царица одарила Петра еще сыном — Александром, который скончался семь месяцев спустя.

Рождение детей не изменило отношения царя к Евдокии Федоровне. Он все более и более охладевал к ней, из походов даже не писал. Царица грустила, жаловалась на свое одиночество и в письмах к Петру звала его к себе, но Петр даже не думал о ней: другая женщина всецело завладела его сердцем, но пока жива была царица-мать, он не решался порвать с женою. После кончины Натальи Кирилловны, поддерживавшей согласие между супругами, царь перед отъездом за границу в 1696 году решил окончательно расстаться с Евдокией и удалить ее в монастырь.

Впрочем, не одно охлаждение к царице и не та другая, овладевшая его сердцем, явились тому причиной. К этому прибавилась еще одна: Евдокия Федоровна, происходя из семейства, преданного старым порядкам, приверженцам московской старины, как и вся ее родня, не сочувствовала «новшествам» Петра, не разделяла его идей относительно задуманных им реформ и поддерживала партию недовольных мероприятиями царя-преобразователя. Это и явилось главной причиной разрыва. Правда, и вышеперечисленных нельзя сбрасывать со счетов.

В Немецкой слободе, куда в XVII веке были выселены иностранцы, в числе других жило семейство Монсов. Посещая с особенным увлечением слободу и проводя целые дни у своего любимца Лефорта и других знакомых иноземцев, Петр увидал там девушку, которая сразу его пленила и к которой он воспылал любовью.

Покорившая сердце царя немка Анна Монс была дочь Иоанна

Монса, уроженца города Миндена, по свидетельству одних современников — виноторговца и бочарных дел мастера, по свидетельству других — золотых дел мастера. Лефорт был близко знаком с семейством Монсов, а с Анною, отличавшеюся замечательной красотой, этот умный женевец находился в самой интимной дружбе.

Знакомство Петра с Анною относят к 1692 году, ко времени полного охлаждения царя к Евдокии Федоровне. В скромный домик Монсов Петра тянет больше, нежели во дворец, где его ждет плачущая царица. Умная, кокетливая немка умела привязать царя к себе тем наружным лоском обращения, которого тогда так недоставало русским женщинам. Не забывает Петр о своей «Аннушке» ни во время походов, ни во время путешествия по Европе, и, возвратившись после долгого отсутствия в Москву, он первым делом посещает Анну Монс. Об этом сочли даже долгом сообщить своим правительствам иностранные послы, очевидно, предвидя влияние этой любви на весь ход государственных дел. Связь Анны Монс с Петром, начавшись в 1692 году, продолжалась более десяти лет. Что же это за личность, эта немка, заслужившая себе любовь русского царя? Достоянна ли она нежной привязанности великого преобразователя России?

86

Ответы на эти вопросы историки дают чрезвычайно разноречивые. В то время как одни утверждают, что Анна Монс стояла нежной привязанности Петра, другие говорят, что она была алчна и отличалась легкостью нрава, третьи, как, например, Семевский, называют ее «страшно эгоисткою, немкою сластолюбивою, чуть не развратной, с сердцем холодным, немкою расчетливою до глупости, алчною до корысти, при всем этом суеверной, лишенной всякого образования, даже малограмотной», которая «отдалась Петру только из корысти, ради собственной прибыли и возвышения своей фамилии». Кроме пленительной красоты, по словам того же историка, в Анне Монс не было никаких других достоинств; поднятая из грязи разврата, она не сумела оценить любовь Петра и его поступка, который он совершил ради нее, предав жестокой участи законную супругу.

Эта характеристика совершенно, однако, противоречит взглядам современников-иностранцев. «Особа эта, — говорит один из них, — служила образцом женских совершенств: с необыкновенною красотою она соединяла самый пленительный характер, была чувствительна, но не прикидывалась страдальницей; имела самый обворожительный нрав, не возмущаемый капризами; не знала кокетства; пленяла мужчин, сама того не желая; была умна и в высшей степени добросердечна». В своих дружеских отношениях к Петру, по свидетельству тех же современников, Анна Монс была так безупречна и так целомудренно-сдержанна, что вследствие этой холодности сама лишила себя трона, который она, без сомнения, разделила бы с русским царем, если бы не оттолкнула его от себя предпочтением ему другой личности, которую она действительно любила. Петра же, говорят, она не любила, а только умела ценить его любовь к ней, отвечала ему теплой дружбой и умела пользоваться добрым чувством всемогущего властелина русской земли.

Петр не скрывал своих отношений к Анне Монс: красавица немка являлась даже иногда при больших празднествах, к которым приглашались иностранные дипломаты. Родственники ее открыто получали от царя в дар дома и вотчины. Самой Анне с ее матерью Петр пожаловал ежегодный «пенсион» в 708 рублей, что представляло тогда значительную сумму. Кроме того, государь пожаловал Анне Монс огромный каменный дворец в Немецкой слободе и подарил ей свой портрет, усыпанный брильянтами.

В переписке с Петром Анна Монс заканчивает свои послания к нему словами «getrene dinnerin» — «верная слуга». О любви в этих письмах нет ни слова. И Анна Монс на самом деле не любила Петра. У нее был «друг сердца» в лице польского посланника, саксонца родом, Кенигсека, вступившего в русскую службу и сделавшегося любимцем царя.

Петр, конечно, ничего не знал об отношениях своей фаворитки к Кенигсеку. Он узнал об этом только тогда, когда Кенигсек, сопровождая царя при осмотре одного моста, упал в воду и утонул. Разбирая бумаги утопленника, царь нашел в них письма Анны Монс, содержание которых показывало тайную связь между фавориткою и ловким дипломатом. Петр велел послать за изменницею, стал укорять ее в неблагодарности. Изменница ожидала наказания, но вдруг у Петра полились слезы, и он сказал:

— Забываю все, я тоже имею слабости. Я вас не буду ненавидеть и обвиняю только собственную мою доверчивость. Продолжать мою любовь с вами — значит унижить себя. Прочь! Я умею примирить страсти с рассудком. Вы ни в чем не будете нуждаться, но я с сих пор вас уже не увижу.

Вслед за тем Петр приказал арестовать Анну и ее сестру. Обе были отданы под строгий надзор князя Ромодановского; им запрещено было даже посещать кирху. Три года тянулось «дело Монцовой», в течение которых Анна томилась в заточении, и только в 1706 году благодаря посланнику Кейзерлингу Анна Монс была выпущена на волю. В 1711 году она вышла замуж за этого Кейзерлинга, но вскоре овдовела.

Любовь Петра к красавице немке была, бесспорно, очень сильная, и имей она более ума, то, может быть, была бы не Екатериной I первою русскою императрицею, а Анна Ивановна Монс. То, что Петр уже подготовлял почву к браку с нею, показывает его отношение к Евдокии Федоровне, которую он, познакомившись с Анною Монс, старается склонить к добровольному пострижению. Переговоры по этому делу, по поручению царя, вели бояре Лев Нарышкин и Стрешнев, но царица не соглашалась. Сам Петр в ночной беседе, продолжавшейся четыре часа, старался уговорить царицу, но и тут она упорствовала. Однако Петр во что бы то ни стало хотел освободиться от ненавистной ему жены.

По возвращении своем из заграницы, 23 сентября 1698 года, Петр отправил царицу в Суздальский Покровский девичий монастырь; там через десять месяцев по именному царскому пове-

лению царица Евдокия Федоровна пострижена под именем инокини Елены. Петр не назначил ей даже никакого содержания, так что родным ее, Лопухиным, пришлось ей помогать то платьем, то съестными припасами.

Насильственное пострижение царицы без церковного суда вызвало порицание царя в народе. Царица не теряла, однако, надежды, что Петр смягчится со временем и вернет ее к себе. В этом еще более поддерживали ее предсказания ростовского епископа Досифея, который в пророческих намеках показал ей, что она скоро опять будет царицей. Под влиянием этих пророчеств царица-инокиня сняла монашеское платье, надела светское, стала жить в монастыре миряночкой и как царица начала принимать да жаловать приезжавших в монастырь архиереев и воевод. Так продолжалось до 1710 года, когда в Суздаль приехал для рекрутского набора майор Степан Глебов и представился царице. Он был богат, красив и молод. Царица не могла устоять против и, по собственному ее признанию, вступила с ним в связь. Сохранившиеся в архивных делах письма царицы к Глебову свидетельствуют, как горячо она его любила.

Об этой связи царь узнал только спустя семь лет, когда Глебов был привлечен к суду по поводу следствия над царевичем Алексеем. Две старицы Суздальского монастыря показали, что Глебов ходил к царице по ночам. Сам он сознался в связи с бывшею царицей. Елена подтвердила это показание при очной ставке с Глебовым, а в письме к Петру, повинувшись во всем, просила только прощения, чтобы ей «безгодною смертью не умереть».

«Суздальский розыск», как названо дело о преступлении Елены, кончился жестоким приговором: Глебова приговорили к смертной казни — его посадили на кол. Другие причастные к делу приговорены: епископ ростовский Досифей и ключарь Федор к смертной казни, две игуменьи — к наказанию кнутом и тюремному заключению. Царица же, инокиня Елена, «под крепким караулом», в сопровождении одной только карлицы, была отправлена в Ладожский Успенский девичий монастырь. Затем она была переведена в Шлиссельбург, где содержалась в строгом секретном заключении, где и пробыла до воцарения ее внука, императора Петра II, в 1728 году. После этого Евдокия Федоровна поселилась в Воскресенском монастыре под Москвою; ей было назначено большое содержание и дан особый двор.

В 1705 году царь Петр Алексеевич, будучи в гостях у любимца своего Меншикова, увидел молодую девушку, которая наружностью своею, но еще более своими бойкими движениями и остроумными ответами на вопросы Петра, очень понравилась царю.

На вопрос его, кто эта девушка, Меншиков отвечал, что это одна из «мариенбургских пленниц», а затем, когда Петр, не удовлетворившись таким ответом, пожелал знать подробности, Меншиков рассказал, что при взятии Мариенбурга русскими войсками 24 августа 1702 года в числе пленных

оказался некто пастор Глюк, у которого девушка находилась в услужении.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что девушка была дочерью литовского крестьянина Самуила Скавронского, что родилась она 5 апреля 1684 года, исповедовала римско-католическую веру и носила имя Марты. Мать ее, овдовев, переселилась в Лифляндию, где вскоре умерла. Судьбою сироты занялась ее тетка, которая отдала ее в услужение к пастору Дауту, причем Марта приняла лютеранство. Вскоре она поступила к другому пастору, Глюку, у которого и получила воспитание вместе с дочерьми своего хозяина или скорее опекуна. Воспитание это, по тогдашнему времени, ограничивалось хозяйством и рукоделиями. На семнадцатом году жизни Марта обручилась со шведским драгуном Иоганном Раабле, которого накануне свадьбы, а по другим источникам, на другой день после свадьбы потребовали на войну.

Молодая девушка осталась в Мариенбурге у пастора Глюка. По взятии Магдебурга русскими, она была приведена в русский лагерь пленницею, в одной рубашке. Тут судьбою ее занялся сначала генерал Боур, сподвижник Петра, потом Шереметев и, наконец, Меншиков, у которого царь и увидел девушку, поразившую его своею красотою, находчивостью и умом.

Знакомство Петра с пленною дочерью литовского крестьянина мало-помалу превратилось в чувство более глубокое и серьезное. Марта была взята ко двору знатных боярынь и сблизилась с царем.

Исполняя желание Петра, Марта, исповедовавшая до тех пор лютеранскую веру, приняла православие и получила имя Екатерины, а по отчеству — Алексеевны, потому что царевич Алексей был ее восприемником. После принятия православия возлюбленная царя жила с ним в Петербурге и в Преображенском под именем Екатерины Алексеевны Михайловой.

Связь Петра с Екатериною сделалась очень прочною, и с каждым годом привязанность его к «Катеринушке» росла все более и более. Наконец, в 1712 году Петр, долго не решавшийся преступать обычая своих предков, явно и открыто объявляет Екатерину Алексеевну своею второю, Богом данною, супругою, а дочерей, родившихся от нее в 1708 и 1709 годах, Анну и Елизавету, признает царевнами.

Брак царя с Екатериною состоялся 19 февраля 1712 года в Петербурге. В этот день скромная пленница Марта Скавронская, приведенная под русское знамя в одной сорочке, превратилась в царицу Екатерину Алексеевну.

Привязанность Петра к Екатерине объясняется не одною ее красотою. Она, как замечает Платонов, была подходящим Петру человеком: скорее сердцем, чем умом, понимала она все вкусы, взгляды и желания Петра, откликалась на все, что интересовало мужа, и с замечательною энергией умела быть везде, где был муж, переносить все, что переносил он. Она явилась в полном смысле беспрекословною сподвижницею Петра; до тонкости изучив характер царя, она умела угодить своему царственному другу, а потом мужу, умела обрадовать его, ободрить; она одна

обладала даром успокоить и усмирить его в минуты гнева, терпеливо выносила его резкие подчас выходки, умела показать горячее участие к его делам, была предана ему до самозабвения, разделяла труды и опасности царя, охотно сопровождала его в походах и в путешествиях, следила за его успехами, сочувствовала его радости и его горю, умела шутить с ним и серьезно выслушивать его широкие планы и затеи. Она умела выказывать такое сочувствие замыслам Петра, что он изливал ей свою душу, думая, что она все понимает. Петр выслушивает советы Екатерины и некоторым из них придает большое значение. Так, например, он приписывает ей заслугу заключения мира с турками при Пруте, когда русское войско находилось в крайне затруднительном положении. Разделяя государственные заботы Петра, Екатерина готова была всегда разделить удовольствия царя, оживляя пиры своею природною веселостью. На балах Екатерина танцует легко и свободно. Она успевала сделать три круга, тогда как остальные не успевали окончить еще первый. Но Екатерина танцевала старательно только с государем, который, подобно ей, выделял каждое «па». С другими же кавалерами она танцевала небрежно, не подпрыгивала, не вертелась, а ходила обыкновенным шагом.

Что касается сказочной будто бы красоты Екатерины, то это обстоятельство не подтверждается тем, что писали о ней современники. Так, французский посол Кампредон говорит, что лицо у нее было самое простое и грубое. По замечанию маркграфини Барейтской, которая видела Екатерину в 1717 году в Берлине, Екатерина была небольшого роста, очень полна и отличалась большою силою в руках. На портретах она имеет вид здоровой и красивой женщины, но ничуть не красавица. «Черты лица Екатерины, — пишет Семевский, — неправильны; она вовсе не была красавицей, но в полных щеках, во вздернутом носе, в бархатных, то томных, то горящих глазах, в ее злых губах и круглом подбородке, вообще во всей физиономии столько жгучей страсти, в ее роскошном бюсте столько изящества форм, что немудрено понять, как такой колосс, как Петр, всецело отдался этому «сердешинькому другу».

Для иных историков является загадкой, как мог Петр привязаться к сироте-иноземке, бывшей служанке, потом пленнице. Разгадку этой на первый взгляд странности царя надо искать в характере Екатерины и в ее умении подчиняться всецело воле Петра.

Со всякою другою супругою, кроме Екатерины, Петр не мог бы ужиться. Он не только не терпел противоречия себе, но не выносил даже сдержанного, не высказываемого прямо неодобрения своих поступков. Он хотел, чтобы все около него признавали хорошим все, что он ни делает. Так и Екатерина относилась к Петру. Это была ее первая добродетель. Обладала она и другою. Нередко, подвергаясь гневу, Петр приходил в умоисступление: все бежало от него, как от свирепого дикого зверя; но Екатерина сумела подметить и усвоить такие приемы обращения с мужем, которыми было возможно успокоить эту свирепость. В такие минуты одна она могла приступить к нему без

боязни; один звук ее голоса успокаивал царя; она сажала его, брала за голову, лаская, почесывала и тем наводила на него сон. Когда ей несколько раз удалось это средство, Екатерина стала для Петра необходимым существом. Как только приближенные замечали в его лице судорожные движения рта — предвестники припадков свирепости, тотчас звали Екатерину: в ней было словно что-то магнетическое, исцеляющее...

В первых числах ноября 1724 года по улицам Петербурга проходил отряд солдат с чиновником и барабанщиком во главе, и когда на барабанный бой сбегался народ, ему объявляли, что каждый, кто давал взятку камергеру Вилиму Монсу и сестре его генеральше Матрене Балк или знает об этом, обязан немедленно, под страхом тяжкого наказания, донести о том до сведения начальства.

Имя камергера Монса многим было хорошо известно — это был один из любимцев Петра и ближайший камергер императрицы. И вдруг этот могущественный сановник, перед которым заискивали вельможи, обвиняется в «плутовстве и противозаконных поступках», во взяточничестве, и ему предстоит смертная казнь!

Монс был родным братом бывшей фаворитки Петра, Анны. Участие в битвах под Лесным и Полтавой, ловкость и расторопность обратили на него внимание Петра, и в 1711 году он был назначен личным адъютантом к государю, а спустя некоторое время произведен в камер-юнкеры ко двору царицы. Красавец собой, Монс стал общим любимцем. В него влюблялись все фрейлины и другие важные девицы и дамы. Пошла молва, что сама императрица не совсем равнодушна к красавцу, что еще более увеличивало его значение. Перед ним, как и перед сестрою его Матреной, стали преклоняться все. К их ногам стали повергать просьбы, жалобы и челобитни. За хлопоты камергеру подносят кто коляску да шестерку лошадей, кто драгоценные камни; сестру же его, Матрену, дарят съестными припасами, кофеем, опашалами, китайским атласом и просто деньгами.

О проделках Монса знали все, кроме Петра. Только за три месяца до смерти он получил ясные указания на ту роль, которую играл при дворе Монс. Царь узнал об этом из «сильненького» письма или, проще, доноса, в котором, между прочим, говорилось и о близких отношениях Монса к Екатерине. По приказанию царя в ночь с 8 на 9 ноября 1724 года Монс был арестован. Не доверяя никому допроса в деле, затрагивающем ближайшие семейные обстоятельства, Петр сам допрашивает подсудимого. Насколько страшен был царь во время допроса, свидетельствует факт, занесенный в официальные акты: при допросе Монс упал в обморок.

Формально он был обвинен в лихоимстве, но из донесения австрийского посла видно, что такое обвинение служило лишь предлогом для расправы над Монсом и его сестрой.

Камер-юнкер был поэт, писавший стихи по-немецки. Среди других было одно, бросающее свет на истинную причину приго-

вора. В прозаическом переводе смысл его таков: «Любовь — моя погибель! Я питаю в своем сердце страсть: она причина моей смерти! Я дерзнул полюбить ту, которую должен был только уважать».

Над Монсом и сестрой его был наряжен строгий суд, который 14 ноября объявил камергеру смертный приговор. 16 ноября Монс был выведен из Петропавловской крепости под прикрытием большого конвоя. На площади близ Сената ему был прочитан приговор. Он выслушал его с необыкновенной твердостью, снял с себя нагольный тулуп, шейный платок, подарил сопровождавшему его пастору золотые часы с портретом Екатерины, положил голову на плаху и просил у палача одной милости — отрубить голову скорее, с одного удара. Палач исполнил просьбу. Спустя несколько минут голова красавца камергера, отделенная от туловища, покатила на землю. Палач поднял ее и, по существующему обычаю, воткнул на шест...

Тут же, у трупа брата, Матрене Балк было прочитано: «Понеже ты вступила в дела, которые делала чрез брата твоего Вилима Монса при дворе ее императорского величества, непристойные ему, и за то брала великие взятки, и за оные твои вины указал его императорское величество бить тебя кнутом и сослать в Тобольск на вечное житье».

Легенда присовокупляет, что Матрена Балк молила царя о пощаде, напоминала ему о его первой, молодой любви к сестре ее, Анне Монс, и Петр будто бы обнял ее, поцеловал и сказал: «Прощение не в моей власти». Если верить современникам, неумолимость Петра к Матрене Балк объясняется той ролью, которую приняла она в сношениях брата с Екатериной. Говорят, получив известный донос, Петр дал Матрене щекотливое поручение присматривать за братом. 8 ноября государь поехал в Шлиссельбург, но неожиданно вернулся в город и никем не замеченный пробрался во дворец, где и застал Екатерину, беседующую с Монсом; тут же была и Матрена Балк.

Есть сведения, будто Екатерина, не смея заступиться за Монса, молила государя пощадить сестру его. Разгневанный Петр ударом кулака разбил венецианское зеркало. «Видишь, — сказал он жене, — одного удара достаточно было, чтобы разбить эту драгоценность. Одного слова будет достаточно, чтобы обратить тебя в прах, из которого я тебя возвысил». Екатерина отвечала: «Вы разбили прекрасное украшение своего дворца — неужели вы думаете, что дворец станет от этого лучше?» Слова, кстати сказанные, смягчили императора, но не поколебали правосудия его...

Тело казненного Монса с неделю оставалось на эшафоте, как и голова, воткнутая на шест. На особых столбах близ эшафота висела «роспись взяткам», принятым Монсом. Вечером в день казни Монса Петр прокатил в коляске Екатерину мимо этих столбов и шеста, на котором была посажена голова казненного. Государыня без смущения посмотрела прямо в глаза Петру и сказала сдержанно: «Как грустно, что у придворных столько испорченностей».

Отрубленную голову Монса Петр приказал положить в спирт

и поставить ее сначала в кабинет императрицы, а потом отдал на сохранение в академический музей, где она и оставалась до времен Екатерины II, которая приказала схоронить ее в земле.

В незатейливом штате императрицы, среди толпы большей частью малообразованных девиц разных званий и положений, русских, чухонек, немок, полек особенно выделялась замечательной красотой девица Мария Даниловна Гамильтон, принадлежавшая к отрасли довольно известного шотландского рода, переселившегося в Россию в царствование Иоанна Грозного и породнившегося со знаменитым боярином царя Алексея Михайловича Артамоном Матвеевым. Мария приходилась ему двоюродною внучкою. В документах красавица Гамильтон фигурирует под обрусевшею фамилиею «девки Гамонтовой», что объясняется тогдашним обычаем коверкать иностранные фамилии и переделывать их на русские. Очевидно, Мария Гамильтон (или — «девка Марья Гамонтова») играла выдающуюся роль в штате Екатерины, коль скоро ее первую сделали фрейлиной императрицы. Но судьба первой по времени фрейлины в России была печальна.

Петр, при всей любви к своей «Катеринушке», но неравнодушный к другим красавицам, обратил внимание на Марию Гамильтон и удостоил ее своих ласк, вероятно, по словам Семевского, «усмотря в ней такие дарования, на которые не мог не смотреть с вожделением».

Как ни красива была Мария Гамильтон, она была для Петра не более как предмет временной, преходящей любви. По известной своей бережливости, доходящей даже до скупости, Петр, пользуясь ласками девицы Гамильтон, отнюдь, однако, не считал нужным платить за эти ласки или даже дарить красавицу какими бы то ни было подарками. В этом отношении он решительно не изменял Екатерине, которой, хотя и не особенно часто, но все же дарил то куски материи, то золотые украшения.

Были, правда, у красавицы фрейлины и многие другие поклонники, кроме царя, и как выяснилось впоследствии, она не только не отталкивала их, но «имела с ними амуры». В числе поклонников Гамильтон был и денщик царя Иван Орлов. Между ним и фрейлиной началась любовная связь, которая кончилась самою страшною развязкою.

О связи этой Петр узнал совершенно случайно: у царя пропала записка относительно какого-то заговора. Не найдя записки в кармане, Петр воспылил гневом и приказал позвать денщика Орлова, который как раз в это время ушел и загулял. Государь еще более разгневался и повелел отыскать гуляку. Наконец гонцы доставили Орлова к царю. Не подозревая настоящей причины гнева, Орлов подумал, что государь узнал о любовной его связи с фрейлиной. «Виноват, государь! — взмолился денщик, бросаясь на колени, — люблю Марьюшку!»

Признание заинтересовало Петра, и он спросил: «Давно ли ты ее любишь?» — «Третий год». — «Бывала ли она беременна?» — «Бывала». — «Следовательно, и рожала?» — «Рожала, но мер-

твых». Внезапная догадка осветила голову монарха; он спросил: «Видел ты их мертвых?» — «Нет, не видывал, а от нее сне знал», — отвечал трепетавший Орлов.

К несчастью для Гамильтон, незадолго перед допросом найден был, при очищении нечистот, мертвый младенец, обернутый в дворцовую салфетку. Из ответов денщика царь увидел, что убийца ребенка не кто другой, как фрейлина Гамильтон. Ее позвали к царю. Сначала она заперлась и клялась, что невинна. Однако ее уличили в связи с Орловым, после чего заставили сознаться, что она извела уже двух младенцев.

(Существует, впрочем, еще рассказ, будто допрос Гамильтон делал Меншиков. Он будто бы тоже ухаживал за фрейлиной, но трепал неудачу в своем волокитстве. Когда нашли мертвого младенца, запернутого в дворцовую салфетку, Меншиков воспользовался случаем для мщения и старался обратить подозрения в достоверные факты. Обыск в сундуках Гамильтон, при котором нашли окровавленное белье, послужил главной уликой против нее, и Гамильтон арестовали.)

Над фрейлиной-убийцей повелено было нарядить уголовный суд. 12 марта 1718 года в селе Преображенском в присутствии государя и государыни осматривали пожитки Марии Гамильтон. При осмотре были найдены алмазные вещи царицы. На допросе в канцелярии тайных розыскных дел Гамильтон созналась еще в краже червонцев у государыни и упомянула, что эти червонцы давала Орлову. К тому же созналась, что трижды была беременна от Орлова, «двух ребенков вытравила лекарствами, которые брала от лекаря государева двора, а третьего придавила».

К делу о детоубийстве примешан еще курьезный рассказ о царицыных угрях. Ревнуя будто бы Орлова к другой ближней боярыне и желая отвести его от нее, Гамильтон пустила сплетню, будто Орлов говорил, что царица кушает воск, оттого у нее на лице угри. Екатерина, узнав о сплетне, рассердилась и стала допрашивать виновницу. Та отпиралась, «но по битым повинилась: затеяла-де я, по злобе на Орлова, напрасно». Фрейлину заключили в тюрьму. Приговор, объявленный 27 ноября 1718 года, гласил: «Девуцу Марью Гамонтову казнить смертию». Все усилия Екатерины спасти фрейлину успехом не увенчались. 14 марта 1719 года Гамильтон была выведена на Троицкую площадь.

Один из очевидцев рассказывает, что фрейлина молила о пощаде Петра, явившегося на место казни. Петр поцеловал ее и сказал: «Без нарушения божеских и государственных законов не могу я спасти тебя от смерти. Прими казнь и верь, что Бог простит тебя в грехах твоих». Тот же очевидец передавал, будто бы царь, в виде особой милости, не желая, чтобы тело красавицы было осквернено прикосновением катских рук, сам собственноручно решил отрубить ей голову. Но, конечно, на этот рассказ нельзя смотреть иначе, как на сказку.

После казни Петр поднял голову красавицы и почтил ее поцелуем. Затем, указав присутствующим различные части в голове, поцеловал ее еще раз, бросил на землю и уехал.

Голова Марии Гамильтон по приказанию царя была положена в спирт и отдана впоследствии на хранение в академию наук*.

В числе писем, адресованных Петру, есть небольшая грамотка от 6 октября 1705 года, заключающая в себе поздравление со взятием Митавского замка. Грамотка эта подписана от имен: «Анны Меншиковой, Варвары, Катерины самой-третьей, Тетки несмысленной и Дарьи глупой».

Женская компания, от имени которой грамотка подписана, — представительницы прекрасного пола, окружавшие Петра в период между любовной его связью с Анной Монс и браком с Екатериною. Петр, как говорит Костомаров, любил хорошеньких женщин и позволял себе мимолетные связи; много красавиц перебивало у него, не оставляя, однако, в сердце никакого следа. К числу таких именно красавиц принадлежали и те, которые составляли особую женскую половину Петровского дворца. Незначительная лишь их часть подписана под упомянутой грамоткой. Судьбе угодно было выделить из них одну только Екатерину (на грамотке она подписана «Катерина сама-третья»: к тому времени она уже имела от Петра двоих детей).

Подписанная первой Анна Меншикова — сестра знаменитого сподвижника Петра. Меншиков готовил ее в невесты царю. В сентябре 1705 года он писал Дарье Михайловне (тогдашней любовнице Меншикова, вышедшей впоследствии за него замуж): «Для Бога, Дарья Михайловна, принуждай сестру, чтобы училась непременно, как русскому, так и немецкому ученью, чтобы даром время не проходило».

Очевидно, Меншиков полагал, что будущей царице необходимо известное образование, которого окружающие Петра дамы почти совсем не имели. Но хотя Анна и училась, замыслы Меншикова не осуществились — «ученой» Анне Петр предпочел неученую, даже безграмотную Екатерину.

Екатерина уже застала при Петре штат женщин, сделавшихся сначала ее товарками и подругами, а потом фрейлинами и камер-фрау. В штате этом находились две сестры Арсеньевы, Дарья и Варвара, из которых первая имела нелестное прозвище «Дарья глупой», две сестры Меншикова, Марья и Анисья Толстая, подписавшаяся под грамоткою «Теткою несмысленною», и еще другие, имена которых не сохранились.

Впоследствии вся эта компания составила личный штат Ека-

* В академию голова красавицы фрейлины попала лишь в 1724 году. Где она находилась до того времени — неизвестно. Впоследствии об этой голове совсем забыли. В 1780 году княгиня Екатерина Романовна Дашкова, в качестве президента академии пересматривая счета, нашла, что чрезвычайно много выходит спирта. Стали доискиваться, куда уходит спирт: оказалось, что спирт отпускается на две головы, хранимые в подвале, в сундуке, ключ от которого вверен особому сторожу, но он сам не знает, чьи головы находятся под его охраной. По архивным данным удалось установить, что одна из этих голов — голова Марии Гамильтон, другая — камергера Монса. Головы принесли во дворец к Екатерине II, рассматривали их и затем, по приказу императрицы, закопали в погребе. (Прим. автора.)

терины, который с течением времени пополнился целым рядом других, частью видных женщин Петровской эпохи. Так, например, в штате Екатерины была генеральша Авдотья Ивановна Чернышева, которую Петр называл «Авдотья бой-баба»*, славившаяся замечательною красотою княгиня Марья Юрьевна Черкасская, две Головкины, Измайлова и другие. Большинство этих женщин является в одно и то же время приближенными Екатерины и предметом мимолетных связей Петра. Длинный их список следует еще пополнить именами Анны Кремер, Марии Матвеевой, княгини Кантемир и прочими, которым суждено было удовлетворить жгучую страсть царя. По свидетельству Миниха, знаменитый победитель под Кагулом, генерал-фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский был сын Петра I от Марии Андреевны Румянцевой...

Во время пребывания в Амстердаме в 1717 году Петру чрезвычайно понравилась дочь одного пастора, который соглашался отдать ее царю не иначе, как на основании законного брака. Как рассказывают, Петр дал слово и Шафиров будто бы закрепил его контрактом. Но обещание, конечно, не было выполнено; девушка была возвращена отцу с подарком в тысячу дукатов...

В выборе предметов любви Петр проявлял самые странные капризы. Он приближает к себе в одно и то же время замечательных красавиц вроде Марии Гамильтон или княгини Кантемир и заводит «амуру» с уродливою Анной Ивановной Кремер.

Переписка Екатерины с Петром доказывает, что она знала о его связях и что он не считал нужным скрывать их от жены, а она, в свою очередь, не полагала себя вправе обижаться на своего легкомысленного супруга.

Но вот вопрос: любила ли Петра хотя бы одна из тех женщин, с которыми царь заводил любовные связи?

В нашем распоряжении нет таких данных, которые давали бы возможность категорически ответить на этот вопрос. Тем не менее, основываясь на целом ряде отдельных эпизодов, можно смело утверждать, что ни одна женщина не любила Петра. Исключение можно сделать разве только для первой жены его, Евдокии Лопухиной, хотя взгляды историков в этом отношении очень резко расходятся: в то время как одни утверждают, что молодая царица нежно любила юного государя, другие полагают, что Евдокия, выйдя за него замуж против воли, не могла его любить. Этим даже объясняют позднейшие отношения ее с Глебовым. Мы уже видели, что даже Анна Монс и Екатерина — те две единственные женщины, которые пользовались искреннею любовью Петра, — ему изменяли. Изменяла ему и красавица Мария Гамильтон. О других и говорить нечего...

* Чернышева, урожденная Ржевская, в юные годы Петра была его фавориткою. Петр выдал ее замуж за своего денщика Григория Чернышева, которого впоследствии сделал генерал-аншефом и сенатором. С Чернышевой Петр продолжал отношения и после ее замужества. По словам Вильбоа, беспорядочным поведением своим Чернышева (после графиня) имела вредное влияние на здоровье Петра. См. «Записки Вильбоа», изданные в Лондоне в 1792 г. (Прим. автора.)

Впрочем, Петр — великий как государь и полководец — как человек не обладал теми качествами, которые могли бы привязать к нему какую-либо из молодых, жизнерадостных женщин, на каких обычно останавливал он свой выбор. Современники оставили свидетельства, что многих Петр пугал одним своим видом, бешеным огнем своих глаз. Женщины отдавались ему скорее от страха, боясь крутого нрава царя, не терпевшего никаких возражений, хотя, по свидетельству одного историка, Петр, памятуя, что насильно мил не будешь, никогда не насиловал волю нравившейся ему женщины, предоставляя полную свободу ее чувству и выбору; он способен был даже на рыцарство.

Но полюбить Петра было трудно. В зрелые свои годы царь мог внушать уважение, даже восторг — к его уму, гениальным государственным мерам и военным подвигам, но любви он не мог вызвать, несмотря на его величавую фигуру, редкую силу мускулов, безукоризненное сложение и красивое, судя по описаниям современников и по многим портретам, полное, смуглое лицо, обрамленное черною кудрявою гривой. Строгий, крутой, жестокий, в минуты гнева сердитый до иступления, с искошенным судорогами лицом, любивший всякие излишества, болезненно-страстный, Петр, несмотря на все свое старание казаться в женском обществе галантным и предупредительным кавалером, не мог в окружавших его и знавших его нрав представительницах прекрасного пола внушать чувства любви. В этом отношении Петр разделял участь многих великих людей, хотя судьба его печальнее участи первых, потому что его ждало всегда неприятное и оскорбительное для его самолюбия открытие об изменах любимых им женщин. Последняя такая измена послужила даже, по мнению многих, главною причиною преждевременной кончины государя...

**Предисловие и публикация
АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.**

СВЯТЫНЯ

Двадцать семь верст от города Курска, правый берег реки Тускари, Коренная (Мужская) пустынь...

Вроде бы недалеко от столицы, а до недавнего времени попасть сюда было непросто: место это охранялось бдительным оком советской власти строжайше.

Дело в том, что для русского верующего человека оно — святыня... Один благочестивый муж, как гласит предание, нашел здесь семь веков назад возле большого дерева икону Знамения Богородицы, и, когда поднял ее, тотчас из места этого забил источник. К нему, источнику святому, шли (и поныне идут!) на поклон россияне. «Крестный ход в Курской губернии», картина кисти Репина, тоже отсюда истекает.

Ну, а отношение властей ко всему святому было, как знаем, однозначно...

Мне же места такие как фотографу, как человеку, склонному душой к русским христианским традициям, близки до боли. И вот уже несколько лет подряд (благо нынче это стало возможным) приезжаю в Пустынь в начале лета.

Святой источник и Святое дерево, атмосфера просветленности и высокого Духа привлекают сюда тысячи людей. Здесь они в окружении истинно российской природы, ощущая себя как бы частью ее самой, едины в лучших помыслах своих. Это мне и хочется всегда запечатлеть. Удастся ли? — судить вам, читатель.

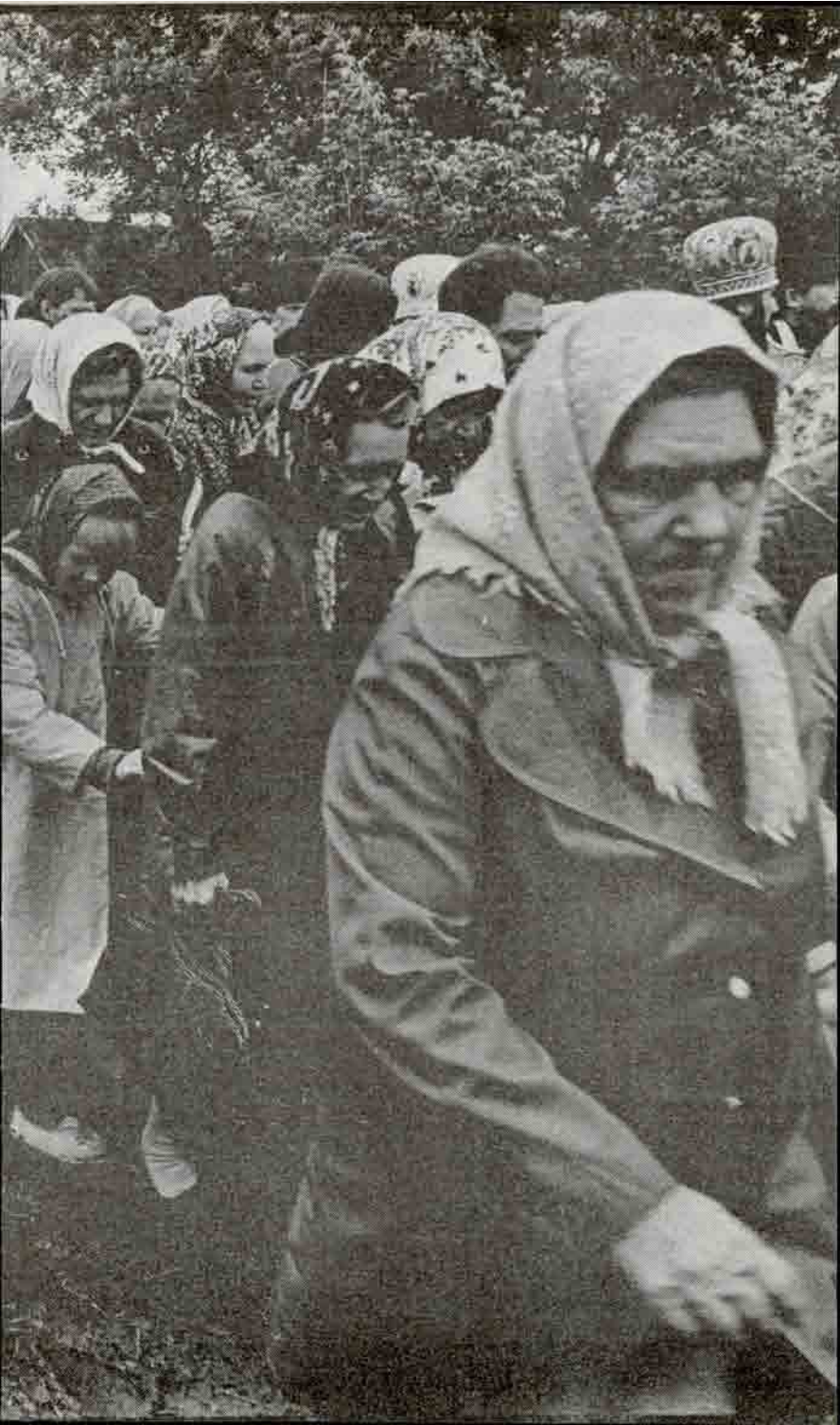
Да, бедны мы ныне, не устроены, издерганы жестким бытом и суетой. Но в круговерти этой многие сохранили самое, на мой взгляд, важное — мужество души, устремленность и надежду. Может, для кого и выпендренно звучит, но это — мое.

Вода, леса, небо над головой — разве это не святыни для человека, живущего не сиюминутно, а сердечной мыслью о завтрашнем дне, о детях своих, об Отечестве?

Разоряли Пустынь не единожды, жгли дотла часовню подле источника; саму икону Знамения Богородицы пополам раскалывали недруги Руси. Но минули века, и сегодня жива Пустынь, жив источник, а в церковь Рождества Богородицы ежегодно приносят святую икону Курской Божьей Матери — восстановленную, неистребимую, как земля наша...

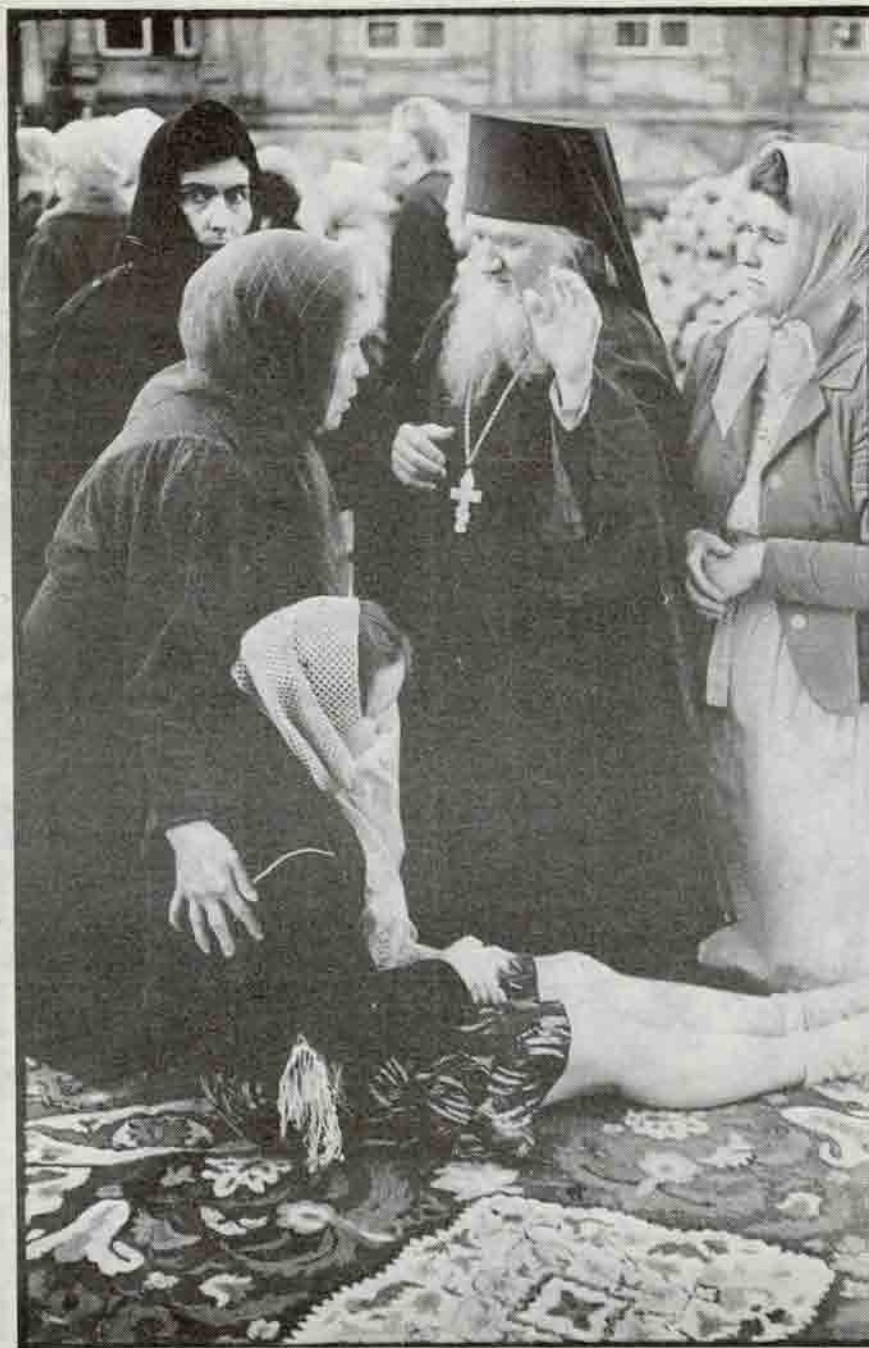

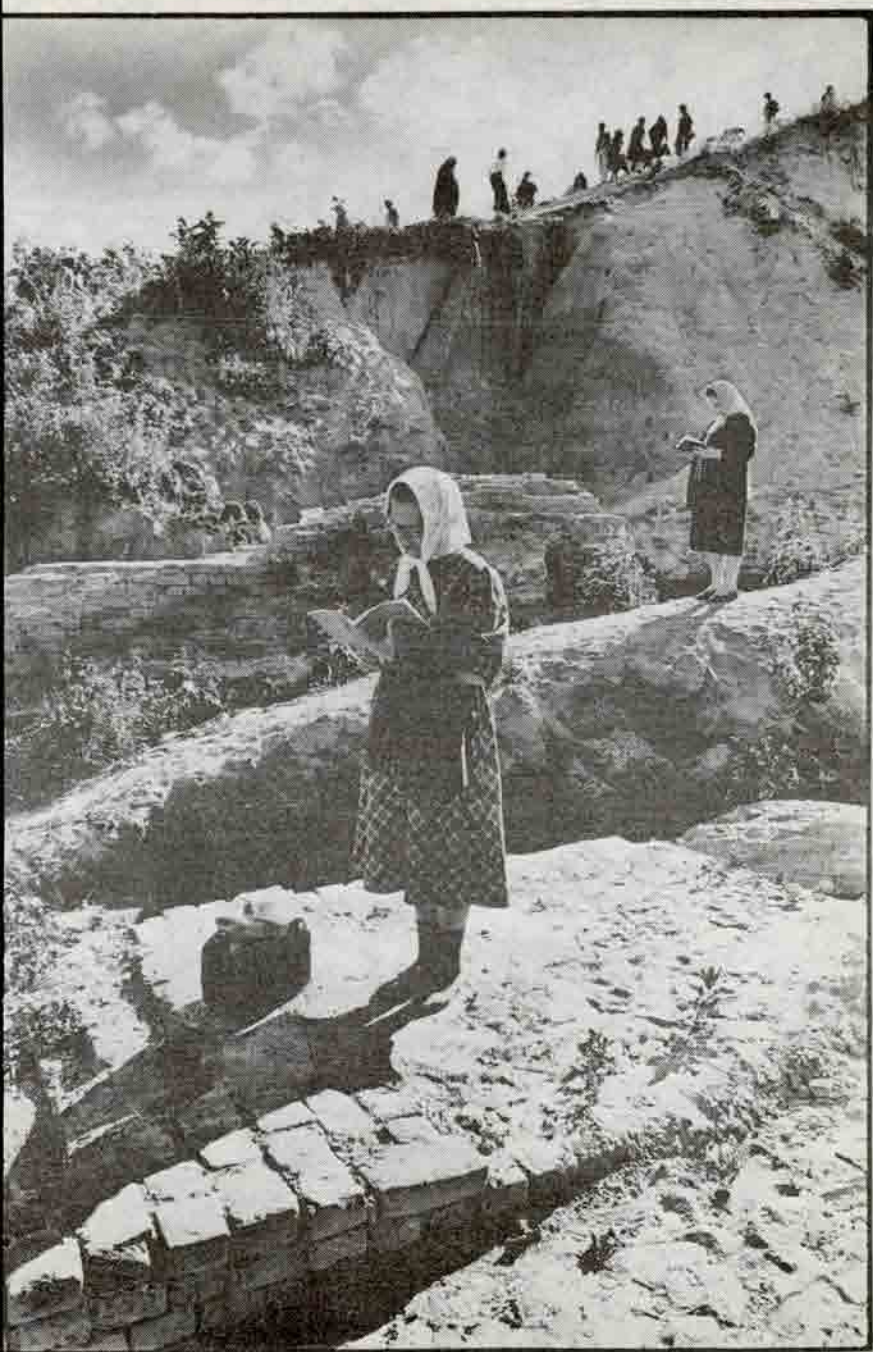

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Г «Сны золотые». Резонанс

Г Я — одна из героинь «Снов золотых» (№ 9—1992г.), та самая Ирина Шулимова, которая с тринадцати лет курила анашу, с четырнадцати «кололась», срывала на улицах с девочек сережки, заманивала на квартиры торговцев, где их спаивали клофелином и грабили... В общем, «та самая»...

Сразу хочу сказать: все, что в журнале написано, — чистая правда от первого до последнего слова. И не только в том смысле, что правдиво передан мой рассказ. За другие истории-исповеди тоже могу ручаться, потому что тех, кто прошел через это, не обманешь, любую лажу о нас мы увидим с первой же строчки.

Но опять же я не о том. Правда — это еще ничего не значит. Можно написать и сказать, что наркомания — плохо. И это будет истинная правда — плохо... И так пишут, и по телевизору говорят. Но какой толк от такой правды?

Человек всегда тянется к хорошему, верит в обещанное «хорошо». Другое дело, что все понимают это по-своему: скажи, к примеру, любой девочке с улицы, что ей после затяжки или укола будет хорошо, она если и не сразу потянется к сигарете, то моментально поверит. Понимаете, сразу поверит, что

ей будет кайфово! И сколько ей ни доказывай, что это плохо, она все равно больше поверит тому, кто ей пообещает «хорошо». Вот в чем дело!

И когда я сейчас пишу, что все в «Снах золотых» — правда, я имею в виду, что там никто не сказал «плохо» — все говорят, что погнались за кайфом, испытали кайф, было «хорошо» — вот жизнь наркомана с этим самым «хорошо», с этим самым кайфом и повязана.

Самое страшное: никто не знал о последствиях, впрочем, и до сих пор толком никто ничего не знает. Ведь одной статьей в одном журнале ничего не переделаешь, ее каждому мальчишке и девочке в школе надо читать, объяснять, чтобы дошло. Но все-таки надеюсь, что «Сны золотые» хоть кого-то остановят, испугают. Я имею в виду тех, кто еще не начал, не попробовал. А с теми, кто уже сидит на игле, — другое дело: они и сами знают эту мерзкую правду не хуже автора «Снов золотых» и его героев. Да только не все могут вырваться, сил не хватает, помощи не хватает.

Хотя про себя могу сказать, что у меня пока все нормально. Уже год прошел, как я вырвалась... Прошлым летом закодировалась: есть такой метод лечения с воздействием на центры

головного мозга. Конечно, приятно было бы сказать тем, кто хочет вылезти, — закодируйтесь, и выздоровление гарантировано! Но это не совсем так. Кодирование — еще не палочка-выручалочка, оно не снимает полностью тяги к наркотику. Помогает, сильно помогает, но полностью не снимает. Во всяком случае, у меня. По-прежнему здесь многое зависит от самого человека, от его желания вернуться в нормальную жизнь.

Я держусь уже год. Учусь, живу нормально.

**ИРИНА ШУЛИМОВА,
Москва**

У нас есть друг — мы с ним выросли и живем в одном дворе, учились вместе, да и сейчас часто встречаемся. Только последние пять лет были в нашей и его жизни сплошным мучением, потому что где-то лет с двадцати пяти он связался с наркоманами и сам стал наркоманом. Сколько с ним перетерпела его мать, сколько перетерпели мы, единственные его друзья! Он ведь все эти годы и сам понимал, что надо бросать, приходил к нам спасаться, жил у нас — прятался от той компании, а потом не выдерживал, снова уходил к ним.

И ничего нельзя было поделать — пять лет сплошных мучений!

Как только мы прочитали «Сны золотые», мы сразу же позвонили в редакцию, нам дали телефон автора, Сергея Баймухаметова, и мы попросили его помочь. Он дал нам адреса и телефоны лечебниц, фамилии врачей, и мы стали устраивать нашего друга в больницу. Устроили, слава Богу. Надеемся и ве-

рим, что там ему помогут, ведь он и сам очень хочет избавиться от наркомании, но не может. В общем, все пока складывается благополучно.

Но потом, когда мы отбыли, опомнились, нас с мужем одновременно посетила одна и та же мысль: хорошо, мы не знали ничего, потому что далеки от этого страшного мира, но ведь и наш несчастный друг, мучаясь пять лет, тоже не знал, что ему могут помочь, что есть специальные лечебницы, щадящие, гуманные методики лечения. Даже он не знал! Он только боялся, что его посадят... Это какая же у нас медицина и какая пропаганда, что никто не знает, куда обратиться в случае беды? И ведь не где-нибудь на периферии, а в самой Москве. Что уж тогда говорить, если попал в беду человек, живущий в каком-нибудь Захудаловске?

**ВАЛЕРИЙ И СВЕТЛАНА К-ВЫ,
Москва**

Прочитал исповеди наркоманов — и как будто с глаз пелена спала.

Я, правда, и до этого многое знал. Весь вопрос в том: почему была пелена на глазах? Как это случилось?

У нас в благодатном кубанском городке Павловском и в мои пацаньи годы анашу курили чуть ли не открыто. И мне давали пробовать, но меня после первых затяжек так, прошу прощения, выворачивало, что я на всю жизнь зарекался. И потом, я всегда был и есть хороший сын у своей мамы. Отца у нас не было, ушел давно, и я работал с самого раннего детства. Мы вдвоем с мамой все хозяйство наладили: и ягоду-малину на участке, и зверушек

в сарайчиках развели, в общем, жили безбедно. Другое дело, что избаловали младшего моего братишку: мол, пусть погуляет, пока маленький...

После армии, получив хорошую специальность, я подался в тюменские края зарабатывать, чтобы вернуться с деньгами и построить рядом с маминим свой дом — чтобы усадьба была. Уезжал с легким сердцем: и братишка уже подросток, и у мамы хозяйство налажено, требует только присмотра. В Самотлоре женился, приезжал домой только в отпуск. А дома-то братишка начал курить анашу. Оказывается, давно курил, пока я в армии был. Ну что с ним делать? Он ведь уже вырос, свою семью завел, детей. Не выпорешь. Мы горевали, а он курил в своей компании. Да почти все там курят! Как-то незаметно пролетели годы, и вдруг мой здоровенный младший братец в неполных тридцать лет начал усыхать, пожелтел, весь высох. И его друзья — живые доходяги.

В общем, все я знал и знаю. Так почему же говорю, что пелена с глаз упала? Потому что прочитал все исповеди — и впервые стало страшно: что же творится? Гибнут молодые, здоровые, а у нас, даже у тех, кто сталкивался с этим кошмаром, пелена на глазах. В том же Павловском почти все знают, кто курит. Сидят бабки на скамеечках, обеуждают: «А шо с того Васьки толку, та ён же курит...» Вот и все. «Ён же курит!» — как будто по утрам воду пьет. И мы с мамой тоже — горевали, горевали, но как-то так, чуть ли не привычно, что ли. У каждой семьи много всяких напастей в жизни, и это считалось еще одной, как

бы обыденной. Вот и мучаюсь теперь — кричать надо было, поднимать всех, а мы рукой махали: «Та ён же курит!..»

Уверен, что и по всей стране так. Ну, прочитали, кто-то вроде меня испугался, отчетливо увидел, что нам грозит, а в основном-то никто ничего не заметил. По телевизору спокойно говорят, сколько у нас уже есть и сколько будет наркоманов. Про другие края ничего не могу сказать, но на Кубани чуть ли не каждый пацан курит, а через одного — точно. И никому дела нет. Говорю же: пелена на глазах...

ГРИГОРИЙ Р-КО,
Самотлор Тюменской области

Читала и в каждой строчке узнавала себя, свою жизнь, жизнь своих знакомых из компании. Так что ничего нового я не расскажу, да и не затем взялась писать. «Сны золотые» стали большой помощью не только мне, но и моим бабушке и дедушке, которые вообще ничего не знали о наркомании и не понимали, что со мной творится.

У меня все было, как у многих. Родители разошлись, мама со мной не справлялась: улица, подъезды, чердаки, в общем, все как по написанному. Но тут в мою жизнь вмещались бабушка и дедушка и увезли меня в деревню, в Башкирию. Они думали, что там я стану другой. Это, конечно, правильно: в этом деле главное — вырваться из той среды, быть подальше от той компании, с которой все время крутишься. Там ведь как: хоть святой будь, а деваться некуда, выйдеши на улицу — и все старые друзья-приятели тут как тут, вон они, зовут «вызнуть»,

а у нас в Саратове с этим легко. На игле сидят немногие, а «пыхнуть» можно на каждом шагу, в каждом дворе, знай только места и людей. В общем, увезли бабушка и дедушка меня в деревню, но нельзя увезти человека от него самого. А наркомания сидит внутри, в человеке. Что со мной творилось — рассказать нельзя, а уж что пережили бабушка и дедушка, какой стыд и позор на их головы! Пробовала пить до полной отключки сознания, когда бегаешь по деревне, орешь, бросаешься на людей (все это было, мне потом рассказывали), — не помогает. Хорошо, что называли сумасшедшей, чокнутой, жалели бабушку и дедушку. И никто ничего не понимал, а я не могла рассказать, что переживаю. Не могла! Да меня бы и не поняли. А вот прочитать — это совсем другое дело. Случайно мне в библиотеке попался журнал с «Исповедями наркоманов», со статьями врачей — я и сама многое поняла, а самое главное, бабушка и дедушка узнали и поняли, что это такое. Что это не просто моя «дурь», не сумасшествие даже, а нечто другое, более страшное. И снова повезли меня в Саратов, на этот раз уже серьезно лечиться. Вот и все.

**РАВИЛЯ З-ОВА, 17 лет,
Саратов**

¶ Хочу выразить редакции журнала и автору «Снов золотых» свое глубокое уважение, признательность. Вы сделали очень доброе дело, рассказав о страданиях несчастных людей. Да, все это страшно, мерзко, но вы рассказали правду, потому что сострадаете людям, попавшим в беду. Любой мальчишка, прочитавший журнал,

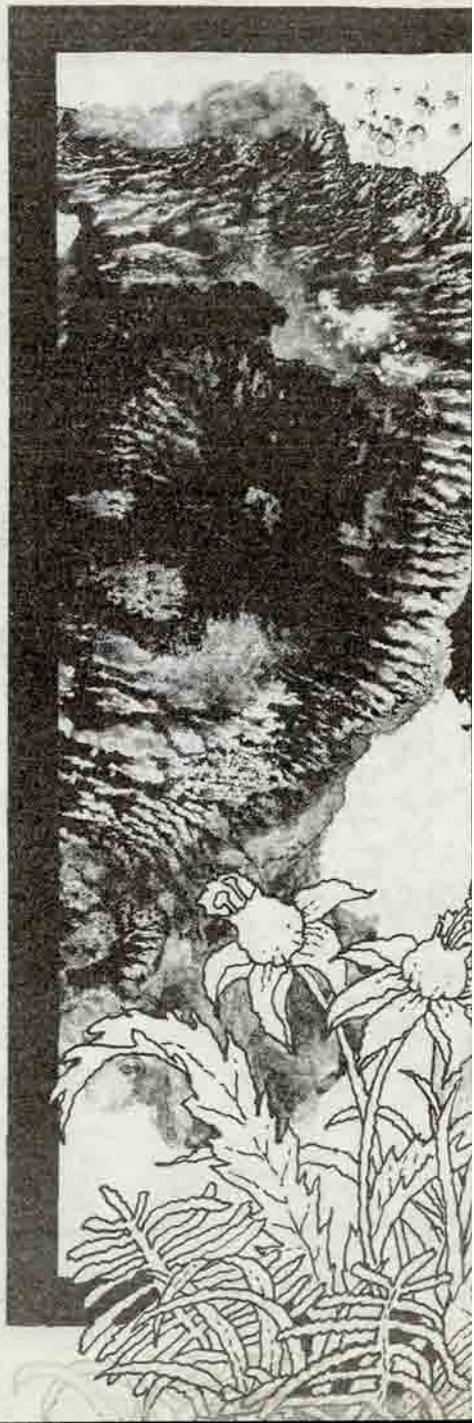
тысячу раз задумается, теперь его уже не обманут разговоры взрослых совратителей.

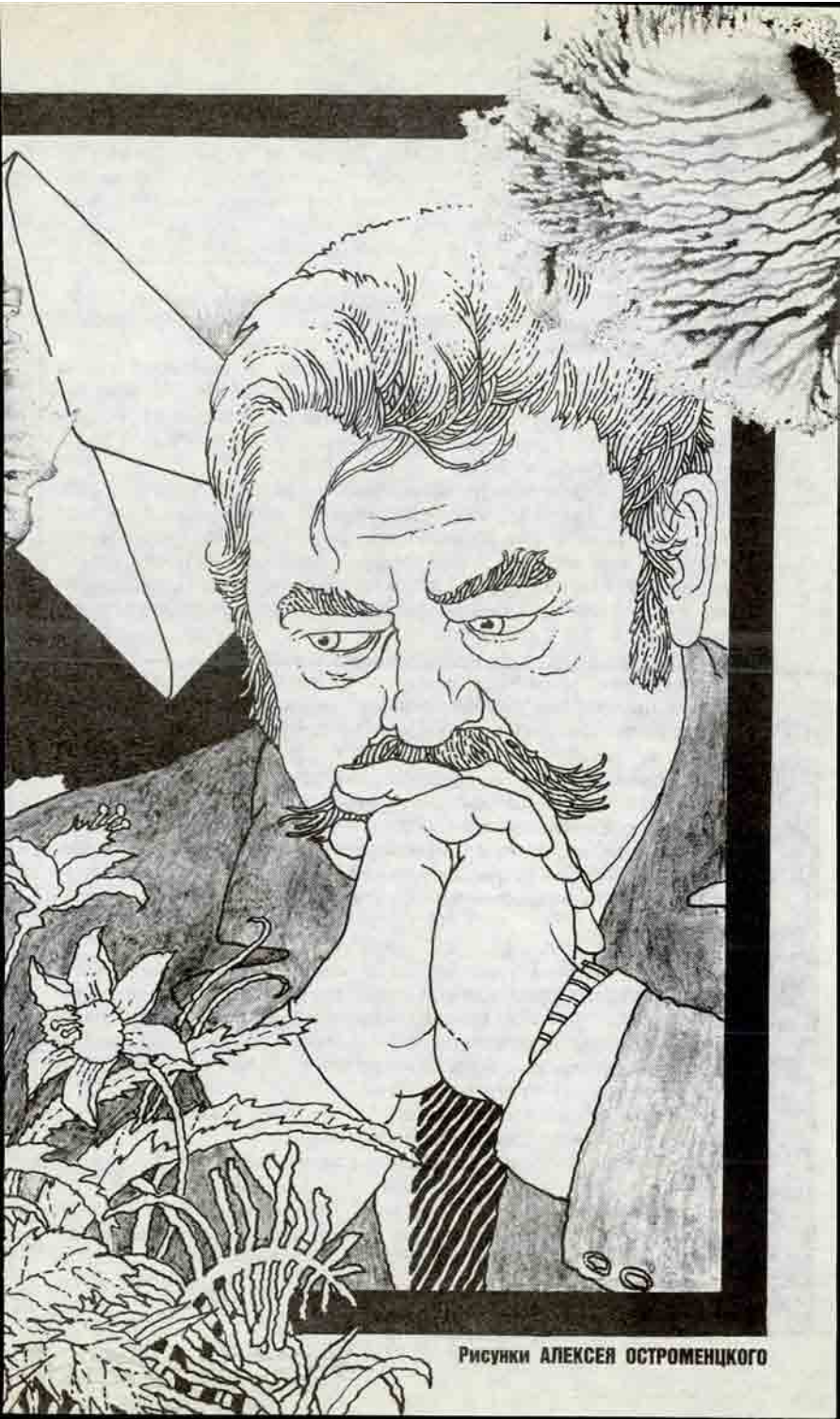
Сейчас многие говорят, размышляют, откуда все началось и почему. Есть и такие, что просто злятся: мол, чего им не хватало? А в журнале очень верно говорит врач Колосков: им не хватало родительского внимания. У родителей же не хватало времени на своих собственных детей. Вот где корень всех бед. Ребенок, выросший в семейной атмосфере добра, любви и ласки, никогда не собьется с истинного пути, он в любых обстоятельствах останется человеком. Добро, любовь и ласка, впитанные с детства, сильнее всех зол на свете. Уж поверьте мне...

**МАНЕФА МИХАЙЛОВНА КРЫЛОВА,
бабушка, село Ильинское,
Малоярославский район,
Калужская область**

КАК РАСТЕТ БАШУ БАДЪ?

АГАТА КРИСТИ

Рисунки АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕННОГО

рюль Пуаро сложил письма в ровненькую стопку, взял верхнее, внимательно прочитал адрес, затем аккуратно вскрыл его небольшим ножом для резки бумаги, специально для этой цели лежавшим на столе, за которым он завтракал, и вынул содержимое. Им оказался второй конверт, тщательно запечатанный багровой сургучной печатью и помеченный рукописным грифом «Лично и конфиденциально».

— Patience! Noys allons arriver!* — пробормотал Пуаро и снова пустил нож в дело. На сей раз из конверта выпало письмо, написанное неровным почерком.

Пуаро развернул лист и приступил к чтению. Письмо начиналось с тех же слов, что и на конверте: «Лично и конфиденциально». В правом верхнем углу стоял обратный адрес: «Ролзбэнк, Чарманз-Грин, Бакс» — и дата: «Март, 21».

«Глубокоуважаемый мсье Пуаро,

обратиться к Вам мне рекомендовала дорогая сердцу подруга, которая знает, какие волнения и тревоги я испытываю в последнее время. Правда, она не знает конкретно, что беспокоит меня, ибо я ни с кем не делюсь фактами, поскольку они носят сугубо личный характер. Подруга уверяет, что я могу на Вас целиком положиться и Вы не станете вмешивать в расследование полицию, что было бы крайне неприятно для меня, если подозрения подтвердятся. Хотя, естественно, я могу и ошибаться. Моя голова не в состоянии сейчас мыслить ясно, поскольку я страдаю бессонницей, а прошедшей зимой перенесла тяжелую болезнь и потому не могу самостоятельно разобраться в происходящем. Не имею для того ни средств, ни способностей. С другой стороны, должна еще раз повторить, что дело это весьма деликатное, и по многим причинам я хотела бы сохранить его в тайне. Мне необходимо убедиться в достоверности фактов, а там бы я взялась за дело сама — такой вариант для меня предпочтительней. Если Вы согласитесь взяться за расследование, то, может быть, сообщите мне об этом по вышеозначенному адресу?

Искренне Ваша, Эмилия Барроби».

Ровно в десять Пуаро вошел в кабинет, где в ожидании распоряжений на предстоящий день уже сидела пользовавшаяся его безграничным доверием секретарь. Сорокавосемилетняя мисс Лемон была поразительно некрасива. Казалось, что создана она из множества как попало собранных вместе костей.

Пуаро подал ей утреннюю почту.

— Будьте добры, мадемуазель, подготовьте отказы на все эти письма в соответствующих выражениях.

Мисс Лемон пробежала глазами принесенные Пуаро бумаги и каждую пометила особым иероглифом, значение которых понятно было только ей одной. А означали они варианты ответов: «медовый», «с оплеухой», «мур-мур», «резкий» и так далее. В два счета справившись с этой работой, она удовлетворенно кивнула и подняла глаза в ожидании дальнейших распоряжений.

* Терпение! Мы доберемся до него (французск.).

Пуаро вручил ей письмо Эмили Барроби. Мисс Лемон извлекла исписанный листок из двух конвертов, прочитала его и вопросительно взглянула на сыщика.

— Да, мсье Пуаро?

Ее карандаш в готовности завис над блокнотом для стенографирования.

— Что вы о нем думаете, мисс Лемон?

Слегка нахмурившись, она отложила карандаш и прочла письмо во второй раз, однако ничего нового для себя в нем не открыла, лишь мысленно составила на него адекватный ответ. Пуаро редко обращался к ее человеческим — в противоположность профессиональным — качествам, а когда делал это, мисс Лемон обычно слегка раздражалась: она давно уже превратилась в едва ли не совершенный автомат, который абсолютно не интересовали человеческие проблемы, и слава Богу. Ее подлинным увлечением в жизни было делопроизводство: мисс Лемон мечтала создать настолько совершенную систему подшивки и хранения документов, что после нее все существующие были бы преданы забвению. Систематизированные картотеки ей даже по ночам снились. Однако в житейских делах мисс Лемон была вполне сведуща, о чем Пуаро хорошо знал.

— Так что же?

— Писала старуха, — сказала мисс Лемон. — Душа у нее не на месте...

— Как?.. Вы думаете, она так стара, что душа ее готова вот-вот отлететь?

Мисс Лемон, полагая, что Пуаро достаточно долго прожил в Великобритании, чтобы изучить фразеологию английского языка, вместо ответа еще раз посмотрела на два лежащих перед ней конверта.

— Такие предосторожности, а в письме ничего конкретного.

— Ага, вы тоже обратили на это внимание?

Рука мисс Лемон вновь в ожидании зависла над блокнотом. В этот раз Пуаро отреагировал на ее жест правильно.

— Напишите, что я почту за честь посетить ее лично в любое удобное для нее время, если только она не захочет проконсультроваться у меня здесь. Не печатайте, напишите от руки.

— Хорошо, мсье Пуаро.

Он протянул ей остальные бумаги.

— Это счета.

Мисс Лемон быстро, со знанием дела, рассортировала их.

— Я оплачу все, кроме этих двух.

— Почему? Они выписаны правильно.

— Это счета фирм, с которыми вы только-только начали дела. Торопливость в их оплате может произвести плохое впечатление: чего доброго, решат, будто вы им пускаете пыль в глаза в надежде на будущие кредиты.

— Ах, вот оно что, — пробормотал Пуаро. — Вашему знанию души британского торговца остается лишь позавидовать.

— Не так уж много я о них знаю, — хмуро заметила мисс Лемон.

Письмо Эмили Барроби было должным образом подготовлено и без промедления отправлено, но ответа на него не последовало. Возможно, подумал Пуаро, старая женщина разгадала свою тайну самостоятельно. И все же он был немного удивлен тем, что, если необходимость в его услугах отпала, она не сообщила ему об этом, черкнув пару любезных, учтивых слов.

Пять дней спустя, получив обычный утренний инструктаж, мисс Лемон как бы мимоходом обронила:

— Неудивительно, что мисс Барроби, которой мы послали письмо, не ответила. Она мертва.

— Ах... мертва, — тихо повторил Пуаро, словно ответил на чей-то вопрос.

Открыв сумочку, мисс Лемон достала из нее клочок газетной бумаги.

— Я увидела это в метро и вырвала.

С одобрением отметив про себя, что, употребив слово «вырвала», мисс Лемон на самом деле аккуратно вырезала его ножницами, Пуаро прочитал извещение из раздела «Рождения. Кончины. Свадьбы» газеты «Морнинг пост»: «26 марта — скоростижно — в Роузбэнке, Чарманз-Грин, на семьдесят третьем году скончалась Эмилия Барроби. Просьба цветов не приносить».

Прочитав сообщение еще раз, он негромко произнес вслух слово «скоростижно» и, оживившись, распорядился:

— Будьте добры, мисс Лемон, подготовьте следующее письмо.

Карандаш секретарши завис над блокнотом. Продолжая размышлять о совершенствовании системы учета и хранения бумаг, она быстро и без ошибок записала:

«Глубокоуважаемая мисс Барроби,

я не получил от Вас ответа на мое послание, но в пятницу буду неподалеку от Чарманз-Грина, заодно загляну к Вам, и мы сможем подробнее обсудить проблемы, о которых Вы мне писали.

Ваш и т. д.».

— Отпечатайте, пожалуйста, и немедленно отправьте, тогда оно придет по адресу уже сегодня вечером.

На следующее утро со второй почтой Пуаро получил конверт в траурной рамке.

«Глубокоуважаемый сэр,

в ответ на Ваше письмо моей тете, мисс Барроби, сообщаю, что она скончалась двадцать шестого сего месяца, поэтому проблемы, о которых Вы упомянули, более не имеют никакого значения.

Ваша Мэри Делафонтейн».

Пуаро мысленно усмехнулся. «Более не имеют никакого значения...» Что ж, посмотрим. *En avant**, в Чарманз-Грин.

«Роузбэнк» оказался именем, в отличие от большинства его собратьев по классу, вполне достойным своего названия**.

Поднявшись к дому, Пуаро приостановился и с одобрением оглянулся на аккуратно разбитые по обе стороны от центральной

* Вперед (французск.).

** «Розовый склон».

аллеи клумбы, усаженные кустами роз, сулившими чуть позже обильное цветение, уже распустившимися нарциссами, ранними тюльпанами, голубыми гиацинтами. Крайняя клумба была частично окаймлена ракушками.

— Как там поется в детской песенке? — пробормотал Пуаро. — Покажите, миссис Мэри, как растет ваш сад? С гребешками, петушками, с девушками в ряд.

«Возможно, и не в ряд, но одна по крайней мере здесь есть, так что в песенке все правильно», — подумал Пуаро, увидев открывшую ему дверь аккуратную, небольшого роста горничную в чепце и фартуке; девушка с подозрением глядела на удивительного иностранца с огромными усами и яйцеобразной головой, громко разговаривавшего с самим собой. Она была, как отметил мысленно Пуаро, очень мила, синеглаза и румяна.

Вежливо приподняв шляпу, он обратился к служанке с вопросом:

— Пардон, не здесь ли проживает некая мисс Эмилия Барроби?

Девушка ахнула, и большие, красивые глаза ее округлились. — Ах, сэр, разве вы не знаете? Мисс Барроби умерла. Очень неожиданно. Во вторник вечером.

Она нерешительно приумолкла, не зная, как поступить. С одной стороны, ее сдерживало инстинктивное недоверие к иностранцам, с другой — очень хотелось продолжить: кончины и болезни — любимая тема для разговора людей ее класса.

— Что вы говорите! — деланно поразился Пуаро. — У меня на сегодня назначена встреча с ней. Может быть, я могу повидаться со второй леди, которая здесь живет?

В глазах горничной мелькнуло сомнение.

— С хозяйкой? Она-то дома, но не знаю, захочет ли кого-нибудь принять.

— Меня примет, — заявил Пуаро и вручил ей визитную карточку.

Его решительный тон возымел результат. Розовощекая служанка отступила в сторону, пропуская гостя, проводила его в гостиную справа от холла и с карточкой в вытянутой руке отправилась за госпожой.

Пуаро огляделся. Комната как комната, ничего в ней не было особенного, что отличало бы ее от подобных гостиных в других домах, — бумажные обои цвета овсянки и бордюр поверху, неопределенной расцветки кресла, розовые подушки и занавески, множество фарфоровых безделушек и изящных финтифлюшек. Ничего здесь не бросалось в глаза, не говорило о личности хозяйки.

Внезапно он, благодаря своей повышенной чувствительности, ощутил на себе взгляд чьих-то глаз. Пуаро быстро обернулся — в распахнутой стеклянной двери в сад стояла невысокая бледная брюнетка и подозрительно смотрела на него.

Пуаро слегка поклонился. Девушка шагнула в комнату и неожиданно спросила:

— Зачем вы приехали?

Пуаро не ответил, лишь удивленно поднял брови.

— Вы не адвокат?

По-английски она говорила очень хорошо, но вряд ли кто-нибудь хоть на минуту принял бы ее за англичанку.

— А почему я должен быть адвокатом, мадемуазель?

Девушка хмуро взглянула на него.

— Я так подумала. Я подумала, что вы, наверное, приехали сказать, будто она была не в своем уме, не понимала, что делала. Я слышала о подобном, о «преступном влиянии» — так, кажется, это называется, да? Но это неправда. Она хотела оставить мне деньги, и я их получу. Если понадобится, я тоже найму адвоката. Деньги мои. Так она написала, так оно и будет.

Выглядела коротышка в тот момент безобразно: подбородок задран, глаза мечут искры...

Дверь открылась, в гостиную вошла высокая женщина.

— Катрина, — произнесла она, и девушка тотчас съезжилась, что-то пробормотала и вышла.

Пуаро повернулся лицом к вошедшей, столь эффектно, одним лишь словом разрядившей обстановку. Голос ее прозвучал аластно, с оттенком иронии. Он сразу понял, что эта женщина и была хозяйкой дома, Мэри Деллафонтейн.

— Мсье Пуаро? Я ведь написала вам о постигшем нас несчастье. Вы не могли не получить моего письма.

— Увы, меня в Лондоне не было.

— Вот как? Тогда все понятно. Должна представиться. Я — Деллафонтейн. Это мой муж. Мисс Барроби была моей тетей.

Мистер Деллафонтейн вошел так тихо, что Пуаро его сразу и не заметил. Это был высокий мужчина с напыщенной головой и нерешительными манерами. Он нервно брался рукой за подбородок и все время поглядывал на супругу, желая, как всегда, оставить инициативу в разговоре за ней.

— Очень сожалею, что побеспокоил вас в столь горестный час, — промолвил Пуаро.

— Вы в этом не виноваты, — успокоила его хозяйка. — Моя тетька умерла во вторник вечером. Совершенно неожиданно.

— Да-да, совершенно неожиданно, — подтвердил супруг. — Тяжелый удар.

Он смотрел на дверь, за которой скрылась девушка.

— Я приношу свои извинения и удаляюсь, — сказал Пуаро и шагнул к выходу.

— Одну секунду, — остановил его мистер Деллафонтейн. — У вас... Э-э... говорите, была назначена встреча с тетей Эмилией?

— Parfaitement*.

— Может быть, вы нам скажете, в чем дело? — предложила его супруга. — Если в наших силах помочь...

— Дело было личного свойства, — пояснил Пуаро и как бы мимоходом добавил: — Я — детектив.

Мистер Деллафонтейн уронил фарфоровую фигурку, которую бездумно вертел в руках. Его жена удивленно переспросила:

— Детектив? И у вас была назначена встреча с тетушкой?

* Совершенно верно (французск.).

Как странно! Не можете ли вы рассказать об этом поподробнее? Право, все это звучит... фантастически.

Пуаро помолчал, подбирая нужные слова.

— Мне трудно решить, мадам, как следует поступить.

— Послушайте, — вмешался мистер Делафонтейн, — а русских она не упоминала?

— Русских?

— Не говори глупостей, Генри, — одернула его жена.

Делафонтейн стусевался.

— Извините, извините, в самом деле, чего только в голову не придет!

Взгляд миссис Делафонтейн был прям и открыт. Глаза у нее были синие-синие, как незабудки.

— Если вы что-то знаете, мсье Пуаро, поделитесь с нами. Поверьте, у меня есть основания просить вас об этом.

На лице ее мужа отразился испуг.

— Осторожно, подруга. Ты же понимаешь, что все это может оказаться просто игрой воображения.

Миссис Делафонтейн взглядом заставила его замолчать.

— Итак, мсье Пуаро?

Сыщик с видимым сожалением покачал головой.

— Боюсь, мадам, что в настоящий момент мне вам нечего сказать.

Он откланялся, взял шляпу и направился к двери. Мэри Делафонтейн вышла вместе с ним в холл. На ступенях Пуаро приостановился и обернулся к ней.

— Мне кажется, вы любите свой сад, мадам?

— Да, я уделяю ему много времени.

— *Je vous fait mes compliments* *.

Пуаро отвесил ей очередной поклон и решительно зашагал к воротам. Выйдя на улицу, он повернул направо и еще раз оглянулся на дом. В памяти его запечатлелись бледное лицо в окне второго этажа и прямая, по-военному подтянутая фигура мужчины, расхаживающего взад-вперед по противоположной стороне улицы. Он пробормотал вслух:

— Определенно, в этой норке сидит мышка. Как должен в таком случае поступить кот?

Принятое решение привело его на ближайшую почту, откуда он сделал два телефонных звонка. Результат, похоже, его удовлетворил. С почты он отправился в полицейский участок и спросил там инспектора Симза.

Инспектор Симз оказался внушительным, дородным мужчиной с радушными манерами.

— Мсье Пуаро? — спросил он. — Я так и подумал. Мне только что позвонил начальник полиции, предупредил о вашем приходе. Пойдемте ко мне.

Закрыв за собой дверь кабинета, инспектор жестом указал Пуаро на стул, сам уселся на другой и с любопытством посмотрел на гостя.

— Вы зря времени не теряете, мсье Пуаро. Не успели мы

* Позвольте выразить вам мое восхищение (французск.).

узнать о происшествии в «Роузбэнке», а вы уже тут как тут. До вас-то как информация дошла?

Пуаро достал из кармана письмо мисс Барроби и передал инспектору. Тот с интересом прочитал его.

— Занятно. Только непонятно, что она имела в виду. Будь оно определеннее, могло бы нам сейчас помочь.

— А то и вообще никакой помощи не понадобилось бы.

— Что вы имеете в виду?

— Она могла бы остаться в живых.

— Вы так думаете? Хм, возможно, вы и правы.

— Прошу вас, инспектор, изложите мне факты. Я ничего не знаю.

— Это просто. Старушке стало плохо во вторник после ужина. Очень плохо. Начались конвульсии, судороги и тому подобное. Послали за доктором. К его приезду она была уже мертва. Сначала думали, что ее хватил удар. Ну, а доктору что-то не понравилось. Он заколебался, начал мямлить одно, другое, но в конце концов заявил, что свидетельство о смерти подписать не может. В данный момент родственники ожидают результатов вскрытия. Мы же знаем уже несколько больше. Результаты аутопсии не оставили сомнений: мисс Барроби умерла от большой дозы стрихнина.

— Ага!

— Да, да. Дрянное дельце. Смерть наступила вскоре после того, как она его проглотила. Вначале мы думали, что яд ей подсыпали в пищу во время ужина. Они ели суп из артишоков, который разливали из общей супницы, рыбную запеканку и яблочный пирог. Ужинали мисс Барроби, мистер и миссис Делафонтейн. У мисс Барроби была не то сиделка, не то прислуга, наполовину русская девица, но она за стол с хозяевами не садилась, ела то, что оставалось после них. Работает у них и горничная, но в тот день она была выходная, оставила суп на плите, запеканку в духовке. Пирог был холодный. Все трое ели одно и то же, да и не представляю, как можно подсыпать стрихнин в такую пищу. Он же горький, как желчь. Доктор сказал мне, что вкус его можно ощутить в растворе один к тысяче или что-то вроде того.

— А кофе?

— В кофе можно, пожалуй, но она кофе не пила.

— Понятно. Что ж, похоже, преступнику пришлось решать нелегкую задачу. Что она пила за ужином?

— Воду.

— Все холодней и холодней.

— Похоже на головоломку, правда?

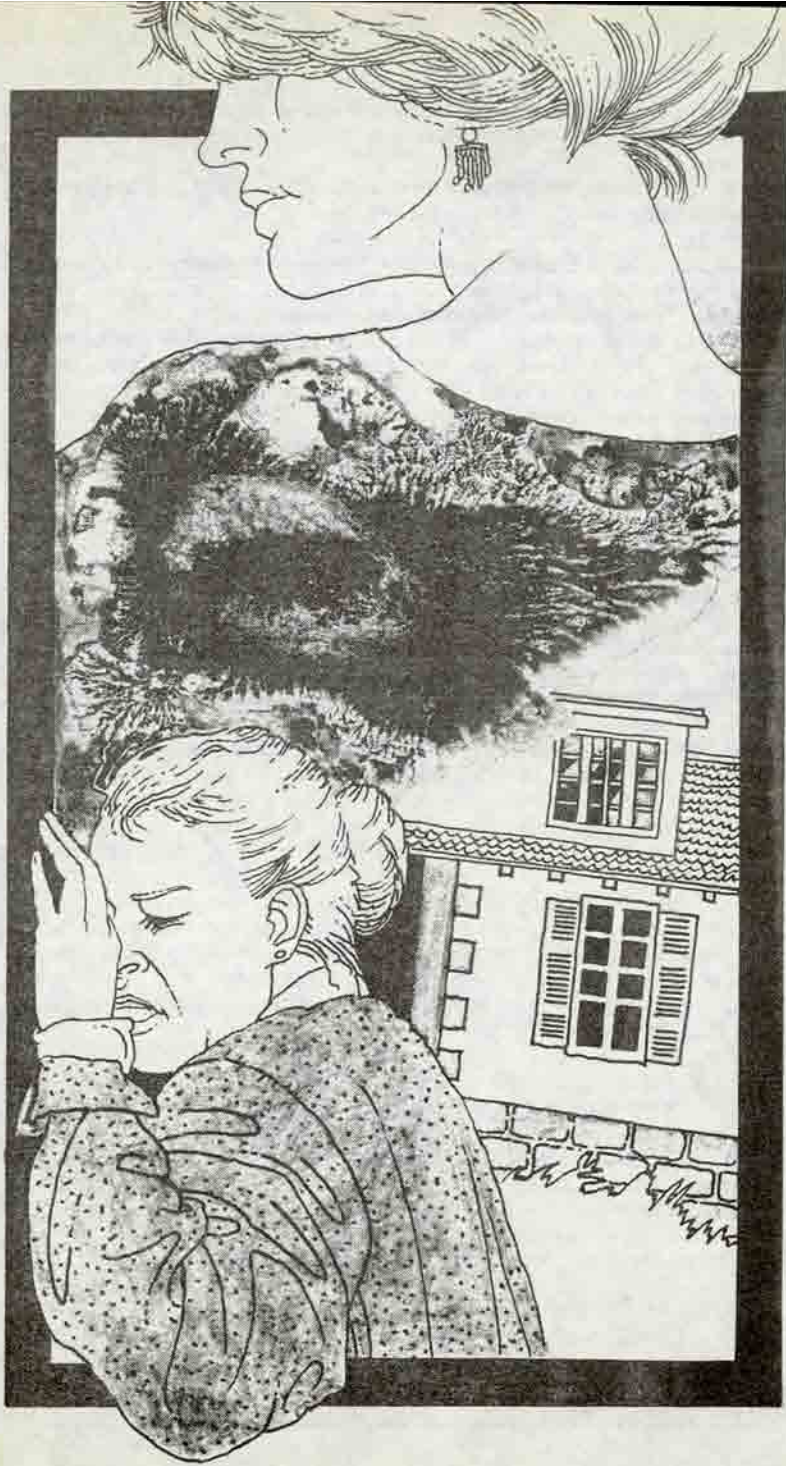
— У нее были деньги?

— И немало. Конечно, всех подробностей мы еще не знаем. Насколько мне известно, со средствами у Делафонтейнов туго. Мисс Барроби помогала им содержать дом.

Пуаро улыбнулся.

— Итак, вы подозреваете Делафонтейнов. Кого из них?

— Нельзя сказать, что я уверен в их виновности на сто процентов. Но что поделаешь, они — единственные родственни-

ки погибшей и с ее смертью, не сомневаюсь, получат в наследство кругленькую сумму. Мы же знаем, какова человеческая натура.

— Да, да, порой люди бесчеловечны, вы правы. А старушка больше ничего не пила и не ела?

— Ну...

— А, *voilà!* * Я чувствовал, что у вас, как говорят англичане, что-то спрятано в рукаве. Суп, запеканка, яблочный пирог — *betise* **! Теперь мы добрались до главного.

— Не знаю, не знаю. Но старая дева принимала перед едой порошки. Не пилюли, не таблетки, а порошки в папиросной бумажке, видели такие? Какое-то совершенно безобидное средство для улучшения пищеварения.

— Чудесно. Нет ничего проще, чем подсунуть в них пакетик со стрихнином. Порошок засыпается в горло, тут же запивается водой, и вкус его не ощущается.

— Все верно. Но порошки ей принесла девушка.

— Русская?

— Да. Катрина Ригер. Она была у мисс Барроби полукомпаньонкой, полусиделкой, а заодно и служанкой. Знаете: сходи туда, принеси то, подай это, разотри мне спину, накапай лекарство, сбегай в аптеку... В общем, от других старух отличалась: все они хотят быть добрыми, а становятся тиранами.

Пуаро улыбнулся.

— Таковы факты, — продолжал Симз. — И, надо прямо сказать, факты паршивые. Зачем было девушке травить ее? Мисс Барроби умерла, и теперь она останется без работы, а работу не так просто найти, ведь у нее нет никакой специальности.

— С другой стороны, если коробка с порошками лежала в доступном месте, яд мог подложить в нее кто угодно, — предположил Пуаро.

— Само собой разумеется, мы отработываем эту версию. Не стану скрывать от вас: мы ведем расследование — потихоньку, не поднимая шума, уточняем, когда и кем порошки были приготовлены, где хранились. Кроме того, на завтра у меня назначена встреча с поверенным мисс Барроби. И управляющим банком. Да, работы впереди еще немало.

Пуаро поднялся.

— Я попрошу вас об одном одолжении, мистер Симз. Будьте добры, черкните мне пару слов, если обнаружите что-то новое. Я почту это за великую услугу. Вот номер моего телефона.

— Конечно, конечно, мсье Пуаро. Как говорится, одна голова хорошо, а две лучше. Тем более что вы имеете непосредственное отношение к делу, получив то письмо.

— Вы очень любезны, инспектор.

Пуаро вежливо пожал ему руку и удалился.

К телефону его пригласили на следующий день.

— Мсье Пуаро? Это инспектор Симз. Кажется, картинка в го-

* То-то (*французск.*).

** Пустяк (*французск.*).

доволомке, о которой мы накануне говорили, начинает складываться.

— В самом деле? Прошу вас, расскажите поподробнее.

— Что ж, слушайте. Деталь первая и весьма важная. Мисс Б. оставила племяннице лишь небольшое содержание, все остальное отписано мисс К. «в благодарность за проявленные доброту и внимание» — так сформулировано в завещании. А это полностью меняет общий колорит рисунка. Деталь номер два, — продолжал Симз. — Никто, кроме К., к порошкам не прикасался.

— Вы уверены в этом?

— Она сама так сказала. Что вы думаете по этому поводу?

— Очень интересно.

— Нам осталось уточнить лишь, где она взяла стрихнин. Думаю, это будет несложно.

— Но пока вам этого не удалось?

— Официальное следствие только началось. Дознание состоялось сегодня утром.

— Каков результат?

— Отложено на неделю.

— А девушка... К.?

— Я задержал ее по подозрению. Не хочу рисковать. Мало ли, может, у нее приятель какой есть, еще попытается вызволить подружку из беды.

— Нет, — сказал Пуаро. — По-моему, у нее друзей нет.

— Нет? Почему вы так думаете?

— Мне так кажется. Других «деталей», как вы их называете, нет?

— Ничего существенного. Судя по всему, мисс Б. в последнее время пускалась в рискованные предприятия: ее счет облегчился на приличную сумму. Странно, конечно, но я не вижу, как это может вязаться с остальным. Пока, во всяком случае.

— Может быть, связи и нет. Что ж, большое вам спасибо. Очень любезно было с вашей стороны позвонить мне.

— Не стоит благодарности. Я — человек слова. Мне сразу стало ясно, что случай вас заинтересовал. Как знать, может, вы сумеете мне чем-нибудь помочь.

— С большой радостью. Например, если найду подругу или друга девушки по имени Катрина.

— Позвольте, но вы, кажется, сами сказали, что у нее друзей нет, или я ошибаюсь? — удивленно переспросил Симз.

— Ошибался я, — уточнил Пуаро. — Один есть.

И, прежде чем инспектор успел задать следующий вопрос, положил трубку.

Когда он вошел в комнату, где за пишущей машинкой сидела мисс Лемон, лицо его было серьезно. Секретарша перестала печатать и, подняв руки над клавишами, вопросительно посмотрела на него.

— Я бы хотел попросить вас представить себе одну историю, — предложил ей Пуаро.

Мисс Лемон покорно опустила руки на колени. Она любила печатать, платить по счетам, регистрировать входящие и исходящие документы и фиксировать деловые встречи. Просьба

представить себя в гипотетической ситуации навела на нее тоску, но мисс Лемон отнеслась к ней философски: в любой профессии есть свои неприятные стороны.

— Вы — русская девушка, — начал Пуаро.

— Так, — согласилась мисс Лемон, оставаясь истинной британкой.

— Вы одиноки, в этой стране у вас нет друзей. По каким-то причинам вы не хотите возвращаться в Россию. Работа ваша тяжела, неинтересна, поскольку приходится выполнять обязанности компаньонки старой дамы, ее сиделки и служанки. Но вы кротки и безропотны.

— Так, — послушно сказала мисс Лемон, совершенно не представляя себя в роли кроткой девицы под каблуком какой бы то ни было старухи.

— Представьте, что старая леди полюбила вас. Она решает оставить вам состояние. И говорит вам об этом. И вдруг старая леди что-то обнаруживает. Может быть, обман. Может быть, он связан с деньгами. А может, и что-нибудь похуже: странное на вкус лекарство или непонятное недомогание после приема пищи. Как бы то ни было, она начинает в чем-то вас подозревать и пишет письмо очень знаменитому детективу — самому знаменитому — мне! И просит, не откладывая, приехать к ней. Тут уж, как говорится, дело начинает пахнуть керосином. Теперь главное — действовать, и действовать без промедления. Поэтому, прежде чем великий детектив приезжает к ней, старая леди умирает. А деньги остаются вам... Скажите, подобная история вам кажется правдоподобной?

126 — Вполне, — подтвердила мисс Лемон. — Вполне, если учесть, что девушка — русская. Лично я никогда бы не стала компаньонкой. Предпочитаю профессии с точно обозначенным кругом обязанностей. И, разумеется, мне бы в голову никогда не пришло кого-либо убивать.

Пуаро вздохнул.

— Как мне не хватает моего друга Гастингса! У него было такое воображение! Какой романтик! Что правда, то правда, в выводах он всегда ошибался, но это тоже было своего рода ориентиром.

Мисс Лемон молчала. Ей достаточно часто приходилось слышать о Гастингсе, и потому он потерял для нее всякий интерес. Она нетерпеливо взглянула на торчавший из машинки недопечатанный лист.

— Значит, на ваш взгляд, подобное вполне могло произойти, — задумчиво произнес Пуаро.

— А на ваш?

— Наверное, тоже, — вздохнул сыщик.

Зазвонил телефон; мисс Лемон вышла в соседнюю комнату, но тут же вернулась.

— Это опять инспектор Симз.

Пуаро поспешил в аппаратную.

— Алло? Алло? Что вы говорите?

Симз повторил:

— В спальне девушки нашли пакетик со стрихнином. Он

лежал у нее под матрасом. Мне только что об этом доложил сержант. Таким образом, круг, на мой взгляд, замкнулся.

— Да, — уверенно произнес Пуаро. — На мой — тоже.

Положив трубку, он сел за письменный стол и машинально поправил лежащие на нем предметы. Потом вслух пробормотал:

— Что-то там было не так. Я это почувствовал. Нет, не почувствовал. Должно быть, увидел. Ну-ка, ну-ка, серые клеточки, за работу, да поактивнее. Думайте, вспоминайте. Все ли там было логично, все ли в порядке? Девушка, ее взволнованность по поводу денег. Мадам Делафонтейн, ее муж, его упоминание о русских — глупость, но он и есть глупец. Дом, сад — ага! Сад!

Пуаро замер. В глазах его вспыхнули зеленые огоньки. Потом он стремительно поднялся и вышел в соседнюю комнату.

— Мисс Лемон, будьте добры, оставьте все дела и займитесь небольшим расследованием, ладно?

— Расследованием, мсье? Боюсь, у меня не полу...

— Вы недавно сказали, — перебил ее Пуаро, — что неплохо знаете натуру торговцев.

— Без сомнения, — уверенно ответила мисс Лемон.

— Тогда задача вам будет по плечу. Надо поехать в Чарманз-Грин и найти там торговца рыбой.

— Торговца рыбой? — удивленно переспросила мисс Лемон.

— Именно. Торговца, поставляющего рыбу в «Роузбэнк». А когда найдете его, задайте ему один-единственный вопрос.

Он вручил секретарше небольшой листок. Мисс Лемон взяла его, без интереса прочитала, кивнула и накрыла машинку чехлом.

— В Чарманз-Грин мы поедем вместе, — продолжал Пуаро. — Вы отправитесь к рыборотговцу, я — в полицию. От Бакер-стрит мы доберемся туда за полчаса.

В полицейском участке его приветствовал удивленный инспектор Симз.

— Вот это темпы, мсье Пуаро! Ведь я говорил с вами по телефону не более часа назад.

— У меня к вам просьба: разрешите поговорить с арестованной, Катриной... как ее?

— Катриной Ригер. Не возражаю.

Девушка выглядела бледнее и угрюмее, чем прежде.

— Мадемуазель, я хочу, чтобы вы поверили мне: я вам не враг, — мягко, даже ласково начал бельгиец. — Я хотел бы услышать от вас всю правду.

Ее глаза вызывающе сверкнули.

— Я сказала всю правду. Я всегда говорю только правду! Если мисс Барроби отравили, то я тут ни при чем. Это ошибка. Вы просто-напросто хотите лишиться меня денег.

Голос ее звучал хрипло, а сама девушка в тот момент напоминала загнанную в угол крысу.

— Расскажите мне о порошках, мадемуазель, — предложил Пуаро. — Кто, кроме вас, имел к ним доступ?

— Никто!

Загнанная в угол, но как смела!

— А мисс Барроби за ужином ела только то, о чем мы знаем? Суп, запеканку и яблочный пирог, так?

— Да.— Грустное «да» и грустные глаза, не видевшие вокруг никакого просвета.

Пуаро похлопал ее по плечу.

— Крепитесь, мадемуазель. Возможно, вы еще получите свободу. Свободу и деньги.

Катрина недоверчиво посмотрела на него.

— Боюсь, мсье, я вас не понял, когда по телефону вы сказали, что у девушки есть друг,— заметил Симз, прощаясь с Пуаро.

— Да, один друг у нее есть. Это я! — ответил Пуаро и вышел из кабинета прежде, чем инспектор успел собраться с мыслями.

Мисс Лемон не заставила себя ждать и появилась в чайной «Зеленый кот» вскоре после Пуаро. Не трата времени даром, она сразу перешла к делу.

— Фамилия его Радж, живет на Хай-стрит, и вы были абсолютно правы. Ровно полторы дюжины. Я записала все, что он сказал.

И отдала ему блокнот.

— Ар-р-р,— произнес Пуаро, словно большой, довольный кот.

Из чайной он отправился в «Роузбэнк» и, не доходя до дома, остановился в садике, глядя на цветочные клумбы.

— Мсье Пуаро? — прозвучал удивленный голос: на пороге стояла Мэри Делэфонтейн. — Вы вернулись?

— Да, я вернулся,— ответил сыщик и, помолчав, добавил: — Когда я впервые пришел сюда, мадам, мне вспомнился детский стишок:

*Покажите, миссис Мэри,
Как растет ваш сад?
С гребешками, петушками,
С девушками в ряд.*

Разница лишь в том, что у вас тут раковины не гребешков, а устриц. Верно, мадам?

Он указал на крайнюю клумбу.

Миссис Делэфонтейн еле слышно ахнула и замерла. В ее глазах застыл немой вопрос.

Пуаро кивнул.

— Mais oui*, я все равно знаю! Прислуга оставила вам готовый ужин — она и Катрина под присягой покажут, что это все и ели. Но лишь вам и вашему мужу известно, что от рыборотгонца вы принесли полторы дюжины устриц — маленькое угощение pour la bonntante**. Нет ничего проще, чем подсыпать стрихнин в устрицу. Их ведь глотают только так! Но вот беда: ракушки остаются. В мусорное ведро их не выбросишь: служанка увидит. И тогда вам пришла в голову мысль украсить ими клумбу. Только их не хватило, а это внесло дисгармонию, испортило общий вид поистине очаровательного садика. Эти ракушки здесь

* Разумеется (французск.).

** Для дорогой тетушки (французск.).

неуместны, они произвели на меня неприятное впечатление еще в прошлый раз, когда я увидел его впервые.

— Вы, наверное, обо всем догадались, прочитав письмо,— сказала миссис Делфонтейн.— Я знала, что она вам написала, не знала лишь, что именно.

— По крайней мере из письма я понял, что речь идет о семейных делах,— уклонился от прямого ответа Пуаро.— Провинись Катрина — не потребовалось бы никакой секретности. Я догадываюсь, что вы и ваш муж позаимствовали кое-какие из ценных бумаг мисс Барроби, а она это обнаружила...

Женщина кивнула.

— Мы уже несколько лет этим занимаемся — понемногу. Я и не подозревала, что тетя так бдительна, и вдруг узнаю, что она пригласила детектива, а деньги отписала Катрине, этой несчастной коротышке!

— Поэтому вы и подложили стрихнин в спальню девушки? Таким образом вы надеялись спасти себя и мужа от разоблачения и подставить несчастное дитя. У вас нет ни грамма жалости, мадам?

Она пожала плечами, глядя незабудковыми глазами прямо в лицо Пуаро. Он припомнил, с каким совершенством Мэри Делфонтейн разыграла свою роль во время его первого визита, как неумело пытался подыграть ей муж. Женщина, несомненно, обладала характером неординарным, но бесчеловечным.

— Жалости? — переспросила она.— К этой крысе, к этой маленькой интриганке?

В ее голосе отчетливо прозвучало презрение.

— Мне кажется, мадам,— медленно произнес Пуаро,— в вашей жизни у вас были только два объекта вашей любви и заботы. Во-первых, муж.

Ее губы дрогнули.

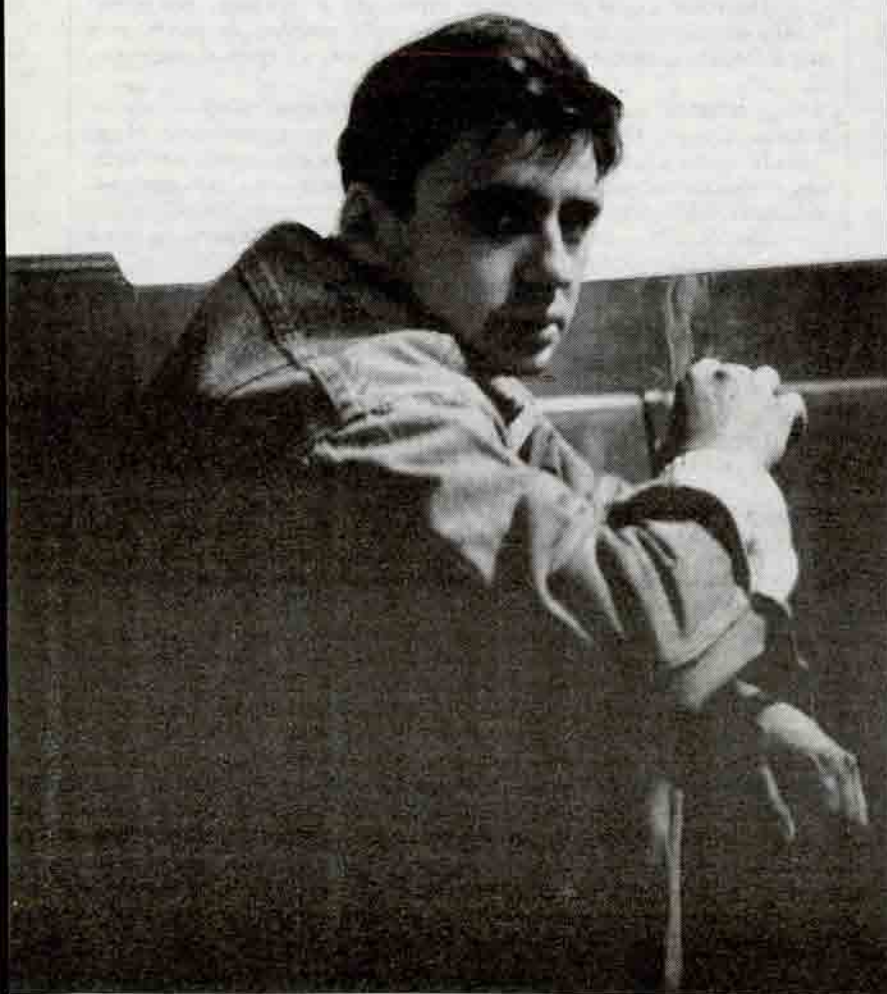
— А во-вторых, ваш сад.

Он оглянулся на цветы, словно взглядом просил у них прощения за то, что уже сделал и что собирался сейчас завершить...

**Перевод с английского
СЕРГЕЯ РАЮШКИНА.**

АНТОН ТАБАКОВ:

«Я ленивый,
но очень
заводной»

Антон Табаков в актерском деле не новичок, но такую известность, как его отец Олег Табаков, еще не приобрел. А может, он к ней и не стремится?

— Антон, вы актер, выросли в семье актеров, женились на актрисе, поэтому наверняка знаете, в чем особенность актерской семьи.

— К сожалению, ничего хорошего в такой особенности нет. Это, как правило, эгоизм, нехватка времени, дефицит внимания к близким людям и постоянная раздраженность.

— И все-таки вы выбрали именно эту судьбу...

— Первые два-три года учебы в ГИТИСе я был прямо одержим в стремлении стать актером: репетировал по ночам, мог сутками зубрить роли. Все это продолжалось до тех пор, пока не понял — мой энтузиазм никому не нужен: ни руководителю Андрею Александровичу Гончарову, ни зрителям, ни даже мне.

Похожая ситуация сложилась и у моего отца. Он два первых своих выпуска пытался сплотить в «одну большую, дружную семью». Но его фанатизм прошел. Вообще меня актерская слава никогда не прельщала, а потому активность иссякла довольно быстро. Я, оказывается, не тщеславный, что очень плохо, ведь тщеславие — необходимая черта для актера.

— Вы снимались во многих фильмах?

— Скорее мелькал на экране, хотя и довольно часто, да без особого успеха. Можно сыграть одну-две роли и прославиться. Вспомните Алексея Владимировича Баталова. Он мало снимался, но каждая сыгранная им роль оказывалась событием в нашем кинематографе. Я слишком долго халтурил.

Что для актера непростительно. Нельзя расплытаться. Поэтому не могу назвать для себя ни одной серьезной работы в кино или театре. Запомнилась, пожалуй, единственная картина — «Опасный возраст».

Несколько лет назад, когда казалось, что я могу заявить о себе, меня почему-то перестали приглашать на роли. «Черный период» как раз совпал с перестроечными годами. Правда, Никита Сергеевич Михалков предложил мне главную роль в фильме «Сибирский цирюльник». Но, увы, он так и не смог его снять.

— Чем вы сейчас занимаетесь?

— Практически не снимаюсь. Занят в одном спектакле в театре у отца и в одном — в «Современнике». Основная моя работа — в фирме «Арт пикчерз груп», созданной при «Мосфильме». Фирма пока занимается производством рекламных роликов и музыкальных клипов. В перспективе мы хотим снимать полнометражные фильмы, телевизионные программы и телесериалы. А недавно провели первый международный фестиваль музыкальных клипов, который будет проходить ежегодно. Я — директор этого фестиваля. Но подобную работу трудно назвать творческой.

— Чем отличаются ваши отношения с людьми в театре и в фирме?

— В институте был, пожалуй, один близкий человек — режиссер, с которым работал. Меня считают довольно коммуникабельным, но я никогда не умел дружить. В театре у меня нет друзей. Но вот в фирме образовалась команда единомышленников: Федя Бондарчук, Степа Михалков, Рома Пригунов, Сережа Козлов, Марк Асакин. Мне и легко работать с ними, и в то же время сложно.

Почему легко — понятно. Мы делаем одно дело. А вот сложно... Например, я практически не могу работать с отцом. Если бы я влился в его коллектив, у меня бы возникло много конфликтных ситуаций. Что и происходит в работе с моими друзьями. Ведь с чужими мы всегда стараемся вести себя корректно, а с близкими не церемонимся.

— Сколько платят сейчас в театре?

— В «Современнике» мой оклад около четырех тысяч. У отца платят чуть больше — каждый выход на сцену стоит 800 рублей, а репетиция — 400. Как понимаете, такие суммы далеки от прожиточного минимума.

— А в фирме?

— Коммерческая тайна.

— Так много?!

— Конечно, нет. Мы пока убыточная организация. Имеем какие-то жалкие крохи, которые удается сэкономить от производства роликов и клипов.

— Тогда на какие же деньги вы купили машину и квартиру недалеко от Арбата? Извините за нескромность вопроса.

— Говоря современным языком, просто много «кручусь».

— И при этом ваша работа в театре не страдает?

— Я вырос в театре, к нему привык, мне скучно без него. Театр не дает расслабиться: играть приходится в любом состоянии и настроении. И к тому же я все время жду, когда наконец мне предложат что-нибудь грандиозное. Пока удается совмещать работу в театре и в фирме без ущерба. Видимо, потому, что, с одной стороны, я человек ленивый, зато с другой — очень заводной. Если появляется интерес к делу, стараюсь довести его до конца.

— Антон, вам тридцать два года. Много ли из намеченного вами свершается сегодня?

— Никогда не строю планов на будущее. Не хочу сказать, что живу одним днем, но время диктует свои правила.

— Вы считаете себя счастливым человеком?

— Сегодня счастливый, а завтра нет. Все так непостоянно...

— В чем, по-вашему, заключается счастье?

— В мелочах. Например, купил сыну лекарство. Да вот еще прекрасную квартиру заимел...

— Сколько сыну лет?

— Два года.

— Ваша жена работает в «Современнике»...

— Да. Ее зовут Екатерина Семенова. Но это не та, которая поет. Жена сейчас живет у своих родителей. У нас разница в одиннадцать лет, поэтому вещи, очевидные для человека моего возраста, ей еще непонятны. Мы решили некоторое время пожить отдельно, чтобы выяснить, насколько будем нужны друг другу в будущем.

Сейчас для меня важно воспитание сына. Из-за работы, которая поглощает уйму времени, уделяю вниманием ребенка. Повторяю путь моих родителей.

— Вы что же, вообще не общаетесь с родными?

— Почему же, я часто звоню, заезжаю. Мама кормит меня, спрашивает о делах и т. д. Отец, конечно, всегда занят. А так как я тоже не самый свободный человек, то видимся с ним очень редко. Кстати, с отцом мы общаемся нормально только за границей. Несколько раз наши пути совершенно случайно пересекались на «нейтральной» территории. И я заметил, что он нормально разговаривает, со-

всем не раздражен. Потому что там нет этой сумасшедшей московской жизни: ни телефонных звонков, ни родных театров, и все сиюминутные проблемы отходят на дальний план.

— Вы были «трудным ребенком»?

— Да, ломался сам, ломал окружающее. Всегда был плохим учеником в школе. Активно не любил учиться, заканчивал десятилетку в школе рабочей молодежи. Плюс ко всему часто ломал себе руки и ноги, попадал во всякие истории.

— Какое качество больше всего цените в людях?

— Наверное, доброту. Понятие чести и совести настолько расплывчато... А добро и зло — категории очень яркие. Еще ценю умение и способность сопереживать.

— На ваш взгляд, чего вам самому не хватает?

— Таланта маловато, хотелось бы больше. И еще терпения. Не люблю долго ждать, хочу, чтобы все сразу исполнялось.

— Есть ли заветная мечта?

— Пожалуй, нет. Но было бы неплохо, если бы люди перестали убивать друг друга и все стали жить нормально. Конечно, «мерседес» лучше, чем «Жигули», но мне хватает и «Жигулей». Я абсолютно спокойно ко всему отношусь.

— Как вы проводите свободное время?

— Люблю отдыхать. Но в последнее время так редко удается... А если все-таки получается выехать на дачу с друзьями, то получаю огромное удовольствие. Вообще нравится состояние, когда «душа поет». Но пою плохо, поэтому стараюсь сдерживаться.

— В вашей жизни было много увлечений?

— Наверное, надо сказать — нет. Но сейчас легче говорить правду, чем придумывать что-то... Мне всегда нравилось кокетничать. Хотя больше всего я люблю детей и собак. И они платят мне взаимностью.

**Беседу вел
ВЛАДИМИР ПОЛУПАНОВ.**

С колес осыпается глина,
 В полях подсыхает земля.
 Полнеба — рассвет, половина —
 Фабричного дыма змея.
 Апрель. Скоро Красная Горка.
 И сыплется с вербы пыльца.
 И радостно как-то, и горько
 При виде родного крыльца,
 При взгляде окон запотевших,
 Где нет даже плачущих лиц;
 Молчащих (а раньше так певших!),
 Помытых тобой половиц...

Просека. Простимся простенько —
 без заламывания рук.
 Осенью не будем после мы
 веровать в шальное «вдруг».

Как спокойны мы и вежливы,
 и откуда что взялось...
 Ну, а что такого, ежели
 кончились любовь и злость.

Разве что слегка растерянны,
 только вряд ли в этом соль.
 Многолетние растения —
 одиночество и боль...

К проселку примерзают тени,
 как прошлогодняя трава.
 Церквушки стертые ступени
 в туман заметные едва.

Столбы и провода. А дальше —
 река, вползающая в лес.
 И дорог дождь холодный даже
 за то, что падает с небес.

Спасибо, дальняя дорога
 и незнакомое село,
 за то, что я поверил в Бога,
 как нынче модно — в НЛО;

что быть веселым не стараюсь
 (повеселились, хватит с нас!),
 в глаза запущенному краю
 гляжу, не опуская глаз;

что впереди земля рябая —
проталины и пустыри,
что отчуждение — бывает,
но реже веры и любви...

Глоток тепла. Шепотка света.
Туман в саду.
Сентябрь — чистая монета —
блестит в пруду.

Рябит вода. Дрожит осока
и облака.
И будущего поволока
неглубока...

И невеселый этот праздник
всегда со мной,
где грусть не кажется напрасной,
а боль — чужой.

ВАЛЕРИЙ КРАСКО

Там, за свинцово-синим
И неземным венцом,
Стану я сыну сыном,
Стану отцу — отцом:
Буду с крыльца аукать
Сыну — юнцом босым,
Буду отца баюкать
Песней, что пел мне сын.

Отзвуком в негасимом
Отсвете раздвоюсь —
Между Отцом и Сыном
Осуществляя связь,
Тайною Генокода,
Встану я как гора
У колыбели рода
И у его одра.

Но, отвергая «этнос»,
Горных вершин гряда
Высветит звездный свет в нас
И вознесет —

туда,
Где рассосет тряпина
Горнего чуда след,
Где ни отца, ни сына,
Но —
ниоткуда —
свет...

ВНОВЬ...

*То, что зачем-то — когда-то — кому-то
мудро вещало о горних мирах,
вновь — то вечера заката, то мука
утренних грез на дороге во мрак.*

*То, что, прозрев, призревало от ветра
и от навета сердца и умы,
вновь — ослепляет со скоростью света
и усыпляет со скоростью тьмы...*

*Бреду мужнему вторись,
Стужей обожжена,
Только ты —*

да и то лишь

*Потому что — жена,
А простит, коль оспоришь
Горечь троп непрямых,
Только Бог —*

да и то лишь

*Потому что — привык.
Боль, ты большего стоишь,
Коль стоим на своем
Только мы —*

да и то лишь

*Потому что — вдвоем.
А от стужи застонешь —
Боль твою утолю
Только я —*

да и то лишь

Потому что — люблю...

ЕКАТЕРИНА КОЗЫРЕВА

БЕССОННИЦА

*Как затихнет мучительный говор и ложь
за стеною и рядом, и выше, —
ничего я во сне не увижу...*

*А разбудит меня —
и на что он похож?*

Шум и шелест все ближе и тише.

*Тайный снег, да не ты ли мой сон стережешь,
за холодными окнами вея,
словно платье, слетевшее с феи?*

*Или просто осенняя морось и дрожь
в душу ночи томление сеет?*

*Эх ты, смутная ночь, и когда ты пройдешь?
Даже медные листья осины
обветшали, как флаги и гимны,*

*И слетают, слетают, за грошиком грош,
в шапку нищей земли, неповинной.*

ДА

*Сорвался звонок телефонный —
так слух замыкает вода,
остался лишь звук потаенный —
глухое и ровное — Да...
Но женщине мнилось влюбленной,
как будто скатилась звезда.
Остался лишь след раскаленный
и словно ответное — Да-а-а-а!*

≡

*Так можно любить без ответа
и тени струящейся вязь,
весну без весенней приметы,
твою неизменную власть
над сердцем моим и душою,
которых нельзя не отдать...
И как я пленилась тобою,
самой невозможно понять.*

≡

*Знакомая береза под окном
зеленую расчесывает гриву,
она живет в неведеньи счастливом,
с весной в ладу в пространстве мировом.*

*И только люди, проживая век,
не думают в гордыне иль в смятеньи,
что жизнь и смерть — единое смирень,
которого не хочет человек.*

*А мы за то неведение в саду
остаток жизни отдали бы смело.
Любовь одна не ведает предела —
цвети она в раю или в аду.*

ТОСКА

*Она. Знакомая. Тоска.
Та,
что сродни тяжелой скорби.
С глубокой черточкой у рта,
глаз не сомкнет и до утра
все хмурит лоб и плечи горбит.*

*Зачем пришла? Уйди! Не стой
и не смотри, глазами плача.
Полжизни — словно сон пустой...
А не вернуть полжизни той
и не прожить ее иначе.*

МЕСТО ЖИЗНИ

138

Саратов, улица Рабочая...

Двухэтажный особняк с двумя просторными балконами — бывший аэроклуб. По коридорам этого здания сорок лет назад ходил курсант аэроклуба Юрий Гагарин. Нынче здесь — общественный и культурный Центр немцев Поволжья, саратовское немецкое общество «Хаймат» («Родина»). А до 1916 года в этом примечательном доме размещалось германское консульство.

Такие вот исторические сближения...

Ходоки

В Центре мы столкнулись с группой людей явно нездешних, приехавших издалека. Чем-то они напоминали классических «ходоков», неуютно чувствующих себя в присутственном месте.

Познакомились. Старший по

возрасту Иван Дьяконович Реттих, с недавних пор пенсионер, бывший электросварщик. Владеет многими другими специальностями. Живет с семьей под Ташкентом. Александр Иосифович Зальцман, его сыновья Александр и Владимир, зять Михаил Садовщиков приехали из Здвинского района Новосибирской области.

Такие незапланированные гости бывают в особняке почти ежедневно — едут, чтобы выяснить, каковы здесь перспективы с жильем и работой. По возможности «зацепиться» за какой-то конкретный адрес, попасть — если повезет — в строительную бригаду. Понятно, удастся это далеко не всем...

С Реттихом, можно сказать, все ясно: поволжские немцы — говорю об этом, основываясь на ряде публикаций в прессе и на собственных беседах и наблюдениях — весьма болезненно воспри-

няли тот факт, что оказались в одночасье вне пределов России.

А что же Зальцмана заставляет сниматься с насиженных мест из «классически русского» региона.

— Жизнь никудышная? — без обиняков спросил главу семейства.

— Ну, что вы! Так ставить вопрос нельзя. До богатой жизни, конечно, далеко. Но — если работаешь и умеешь вести хозяйство — как можно бедствовать? А с другой стороны, что ни говори, в Сибири мы себя хозяевами не чувствуем, собственной земли нет. И будет ли? Превратят колхоз в товарищество или акционерное общество — а что фактически изменится?

— Но и здесь все то же. Законы одни...

— Все так. Но там кто-нибудь ткнет в тебя пальцем — и молчишь. Уже на каком-то подсознательном уровне передается из поколения в поколение психология «высланности», ущемленности в правах. А тут, как-никак, земля-родина, на которой чувствуешь себя коренным жителем. Да и зацепка есть — сюда уже вернулись из Сибири несколько знакомых...

Один из них — Николай Яковлевич Шеро, встречавший в Саратове «немецких сибиряков». Он механизатор. Переехал на Волгу девять лет назад. В Щербаковке (это Камышинский район) тогда же получил «коробку». Сам построил ее. Этот дом недавно приватизировал, заложив тем самым, как считает, прочное родовое гнездо. Имеет приусадебный участок. Держит корову и свиней.

...Мне довелось присутствовать при том, как приехавших принимал один из ответственных работников общества «Хаймат». Разговор шел деловой, конкретный. Работник «Хаймата», делая записи в своих бумагах, говорил, когда

появится реальная возможность принять новоселов.

Признаюсь, с некоторой долей любопытства я ждал, как сложится разговор с Садовщиковым. Не дадут ли «поворот», или, скажем так, не определят ли ему «режим наименьшего благоприятствования» — как человеку не немецкой национальности, хотя и женатому на немке. Ничуть не бывало! Более того: из семейства, возглавляемого А. И. Зальцманом, Михаил был выделен (опытный шофер, механик!) и первым зачислен кандидатом в строительную бригаду.

После мне и вовсе пришлось удивиться: руководитель отдела эксплуатации вводимых объектов немецкого общества «Хаймат» оказался тоже русским — Дмитрий Марамзин. Он, инженер по профессии, принимал участие в разработке «переселенческой» программы, которая рассматривалась в правительстве ФРГ. В политические дискуссии вокруг «немецкой проблемы» Дмитрий не ввязывается, предпочитая делом решать эту самую проблему.

Поволжские немцы, сложившись к середине прошлого века как этническая группа из переселенцев многих национальностей (немцев, голландцев, датчан, швейцарцев... — с преобладанием первых), давно уже не только общей историей и хозяйственной деятельностью, но и родственными узами соединились с коренными россиянами. И «брачная практика» современности лишь подкрепляет матримониальный исторический опыт. Намеренно говорю об этом с улыбкой. Ибо по большому счету — о чем тут говорить? О том, что поволжские немцы имеют одинаковое со всеми право на место под российским солнцем? Но обсуждать это — даже недостойно для порядочных людей...

Коттеджи Степного

В поселок Степной из Саратова езды часа полтора. Сначала, перебравшись по двухкилометровому мосту через Волгу, надо доехать до города Маркс (до войны он назывался Марксштадтом, до 17-го Баронском, до 14-го Екатеринштадтом), где в самой середине, рядом со стандартным для райцентров памятником Ленину, высится здание кирхи, превращенное в аляповатый дом культуры. Потом, миновав на окраине городка стадион завода «Коммунист» и аэропорт, используемый ныне как автобусная станция, снова вырваться на беслесый простор, и мимо нечестых, приземистых селений, доверяясь водительской осведомленности, добраться до поселка, который не обзавелся пока своим дорожнопограничным указателем.

— Как отстроились! — воскликнул водитель Александр Кушнир, сворачивая с шоссе в колею, идущую к домам Степного.

Александр Шуллер, специалист фирмы «Волга-Рейн», сопровождавший нас в этой поездке, заметил:

— А начали в октябре девяносто второго...

И полгода не прошло, как поднялись почти все сто крупноблочных коттеджей.

И вот что примечательно: основные строительные материалы — отечественные (хотя и производятся по германской технологии). Крупнопанельные детали домов поступают, например, из Тамбова. Строители — тоже свои: создаются, как было уже упомянуто, бригады из числа тех, кто собирается сюда переселяться. Они-то, понятно, более чем заинтересованы в качественной и быстрой работе. К реализации программы (это относится не только к Степному),

контролируемой межправительственной российско-германской комиссией, привлечены на основе контрактов (в иных случаях — конкурсных) множество фирм и компаний.

В Степном один из подрядчиков — компания «Саратовстройинвест». В обеденный перерыв поговорил с бригадирами Владимиром Старовойтовым и Алексеем Брянцевым. Под началом каждого менее десяти человек. Одна бригада каменщиков, другая — монтажников.

— В режиме прежних соцсоревнований за какое время поставили бы таких вот десять домов?

— В зависимости от срока сдачи их в эксплуатацию, от снабжения материалами, от укомплектованности бригады рабочей силой и механизмами, наконец, от всяких премиальных раскладок, — перечисляет Старовойтов.

Ясно: не спешили бы. Сами знаете, какая-нибудь простенькая двухэтажка годами строилась. А тут коттедж. Хотя и типовой, но последнее иных высоток.

— А как с материалами?

— Компания имеет контракты с контрагентами. Количество, качество, срок поставок — все оговорено до мелочей. Нарушил какой-нибудь пункт — несешь убытки. Плохо работать при такой системе не выгодно. Вылетишь в трубу...

При нас прибыло несколько панелевозов из Тамбова. Крупноблочные детали сразу же пошли под монтаж. На всей территории не видно было залежавшихся досок, панелей, груд кирпича, упаковки с сантехникой. Если все это входит составной частью в знаменитый немецкий порядок, то должен заметить, что российская почва не так уж не приспособлена для него, как считают иные наши общественные умы. В Степном

рассказывали, что местные жители стали меньше пить и ругаться матом, начали опрятнее одеваться. Повысились производственные показатели здешней фермы. Одним словом, поселок, являющийся окраинным отделением Кировского совхоза, стал всеми порами впитывать новую жизнь. Полностью оправдался и расчет директора хозяйства Александра Савенкова, который, в отличие от некоторых других руководителей, не побоялся принять большое число переселенцев, понимая: хлопоты окупятся сторицей — и обновлением захиревшего поселка, и притоком квалифицированной, тяготеющей к дисциплине рабочей силы.

Бондаренко, Майнгардт и другие...

Первым новоселом, с кем мы познакомились в Степном, оказался Александр Бондаренко. Буквально накануне нашего приезда он получил особняк, который, если и снился ему, то только с тех пор, как сам стал работать на строительстве в бригаде, сформированной из переселенцев.

Он — украинец. Родом из Черкасской области. В 84—86 годах проходил армейскую службу в Заравшане, там и остался, женившись на Галине Кригер.

— Ферганские события нас не коснулись, но морально подействовали сильно, — говорил Саша Бондарейко, — тогда и родилась мысль переселиться. Сюда или на Украину. Но на Украине с жильем совсем плохо — ждать годы... А тут такой дом!

Честно говоря, наткнувшись в блокноте на эту запись, я даже не могу припомнить, какому именно из Бондаренко принадлежат эти слова. Дело в том, что в Степном их двое. И оба Саши. Оба из

Заравшана. Тот, что назван первым, помоложе. Записал профессию, по которой он работал в Узбекистане: тракторист-бульдозерист.

Второй Александр Бондаренко постарше. Родом из Донбасса. У него три профессии: бульдозерист, комбайнер, экономист-бухгалтер. Женат на Лидии Гильдебрандт. Был в числе первых одиннадцати человек, которые, приехав в Поволжье, стали возводить Степной.

— Семью когда собираешься перевозить? — спросил я Бондаренко-первого.

— Осенью. Когда газ подключат, электричество, водопровод...

— А как с мебелью? Перевезешь из Узбекистана?

— Скоро один контейнер будет стоить столько, что заработать на него жизни не хватит. Так что выгоднее новую мебель купить. Тоже, конечно, дорого. Но тут, на стройке, платят неплохо, можно поднакопить денег. Да и поговаривают, что Германия поможет — завезут сюда мебель подешевле. Поживем — увидим: главное, крыша над головой уже есть...

Биографии и жизненные обстоятельства переселенцев во многом схожи, хотя и приехали сюда они из разных республик Средней Азии, Казахстана, Сибири. Их предки (уже, как правило, во втором колене) были высланы по репрессивному указу. Те, кому за сорок, и сами испытали на себе ограничения в правах.

...Давид Теодорович Майнгардт, подполковник милиции, четыре года назад по болезни вышел в запас. Он из тех, чья детская память сохранила картины более чем полувековой давности: 26 августа сорок первого года ему исполнилось пять лет, а спустя два дня вышел указ: «О переселении нем-

цев, проживающих в районах Поволжья».

В селе Зигельберг (сейчас оно называется Тельмовка), где жила его семья (отец Теодор Давыдович был председателем сельпо, мать, Вильгельмина Ивановна, вела домашнее хозяйство), «переселение» проходило так. Еще недели за две до рокового дня взрослые почувствовали что-то неладное. Было запрещено выгонять на пастбище скот. В сельский магазин перестали завозить молоко и другие продукты. Ранним утром в день указа в село на бричках прибыли военные. Они обошли все немецкие дома, приказывая взять с собой только самое необходимое и грузиться. На станции Ершов «пассажиров» обоза пересадили в теплушки и отправили в Северный Казахстан...

Сейчас нет смысла вспоминать обо всех коллизиях, вытекавших из духа и буквы сталинского указа — его испытали на себе не только поволжские немцы. Ингуши, калмыки, крымские татары, турки-месхетинцы... Но изгнанные с Поволжья были первыми.

Правда, «проба пера» произошла раньше. Сейчас почему-то не вспоминают об этом, но еще в 1936—38 годах негласно, без каких-либо обнародованных документов, высылались в северные регионы страны, в притундровые районы немцы с Украины. Это была своеобразная реакция на события в Испании, где победили франкисты. Следует вспомнить и немецких антифашистов, которые были поселены в Поволжье после 33-го года, когда в Германии к власти пришли фашисты. В 39-м, когда произошло сближение Сталина с Гитлером, они все исчезли. Молодой саратовский историк Игорь Плеве (он в местном университете читает курс по советской истории довоенного пе-

риода и с недавних пор — спецкурс по истории поволжских немцев) предполагает, что они были переданы советской стороной Германии. Хотя документальных подтверждений в архивах Поволжского региона (Саратовского, Энгельсского, Волгоградского), открытых для исследователей, на этот счет не обнаружено. А что лежит в недоступных для постороннего глаза хранилищах — как говорится, одному Богу ведомо...

Но, однако, я не все досказал о Давиде Майнгардте. Подполковником милиции он стал благодаря стечению чисто советских обстоятельств. В шестьдесят пятом, работая шофером на автобазе в Марьевке (Северо-Казахстанская область), вступил в партию. А вскоре по партийному набору был направлен в органы. Рядовым шофером опять-таки. И «допустил» по служебной лестнице до должности начальника отдела БХСС в известном уже нам Заравшане. Вместе с Александром Яковлевичем Штайнмарком, тоже пенсионером, стал основателем местного немецкого общества. В мае прошлого года подался в Поволжье.

Он невысок, крепок (хотя и не расстается с препаратами от астмы), улычив, остр на язык. Перед встречей с ним слышал, что Майнгардт раз в неделю по собственной инициативе (и на общественные началах — что теперь редко встретишь) проводит своего рода уроки юридического ликбеза, консультации по российским законам, касающимся экономической, хозяйственной деятельности. Дело сейчас, прямо скажем, наиважнейшее. Законодательных актов выходит множество, дельных же толкований их, особенно в провинции, не сыскать.

Я спросил подполковника:

— Не думаете открывать ча-

стную консультацию? Строительство ведь скоро закончится... Чем потом займетесь? Подыщете работу в совхозе или с головой — в отдых?

— Без дела не могу представить свою жизнь. Что-нибудь найдется. Вот хотя бы литовки буду отбивать. Здесь никто толком этого делать не умеет. А иные и косы в руках ни разу не держали. И это в деревне-то!.. Что же касается своей «юридической фирмы», то для нее моего диплома не хватит. Тут мой поезд уже ушел. В новом деле молодые нужны.

Еще встречи...

Франц Адольфович Гуш переехал на Волгу два года назад из Северного Казахстана. Работает в школе преподавателем физкультуры. Снимает (с женой и двумя детьми) квартиру. При зарплате 13 тысяч рублей жизненный расклад, прямо скажем, совсем невеселый. И, по словам Гуша, в ближайшее время перемен не предвидится.

— А если окажется, что вообще никаких перспектив нет?

— Тогда придется переезжать...

— В Германию?

— Нет. Куда-нибудь, где можно решить жилищную проблему. Поволжье-то большое. В Германии же с моей профессией искать нечего... Разве что в случае, если здесь совсем ничего «светить» не будет.

Адам Штремель работает шофером. Его жена Ирина — акушеркой в местной больнице. Получив дом, сами отремонтировали его. Завели хозяйство — корову, свиней, овец, кур. На огороде вырастили в прошлом году столько картошки, моркови, лука, что с лихвой хватило и на семью, и на продажу...

В Энгельсском районе известен Леонид Иванович Фейлер — он возродил давний промысел вязания корзин. В селе Генеральское,

где живет, вряд ли найдешь дом, в котором обходятся без его крашевых изделий.

А вот у Виктора Ивановича Сайца, работающего в учхозе, слава иного свойства. Он кузнец и скрипач. В четырехлетнем возрасте оказался с родителями на Алтае. Там среди переселенцев, размещенных подальше от крупных населенных пунктов, было легче хранить национальные обычаи и обряды. Виктору не раз приходилось бывать на национальных свадьбах, которые не обходятся без народных музыкантов, солирующей скрипки. В четырнадцать лет он сам смастерил себе скрипку из фанеры. Натянул жилы вместо струн. Сделал из конских волос смычок.

Сейчас играет в своей деревне, раскинувшейся на берегу Волги. И не только на свадьбах. А работает в сельской кузнице.

Одним словом, и жнец, и кузнец, и «на дуде» игрец...

Комбинат в Бурном

В одном из кабинетов дирекции совхоза, что в поселке Бурный Энгельсского района, располагается представительство германской фирмы «Лёбау ГмБХ». Созданная вскоре после объединения Германии в городке Лебау под Дрезденом, она занимается проектированием и инженерным обеспечением строительства учебно-профессиональных баз и комбинатов.

Знакомлюсь с хозяевами кабинета: Хайнц-Йорг Вобст и Бурхарт Фукс, оба инженеры. Первый начинал свою карьеру во времена ГДР. Второй — представитель нынешнего поколения, трудовой стаж после получения диплома всего год.

Строительство в Бурном (и откуда такое название взялось:

в округе — ни бурных потоков, ни водопадов, ни горных расщелин; бураны же здесь если и случаются, то ничем особым не отличны от других мест) — дебют фирмы на международной сцене: строят учебный комбинат для каменщиков, бетонщиков, штукатуров, плотников-столяров. Корпуса уже готовы. Идет внутренняя отделка и монтаж оборудования.

— От обычных ПТУ наш комбинат отличается тем, — поясняет главный агроном Владимир Пилягин, — что учеба совмещена с производством. Ученики будут выполнять под началом инженеров, бригадиров контрактные заказы. То есть учиться и зарабатывать деньги.

Совхоз возник в 83-м. Начался с палаток, словно на целине. Ныне — добротные, красивые особняки с приусадебными участками. Пекарня. Колбасный цех. Коптильня. Сыроварня. Все с новейшим, по мировым стандартам, оборудованием... Пашни — около 20 тысяч гектаров. Выращивают здесь зерновые и подсолнечник.

Поселок Бурный для этого комбината выбран не случайно — здешний совхоз одним из первых в области стал принимать на жительство возвращающихся поволжских немцев. Во многом, видимо, благодаря тому, что директор хозяйства Александр Бухгаммер, выпускник Тимирязевской академии — выходец из их среды...

...И «вашим», и «нашим»

Степной и Бурный стали своего рода двумя опорными точками в реализации «возвращенческой» программы.

— Ее выполнение выгодно всем сторонам, — рассказывал

Юрий Гаар, председатель общества «Хаймат». — Под нее для Поволжья «заложено» 80 миллионов марок, что дает правительство Германии. С нашей стороны в программе участвуют три крупных посреднических организации — Союз с немцами зарубежья, общество технического содействия и специально созданный правительством кредитный банк. В их компетенции вся контрактная политика, привлечение российских и германских фирм и организаций. У нас большую долю заказов выполняют фирмы «Надежда», «Митра», «Волга-Рейн»... С местными властями согласован вопрос о строительстве и обустройстве еще двадцати поселков.

— Выходит, здесь немало свободных земель?

— Конечно. В сельской местности плотность населения по сравнению с прежней упала в четыре, а в некоторых районах — в пять раз. В большинстве хозяйств области попросту не хватает рабочих рук... Но уже появились фермерские хозяйства. И одним из первых фермеров в области стал Виктор Гоферберг. Разводит свиней в селе Большие Корены. Десять ферм строится в Баскатовке. Там уже работает сыроварня... И вот что я бы подчеркнул: все, что делается по программе, не имеет какой-то национальной замкнутости. Дело даже не в том, что немало немецких семей породнено с русскими или украинскими семьями. Жилье и производственные мощности, которые построены и строятся, — это для всех, а не выборочно для немцев. Не делится на «ваших» и «наших» и помощь, оказываемая западным партнером — в поставках продовольствия, медикаментов, промышленных товаров, мебели. Такой вот хотя бы факт: весь прошлый год в селах и поселках, где проживают

немцы, сахар продавался по 30—40 рублей за килограмм...

С обустройством поволжских немцев на исторической родине началось возрождение национальной культуры, духовных и бытовых традиций. В нескольких школах появились немецкие классы. Немецкие группы созданы в Саратовском мединституте, объявлен прием студентов в немецкую группу театрального факультета областной консерватории. Строятся новые кирхи взамен разрушенных, восстанавливаются и передаются прежним хозяевам те, что сохранились. Снова действуют общины католиков, лютеран, меннонитов...

Я уже упоминал об Игоре Плеве. Историю поволжских немцев он знает, пожалуй, как никто другой. Полдня провели мы с ним в беседе и очень жалею, что из-за нехватки места не могу воспроизвести в этом материале даже толику любопытнейших сведений о формировании немецкой общности на берегах Волги в XIII—XIX веках, об общественном и юридическом статусе колонистов в царской России, принципах управления этим регионом. Много интересного таится и в истории советского периода. На основании своих исследований Игорь Плевев, например, выдвинул версию о том, что создание немецкой автономии в России не было инициировано Германией, которая, как мы теперь доподлинно знаем, оказывала финансовую поддержку Ленину, подталкивая его к насильственному захвату власти. Автономия (кстати, первая, созданная большевиками по национальному, а не территориальному признаку) была задумана ими и осуществлена в самом начале периода военного коммунизма в немалой степени для того, чтобы через национальные кадры руководителей легче было подчи-

нить важный в стратегическом отношении регион, выкачать у зажиточного и законопослушного населения столь необходимые продовольственные ресурсы. Этот замысел большевикам вполне удался. Известно, какие имел он последствия, когда вскоре в Поволжье разразилась жестокая засуха.

Или такой факт: сразу же после принятия сталинской конституции были разработаны и утверждены Верховным Советом СССР конституции всех союзных и автономных республик. Конституция немецкой республики также — по команде — была разработана к сроку. Но на сессии ВС о ней даже и не заикнулись. Была же она утверждена только в сороковом году, перед предполагавшимся визитом Гитлера в Москву.

В последние годы Игорь Плевев приобрел большую известность среди западных германистов работой по поиску фамилий первых немецких семейств, переехавших в Россию. Ныне эти исследования Игоря финансирует один из научных фондов Германии...

Илья Горелов, профессор Саратовского университета, в конце минувшего года был признан Кембриджским международным биографическим центром «человеком года» — за работы в области немецкой филологии и публицистики по немецкой тематике. Его избирали делегатом или приглашали в качестве почетного гостя на все съезды и конгрессы российских немцев.

— Население немецкой республики до сорок первого года на одну треть состояло из немцев и на две трети — из людей других национальностей. И никогда не было никаких эксцессов. Сегодня поводов для них вообще нет. Восстановление республики немцев надо рассматривать как экономическое возрождение Поволжья

при активной помощи Германии. По программе каждый дом, построенный для немцев, должен стоять рядом с новым домом, построенным для русского. Инвестиции не предусматривают никаких привилегий для немцев. Тем более что массового одноразового заезда немцев не будет...

Сейчас необходимо думать о том, как удержать немцев в России. Из двух с половиной миллионов полмиллиона уже выехали в Германию. И по данным германского посольства, подано еще миллион заявлений. Мотивы в основном не политические, а экономические, бытовые — страх перед житейской неопределенностью... В Германии подсчитали, что от приехавших они имеют 80 миллионов марок прибыли. Следовательно, мы эту сумму имеем в убытке, теряя трудолюбивых и умных людей...

Беседовал на эту тему я и с Юрием Гааром.

До того, как Юрий был избран главой саратовского общества «Хаймат», он работал доцентом кафедры механизации сельскохозяйственного института. Ему 40 лет. Родился в Актюбинской области, куда были сосланы родители. Один из тех, кто стоял у истоков движения поволжских немцев за национальное и культурное возрождение, восстановление автономии. Занимает взвешенную, реалистичную позицию, учитывающую все политические и социальные условия сегодняшнего дня.

В блокноте остались слова Гаара: «Этот вопрос можно решить на берегах Волги, но не Рейна, или где-нибудь в Сибири». Хотя он ничего не имеет против того, что ряд российских областей уже пригласил на жительство немцев, оказавшихся в ближнем зарубежье, а в некоторых областях даже гото-

вы создать национальные административные районы...

Вот на этом — не вдаваясь в споры между сторонниками и противниками воссоздания в Поволжье немецкой автономии, равно как и в существо разногласий внутри самого немецкого национального движения — можно и точку поставить. Сознывая при этом, что точки над *i* ставить пока преждевременно...

Исторический особняк, что в Саратове на улице Рабочей, образно говоря, связывает берега Волги и Рейна. И связь эта длится через людские судьбы.

НАТАЛИ

Морозный день. И две кареты рядом.
 На бал. На смерть. И воздух как слеза.
 Она бы мир остановила взглядом,
 Когда бы снег не падал не глаза.
 Но не случилось, не остановила,
 Снег не растаял у холодных век...
 Все говорят, она его забыла
 За десять лет. Но если этот снег
 Летит в глаза, страданью нет предела,
 И море слез без дна и берегов.
 О, сколько ты, Россия, проглядела
 Среди твоих нетающих снегов,
 Где каждый, кто назло врагам рождается,
 С улыбкой гибнет, проданный врагу!
 О, сколько снегу на твоих ресницах —
 И сколько крови на твоём снегу!

ПАМЯТИ ГУМИЛЕВА

В нашем смятом скоростью веке
 Вроде думать бы не о том...
 Но припомним о человеке
 Некрасивом и непростою.
 Улыбнувшийся всем соблазнам
 И во всяких бедах мастак,
 Но не звавший чистого грязным
 Ни за славу, ни просто так,
 Смелый странник на бездорожье,
 От огня не отведший грудь
 И нашедший в Царствие Божьем
 Свой единственный, тесный путь,
 И так детски легко простивший
 Грустной родине смерть свою,
 Что из смерти к ней приходивший
 Младшим братьям дать сил в бою,—
 Он теперь достоянье наше,
 Тех, кто в райской доле огруб,
 И стихи — золотые чаши
 У еще оглашенных губ.

Достойно ли мы помянули тех,
 Чье сердце разорвалось от утех,
 От метких пуль, от праведных трудов,
 От ярого нашествия годов?

Чьи высечены в камне имена,
 Чтоб выросла по смерти их цена,—
 И тех, чей брошен у дороги прах
 Или развеян на семи ветрах?

люблю,

ПИТЕР БРАУН,
СТИВЕН ГЕЙНЗ

которую ты

отгаешь

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*«Америка у наших ног! Что может
быть важнее этого?»
Из телефонного разговора*

*Бриана Эпштейна
с Питером Брауном.*

1

Сила взрыва популярности «Битлз» в Америке чуть не сбила их с ног. «Я хочу держать твою руку» вышла 26 декабря, а 18 января попала в каталог «Билборд» под номером 45. Это заставило работников «Капитол Рекордз» насторожиться и обратиться на нее внимание, хотя они решили, что небольшой клип в шоу Джека Пары не вызвал большого интереса. Тем не менее через неделю «Я хочу держать твою руку» оказалась на третьем месте в таблице, а еще через неделю перепрыгнула на первое.

7 февраля 1964 года рано утром битлы и Бриан Эпштейн выехали в Америку для участия в шоу Эда Сулливана и в концерте по случаю государственного праздника — дня рождения Линкольна. Их сопровождали недавно нанятый представитель прессы Тони Бэрроу, который писал колонку «Диск» в ливерпульском «Эхо», Нил Аспинол, Дезо Хоффман, официальный фотограф, телохранитель группы на время гастролей Мэл Эван и — что было весьма неожиданно — миссис Джон Леннон.

В шляпке, напоминающей гриб, длинном жакете и темной мини-юбке ее, как важного гостя, усадили в аэропорту Хитроу вместе с битлами. Последняя пресс-конференция была устроена для того, чтобы попрощаться с национальными героями, и Синтия с чувством собственного достоинства вошла в переполненную аудиторию, в то время как Джон занял место рядом с ребятами. Битлы четко отработали забавный школярский стиль диалога и прелестного подтрунивания — так они общались с репортерами на пресс-конференциях. Но как только началась пресс-конференция, оператор неожиданно позвал: «Подойдите сюда, Синтия, милая, давайте-ка поговорим с вами одной. Садитесь к свету».

Синтия похолодела. Она была уверена, что Бриан и Джон не хотели, чтобы она выходила, и близоручко вперилась взглядом туда, где находился Джон.

«Послушай, Джон, ты не возражаешь, если мы сделаем пару снимков твоей жены?» — спросил другой фоторепортер. «А может быть, мы вас с Синтией вместе сфотографируем?»

Гомон журналистов и фоторепортеров продолжался до тех пор, пока Джон, пожав плечами, не направился к Синтии. Они сели рядом, а фоторепортеры защелкали вспышками фотоаппаратов. Это был первый случай, когда их фотографировали вместе как мужа и жену. Наконец-то она вышла из тени в свет прожекторов вместе с Джоном.

Все девять часов полета Мэл Эванс и Нил Аспинол занимались тем, что переносили автографы битлов на тысячи фотографий, которые они намеревались раздать фанатам в аэропорту. Мэл и Нил научились отлично подделывать почерк битлов, но потребовалось бы еще человек десять, которые проработали бы месяц, подписывая фотографии, для того, чтобы удовлетворить толпу, ждавшую их в аэропорту Кеннеди. Нью-Йорк помешался на «Битлз» благодаря «Капитол Рекордз». Когда «Я хочу держать твою руку» заняла первое место в хит-параде, «Капитол» истратила неслыханную сумму в 50 000 долларов на рекламу. Песни битлов транслировали по радио, продавали их постеры и печатали фотографии на пуговицах и наклейках для бамперов. Журналисты, пользуясь случаем, с сарказмом писали об их музыке и прическах. «Капитол» также записала ответы битлов на вопросы журналистов, забавно скомпоновав интервью, и разослала магнитофонные записи с их ответами на все радиостанции страны. Радиостанции Нью-Йорка получали ежедневно колоссальный доход за живую трансляцию. Дабл-ю-Эм-Си-Эй, крупнейшая государственная радиостанция, выпускала захватывающие дух бюллетени об их растущем успехе: «Сейчас восемь часов семнадцать минут, время «Битлз», и сейчас великолепная четверка находится за тысячу сто километров на материке...»

К тому времени, как самолет приземлился в Нью-Йорке и ребята подвезли к зданию аэровокзала, перед ними предстало зрелище весьма необычное. Здание международного аэропорта было запружено фанатами, напоминающими пчелиный рой; они вопили, размахивая плакатами, свешивались с площадки для наблюдения, пачками облепляли все стекла, стоя друг на друге пирамидой по пять человек.

Полицейские провели битлов в здание аэровокзала к таможене. Хотя им и не пришлось стоять в очереди, бесстрастные нью-йоркские таможенники тщательно проверили багаж каждого. Снаружи их поджидали более 200 американских журналистов и съемочная группа, которая должна была снять документальный фильм для английского телевидения, фиксируя каждый их шаг. В отличие от прессы Флит-стрит, где было лишь обожание с той поры, как их заметили, американская пресса всячески подкалывала «Битлз». Над неожиданным потоком пластинок «Капитол Рекордз», а также сомнительным качеством песенок типа «Я хочу держать твою руку» всячески насмехались. В лучшем случае нью-йоркская пресса считала «Битлз» прихотью, которая быстро пройдет, и, если ребятам удавалось повалить дурака на пресс-конференциях, они не упускали такой возможности.

Конференция началась с того, что битлы заняли места за столом, перед каждым был установлен микрофон. Бриан откинулся назад, нервно поглаживая подбородок. Поскольку в комнате не сразу наступила тишина, необходимая для того, чтобы начать конференцию, Леннон сам оповестил об открытии процедуры протяжным громким криком: «Шакаарап!»

«Вам нравится, как вас здесь встречают?» — спросил репортер.

«Так ведь это же Америка,— заметил Ринго, осматриваясь.— Похоже, что здесь все не в своем уме».

«А вы не собираетесь подстричься?»

«А мы уже это сделали вчера»,— бодро ответил Джон.

«Вы конфликтуете со старшим поколением?»

«Это грязная ложь».

«Как вы расцениваете кампанию, развернутую в Детройте, по уничтожению «Битлз»?»

«Мы проводим кампанию в нашем родном городе по уничтожению Детройта»,— произнес Пол.

«Чем вы занимаетесь в своих номерах в промежутках между концертами?»

«Катаемся на коньках».

«Вы, ребята, собираетесь захватить что-нибудь с собой?»

«Центр Рокфеллера».

Теперь уже пресса с удовольствием развлекалась.

«Как вы относитесь к Бетховену?»

«Я его очень люблю»,— ответил Ринго,— особенно его стихи».

«В вашей семье кто-нибудь занимался шоу-бизнесом?» — спросили Джона.

Джон тонко улыбнулся: «Ну, папа часто говорил маме, что она большая актриса».

152
Когда стало очевидно, что ребята очаровали большинство скептически настроенных журналистов, Бриан закрыл конференцию, и битлов проводили из зала к ожидающей колонне лимузинов. Их сопровождали четыре нью-йоркских полицейских машины и два мотоцикла. Сирены гудели всю дорогу до отеля «Пласа», где были забронированы номера для «Битлз». Полиция забаррикадировала Пятую авеню, сдерживая поток фанатов, запрудивших «Гранд Пласа» и рвущихся в отель. Все службы отеля нарушили свой привычный режим, включая дежурного, которому беспрерывно звонили. Охрану пришлось вдвое усилить, а гостей, обедавших в изысканном ресторане Палли Корт, попросили освободить места для битлов и их свиты.

Не имея возможности покинуть отель из-за напиравшей толпы, битлы поднялись на двенадцатый этаж в десять совмещенных между собой комнат. Весь день они смотрели американские телепрограммы, широко освещавшие их прибытие, и пресс-конференцию, весьма дружелюбно болтали с диск-жокеями, которым удалось уговорить служащих и прорваться сквозь строй обескураженных фоторепортеров. Телефонные разговоры записывались на магнитофоны или транслировались «вживую» по местным радиостанциям, а «Битлз» наивно выбросили тысячи долларов, дав согласие на бесплатную передачу. Узнав об этом, Бриан ворвался в номер как ураган и запретил им подходить к телефону. Остаток дня они провели, развлекаясь тем, что дразнили уличную толпу, пока полицейский сержант не потребовал, чтобы они отошли от окон. После этого окно, к отчаянию нью-йоркской полиции, стало их главной игрушкой.

В первый же вечер Джордж Харрисон заболел гриппом, у него поднялась температура и разболелось горло. Луиза, сестра Джор-

джа, несколько лет назад вышедшая замуж за американца, прилетела в Нью-Йорк, чтобы ухаживать за своим двадцатилетним братом.

В течение всего дня передавались бюллетени с двенадцатого этажа, в которых сообщалось, что Джордж действительно поправляется и может выступить с группой в вечерней программе. На самом деле Джордж Харрисон был серьезно болен, и температура у него держалась высокая. Однако Бриан и все остальные решили, что Джорджу, если только он не умрет, нельзя ни в коем случае пропустить первое выступление в Америке. В номер привели врача, он напичкал Джорджа лекарствами и, по словам Нила, всадил лошадиную дозу амфетамина, который остальные ребята уже приняли. Его погрузили в лимузин, привезли в студию Сулливана и дали в руки гитару. Надо отметить, что только благодаря Джорджу группе удалось в тот вечер выступить вживую.

Эд Сулливан переживал один из труднейших периодов своей программы. Для человека, который только что представлял марширующие вооруженные войска Советского Союза при полном параде, а следом за ними через несколько секунд на той же сцене хор мормонов, приглашение квартета было просто кошмаром. Эд Сулливан, великий труженик, но еще больший циник, думал, что повидал все за ту неделю, когда представлял в своем шоу Элвиса, но это были цветочки в сравнении с «Битлз». Пресса не оставляла их, график записи ломался, планы рушились. Как и отель «Пласа», театр превратился в вооруженный лагерь. Эд Сулливан получил 50 000 заявок на билеты в театр, рассчитанный чуть более чем на 700 мест. Несколько тысяч заявок поступило и от правительства, поэтому сильную головную боль вызывала проблема, как бы их поддипломатичнее вернуть. Непосредственно перед выступлением Бриан разыскал Сулливана за сценой: «Мне бы хотелось знать точный текст вступительного слова».

Сулливан посмотрел на Бриана долгим взглядом: «А мне бы хотелось, чтобы ты исчез».

Принимая во внимание благополучное течение событий, настоящее вступительное слово было излишним. В своей бесстрастной речи, произнесенной с видом агента похоронного бюро, Сулливан прежде всего зачитал поздравительную телеграмму от Элвиса Пресли, в которой тот желал им удачи. (Много лет спустя «Битлз» узнали, что Элвис не присылал этой телеграммы и даже не знал о ней. Автором телеграммы был полковник Том Паркер.) Битлы, занявшие свои места за занавесом, пришли в сильное возбуждение. Затем, перекрывая вопли публики, Сулливан произнес: «Америка, суди сама».

В тот снежный холодный февральский вечер семьдесят три миллиона американцев смотрели программу Эда Сулливана. Семьи, запертые в своих домах из-за плохой погоды, собрались вместе, чтобы впервые увидеть то, что именуется «Битлз». Говорят, в Нью-Йорке с автомобилями не было украдено ни одного колеса, серьезное преступление совершил лишь какой-то подросток.

В тот вечер Америка обсуждала только «Битлз». К утру потребность в информации возросла настолько, что Бриану пришлось организовать еще одну пресс-конференцию в танцевальном зале отеля «Пласа». Присутствовали представители более 250 газет, теле- и радиостанций, телеграфа, в том числе представители Би-би-си, трех крупнейших американских корпораций, журнала «Тайм» и д-р Джойс Бразерз, известный психолог, который должен был определить психологический эффект выступления «Битлз».

На следующий день пурга занесла снегом все аэропорты, и Бриану пришлось организовывать транспортировку своего «драгоценного груза» поездом до Вашингтона, где они должны были выступать в «Колизее». Три тысячи молодых людей ждали их на вокзале под снегопадом, а остальные 7000 появились за «Колизеем».

Во время концерта возникло несколько новых проблем. Как-то в одном из интервью Джордж капризно упомянул, что любит мармелад, и теперь его кидали на сцену в огромном количестве. Коробки с мармеладом, снабженные хлопушками, взрывались, ослепляя музыкантов искрами. Другая проблема заключалась в том, что усилители, установленные в зале, были слабыми и не проводили звук. Впоследствии у битлов появились мощнейшие усилители, но в 1964 году необходимого оборудования просто не существовало. Впрочем, зал так визжал, что никакой усилитель не смог бы сделать слышным даже взрыв бомбы.

После концерта в Вашингтоне «Битлз» пригласили на вечер в английское посольство, и Бриан решил, что им следует туда пойти. Английский посол Дэвид Ормсби-Гор, впоследствии лорд Гарлех, встретил их в вестибюле. «Привет, Джон», — сказал он, протягивая руку.

«Я не Джон, — ответил Леннон. — Я Чарли. Вон Джон».

«Привет, Джон», — обратился посол Ормсби-Гор к Джорджу Харрисону.

«Я не Джон, — произнес Джордж и указал на Ринго. — Я Фрэнк, вот Джон».

Остальную часть вечера ребят осаждала толпа, требуя, чтобы они подписали автографы. Один из гостей, глядя, как Джон расписывается, сказал: «Посмотрите, а он и вправду умеет писать». Бриан и остальные в ужасе застыли, ожидая, что Джон взорвется и поколотит говорившего. Но вместо этого Джон убрал ручку и отказался подписывать автографы. Один чиновник из министерства иностранных дел прилепил клочок бумаги под нос: «Подпишите, вам это понравится». Ринго миролюбиво пожал плечами: «Давай, Джон, подпиши, нужно с этим кончать». Но и Ринго потерял терпение после того, как какая-то дама в вечернем платье вытащила ножницы из сумочки и отрезала у него прядь волос на память для своей дочери. Взбешенный Бриан увел ребят из посольства. По дороге в отель он пообещал, что больше никогда им не придется терпеть подобного унижения.

С того вечера «Битлз» просто не посещали официальных правительственных церемоний.

Как только сообщение об инциденте появилось в английских газетах, оно вызвало взрыв возмущения. Эмоции публики наполнили битлов гордостью, безобразное обращение с ними англичан было воспринято как грубое оскорбление. К министру иностранных дел Бутлеру обратились с вопросом, имел ли место такой инцидент на самом деле. Бриан, не желая привлекать еще большее внимание, поступил мудро, написав слащавое письмо послу Ормсби-Гору и его жене с благодарностью за вечер в посольстве. Копию письма направили министру иностранных дел, как подтверждение того, что «Битлз» замечательно повеселились, и историю замяли.

Большое вечернее выступление в «Карнеги Холл» в Нью-Йорке было особенно праздничным и стало очередным триумфом шоу, устроенного для избранной публики и представителей ВИП. После концерта Бриан покинул театр вместе с концертмейстером Сидом Бернштейном. Бернштейн предложил пожертвовать Британскому фонду по борьбе с раком 5 000 долларов, если Бриан позволит ему организовать шоу. Но Бриан предпочел подождать. Его ребята могли заполнить театры и побольше, чем Мэдисон Сквер Гарден. Бернштейн напомнил, что вряд ли существуют залы больше Мэдисон Сквер Гарден.

«Тогда мы снимем стадионы, — пообещал Бриан. — Мы заполним самые большие арены мира».

3

22 февраля Бриан и «Битлз» вернулись в Англию. Из-за «Битлз» все посходили с ума по обе стороны Атлантического океана. Статистика свидетельствовала, что они превзошли даже величайшего Пресли. На следующий день после отъезда «Битлз» журнал «Ньюсуик» посвятил им первую полосу. Сообщалось, что они очень молоды — двадцатичетырехлетний Джон был самым старшим, а их менеджер, который раньше был менеджером в магазине грампластинок, — самый выдающийся бизнесмен в области развлекательной индустрии и так же знаменит, как и его подопечные.

Но какое это имело значение для несчастного молодого человека, летевшего домой в салоне первого класса с двойным коньяком в руке, если душа его разрывалась на части? Бриан испытывал страдания, о которых битлы даже не подозревали. Во-первых, у него появилась сильнейшая зависимость от амфетамина, и это сделало его вспыльчивым. Хотя битлы принимали эти таблетки в таких же дозах, на них, похоже, они не оказывали такого действия. Бриан закатил истерику газетчику Тонни Бэрроу и едва не уволил его. Он выходил из себя из-за коммерческих ошибок — одна из них могла стоить им около 50 миллионов долларов.

Вскоре после того, как «Битлз» выступили в программе «Воскресный вечер в Палладиуме», офис Бриана завалили предложе-

ния на лицензирование. В течение нескольких недель он получил предложения на производство поясов, мячей, воздушных шаров, покрывал, пуговиц, пирожных, конфет, игральные карты, точилок для карандашей, полотенец, зубных щеток, фартуков, подставок для пластинок, блокнотов, всякого рода одежды и, конечно же, париков «Битлз». Бриан знал наверняка, что битлы не собираются наживать за счет своей популярности. Он не потерпит ни дешевых гитар «Битлз» с пластиковыми струнами, которые разваливаются пополам через неделю после покупки, ни коробочек для ланча, в которых лежит мокрый бутерброд с тунцом. Продукция с именем «Битлз» будет стоить дорого, но она будет лучшего качества.

156

Поначалу контора Бриана сама стала заниматься торговыми предложениями, решая, каким оказать предпочтение, а какие отвергнуть. Но вскоре Бриан заскучал среди кукол и ботинок и начал осматриваться в поисках кого-нибудь, кто бы взял посредничество на себя. Он навел справки в Лондоне, ища человека, которому можно довериться. Бриану был нужен уверенный, который был бы одновременно конфиденциальным и официальным советником, и все расспросы неизменно приводили его к фирме Дэвида Джекобса. Бриан, разумеется, уже и раньше слышал о Дэвиде Джекобсе, знаменитом рыжеволосом поверенном, чьи дела так тщательно покрывались прессой Флит-стрит. Клиентами Джекобса были Даяна Дорс, Джуди Гарланд, Лоуренс Харвей, и его часто фотографировали не за столом в конторе, а в дорогих ресторанах или выходящим из лимузина под руку с какой-нибудь кинозвездой мирового уровня. Джекобс как нельзя лучше соответствовал случаю. Ростом в шесть футов два дюйма, всегда с толстым ярко-оранжевым слоем грима на лице. Волосы были зачесаны назад артистической волной, пряди волос переходили в неестественно черный цвет, словно их покрыли гуталином. Шутили, что Дэвид Джекобс очаровывает судей и присяжных не только юридической экспертизой, но и ошеломляющим гримом.

Дэвид Джекобс боготворил Бриана Эпштейна и взял его под свое крыло. У молодых людей было очень много общего. Обе семьи занимались мебельным бизнесом, оба родились и воспитывались в богатстве, и у обоих были еврейские мамы, которые их обожали. Оба были гомосексуалистами. Дэвид Джекобс стал главным поверенным Бриана. С той поры все официальные решения принимались после консультации у Дэвида Джекобса, и именно юридическая контора Джекобса взяла на себя задачу сортировать коммерческие предложения. Он посоветовал Бриану учредить независимую компанию, которая занималась бы торговыми делами, а Бриан и «Битлз» просто получали бы проценты от прибыли. Джекобс сказал, что знает кое-кого, кто сможет «забрать у них торговый бизнес». Звали его Ники Бирн, Джекобс восхищался Бирном, потому что тот устраивал великолепные вечеринки, а Джекобс, очень любивший вечеринки, считал себя экспертом в этой области. Бирн согласился взять на себя работу по торговым сделкам и подобрал пять компаньонов. Всем компа-

ньонам было до 30 лет, и одному из них разрешили купить 20% акций всего за 1000 долларов. Ассоциация получила название «Страмсакт» в Великобритании и ЗЛТИБ («БИТЛЗ» наоборот) в Америке.

У Бирна были собственные поверенные, через которых заключались контракты между ЗЛТИБ, «Страмсактом» и НЕМЗ. Дэвид Джекобс заручился доверенностью Бриана на подписание контрактов в его отсутствие. Оставался лишь один неоговоренный пункт: проценты для каждой из сторон. Бриан и Джекобс знали, что на этом деле можно сделать большие деньги, но ни один из них и понятия не имел, сколько именно. Джекобс мимоходом спросил Ники Бирна, сколько процентов он хочет получать. Бирн опасливо ответил, что для себя он хочет 90%, Джекобс кивнул: «Ладно. 10 процентов — лучше, чем ничего», и подписал контракты.

Бриан так и не увидел окончательные соглашения и не задумывался об условиях до тех пор, пока не встретился с Ники Бирном в Нью-Йорке. Ники выглядел весьма респектабельно в длинном пальто с роскошным меховым воротником и был полон чувства собственного достоинства. Он объяснил, что заработал уже более 100 000 долларов, и после уплаты всех налогов получилось 97 000, из которых Ники оставил себе 88 штук. И это только начало. «Коламбия Пикчерз» предложила ему полмиллиона долларов за акции ЗЛТИБ и, как утверждал Ники, каждому компаньону кинули по автомобилю «феррари». Он признался, что они устроились в отеле «Дрейк» на Парк-авеню и что у них офисы в лучшем квартале Пятой авеню. Ники пользовался услугами лимузина по вызову в течение 24 часов и арендовал частный вертолет для доставки бизнесменов из аэропорта и обратно. Одну из первых сделок Бирн заключил с корпорацией «Релиант» по пошиву мужских сорочек на производство теннисок, за что те должны были заплатить 100 000 долларов. Сначала Бриану показалось, что сумма чрезмерно завышена, но затем он выяснил, что в течение трех дней «Релиант» продала теннисок «Битлз» на сумму свыше миллиона долларов, так что прибыль получилась трехкратной. ПЕМКО, одна из крупнейших и известнейших производителей игрушек в Америке, купила лицензию на производство кукол. Они уже изготовили 100 000 кукол и заказали еще полмиллиона. А парики «Битлз» стали настолько популярны, что «Лоуэл Той Корп» не успевала их производить, хотя заводы выпускали свыше 35 000 штук ежедневно. Проводя анализ коммерческих успехов «Битлз», журнал «Уолл Стрит» подсчитал, что к концу первого года их успеха в Америке продукции «Битлз» купят на сумму свыше пяти миллионов долларов, и это, разумеется, лишь начало, если им удастся сохранить свою популярность. Доход одного только Ники Бирна, по подсчетам Бриана, мог составить 5 миллионов долларов. Бриану стало дурно. Огромные деньги ушли ни на что! Он подумал, что скажут битлы, если узнают об этом, и решил пока скрыть от них все. Задача вернуть деньги обратно не давала ему покоя. Это была первая его большая неудача, и, несмотря на успехи, он чувствовал себя глупцом.

2 марта, меньше чем через две недели после возвращения из Америки, «Битлз» приступили к работе над своим первым игровым фильмом под названием «Битломания». Бриан подписал контракт полугодом ранее, еще тогда, когда эта идея была и опасной, и роскошной одновременно. Музыкальные фильмы пятидесятых и шестидесятых неизменно оказывались дешевой. Но Элвис снимался в кино, и некоторые его фильмы имели успех, так что Бриан решил, что и «Битлз» сделают фильм.

Бриан и Вальтер Шенсон, американский кинопродюсер, выбрали молодого английского директора коммерческой программы телевидения Ричарда Лестера для руководства съемками фильма. Идея пригласить Алуна Оуэнса принадлежала Бриану. Оуэнс был писателем, известным своими телесценариями. Его специально отправили на гастроли вместе с «Битлз», чтобы он смог познакомиться с ними поближе и понаблюдать за каждым индивидуально. Оуэнс мастерски охарактеризовал каждого битла несколькими строчками в сценарии. Джон предстал сардонически забавным, Пол — восхитительным Лотарио*, Джордж — красивым романтиком, Ринго — одиноким, любвеобильным. Благодаря направлению поп-арт, быстро найденному Лестером, «Битлз» превратились в неуловимых братьев Маркс наших дней. Это явилось еще одним загадочным примером того, как потенциально обреченный на крах эксперимент смог обернуться колоссальным успехом. Дифирамбы, которые пелись картине в прессе, когда она вышла на экраны летом следующего года, граничили с истерией. Позднее «Ньюсуик» суммировал всю информацию в одной фразе: «Законность «Битлз» как явления неизбежна».

Как только съемки «Тяжелого дня» начались всерьез, битлы решили, что шестинедельный график для съемок — черепаший шаг в сравнении с тем бешеным ритмом, в котором они жили последние шесть месяцев. Несмотря на то, что «Битлз» постоянно присутствуют на экране, им приходилось проводить по многу часов, сидя у передвижной костюмерной, покуривая и болтая, а праздные руки всегда найдут дурную работу. 8-миллиметровый проектор заносился в одну из костюмерных, и ребята развлекались порнофильмами. Кроме того, под рукой всегда была коллекция девиц, их тайно проводили в костюмерные для кратких свиданий между съемками.

Одной из девушек, которая никогда не заходила в костюмерную, была девятнадцатилетняя Патти Бойд; Джордж Харрисон подцепил ее в первый день съемок. Раньше Патти работала с Лестером в коммерческих передачах Смита Криксса. Она была хорошенькой белокурой девушкой с круглым личиком и большими голубыми, похожими на пуговицы, глазами — такая секса-

* «Надменный, галантный, веселый Лотарио», персонаж трагедии Николаса Роу (1678—1718) «Прекрасный кающийся грешник». Имеется в виду человек, безответственно вступающий в любовные связи с женщинами.

пильная кошечка с неярким гримом, в забавном меховом жакете, в мини от Квант, которое открывало взору целые мили роскошных ног.

В первый день съемок на вокзале Ватерлоо Джордж смотрел на Патти не отрываясь, но ее не очень интересовала эта поп-звезда 21 года. В тот день, когда съемки закончились, она попросила у каждого битла — кроме Джона, напугавшего ее своим сарказмом — автографы для младших сестер Дженни и Паулы. «Джордж написал свое имя, а под ним дважды поцеловал лист бумаги, передавая для сестер поцелуи. Затем он дал автограф с семью поцелуями для меня, — рассказывает Патти. — Я объяснила ему, что у меня есть постоянный парень, с которым я уже два года встречаюсь, и что у меня старомодные взгляды на любовь». Но Джордж не собирался сдаваться. О чем бы он ни думал, его мысли все равно возвращались к Патти. Он сделал все, чтобы ей понравиться, и Патти сломалась. Она познакомила его с матерью и сестрами, а Джордж повез ее посмотреть роскошный загородный дом, который собирался купить в Эпере. Этот длинный одноэтажный приземистый дом, построенный по индивидуальному проекту и принадлежавший народному судье, располагался среди густого леса. Два длинных крыла разделялись просторным многоугольным двориком, в котором был бассейн с подогревом. Из полукруглых окон от пола до потолка жилой комнаты открывался живописный деревенский пейзаж. К концу четвертой недели знакомства Джордж купил этот дом и начал приспосабливаться к Патти. Она привыкла к лощеным молодым людям, с которыми выезжала на съемки. Что до лоска, у Джорджа его не было совсем. Он являл собой нечто среднее между дурно воспитанным простым парнем, известным всему Ливерпулю, и помешанным на сексе подростком. Индивидуальность Джорджа мучилась проблемами мании и неуверенности в себе. Пол и Джон обращались с ним как с ребенком. Патти заметила, что ни одна из композиций Джорджа так и не вошла в альбомы «Битлз».

Бриан проводил политику непосвящения публики в связи битлов с конкретными девушками, считая, что это разрушит их имидж, хотя, возможно, именно так проявлялось его женоненавистничество. Он попросил Джорджа встречаться со своей девушкой тайно. Теперь это было гораздо труднее сделать, чем во времена женитьбы Джона, потому что битлов фотографировали всюду, где они только появлялись. Было решено, чтобы лучше узнать друг друга в неофициальной обстановке, Джордж с Патти на Пасху совершат тайное путешествие в Западную Ирландию в сопровождении Джона и Синтии.

Приготовления проводились в глубоком секрете. Под вымышленными именами они вылетели из манчестерского аэропорта в Хитроу на разных самолетах, изменив свою внешность с помощью шляп, фальшивых усов и шарфов. Затем две пары полетели в аэропорт Дромолэнд в глубине Ирландии, а оттуда на частном автомобиле поехали в отель «Дромолэнд Касл», уединенный respectable пансионат, где не было любопытных фанатов, да и вообще никого моложе шестидесяти лет.

Поездка началась чудесно. Синтия и Патти очень подружались и находили удовольствие в обществе друг друга. Женщины в окружении «Битлз» были редкостью, и Синтия могла рассказать Патти много поучительного. В первое утро шел проливной дождь, но это не имело никакого значения для двух пар, намеревавшихся большую часть времени проводить в постели. Было около десяти часов, когда управляющий гостиницы разбудил их и сообщил, что с раннего утра журналисты и фоторепортеры начали прибывать в отель. Репортеров интересовало имя девушки, которая провела эту ночь с Джорджем, а фоторепортеры шныряли по вестибюлю в надежде сфотографировать ее.

В комнате наверху четверка, пойманная в капкан, решила во что бы то ни стало не допустить этого. По личному опыту они знали, что такая скандальная история будет передана по телеграфу мгновенно, и разработали хитроумный план побега.

Через два часа Джон и Джордж предстали перед журналистами. Их засыпали вопросами о двух женщинах, которые были с ними. Был ли Джон с Синтией? А как зовут подружку Джорджа? Джордж и Джон упрямо повторяли, что никаких девушек не было. Под проливным дождем они бросились к ожидавшему их автомобилю, чтобы поехать в аэропорт, надеясь, что газетчишки-ищейки последуют за ними. Но вопреки ожиданиям, почти все журналисты остались в гостинице, уверенные в том, что девушки в номере наверху.

160 Синтия и Патти, переодевшись в форменные платья горничных с белыми накрахмаленными фартуками и в чепчики, которыми так гордилась администрация отеля «Дромолэнд», покатали огромную корзину с грязным бельем и выгрузили его в прачечной. Они залезли в пустые корзины, и их закатали на платформу под бдительными взорами репортеров. Шофер, которого наняли Джон и Джордж, преисполненный важностью своей миссии, рванул с места и немедленно скрылся. У девушек не было никакой возможности вылезти из корзины до тех пор, пока грузовик не достиг аэропорта, всю дорогу они ворочались и зывали о помощи. «Синтия, мы задохнемся! Мы здесь умрем! Кричи, Синтия, кричи!» В аэропорту ребята извлекли из корзины девушек, чье счастье было омрачено запахом грязного белья, которым они пропитались.

Молодежь летела назад в самолете, довольная тем, что удалось перехитрить ирландских репортеров, но в Хитроу их уже караулила новая толпа журналистов. На следующий день фотографии Патти и Джорджа появились во всех газетах на первых страницах, и их связь стала достоянием гласности.

Слава «Битлз» прочно закрепилась, и они стали единственной в мире темой, которая всех интересовала. Первую концентрированную дозу славы, полученную в Лондоне, было довольно затруднительно переварить. Трудность заключалась не в том, чтобы привыкнуть к лимузинам или роскошным обедам в «Ад Либ», а в постоянном присутствии журналистов, фоторепортеров и подхалимов, которые цеплялись к каждому слову, анализировали каждую мелочь, каждый жест и ежедневно обсасывали все это в газетах.

Джон чувствовал себя особенно неуютно под бременем славы. Если Пол и Джордж были в восторге, а Ринго испытывал лишь радостное смятение, Джон ощущал себя так, словно его предали. Подумать только — он, бунтарь и безбожник, превратился в икону. За Джоном благодаря остроумию и умению непринужденно вести беседу во время пресс-конференций и интервью закрепилась слава большого интеллектуала. Дурь и жеребчий юмор подростка интерпретировались как ум и ему стало труднее оскорблять незнакомых людей, поскольку шутки воспринимались как блестящие.

В марте в Англии вышло тоненькое издание его прибауток под названием «Джон Леннон пишет сам». Это были те же самые грубые шутки и присказки, за которые ему здорово доставалось в школе и которые теперь составили книгу, «ставшую бестселлером». В приложении к «Литературному обозрению» писали, что книга достойна внимания каждого, кто опасается, что английский язык беднеет. Книга произвела такую сенсацию, что Джона пригласили на литературный ланч Фойлза* по случаю четырехсотлетнего юбилея Шекспира.

Торжество проходило в «Ад Либ». Замышлявшееся как маленькая вечеринка, оно вылилось в продолжительную пьянку и закончилось лишь в пять часов утра. Джон и Синтия спали всего несколько часов и были такими измученными и сонными на обеде в отеле Дорнестер по случаю награждения книги специальным призом, что едва держали головы. Когда репортер поднес микрофон к лицу Джона и спросил: «Вы сознательно используете отоматоцею**?», Джон открыл глаза и взглянул на него сквозь темные стекла очков: «Авто...пью? Не понимаю, о чем ты толкуешь, сынок».

После скомканного ланча, во время которого Синтия наблюдала, как Джон размачивает свое похмелье белым вином, его попросили произнести речь. Почти такой же пьяный, как прошлой ночью, Джон добрался до микрофона и пробормотал: «Спасибо большое. Очень приятно», и направился обратно.

В комнате стояла напряженная тишина. «Что он сказал?» — наконец спросил кто-то громко. Другой гость предположил: «Он сказал: «У вас счастливые лица». Новая острота Леннона передавалась от стола к столу как вершина остроумия, через несколько секунд комната взорвалась аплодисментами, все восторгалось изысканным блеском юмора Джона. И вновь король оказался голым, но не простудился.

Синтию наконец признали как жену битла, маленький Джулиан стал известен всем фанатам, и домашний адрес Джона мог узнать любой. К этому времени постоянный отряд девушек поджидал у квартиры на Империор Гейт. Когда Синтия волокла Джулиана на прогулку, девушки иногда даже отталкивали Синтию, чтобы добраться до мальчика. Это всегда пугало и мать, и ребенка, нетерпеливые руки с длинными ногтями тянулись

* «Фойлз» — крупнейший книжный магазин Лондона; назван по имени первого владельца.

** Фонетический прием, основанный на созвучиях.

к коляске, чтобы ущипнуть его за щеку или похлопать по подбородку. Если же Синтия не желала, чтобы ее трогали, или отказывалась подписывать автографы, девушки ругались и плевались. Временами толпа была такой огромной, что она боялась выходить из дома.

Телефон Джона, так же как и его домашний адрес, не был секретом, и очень скоро грянул слаженный оркестр телефонных звонков. Были звонки и непристойные, и угрожающие. Синтии надоело подходить к телефону, а заглядывая в почтовый ящик, она еще больше огорчалась. Письма от молодых женщин, предлагавших развлечь Джона при помощи самых разнообразных сексуальных трюков, способствовали повышению образования все еще неискушенной миссис Леннон.

К огромному облегчению Синтии, Джон заявил однажды, что решил купить дом. Компания Брайс-Хэмнер, занимавшаяся бухгалтерией «Битлз», посоветовала вложить часть дохода, необлагаемого налогом, в недвижимость, и предложила каждому купить по дому. Джону понравился дом в Уэйбридже, маленьком аккуратном предместье, милях в двадцати от Лондона. «Кенвуд» представлял собой дом стоимостью 40 000 фунтов в стиле псевдотюдор, построенный на холме. Это был бестолковый дом, несколько обветшалый и требующий ремонта. Джон выделил на ремонт и отделку 30 000 фунтов, доведя стоимость до 70 000 фунтов. Почему поп-звезда Джон Леннон собирался ремонтировать дом в этом суетливом соседстве с аккуратными садами и лужайками, в двадцати милях от Лондона, никто не мог

сказать, и уж меньше всех сам Джон. Просто это выглядело респектабельно. Для Синтии новый дом, разумеется, был Божьим даром, чудесным местечком, где можно было заниматься воспитанием Джулиана и попытаться создать для Джона настоящий дом, впервые с момента их супружества.

2

Слава пришла и к Бриану Эпштейну. Он стал добрым рождественским персонажем для британской молодежи, что-то вроде любящего «создателя великого дара», а также символом богатства и великолепия. Если кто-то заходил в бар в Килбурне и выкладывал на стойку десятифунтовую банкноту, кто-нибудь из присутствующих обязательно заводился: «Что ты о себе воображаешь, ты что, Бриан Эпштейн?»

В профессиональном отношении он, казалось, не знал поражений. В апреле Бриана попросили написать свою автобиографию, где бы он поведал всему миру о своем пути к успеху. Предложение двадцатидевятилетним Брианом было принято с удовольствием.

У него не было ни времени, ни желания садиться за книгу, и Бриан нанял молодого журналиста, выбрав для этой работы газетного репортера из Манчестера Дерек Тэйлора. Дерек был красивым, гладко выбритым парнем, который привлек внимание Бриана и битлов еще осенью 1963 года в Сауспорте, когда он непринужденно вышиб ногой дверь уборной, чтобы взять у них

интервью. «Битлз» были настолько ошеломлены его безрассудством, а потом и его очаровательной непосредственностью, что впустили Дерекa. Через несколько месяцев «Дейли Экспресс» попросила битлов написать гостевую колонку, и Дерекa наняли для составления текста за Джорджа Харрисона. Ко всеобщему удовольствию это сработало, и Бриан остановил свой выбор на Тэйлоре. Дереку предложили 1000 фунтов плюс 2 процента авторского гонорара — хорошие деньги для журналиста, получавшего всего 35 фунтов в неделю за работу в газете и имеющего жену и троих детей.

Полное интервью и предварительный исследовательский период заняли долгий уик-энд в отеле «Имperiал» на юге Англии. В первый день Бриан рассказал о своем детстве без особых осложнений, но на следующий день возникли трудности. «Он мучился, стараясь рассказать о несчастливых, неуспешных школьных днях, беспокойно мусолил свой провал, из-за которого не смог дослужить в армии, настойчиво объяснял свою неспособность преуспеть в Королевской академии театрального искусства, — писал позднее Дерек. — Он намеревался обсудить все сложности, возникшие в семье из-за его отказа участвовать в семейном мебельном бизнесе, жаждал обнажить бесконечные чувства, связанные с тем, что он «не вписывается в свое окружение», и, словно этого было мало, объяснил, что трудно сходится с людьми».

«Подземелье звуков» стала искрометной непревзойденной книгой, написанной в характерной для Тэйлора поэтической манере, и все же она каким-то образом включила в себя все забавные обстоятельства, происходившие с Брианом, правда, без компрометирующих разоблачений.

3

К этому времени перестало быть тайной, что Пол Маккартни ухаживает за младшей дочерью известного психиатра Ричарда Ашера, хотя пресса беззаботно игнорировала тот факт, что Пол поселился у Ашеро в спальне для гостей. Она также игнорировала слухи об амурных приключениях Пола, которые уже успели принести ему немало неприятностей. Один из владельцев клуба на Гросс Фрайхайт в Гамбурге заявлял, что его дочь забеременела от Пола и что он является отцом младенца. Эрика Хуберз, хорошенькая девушка с длинными прямыми волосами, работала официанткой в одном из клубов. Пол встречался с ней во время одной из поездок в Гамбург. Эрика заявила, что Пол знал о ее беременности и уговаривал сделать аборт. Она отказалась, и в день отъезда Пола из Гамбурга на свет появилась девочка Беттина. Официальные документы, составленные в Гамбурге, были направлены в Ливерпуль, и дело быстренько передали Дэвиду Джекобсу в Лондон. Джекобс велел Полу отрицать свою причастность и переправил документы без ответа обратно в Гамбург. Он заявил, что если мать будет продолжать настаивать на возмещении ущерба, дело может вести немецкий суд. Джекобс предпочитал медлительную бюрократическую судебную процеду-

ру Германии, так как в Англии все это могло привлечь внимание и получить широкую огласку. Однако судебный процесс был неизбежен, и семья девушки угрожала завалить письмами все газеты Великобритании. В 1966 году Пол заплатил примерно 27 000 долларов за то, чтобы существование маленькой Беттины осталось в тайне. Однако в 1981 году Беттина Хуберз возобновила дело, требуя от Пола 6 миллионов долларов.

На этом любовные осложнения Пола не закончились. Весной 1964 года во время съемок фильма «Тяжелый день» впервые всплыла еще более деликатная ситуация. Ливерпульская девушка Алиса Дойл (имя вымышленное) родила мальчика, который, по ее утверждению, являлся сыном Пола Маккартни. По совету Дэвида Джекобса Пол не признал своего отцовства, и девушку отослали в контору Джекобса в Ливерпуле, к чиновнику Д. Х. Грину. В меморандуме, который Грин направил Джекобсу, говорилось, что у девушки нет намерения навредить Полу, и что «ее единственной заботой, кажется, является получение денег на коляску для новорожденного».

Джекобс собирался провести переговоры для урегулирования этого дела, но мать мисс Дойл призналась во всем своему брату Джозефу Макглину (имя изменено). Макглин вознамерился проследить за тем, чтобы его племянница получила нужную компенсацию. Его отослали к Дэвиду Джекобсу в Лондон, Джекобс записал телефонный разговор на магнитофон и переправил пленку Бриану.

«Я вас предупреждаю, что все мало-мальски известные газеты уже знают об этой истории», — грозно говорил Джозеф Макглин. «Вы требуете у меня деньги, или как?», — бесстрастно спрашивал Джекобс, а Макглин отвечал, что молчание семьи будет стоить 5 000 фунтов стерлингов.

Джекобса больше всего беспокоит, что если они и заплатят девушке большое вознаграждение, это никоим образом не будет гарантией того, что дядюшка не отправится в газеты или не объявится вновь через год с новым требованием денег. Джекобс считал, что чем меньше они заплатят, тем менее виноватыми будут выглядеть в том случае, если история выльется на поверхность. Бриан согласился с его доводами. Лучше всего заплатить девушке небольшую сумму и надеяться, что семья будет хранить молчание.

Джекобс разработал три документа. Дядя, Джозеф Макглин, получал 5 фунтов стерлингов, мать Алисы — такую же сумму, а самой Алисе Дойл выплачивалось 3 000 фунтов стерлингов при условии, что она не будет предъявлять Полу никаких претензий. В противном случае Алиса была обязана вернуть 3 000 фунтов стерлингов.

Вскоре стало очевидно, что 5 фунтов стерлингов не заставят дядюшку заткнуться. Во время триумфального возвращения битлов в Ливерпуль на премьеру «Тяжелого дня», в толпе из 500 000 человек были распространены листовки, заявляющие об отцовстве Пола. Джекобс пообещал, что дядюшка предстанет перед судом по обвинению в шантаже, но еще три года после этого дядюшка публиковал в газетах стихи о младенце. Часть одной

длинной оды, пародирующей несколько песен «Битлз», звучала так:

*Я — мальчик Марк Пол Доил, нас бросил папа мой.
Как мамочка любила — вовек ей не забыть,
Его ж любви хватило лишь на то, чтоб согрешить.
Он деньги заплатил ей, чтоб только правду скрыть,
Но, папа, Пол Маккартни, знай, ей слез не осушить.*

Однако газеты уже были сыты слухами и обвинениями в адрес четырех битлов, и это обвинение не было принято серьезнее прочих. Благодаря сильной зависимости прессы Флит-стрит от «Битлз» дело удалось скрыть от общественности. Синтия Леннон позднее суммировала так: «Как стало очевидно из документов поверенного, в то время Пол был чем-то вроде племенного быка в Ливерпуле. Требования признать отцовство сыпались со всех сторон. На него был спрос во многих аспектах. Были ли эти претензии обоснованы, пусть каждый гадает сам».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

11 августа 1964 г. я (Питер Браун) приехал в Лондон по приглашению Бриана, чтобы принять участие в пышном торжестве, устраиваемом в честь первого большого турне «Битлз» в Соединенные Штаты. Бриан целыми неделями рассказывал мне о предстоящем празднестве во всех деталях и волновался почти так же, как перед их международными гастролями. Он хотел сделать так, чтобы тщательно подготовленное торжество на всю жизнь запомнилось ребятам, и с этой целью нанял дизайнера по интерьерам Кеннета Партриджа, чтобы тот создал соответствующее оформление. Вместо ресторана или ночного клуба Партридж посоветовал Бриану использовать собственный особняк «Белгравия» и занялся переоборудованием комнат и чердака в роскошное помещение, достойное праздника. На это ушло пять дней. Для начала Партридж покрыл крышу огромным брезентом. В белой брезентовой палатке размером с маленький цирковой балаганчик были сделаны деревянные стены с французскими окнами по периметру, чтобы гости могли видеть город. Под крышей соорудили подвижный пол и покрыли его темно-красным ковром. Поверх него соорудили сцену для музыкантов и танцевальную площадку из дерева. Несколько тысяч белых гвоздик должны были украсить выступы вокруг люстр, в большом количестве находящихся в крыше. Центральная ось палатки была покрыта испанским мхом, а в нем закрепили 700 красных гвоздик в форме пальмового дерева. Наняли маленький оркестр и нашли поставщика, который смог, помимо филе говядины, холодной утки и омаров, предложить широкий ассортимент еврейских блюд, которые бы понравились семье Бриана.

День праздника выдался отменным. К вечеру Партридж в квартире Бриана вместе с рабочими завершал последние детали, и тут появились Бриан с Куини.

Партридж проводил их наверх. Глаза Куини широко раскры-

лись при виде шатра. «О, нет! — закричала она. — Красное с белым! Красное с белым приносит несчастье!» Партридж сказал, что никогда не слышал о такой примете, а Бриан пояснил, что Куини очень суеверна и верит во все приметы, включая птиц на занавесках.

«Что можно сделать? — спросил Бриан Партриджа. — Это необходимо изменить! Нам не нужно никаких бед перед самыми гастролями». Партридж ответил, что не представляет, как все изменить. Гости должны были прибыть через несколько часов. «Тогда придется все отменить», — настаивал Бриан.

Партридж выскочил из дома и бегом помчался по улице; задыхаясь, он нагнал грузовик садовника на углу. Помощников садовника отправили в местные лавки для закупки красных чернил, а Партридж с садовником поднялись наверх, повыгаскивали все белые гвоздики из бордюра и вынесли их на улицу. В течение последующих нескольких часов они были заняты тем, что макали белые гвоздики в баночку с красными чернилами. Последняя мокрая розовая гвоздика была водворена на место белой прямо перед прибытием первых гостей. Никогда еще Куини так сильно не напоминала сумасшедшую Королеву Червей из «Алисы в стране чудес».

Этот вечер стал самым значительным событием общественной жизни. К восьми часам вечера перед особняком собрались сотни людей, которые, как оказалось, пришли посмотреть на прибывающих гостей. Два швейцара в униформах стояли у дверей дома, проверяя приглашения.

В тот вечер Джона Леннона познакомили с Кеном Партриджем. «Это сделали вы?» — спросил Леннон. Ему все так понравилось, что он попросил Партриджа приехать на следующий день в Уэйбридж для того, чтобы обсудить оформление нового дома. Бриан сопровождал Партриджа в «Кенвуд». Они обошли дом вместе с Синтией и Джоном. Синтия сразу почувствовала неприязнь к чужому человеку, который пришел переделывать ее дом, но, как обычно, промолчала. Партридж быстрым взглядом декоратора оценил дом и изложил замысел, который шел вразрез с простыми домашними планами Синтии. Он предложил сломать стены на всех этажах и сделать из 27-комнатного дома более уютный 18-комнатный. Джон сказал, что хочет оснастить дом ультрасовременным оборудованием: музыкальным стерео и кухонным. Партридж предложил сделать кухню на нескольких уровнях с плавающими платформами. За несколько минут вопрос был решен. Джон настоял на том, чтобы Партридж сделал чертежи в течение 36 часов, до того, как он уедет в Америку, и Партридж с помощником простояли за чертежным столом всю ночь. И утром серия рисунков вместе с образцами краски и материалов были представлены Синтии и Джону.

На следующий день Джон уезжал в Америку. Синтия стояла у входной двери с Джулианом на руках и плакала, пока он не сел в лимузин и не скрылся из виду. Затем она вернулась в дом, где художники и рабочие выделили ей крохотную комнатку для прислуги, а все остальное, что было в особняке, вырвали из-под ее контроля. Так продолжалось почти год.

Если бы можно было охарактеризовать первые гастроли «Битлз» в Америке, то это был бы долгий вой на высокой ноте, истерические вопли девушек в аэропорту, гул в «Локхид Электра»; рев сирен сопровождавших их мотоциклов и визг девиц, ожидавших в холлах и на улицах. Надеясь хоть немного посмотреть на Америку, они смогли увидеть лишь черные сиденья лимузинов, стерильные номера отелей, традиционную еду, доставляемую из ресторана, и все это перемежалось с агрессией журналистов, громкими криками диск-жокеев и безликими уборными спортивных стадионов.

Нил Аспинол рассказывал: «Мы так уставали, что мечтали лишь об одном — лечь и уснуть. Никто не поймет, как это в действительности было ужасно. Ни один отель нас не принимал, полиция хотела, чтобы мы убрались из города; мы попадали в отель только к середине ночи, совершенно измученные. И все это время у нас на шее сидели местные покровители, владельцы стадионов, владельцы местных спортивных команд, местные шерифы со своими женами и детьми, постоянно требовавшие чертовы автографы».

«Битлз» выступали на самых больших стадионах страны. В этом случае местные благодетели могли заплатить Бриану ту цену, которую он назначал за ребят, и все же установить цены на билеты достаточно низкие, к удовольствию поклонников «Битлз». Бриан запрашивал аванс от 25 000 до 50 000 долларов наличными за каждое выступление плюс 50% прибыли после выступления, в зависимости от размера площадки. Хотя его цена и была самой высокой из всех, когда-либо запрашиваемых за выступление, организаторы дрались за них. В конце концов выбор арены и организатора стал делаться в зависимости от «коричневого бумажного пакета» с деньгами.

Турне вошло в разряд невероятных. В первый вечер, когда они давали концерт в Сан-Франциско, шофер их лимузина не успел достаточно быстро отъехать от барьера стадиона, и машину оседлали истеричные подростки. Под тяжестью человеческих тел крыша треснула, и только благодаря оперативным действиям службы безопасности ребят удалось вовремя вытащить. Их поместили в карету «скорой помощи», где было относительно безопасно, и где уже находилось несколько пьяных матросов, повздоривших во время концерта. В ту ночь множество фанатов расположилось в спальнях мешках и на складных стульях под окнами отеля «Хилтон». Толпа, окружившая отель, так выла, что одну женщину, прибывшую в отель, избили и ограбили, а ее криков о помощи никто не услышал. 20 августа они выступали в Лас-Вегасе, а 21-го в Сизтле, где одна девушка вскарабкалась на перекладину высоко над сценой, чтобы как следует разглядеть их, и рухнула к ногам Ринго. 22-го они прибыли на государственный стадион в Ванкувере, а 23-го дали триумфальный концерт в Голливуде, где полотенца, которыми они вытирались после концерта, были разрезаны на дюймовые квадраты и проданы в качестве сувениров, 26-е застало их в Денвере, 27-е —

в Цинциннати, где Бриан исчез на целые сутки, заставив всех страшно беспокоиться.

Ничто не может сравниться с той ночью в Индианополисе, когда Ринго пропал и появился лишь за несколько секунд до концерта. Ринго три дня был на взводе и все это время не спал, накачиваясь «красными сердечками», амфетамином в таблетках. Допинг такой силы стал необходимым для ребят и Бриана, чтобы укладываться в жесточайший график. Большой запас этих таблеток был привезен ими из Англии, а остальные доставались на черном рынке с помощью городских устроителей концертов. Битлы находились на пределе физических возможностей и только с помощью виски могли расслабиться. В тот вечер Ринго сказал Нилу, что уходит из отеля и убьет себя. Нил не слишком серьезно к этому отнесся, не будучи уверен, что подразмеивается под словами «убить себя», и не беспокоился до утра, пока Ринго отсутствовал. Но к вечеру все страшно перепугались. Ринго явился за несколько секунд до того, как «Битлз» должны были выйти на сцену, его сопровождали два полицейских. После того, как Ринго покинул отель, они подобрали его на улице и предложили подвезти. Ринго мимоходом упомянул, что всегда мечтал посмотреть авторалли в Индианополисе. Полицейские с радостью повезли его туда, и большую часть ночи Ринго провел, катаясь на полицейской машине по треку. К тому времени, когда Ринго занял свое место на сцене, у него так ослабели ноги от семидесятидвухчасовой гонки, что он уже не мог ими двигать и нажимать на педали для басов.

То, что Ринго оказался абсолютно неспособным играть, осталось незамеченным фанатами, которые все равно не могли бы его услышать. Все звуки тонули в визгах и рыданиях тинейджеров. Особенно это угнетало Джона, который понимал, что он всего лишь марионетка в руках Бриана. На некоторых концертах битлы даже не утруждали себя пением. Они проговаривали слова и играли музыку настолько можно быстро, лишь бы поскорее убраться со сцены из-под града хлопучек и мармелада. Часто все было настолько противно, что они ухитрялись проиграть 15 песен за 25 минут.

По мере того, как проходили гастроли, битлам открылось еще одно странное явление. Уродливые карлики и калеки, которых Джон рисовал в своем школьном альбоме, ожили и стали их преследовать. Где бы ни появлялись битлы, они всюду оказывались в окружении убогих, особенно детей, скрюченных страшными болезнями. Дети-калеки сидели в 5 первых рядах на всех концертах, так что «Битлз» со сцены видели море инвалидовных колясок. Одно из самых ярких воспоминаний Джона — это скрюченные руки, которые тянутся к нему.

Некоторое утешение битлы находили в девушках. Это были либо профессиональные проститутки по вызову, которых доставляли в номер местные устроители, либо, что было чаще, девичьи, которых приводили Нил и Мэл. Доставка девочек была одной из первейших обязанностей Нила и Мэла во время гастролей, и они ее всегда выполняли с готовностью. Девушек мучили, избивали, а на рассвете выставляли из номера. Их провожали

через служебный вход, наградив фотографией «Битлз» с автографами, подделанными Нилом и Мэлом, и повелев держать рот на замке. Но по необъяснимой причине девушки помалкивали. В Америке по крайней мере не рассказывали историй типа «Моя ночь с Полом», и никто не требовал признать отцовство. Хотя, возможно, это и не было столь уж удивительно, поскольку достаточно привычным зрелищем стала очередь из пятнадцати девушек, ожидающих в номерах Нила и Мэла, которые коротали время, глядя утюгом сценические костюмы битлов.

28 августа небольшое, но знаменательное событие произошло в отеле «Дельмонико» в Нью-Йорке. Боб Дилан уговорил битлов попробовать марихуану. Битлы не сразу стали наркоманами — потребовалось еще шесть месяцев на то, чтобы они пристрастились к травке. Но курение зелья с Диланом давало им чувство опьянения, приобщения к священному озарению. Прежде они с презрением отвергали марихуану, считая курильщиков конечными людьми. Таблетки, которые принимали ребята, были лекарством и не запрещались законом.

Джон Леннон уже давно хотел познакомиться с Бобом Диланом, хотя и не так сильно, как с Элвисом Пресли. Для Джона Элвис был божеством, существом недостижимой святости. Их познакомил общий друг, писатель Эл Ароневич, один из первых журналистов, который начал писать о поп-музыке. Ароневич с Диланом прибыли из Вудстока на синем фордовском пикапе, и их провели в частные владения «Битлз». Бриан, Нил, Мэл и битлы только что отобедали в номере и сидели за столом, когда в дверях появился Дилан. Он был ниже ростом, чем предполагали ребята, у него был крючковатый нос и веселые глаза. После неуклюжего знакомства неловкое напряжение в комнате усилилось. Бриан пригласил гостей в гостиную, стараясь оживить вечер, а Дилан предложил попробовать что-нибудь «природное, зеленое, произрастающее из ласковой груди матери Земли». Двери закрыли на замки, полотенцами заткнули все щели, жалюзи опустили, и наконец тоскующему Дилану разрешили сделать первую сигарету.

Дилан раскурил ее и объяснил, как надо затягиваться, затем передал сигарету Джону. Джон не решился затянуться и протянул ее Ринго, назвав его «придворным, пробующим блюда».

Ринго начал смеяться первым, затем к нему присоединились остальные. Какое-то время все смеялись над Брианом, все время повторявшим: «Я взлетел, я на потолке, я наверху на потолке...» Когда дым рассеялся, они впустили официанта, чтобы он убрался в гостиную, и во всем, что он делал, находили повод для того, чтобы забиться в конвульсиях от смеха. Через несколько месяцев «давайте посмеемся» стало означать «давайте покурим травку».

Пола переполняло чувство значительности события. «Я впервые в жизни думаю, по-настоящему думаю». Он потребовал, чтобы все его слова, произнесенные в этот вечер, были в точности записаны для потомков. Мэл Эванс ходил за ним по всему отелю, фиксируя каждое слово.

Этот вечер стал началом долгой непростой дружбы с Диланом, и битлы договорились вновь встретиться с ним в Нью-Йорке после гастролей.

3

Мелькали города Мильвани, Чикаго, Монреаль, Джексонвилл, Востон, Балтимор и Питсбург. 19 сентября в самолете, пролетающем над Хьюстоном, штат Техас, чувствуя себя столетним стариком, Бриан встретил свое тридцатилетие. Ему в подарок преподнесли ковбойские ружье и кобуру. Празднование дня рождения было несколько омрачено фанатами, окружившими в хьюстонском аэропорту самолет, на котором должны были вылететь битлы. Визжащая орда подростков прорвала кордон охраны и вскарабкалась на крылья самолета, пытаясь выбить иллюминаторы с помощью бутылок из-под кока-колы. Не менее печальным было известие о том, что горничную в хьюстонском отеле зарезали ножом оголтелые фанаты, пытавшиеся узнать номера комнат, в которых живут битлы.

Музыканты заявили, что больше не могут и не станут выступать. Население Канзас-Сити почувствовало себя обделенным, и мультимиллионер Чарльз О. Финли, владелец бейсбольной команды «Канзас Сити Атлетикс» пообещал отцам города добыть «Битлз». Финли пытался связаться с Брианом до гастролей, но его просьба была отклонена вместе с сотнями других аналогичных. Огорченный Финли вылетел в Сан-Франциско, где благодаря содействию Нормана Вейса получил личную аудиенцию у Бриана. Он начал переговоры о выступлении ребят в Канзас-Сити, предложив 100 000 долларов наличными вперед и проценты, какие Бриан назовет сам. Плата в 100 000 долларов была неслыханной. На Бриана это произвело сильное впечатление, но он отказался. Финли продолжал настаивать, и наконец они договорились на 150 000 долларов наличными плюс расходы — самая высокая цена, когда-либо выплаченная за один концерт. «Битлз» все же выступили в Канзас-Сити в свой последний свободный американский вечер. В этом концерте содержалась особая ирония, поскольку публика, как и всюду, едва ли могла услышать хотя бы один звук. Когда они покинули город, простыни, на которых они спали в отеле, сняли с постелей при свидетелях и продали представителям чикагской радиостудии УБКВ. Из простыней получилось 6000 лоскутков размером в дюйм, и их продали по цене 1 доллар за лоскут. Достоверно известно, что наволочки до сих пор находятся в хранилище банка, они оценены выше золота.

4

В жизни Бриана Эпштейна произошли серьезные перемены с тех пор, как он подружился с Натом Вейсом, преуспевающим нью-йоркским адвокатом по бракоразводным процессам. Некоторые считают, что Нат явился самым счастливым событием, произошедшим с Брианом, он научил его как жить в ладу

с самим собой. Другие говорят, что Нат показал Бриану путь к собственной гибели. На самом деле, Бриан давным-давно сам проложил этот путь, а Нат стал для него лишь мудрым и опытным гидом.

Успешная юридическая практика Ната сложилась благодаря его громадному сочувствию к людям и умению точно определять характер. Иногда он брался за заведомо «дохлую собаку» — дело по обвинению в порнографии или изнасиловании. Высокий, в очках с толстыми стеклами и слегка лысеющий, он был примерно одного возраста с Брианом, происходил из добропорядочной семьи среднего класса и имел обожающую его еврейскую маму.

Их познакомили на вечеринке в отеле «Пласа», где другой знакомый Ната, с которым у него были общие дела, часто устраивал свидания для одиноких молодых людей. Нат вспоминает, что его сразу очаровал менеджер «Битлз», но как только он попытался втянуть его в разговор, Бриан не смог переключить внимания с молодого человека, с которым он, очевидно, только что познакомился. На следующее утро Нат узнал номер телефона Бриана у своего знакомого и позвонил ему в отель, чтобы выяснить, как прошла встреча. Бриан сказал: «Парень такой скучный. Он почти не разговаривал». Сначала Нат показалось, что Бриан шутит, но оказалось, что Бриан всю ночь проговорил с парнем, желая достичь интеллектуального понимания. Нат посоветовал захватить замкнутого, но оказавшего столь сильное впечатление на Бриана молодого человека в путешествие по каким-нибудь соблазнительным местам города.

Одну из первых остановок они сделали в «Келли». В те времена это был один из самых известных баров гомосексуалистов. Бриан согласился поехать в это место с сомнительной репутацией лишь после того, как Нат пообещал никому не говорить, кто он. Но уже после пары коктейлей Бриан сыграл «Тяжелый день» на пианоле-автомате двадцать раз подряд. И вновь парень, которого Бриан привез с собой в отель, был всего лишь вовлечен в беседу. Нат сказал Бриану, что ему нужно быть более агрессивным, и однажды даже заплатил официанту, чтобы тот соблазнил Бриана. Но они с официантом всю ночь слушали музыку, и Бриан читал лекцию: «А теперь вслушайся в аккорды в конце песни...»

Нат ничего не мог понять. Бриан был очень милым, романтичным, привлекательным и преуспевающим. Нат вспоминает один вечер в отеле «Пласа», когда Бриан заказал тридцать шесть порций мороженого лишь для того, чтобы развлечь молодого человека, которого просто обнял перед тем, как тот покинул номер.

Дружба Бриана с Натом быстро окрепла, частично из-за необходимости вести общий бизнес. Нат оказался именно тем поверенным, который был нужен Бриану, нью-йоркский вариант Дэвида Джекобса. Не прошло и недели совместной работы с Брианом, как Нат обнаружил в делах «Битлз» страшный беспорядок. Начать с того, что внутренняя налоговая служба, беспокоясь обо всех миллионах долларов, уплывающих из Америки, заморозила

миллион долларов за концерты в Нью-Йорке. До тех пор, пока юридическая законность иностранных платежей не будет подтверждена, выплаты не будет. Это поставило Бриана и ребят в однозначное положение — оплатить все расходы за концерты в США из собственных карманов. Турне стоило им целого состояния, гораздо больше, чем они могли себе представить, и теперь им необходимо было найти 500 000 долларов наличными.

Хуже того, проблема с Ники Бирном и коммерческой схемой ЗЛТИВ потерпела полный юридический крах. Стало происходить нечто странное. Лондонские офисы НЕМЗ направляли лицензии непосредственно американским производителям и сами получали деньги; прошло совсем немного времени, и у американских компаний появились соглашения-дубликаты, начались судебные процессы. Дж. С. Пенни и Вулворт немедленно аннулировали свои заказы на сумму 78 млн. долларов, а Бирн предъявил судебный иск НЕМЗ.

Как-то Нат, будучи в Государственном верховном суде Нью-Йорка по своим делам, случайно узнал, что Бриану и НЕМЗ присудили иск на 5 млн. долларов за то, что никто не явился в суд по делу, возбужденному против них Бирном. Бриан попросил Ната аннулировать 5 млн. долларов судебного иска, но Нат посоветовал нанять опытного адвоката, который бы «похоронил» этот спор с ЗЛТИВ, и порекомендовал человека, который справится с этой задачей, его звали Луис Найзер.

Как только Ната и Бриана провели во внушительных размеров офис Найзера, Нат почувствовал, что быть беде. Эта встреча, похоже, станет столкновением двух тщеславных личностей. Но все обошлось. Бриан спросил: «Вы читали мою книгу?», подразумевая «Подземелье звуков».

«А вы читали мою?» — ответил Найзер вопросом на вопрос, незадолго до того написавший бестселлер о судебных процессах в США.

Когда оба джентльмена достаточно покрасовались друг перед другом, Найзер согласился взяться за дело. Бриан поинтересовался оплатой, и Найзер запросил «пятьдесят тысяч долларов для начала». Не моргнув глазом, Бриан достал из кармана чековую книжку и начал выписывать чек. «Знаете, мистер Найзер, — сказал он, — я плачу вам эти пятьдесят тысяч долларов из собственного кармана. Сделка с ЗЛТИВ — моя вина, и мне бы не хотелось, чтобы в дальнейшем «Битлз» расплачивались за мои ошибки».

Найзеру потребовалось два года, чтобы ликвидировать ЗЛТИВ и аннулировать иск против НЕМЗ. Когда наконец дело было урегулировано, Ники Бирну выплатили 10 000 долларов. Битлз учредили собственную коммерческую фирму под названием «Максимус Энтерпрайзис», от которой получали 90 процентов дохода. Но было уже поздно — 100 млн. долларов от них ушли.

**Перевод с английского
ТАТЬЯНЫ ШАШКОВОЙ.**

Окончание следует.

ВЛАДИМИР МАРКИН:

Первого успеха Владимир Маркин добился два года назад, став победителем популярного телешоу «50х50».

Сегодня многим импонирует этот обаятельный артист, всегда появляющийся на сцене с гитарой в руках. Его песни «Самый симпатичный во дворе», «Сиреневый туман», «Колокола», «Я готов целовать песок...» быстро нашли поклонников. Владимир Маркин каждое свое выступление превращает в яркое шоу, где песни чередуются с театрализованными номерами, интермедиями и репризами.

«У всех нас было трудное детство»

В нашем роду музыкантов не было. И только мы со старшим братом Анатолием все-таки увлекались музыкой. Анатолий стал преподавателем в музыкальной школе. Я же предпочел амплу автора и исполнителя. Хотя артистом быть не собирался и не получил музыкального образования, если, конечно, не считать три курса вечерней музыкальной школы, и то после окончания МЗИ (мои однокашники в шутку называют его — Московский эстрадный институт). Занимался я у педагога Е. С. Новиковой, которая помогла мне развить голос.

В школе, а затем в институте я играл в ансамблях и все свободное время проводил с гитарой. Пел песни Макаревича, Градского, Антонова и, конечно, дворовые, или, как их принято называть, городские романсы.

Первое мое выступление было в передаче «Веселые ребята», затем «Утренняя почта», «...До 16 и старше». А когда непрофессионалам разрешили выступать на эстраде, мы с Минаевым исколесили всю страну.

— *Ваш удачный дуэт распался. Что послужило причиной разрыва?*

— Разрыва не было. Просто наши творческие пути разошлись. У Сергея — своя сольная программа, а у меня свой шоу-спектакль, идею которого я давно вынашивал. Называется спектакль «Шуба-дуба-шоу» театра «Трудное детство» Владимира Маркина. В самом названии уже заложена некая ирония. Но ее не поняли и запели «Шубу-дубу» всерьез. Меня это огорчает, ведь я надеялся, что мой номер понятен многим зрителям, но, увы... Кстати, Минаев был на премьере и, по-моему, остался доволен. Мы продолжаем

дружить, и нас очень многое объединяет.

— *Странное название — «Трудное детство»...*

— Как-то, выступая в телевизионной передаче «Веселые ребята», мы с Сергеем Шуститским спели «подъездную» песню и, шутки ради, разодетому в кепки и плащи дуэту дали имя — «Трудное детство». Затем, когда я создавал новую группу со смешными шоу-менами и красивыми шоу-меншами, вернулся к старому названию. Сегодня это коллектив единомышленников, музыкантов, художников, певцов, звукорежиссеров, аранжировщиков... И еще мы с помощью спонсоров создали студию звукозаписи, которая, по мнению авторитетных музыкантов, входит в тройку лучших в столице (да простят меня читатели за такую нескромность). Студия не только место записи, но и наш второй дом, творческая мастерская.

— *Неужели у вас все так гладко и удачно складывалось в жизни?..*

— Конечно же, нет. Помню, выступали мы года четыре назад в Алма-Ате. На концертах я исполнял музыкальные пародии, философские частушки, хотя тогда они были еще не ко времени. Возникали и другие спорные моменты в моей программе. Организаторы концертов все допытывались, кто разрешил, кто утверждал репертуар? Но запретитьпеть не решились, вероятно, потому, что и сами от души смеялись на концерте. Все же нашлись «добрые» люди, и в местной прессе мне устроили разгром (наверняка не без благословения партийных или комсомольских работников). Для наглядности авторы цитировали самые «крамольные» строчки, которых оказалось больше, чем критических строк в рецензии. Так не-

ожиданно я получил рекламу. Публика «повалила» на концерты, а друзья поздравили меня с победой: наконец-то исполняемые на сцене произведения издали в печати! Пусть и частично...

— Помогаете ли вы молодым начинающим музыкантам, и помогали ли вам в свое время?

— Еще студентом каждый летний трудовой семестр я проводил в оздоровительном лагере МЗИ «Алушта», где работал культурорганизатором. Там познакомился с Александром Градским, Сергеем Шустиком, Андреем Кнышевым, Сергеем Минаевым. Они и помогали мне. Сегодня же талантливым ребятам действительно очень тяжело. А возможности у меня, к сожалению, ограничены. Не могу подействовать ни в записи пластинки, ни видеоклипа. Сам сильно завишу от спонсоров.

— Что вас не устраивает в сегодняшней жизни?

— То же, что и всех. Неуверенность в завтрашнем дне.

— А каким вы видите этот «завтрашний день» лично для себя?

— Я пришел к выводу, что необходимо переориентировать себя на другую по возрасту публику. Меня уже не устраивает прежний дискотечный вариант, когда возле сцены прыгают в такт музыке сотни полторы оболтусов. Их меньше всего волнует выступление артистов, только подавай веселый ритм. В результате приходится убирать из программы отдельные шутки и театрализованные номера. Хочется выступать в небольшом камерном зале, где зрители чувствовали бы себя так же уютно, как и дома. За время гастролей по стране я понял, что спортивные сооружения созданы все-таки для спортивных соревнований. На таких громадных площадках редко

получаешь удовлетворение от работы. Но на нашем «Шуба-дубашоу» не было пока ни одного недовольного зрителя, независимо от того, сколько их в зале — 100 или 1000... Впрочем, я заврался. У нас всегда аншлаги! Давно предлагают записать диск-гигант, но я не спешу.

— И последний вопрос. Вы счастливы?

— Пожалуй, да. И хотелось бы, чтобы все мы в такое нелегкое время находили для себя маленькую толику счастья. Пусть даже и призрачного...

Беседу вел АЛЕКСЕЙ БЕЗВЕСЕЛЬНЫЙ.

**Фото на 4-й обл.
ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА.**

ГОР ВИДАЛ

Горячее дыхание

Рисунки ЛЬВА РЯБИНИНА

ДНИ СМЕРТИ

Смерть крошки Пичис Сандоу под ногами взбесившегося слона на арене «Мэдисон Сквэр Гарден» поначалу считали трагической случайностью — из разряда тех, которые время от времени происходят в цирке. Однако несколько дней спустя пошли разговоры о том, что здесь что-то нечисто.

Сообщение о случившемся я прочитал в «Дейли ньюс». Там было немало интересного. Кто-то что-то слышал, кто-то кому-то угрожал, какой-то неизвестный сделал в полиции сенсационное заявление и тому подобное. Все это было очень странным.

Мисс Флинн, выполнявшая роль моего секретаря и доверенного лица — пожилая решительная дама, с безжалостной, но приятной сединой, — по своему обыкновению бросила на меня взгляд через плечо.

— Надеюсь, вы не собираетесь...

— Вмешиваться в это скверное дело? Нет, не собираюсь. По крайней мере до тех пор, пока меня не попросят об этом, что маловероятно, поскольку у цирка есть свои каналы связи с общественностью...

— А вы не исключаете того, что какой-нибудь работник цирка, зная ваше пристрастие к криминальным историям и темным личностям, решит воспользоваться вашими услугами...

— Ну, сперва ему придется отыскать меня, а я собираюсь на какое-то время исчезнуть. В общем, считайте, мисс Флинн, что меня здесь уже нет.

Секретарша явно была сбита с толку.

— Я уезжаю на уик-энд, — пояснил я.

Наконец-то до нее дошло.

— Вы хотите принять предложение миссис Вииринг и посетить ее роскошный особняк на Лонг-Айленде?

— Да, на этот раз решено. Нет причин околачиваться здесь. Август — мертвый сезон. Дел у нас практически нет, так что вы с ними прекрасно справитесь сами. — Она кивнула. — Значит, так, я поеду в Истхэмптон и посмотрю, что ей от меня надо.

В последнее время дела явно пошли на спад. В августе жизнь в Нью-Йорке замирает, и каждый спасается от жары. Загадочное послание от миссис Вииринг пришло как раз вовремя.

«Моя приятельница Альма Эддердейл, как мне известно, ваша хорошая знакомая. Так вот, я обращаюсь к вам от ее имени. Мне бы очень хотелось, чтобы вы приехали ко мне в пятницу и провели у меня уик-энд. Мы могли бы обсудить с вами один небольшой проект, в котором я заинтересована. Как только примете решение, дайте знать. Уверена, что вы не подведете меня.

Искренне ваша Роза Клейтон Вииринг».

Гор Видал, американский прозаик, драматург и эссеист, родился в 1925 году в Вест-Пойнте. Вырос в семье деда — вашигтонского сенатора Гора, а с 1961 года живет в Риме. Видал — автор романов, связанных с историей США: «Уилливо», «Юлиан», «Сотворение мира», «Вашингтон, округ Колумбия», «Бэрр», «1876», пяти сборников эссе и нескольких пьес. Детективные романы публиковал под псевдонимом Эдгар Бокс.

Таково было содержание письма на плотном листе дорогой бумаги, вложенном в конверт с ничего не говорящим адресом на нем:

«Норт-Дюнз, Истхэмптон, Лонг-Айленд, Нью-Йорк».

Никакого намека на то, что же она хочет.

Моим первым желанием было написать ей и спросить, что конкретно она от меня ждет. Но августовская жара ослабила мой профессионализм. Уик-энд в Истхэмптоне, в большом особняке...

Я продиктовал телеграмму о том, что принимаю приглашение. Записывая ее, мисс Флинн несколько раз фыркнула, но не произнесла ни слова. Затем деловым тоном я отдал несколько указаний, прекрасно зная, что в мое отсутствие мисс Флинн сделает все по своему усмотрению.

Мы с важным видом распрощались, и я вышел из конторы.

2

Экспресс «Лонг-Айленд — Кэнион-Болл» медленно покинул станцию. Все говорило о том, что и года не пройдет, как он доберется до Монтока, оконечности Лонг-Айленда, а если нет... ну что ж, все, отправляющиеся в путь по этой дороге, подвергаются опасности и прекрасно знают об этом. Клубы дыма пахнули в лицо из открытого окна. От неудобной спинки сиденья у меня быстро затекли ноги. Солнце светило прямо в глаза.

«Джорнэл Америкен» был целиком посвящен описанию убийства Пичис Сандоу, хотя никаких конкретных фактов не приводилось. Впрочем, это мало волнует прессу. Главное, чтобы побольше было красочных описаний полуобнаженных девиц в блестящих накидках и с перьями на голове. Сама же Пичис Сандоу при жизни была аляповато одетой лилипуткой средних лет с короткой стрижкой в духе двадцатых годов.

Я был целиком увлечен статьей в «Нью-Йорк глоуб», написанной моим старым знакомым и соперником Элмером Бушем, когда моей ноги коснулось аппетитное бедро и нежный женский голос произнес:

— Прости... Боже, да это, кажется, Питер Сарджент.

— Лиз Безземер!

Мы устали друг на друга в изумлении, хотя удивляться было нечему, ведь мы встречались чуть ли не каждый месяц на том или ином приеме, и я не раз пытался договориться с ней о встрече, но безуспешно, поскольку по природе я робок, а вокруг нее постоянно крутятся молодые парни.

Удивление переросло в восторг, по крайней мере с моей стороны, когда я узнал, что она собралась навестить тетю с дядей, проживающих в Истхэмптоне.

— Мне обязательно нужно было развеяться, а поскольку мамуля сейчас находится в Лас-Вегасе, добиваясь развода, я решила съездить к своей тетушке, которая зазывала меня к себе все лето. Так, значит, вы тоже туда направляетесь?

Я кивнул. Мы еще немного поговорили на эту тему. Оказа-

лось, что ей известна миссис Вииринг и она даже знает, где та живет — всего в полумиле от дома ее тетки!

— Надеюсь, вы не относитесь к числу друзей миссис Вииринг... Я хочу сказать, она очень мила, но знаете ли...

— Себе на уме?

— Это мягко сказано.

Лиз скорчила рожицу.

— Ну, это только работа, — туманно бросил я. — У нее родился какой-то план или что-то в этом роде, и она хочет, чтобы я проконсультировал ее. Такова, черт побери, жизнь. Вот почему я выбрался из города на уик-энд, а может быть... и побольше, — осторожно добавил я, но Лиз, полностью соответствуя распускаемому о ней слухам, была действительно самой неромантической девушкой Нью-Йорка, из тех, кто не любит свидания при луне и презирает обмена многозначительными взглядами в переполненных комнатах.

Она холодно посмотрела на меня.

— У вас ведь своя собственная фирма, так?

— Да, — кивнул я, — с тех пор, как я оставил редакцию «Глоуб».

— Должно быть, это ужасно интересно. А я сейчас работаю в «Харперс базар».

— Я даже не знал, что вы работаете.

— Да, работаю. Точнее, подрабатываю.

— И что вы там делаете?

— Ну... как бы объяснить... Впрочем, вам это хорошо известно.

182 Действительно, мне это было известно. Во всем Нью-Йорке немало таких неопределенного возраста изящных девушек, совсем небедных, с жемчужными комплектами фирмы Текла и набором черных платьев, девушек, которые между посещением занятий в колледже и своим первым замужеством подрабатывают в журналах мод. Они очаровательны, обожают искусство больше любого бизнеса и постоянно фланируют от картинных галерей на 57-й стрит до «увеселительных вечеринок» на Секонд-авеню, где представители высокой богемы дают коктейли в честь знаменитостей.

Мы поговорили о наших общих знакомых. Я слишком мало общался с людьми ее круга, но хорошо их знал. Я спросил Лиз, что ей известно о миссис Вииринг.

— Вряд ли я знаю о ней больше других. Просто на нее все время натыкаешься, вот и все. Она приехала откуда-то с Запада. Кажется, после смерти мужа ей досталось немалое состояние. Наверняка она пытается пробиться в светское общество, разыгрывая из себя безутешную вдову.

Мы перевели разговор на другие темы и в конце концов договорились встретиться в субботу вечером в яхт-клубе, где намечались большие танцы. Затем погрузились в изучение наших газет, а поезд тем временем мчался среди зеленых равнин острова, минуя его основное богатство — многомиллионные стада белых уток и огромные картофельные поля. Незадолго до прибы-

тия в Истхэмптон мы оба пришли к выводу, что несчастную Пичис Сандоу действительно кто-то намеренно толкнул под ноги слона. Но кто?

3

«Норт-Дюнс» — «Северные Дюны» — оказался большим деревянным домом, расположенным на вершине дюны к северу от яхт-клуба «Лейдинок», который, в свою очередь, располагался к северу от Истхэмптона.

Меня встретил неряшливого вида парень в водительской кепке и плаще. Он сразу же меня признал и заявил, что послан миссис Вииринг за мной. Я влез в почтовый фургон, стоявший среди прочих у железнодорожного пути, помахал Лиз, которая села в аналогичный фургон, откинулся на подушки и в полном молчании миновал красивый, сельского типа городок, огромные вязы и серебристый пруд.

По берегу океана, среди пустынных дюн, между небольших групп камней, темнеющих на фоне белоснежного песка, возвышались унылые дома. Буйный золотисто-зеленый поток Мейд-стона придавал приятный, какой-то упорядоченный вид дороге, бежавшей к северу от городка в сторону Монтока, где располагались большие дома и коттеджи летних резиденций.

«Норт-Дюнс» был одним из самых больших и мрачных зданий. Со стороны океана к нему примыкала застекленная веранда, в остальном он ничем не отличался от прочих беленых построек.

Внутри же он производил более благоприятное впечатление. Худощавый дворецкий взял мой чемодан и проводил меня в освещенную солнцем большую комнату, расположенную в южной части дома. Стены ее были затянуты шелком, а из окон открывался прекрасный вид на площадку для игры в гольф и на океан.

Миссис Вииринг приветствовала меня, поднявшись с кресла.

— Вы даже не представляете, мистер Сарджент, как я рада, что вы откликнулись на мое приглашение.

Она сердечно пожала мне руку. Это была солидная, интеллигентного вида женщина с копной голубых волос и белым лицом, бесстрастно взиравшая на мир своими маленькими синими глазами. Ей было уже за пятьдесят. Грудь напоминала огромную, набитую песком торбу, а ясный, отчетливый голос звучал как-то странно.

— Садитесь сюда. Может, чего-нибудь выпьете? Я прикажу... Впрочем, вы сами можете сделать по собственному вкусу. Бар вон там.

Я сделал себе виски с содовой, а ей налил немного дубонне со льдом. Затем опустился в мягкое кресло напротив нее и застыл в ожидании. Но миссис Вииринг не торопилась переходить к делу.

— Альма Эддердейл приезжает на следующей неделе, в понедельник. Вам известно об этом? Я просто обожаю ее. Она остановится в «Си-Спрей». Она ведь ваш старый друг, да? Я, конечно, тоже хочу с ней увидеться и с удовольствием пригласила бы ее

к себе, но она предпочитает одиночество, а у меня, как назло, в этот уик-энд дом полон гостей.

— Интересно... — начал я, надеясь сразу же перейти к делу.

— Вы не возражаете, если я еще выпью? Да, пожалуй, мне стоит выпить. Мой доктор уверяет, что мне это на пользу. «Перед обедом, Роза, надо выпивать чуточку дубонне, чтобы разогреть кровь».

Я налил ей в высокий стакан столько этого напитка, что его, по-моему, было вполне достаточно, чтобы довести ее кровь до кипения. Двумя глотками она осушила бокал, и мне сразу же стала ясна одна из ее проблем. Но, как бы то ни было, выпивка, видимо, действительно шла ей на пользу. Ее глаза заблестели, она поставила бокал на стол и произнесла:

— Обожаю смесь, а вы?

— Смесь чего, миссис Вииринг?

У меня было такое ощущение, что мы работаем на разных частотах.

— Людей. Чего же еще? — Она улыбнулась ослепительной улыбкой, блеснув белоснежными зубами. — На этот уик-энд я попыталась собрать вместе интересных людей... не просто известных в обществе, а интересных самих по себе. Среди них — Брекстон.

Она замолчала, давая мне возможность оценить сказанное.

Это действительно произвело на меня впечатление, точнее удивило. Мой интерес к современной живописи колеблется где-то между нулевой отметкой и минусом десять. Тем не менее, имея возможность крутиться в нью-йоркских претенциозных кругах, я приобрел некоторые знания и мог без особого труда отличить Мотервелла от Стьюмпфига. Брекстон — один из нынешних героев 57-й стрит. Ежегодно журнал «Лайф» совершает со своими читателями прогулку по его студии. Он выставляется в галереях и считается крупным профессионалом. Поэтому известие о том, что он гостит у миссис Вииринг, не могло не удивить.

Но тут все встало на свои места.

— Его жена Милдред — моя племянница, — заявила миссис Вииринг, тщательно высасывая из кусочков льда последние остатки дубонне. — Вы не представляете себе, что творилось в нашей семье десять лет назад, когда она вышла за него замуж! Я хочу сказать, нам даже в голову не приходило, что он станет знаменитым.

Я заметил, что такие браки всегда представляют определенный риск.

— Но как бы то ни было, я ужасно рада, что они гостят у меня. С Брекстоном совсем не скучно, что довольно непривычно. Я обожаю и искусство, и художников. Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать. Творческие личности не похожи на простых смертных, разве не так? — Миссис Вииринг налила себе очередной бокал дубонне. С восхищением я заметил, что рука у нее даже не дрогнула. Она говорила не умолкая. — Затем, здесь гостят Клейпулы. С ними так весело! Знаете, они из Ньюпорта. Брат и сестра, причем удивительно привязаны друг к другу. Согласитесь, такое редко бывает.

Затем миссис Вииринг рассказала о других гостях и добавила, что все они мне хорошо известны, поэтому она не будет больше утруждать меня информацией о них... тем более что это не имеет особого значения. Из этих слов я понял, что мои обязанности не будут иметь никакого отношения к гостям. Она уже собиралась рассказать о своей последней гостье — Мэри Уэстерн Ланг, писательнице, как вдруг комнату почти неслышно пересек дворецкий и что-то прошептал ей на ухо. Миссис Вииринг молча кивнула и, не сказав ни слова, жестом приказала ему удалиться. Под белым гримом проявился алкогольный румянец.

— Я перейду прямо к делу, мистер Сарджент. Мне нужна помощь. Что касается основной причины, по которой я пригласила вас сюда, я сразу же в общих чертах изложу детали. Я планирую в День труда¹ устроить прием, и мне бы очень хотелось, чтобы он стал сенсацией в Хэмптоне. Все должно быть со вкусом, это, я надеюсь, вам понятно. Прием должен получить самое широкое освещение в прессе, хотя мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь знал, что я наняла агента по рекламе.

— Мой гонорар... — робко начал я.

— Никаких проблем, — ответила миссис Вииринг деловым тоном. — Составьте мне сегодня вечером записку о том, что вам необходимо для работы, включая, естественно, ваш гонорар. Я удовлетворю все ваши требования.

Последующие несколько замечаний, излагавшие причины ее обращения ко мне и ее намерения, наполнили мою душу восхищением.

— Я пригласила вас по одной простой причине — помочь мне организовать прием и его рекламу. Вы будете находиться здесь в качестве гостя, так что, надеюсь, никто не вздумает задавать вам вопросы. Никому не рассказывайте о том, чем занимаетесь. Делайте вид, что вы... писатель, — довольно игриво закончила она.

— Постараюсь сделать все, что в моих силах.

— Завтра я пройду с вами по списку приглашенных. Затем мы обговорим, как лучше всего организовать рекламу. Это очень важно. А теперь вы, наверное, хотите подняться к себе в комнату. Обедаем мы в восемь тридцать. — После паузы она добавила: — Можно вас попросить об одной любезности?

— Какой, миссис Вииринг?

— Что бы вы ни увидели и ни услышали здесь, не обращайтесь внимания... и держите язык за зубами.

Когда она произнесла эти слова, ее довольно глупое лицо приобрело торжественно-бледный вид. В особенности меня встревожило выражение ее глаз. Похоже, она чего-то опасалась. Интересно, чего? Я даже подумал, может быть, она несколько с приветом?

— Конечно, я никому ничего не скажу, но...

Она вдруг быстро оглянулась по сторонам, как будто боялась, что нас подслушивают.

¹ Национальный праздник США. Проводится в первый понедельник сентября. (Здесь и далее примечания переводчика.)

— Ну, а теперь, пожалуйста, идите.

В холле раздались шаги. Кто-то шел в нашу сторону. Я уже был у двери гостиной, как миссис Вииринг снова обратилась ко мне:

— О, мистер Сарджент, вы не будете возражать, если я вас буду называть Питером?

— Конечно, не буду...

— А вы должны называть меня Розой.

Эти слова прозвучали как приказ.

Я вышел в холл, едва не столкнувшись с бледной молодой женщиной, которая что-то пробормотала, но не разобрал, что именно. Она проскользнула в гостиную, а я стал подниматься по лестнице. Служанка подсказала мне, где находится моя комната.

Я чувствовал себя не в своей тарелке, если не сказать — хуже. Я даже подумал: может, лучше забрать свои вещи и укрыться в одной из местных гостиниц, скажем, в «Харчевне 1770 года»? Мне не нужна работа, которая не дает возможности отдохнуть, а при складывающихся обстоятельствах отпуск может быть совсем не запланирован. Все-таки миссис Вииринг — странная женщина. Алкоголичка. Как она нервничала, как была встревожена! Но почему?

Только из любопытства я решил остаться. И это была ужасная ошибка.

4

В восемь часов я спустился вниз. Правда, перед этим я принял хорошую ванну, совершил церемониал одевания, во время которого ознакомился со своей прохладной, но хорошо обставленной комнатой. Гости кружили по большой комнате, веселой и залитой светом, шторы в которой в связи с наступлением вечера были опущены. Внизу собрались все, за исключением нашей хозяйки.

Женщина, с которой я столкнулся раньше, пришла мне на помощь. Стройная, не старше тридцати лет, с симпатичным, но маловыразительным лицом и в сером, несколько старомодном, не в духе двадцатого века, костюме.

— Меня зовут Элли Клейпул, — произнесла она с улыбкой, протянув мне руку, которую я пожал. — Мне кажется, мы уже сталкивались с вами.

— В холле? Да, это так. А я — Питер Сарджент.

— Проходите. Я вас познакомлю с гостями. Пока Роза занята.

И она повела меня по комнате, выполнявшей роль гостиной.

На чудесном диванчике, рассчитанном на двоих, едва умещалась в одиночестве Мэри Уэстерн Ланг, знаменитая писательница, — пухлое, с многочисленными слоями жира создание с персикового цвета кремом, едва прикрывавшим ее землистый цвет лица, и волосами, окрашенными в сногшибательный серебристый цвет. Из-за того, что она была безобразно жирна, алые широкие брюки казались более чудными, чем были на самом деле.

Следующая остановка произошла в другом конце комнаты, где

миссис Брекстон, невысокая темноволосая женщина с фаянсово-голубыми глазами просматривала стопку книг по искусству. На мое появление она отреагировала кивком головы. Брекстон, исследовавший поднос с напитками, оказался более любезным человеком. Я его сразу же узнал по его картинам: маленький, сутуловатый сорокалетний мужчина с песочного цвета усами, с веснушчатой лысой башкой, очками в тяжелой оправе и обыкновенными, ничего из себя не представляющими чертами лица, которые хорошо запомнились по некоторым его парадным автопортретам.

— Чем могу быть полезен? — спросил он, добавляя лед в мартини-шейкер.

— Не откажусь от мартини, — произнес я. — Может быть, помочь?

— Ну что вы. Я это делаю за считанные секунды.

Когда он манипулировал шейкером, я обратил внимание на его длинные руки. Удивительно мощные руки, на ногтях была краска... следы профессии.

Элли Клейпуд представила меня своему брату, который спрятался от нас в алькове, в противоположном конце гостиной. Он был очень похож на сестру, только года на два постарше. Симпатичный парень в твидовом костюме.

— Рад с вами познакомиться, Сарджент. Вот роюсь у Розы в книгах. У нее есть просто чудесные вещи, жаль, что она сама, можно сказать, неграмотна.

— А почему бы тебе не позаимствовать их? — с улыбкой спросила Элли, обращаясь к брату.

— Возможно, я так и сделаю.

Они украдкой взглянули друг на друга — черта, характерная для замужних пар, но как-то не подходившая для брата и сестры.

Затем, вооруженные мартини, мы присоединились к писательнице. Все опустились в кресла у камина, за исключением мистера Брекстона, который застыл в дальнем конце комнаты. В тот вечер в атмосфере чувствовалось какое-то ожидание, странная напряженность, как во время затишья перед грозой.

Я беседовал с Мэри Ланг, сидевшей по правую руку от меня на диванчике. Поинтересовавшись, давно ли она обосновалась в Истхэмптоне, я окинул взглядом всю комнату, одновременно прислушиваясь к другим разговорам. Внешне все казалось нормальным.

Клейпуды оживленно спорили с Брекстоном по поводу живописи. Никто не обращал внимания на миссис Брекстон. Все делали вид, что просто не замечают ее. На самом же деле что-то было не так.

Мэри Уэстерн Ланг щебетала, не умолкая ни на секунду. Голос у нее был резкий, но не громкий. Я умудрился оторваться от нее и, пообещав принести коктейль, прошел к бару. Когда я наливал разбавленные водой остатки мартини из шейкера в свой бокал, ко мне неожиданно подошла миссис Брекстон.

— Сделайте мне тоже один, — произнесла она едва слышно.

— Да? Ради Бога. Вам сухой?

— Все равно какой.

Она бросила взгляд на мужа, сидевшего спиной к нам. Он о чем-то спорил и энергично жестикулировал. Ее лицо ничего не выражало, но я чувствовал, как от нее исходит какой-то холод.

Я быстро сделал для нее коктейль и еще один для Мэри Уэстерн Ланг. Не сказав даже «спасибо», миссис Брекстон присоединилась к группе, сидевшей у огня. Разговаривала она, насколько я помню, только с мисс Клейпул, совершенно игнорируя при этом мужчин, продолжавших спорить. К сожалению, говорили они очень тихо, и я ничего не разобрал. Но, о чем бы ни был этот разговор, мне не понравилось, как сжались тонкие губы миссис Брекстон и недовольно вытянулось ее лицо. Поскольку примоститься было негде, я вернулся к обществу мисс Ланг.

— Роза сообщила мне, что вы писатель, мистер Сарджент.

«Черт побери, не могла ничего получше придумать», — с раздражением подумал я про себя и пустился на хитрость, отчасти сказав правду.

— Я какое-то время работал помощником театрального критика в «Нью-Йорк глоуб», правда, несколько лет тому назад я оттуда ушел... чтобы целиком посвятить себя написанию романа.

— О-о! Как интересно! Бросить все на ветер! Целиком посвятить себя искусству! Как я вам завидую и как восхищаюсь вами! Позвольте мне быть вашим первым читателем и критиком!

Я что-то пробормотал о том, что он еще не закончен, и она отцепилась. Ее громадная грудь тяжело вздымалась.

— Я сделала то же самое. Много лет тому назад. В Рэдклиффе. Однажды, придя домой из школы, я сказала своим, что собираюсь стать Писательницей с большой буквы. И стала ею! Моя семья проживала в Бостоне. О, это настоящие пуритане! Но они были тронуты, когда я написала «Разговоры маленькой Бидди». Возможно, вы помните эту книжку. О ней еще писали, насколько мне помнится, как о лучшей детской книге. Даже сейчас новое поколение детей в восторге от нее. Их письма ко мне просто согревают душу.

«Сказать точнее: раздрают, а не согревают», — подумал я про себя.

Затем Мэри Уэстерн Ланг со всей полнотой изложила мне всю свою невероятную карьеру. Мы уже почти дошли до конца, как я вдруг поинтересовался, где же наша хозяйка. Мэри Ланг на секунду задумалась, а затем пробормотала:

— Роза часто запаздывает. — Она явно чувствовала себя не в своей тарелке. — Впрочем, вы ее друг и должны знать об этом.

Я в полной растерянности кивнул головой.

— Даже если так...

— Это еще хуже. Как бы мне хотелось ей помочь, но, боюсь, если ее не послать в лечебницу, ничего хорошего не будет... но, поскольку она не сознает этого, я даже не представляю, как мы, самые старые и преданные ее друзья, можем подойти к ней. Вы же знаете, какой у нее характер!

Мисс Ланг пожала плечами.

— Мне показалось, что она сегодня вечером несколько, как бы это сказать, встревожена. Она...

Мисс Ланг театральным жестом коснулась моего левого бедра. Длилось это всего несколько минут, но у меня было такое ощущение, будто мне на ногу опустилась свинцовая плита.

— Я боюсь за нее! — едва дыша, таинственным голосом прошептала она. — У нее вот-вот будет срыв. Ей почему-то кажется, что все прямо-таки жаждут ее смерти.

Наконец-то все прояснилось. Я с облегчением вздохнул. Ясно: миссис Вииринг — психопатка и никакой угрозы ее жизни, как я первоначально думал, нет. Я расслабился, возможно, даже чересчур.

— Да, она мне говорила что-то вроде этого.

— Бедная Роза. — Мисс Ланг покачала головой и неохотно убрала руку с моего, видимо, чрезвычайно притягательного бедра. — Все это началось несколько лет назад, когда ее не включили в «Социальный регистр Нью-Йорка», куда вносятся имена наиболее известных людей города. Как она переживала! И мы вместе с нею. Какое это было время! И вот именно тогда... — Мисс Ланг оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что никто ее не слышит, и продолжала: — Стала выпивать. Помню, я еще сказала Элли Клейпул, что, если Роза не возьмет себя в руки, она...

Не знаю, успела Роза взять себя в руки или нет, но в этот момент она вошла в гостиную. Миссис Вииринг была в ярком вечернем платье, выглядела необычайно привлекательной и совершенно трезвой, если не забывать, что она уже умудрилась выпить не меньше галлона дубонне.

— Привет, ребята! — воскликнула она, помахав всем рукой. — Извините за опоздание, но мне пришлось задержаться. Пожалуйста, проходите сразу к столу, а то кухарка устроит мне сцену.

Сопровождая миссис Брекстон к столу, я заметил у нее на шее, как раз на том самом месте, которое обычно прикрывает длинный локон волос, неприятный лиловый рубец — он тянулся от самого уха и исчезал за высоким воротником ее платья. Это был скорее синяк, а не родинка и не шрам... совершенно свежий синяк.

Переговорив с мужем, она повернулась ко мне, и волосы прикрыли пятно. В ее глазах появилось странное выражение, как будто по моему лицу поняла, что я видел. Когда она заговорила о танцах, которые намечались в яхт-клубе следующим вечером, ее рука невольно потянулась к шее.

5

Обед проходил вполне пристойно. Миссис Вииринг была в прекрасной форме. От первоначального страха, омрачавшего нашу первую встречу, не осталось и следа. Сидя слева от нее, я внимательно следил за нею.

Миссис Вииринг была чрезвычайно оживлена и даже, пожалуй, пьяна, о чем свидетельствовали лихорадочно блестящие глаза и невнятно произносимые фразы, слетавшие с ее уст.

Да, странная компания, подумал я. Хозяйка-алкоголичка,

с пренебрежением отвергнутая «Социальным регистром», но принимаемая в обществе; кичащийся собой художник; его жена, готовая от злости грызть стекло, с кровоподтеком на шее, как будто кто-то пытался задушить ее, а потом плюнул и решил не пачкаться. Кстати, это мог быть и ее собственный муж. Своими мощными руками он вполне способен свернуть шею человеку.

Тут же и загадочные Клейпулы, брат и сестра, прямо-таки обожающие друг друга или... Кстати, сам Клейпул за обедом сидел рядом с миссис Брекстон. Они все время разговаривали, совершенно игнорируя остальное общество, чем, видимо, немало досаждали его сестре. Брекстон — рассеянный, добродушный, эгоцентричный тип, изо всех сил старался, чтобы разговор крутился только вокруг него или же живописи.

И, наконец, моя писательница, мощная хихикающая подруга всего мужского рода. Поскольку ее запросы, учитывая вполне понятные причины, были невысоки, ее хищные инстинкты выражались только в похлопываниях и щипках, зато в этом она была непревзойденным специалистом.

После обеда, несколько возбодренные белым вином, мы прошли в гостиную, где был установлен карточный столик.

— Нас семеро. Значит, четверо будут играть в бридж, остальные займутся чем-нибудь более конструктивным, — глубокомысленно заявила миссис Вииринг, бросив взгляд на компанию.

Сперва все отказывались, но она явно знала, что делать, и в конце концов энтузиасты-картежники слетелись к столу, а мы — миссис Брекстон, Элли Клейпул и я — уселись у камина.

190 Ясно, более конструктивным делом предстояло заняться нам, но чем конкретно, я даже представить себе не мог. Нет ничего хуже, как проводить уик-энд в светском обществе с группой людей, которых не знаешь и которые не особенно тебе по вкусу. Всегда возникает проблема, о чем говорить, как было и в нашем случае. Положение усложнялось мрачным настроением миссис Брекстон и рассеянностью Элли Клейпул. Похоже, обе они были недовольны тем, что происходит.

— Вы с Флетчером, наверное, после этого уик-энда поедете в Бостон? — неожиданно выпалила миссис Брекстон, обращаясь к Элли. Тон, которым были произнесены эти слова, был далек от любезности. Флетчер, насколько понял я, имя Клейпула.

— О да... Наверное. Вы же знаете, у нас в Кембридже¹ небольшой дом.

— Не понимаю, почему вы не поселитесь в Нью-Йорке. Там ведь гораздо интереснее. А Бостон — мертвая зона чуть ли не целый год.

При упоминании о Бостоне она явно оживилась. Кстати, это были ее первые слова за весь вечер.

— Но нам он нравится.

— Вам-то уж точно.

Оскорбление было налицо. Я сперва даже подумал: неужели я ослышался? Однако, казалось, Элли это совершенно не смущает.

¹ Город Кембридж расположен поблизости от Бостона, столицы штата Массачусетс.

— О вкусах не спорят, Милдред, — спокойно произнесла она. — Никто из нас не в состоянии долго выносить Нью-Йорк.

— Говорите за себя. Флетчер любит город, и вы прекрасно знаете это. Только вы удерживаете его в Бостоне.

При этих словах Элли вспыхнула.

— Он всегда такой робкий, — произнесла она.

— Я говорю не об этом.

И две женщины, неожиданно оказавшиеся непримиримыми врагами, уставились друг на друга.

Интересно, что же это значит?

Зарождался первостатейный скандал.

— Что вы имеете в виду, Милдред?

Миссис Брекстон язвительно рассмеялась.

— Не делайте из меня дурочку, Элли. Я — единственная, кто...

— Напарник! У меня нет червей! — раздался со стороны карточного стола вопль мисс Ланг, за которым последовало рычание мистера Брекстона.

— Ради Бога, Милдред, замолчите! — прошипела Элли.

Слова ее были заглушены очередным воплем мисс Ланг, так что их, кроме меня, никто не расслышал.

— Я слишком долго молчала, — возразила миссис Брекстон, хотя чувствовалось, что гнев ее спадает, уступая место привычному недовольству. Когда она прикуривала, я заметил, как у нее дрожат руки.

Может, она тоже алкоголичка? Даже один пьяница не подарок, а уж двое — полный комплект!

Мисс Клейпул повернулась ко мне, будто ничего особенного не случилось.

— Я уверена, хоть вы замолвите о Бостоне доброе слово, — произнесла она, улыбаясь. — А то я здесь в меньшинстве.

Я сказал ей, что учился в Гарварде¹.

Этого оказалось вполне достаточным, чтобы между нами сразу же установились отношения взаимопонимания.

Миссис Брекстон, не произнеся больше ни слова и даже не пожелав доброй ночи хозяйке, удалилась из комнаты.

Элли слегка нахмурилась.

— Милдред не совсем хорошо себя чувствует. Она... в общем, у нее совсем недавно был нервный срыв. Она всегда была нервной. Вся их семья такая, даже Роза. Вам, наверное, известно, что Роза — ее тетя.

Я признался, что знаю об этом.

— Мы с Флетчером познакомились с ними пятнадцать лет назад, когда Роза приехала с Запада и решила устроиться в Нью-Порте, где мы всегда отдыхаем летом... точнее, имели привычку отдыхать. Милдред того же возраста, как и мой брат, и они очень подружились. Многие даже были уверены, что они поженятся. Ну, а потом она повстречала Брекстона, и с тех пор они, конечно, счастливы.

Мне было ясно, что она лжет, хотя бы только потому, что

¹ Знаменитый Гарвардский университет, расположенный в Кембридже.

маловероятно, чтобы какой-нибудь нормальный мужчина смог бы ужиться с такой неприятной женщиной.

— Как я поняла, вы давно знакомы с Розой? — резко прозвучал вопрос.

— Нет, не очень.

Я не знал, что и ответить, потому что мне не было известно, что рассказывала обо мне миссис Вииринг.

— По-моему, Роза говорила мне, что вы ее старый друг, но, знаете, она такая рассеянная! Я не раз встречала здесь людей, с которыми она разговаривала, как со старыми друзьями, а потом вдруг выяснялось, что они ее вообще не знают. Вот причина успеха всех ее приемов: к каждому гостю относятся, как к вновь обретенному родственнику.

В этот момент в комнату проскользнул дворецкий и, к моему удивлению, подошел ко мне:

— Мистер Сарджент, вас просят к телефону.

Точнее, как настоящий английский дворецкий, он произнес: «...телли-фону».

Это была Лиз.

— О, привет, Питер. Чем занимаешься?

— Хотел бы я сам знать.

— Тоска?

— Не то слово. А как у тебя?

— Не лучше. Может, завтра вечером сходим на танцы?

— Не знаю. Кто-то из приглашенных здесь упоминал о них, так что, думаю, мы все пойдем, но если что...

— В любом случае приходи. Скажешь, что ты со мной. На входе я оставлю для тебя приглашение.

— Что ж, мне это нравится. К тому же сейчас полная луна.

— Полная что?

— Луна.

— О, а мне слышалось «комната». Ну пока, я буду тебя ждать.

Около полуночи игра в бридж закончилась. Все немного выпили на сон грядущий, за исключением нашей хозяйки, которая к этому времени выпила и так уж достаточное количество коньяка.

— Надеюсь, вам не было скучно, — обратилась она ко мне.

— Никогда еще так приятно не проводил время, — соврал я.

— О делах поговорим завтра, а потом мы все отправимся в яхт-клуб, где у вас будет возможность познакомиться с какой-нибудь молодежью.

— А чем мы не подходим? — шаловливо заметила мисс Ланг.

К счастью, ответа от меня не ждали, и мы все, пожелав друг другу спокойной ночи, поднялись наверх.

Спал я тревожно. И вот в самый разгар очередного дикого, но вполне стандартного кошмара (мне снилось, что я падаю с горы) меня разбудили крики — три женских крика, прозвучавших один за другим.

При втором крике я сел, как громом пораженный. При третьем вскочил с постели.

Была половина четвертого утра.

Я открыл дверь и выглянул в тускло освещенный коридор. Из других дверей тоже высунулись головы. Я увидел лица Клейпулов, мисс Ланг, и вдруг на площадке появилась миссис Вииринг.

— Ложитесь все спать,— произнесла она своим обыденным тоном.— Ничего не произошло. Совсем ничего.

Послышался изумленный шепот. Головы исчезли. Сбитый с толку и несколько встревоженный, я улегся спать. Засыпая, успел подумать: странно, что миссис Вииринг ни единым словом не обмолвилась об этих странных криках.

Разговор о них мог бы зайти во время завтрака, но, поскольку стало ясно, что виновником является один из нас, мы все смущенно молчали, быстро проглотили свои бифштексы и огромный пирог с почками — так миссис Вииринг выражала свою склонность к английской кухне.

Я решил, не знаю почему, что во всем виновата миссис Брекстон. За завтраком она выглядела как обычно, правда, довольно бледной, но я ведь впервые видел ее при свете дня.

Мы выпили кофе на застекленной веранде, выходявшей в сторону океана, и переоделись в купальные костюмы, за исключением Мэри Уэстерн Ланг, которая заявила, что «у нее на солнце шелушится кожа». Она появилась в ядовито-желтых шароварах, в смешных солнечных очках в пестрой оправе и с платком на шее.

Только миссис Вииринг не стала переодеваться. Подобно большинству людей, имеющих дома на море, она не любила ни загорать, ни купаться.

— Слишком холодная вода,— заметила она, поманив меня в альков гостиной, выполнявший роль маленького кабинета, и присела за изящный стол времен королевы Анны, в то время как я развалился в кресле.

— Бедняжка Милдред.— Миссис Вииринг вздохнула.— Мне кажется, у нее мания преследования. Последний год был просто ужасен. Я ничего не понимаю. В нашей семье никогда ничего подобного не случалось. Ее мать, моя сестра, была самой здравомыслящей женщиной на свете, да и отец тоже. Я думаю, это все из-за того, что она вышла замуж за художника. Вы же понимаете, это совершенно другие люди, не от мира сего. Не такие, как мы с вами. Со времени своего нервного срыва, который произошел у нее в прошлую зиму, она уверена, что муж собирается убить ее. Более преданного мужа, кстати, вы вряд ли найдете.

Тут я случайно вспомнил о синяке на шее миссис Брекстон.

— А почему она не уйдет от него?

Миссис Вииринг пожалала плечами.

— А куда? Кроме того, она сейчас совсем не соображает, что делает, хотя и понимает это. Она очень извинялась сегодня ночью, когда... когда это произошло.

— Что произошло?

— Они поскандалили. Обычное дело между супругами, ничего серьезного. Затем она начала кричать, и я спустилась вниз... их спальня на первом этаже. Она сразу же стала извиняться, и он тоже. Конечно, она своими воплями умудрилась переположить весь дом.

— Мне кажется, ей следует отдохнуть в пансионате или еще где-нибудь.

Миссис Вииринг вздохнула.

— Что ж, и до этого может дойти, хотя я молю Бога, чтобы этого не случилось. Ну ладно. Вот вам, кстати, список приглашенных на прием. Я хочу, чтобы вы составили для меня список представителей прессы и...

Дела отняли у нас примерно час. Она неплохо разбиралась в ситуации и вполне могла бы быть своим собственным пресс-агентом. Естественно, я об этом умолчал. Миссис Вииринг моментально улавливала все особенности рекламной работы. Мои же функции, как я понял, заключались в том, чтобы быть ее представителем. Совсем неплохо. Затем мы решили вопрос о моем гонораре, довольно приличном, и она — со скоростью и совершенством опытной машинистки — отпечатала договор между нами.

— Я училась печатать, — сказала она просто, заметив мое удивление. — Только так я могла помогать своему покойному мужу. Мне приходилось все за него делать.

Затем мы подписали договор, и она отпустила меня развлекаться на пляж. Сама же, как я заметил, решительно направилась к бару, где всегда можно было найти батарею бутылок, стаканы и лед.

Все остальные собрались на пляже.

Солнце пекло немилосердно. Ветра почти не было, ощущался только легкий бриз.

Я взглянул на гостей своей хозяйки с любопытством: всегда интересно присматриваться к уже знакомым людям, когда они раздеты или же на них почти ничего нет.

И у Элли, и у мистера Брекстона были отличные фигуры, в особенности у Элли. Единственный недостаток — коротковатые ноги. В остальном же это была красивая женщина, гораздо более интересная в желтом бикини, нежели в своей привычной тусклой одежде. Она разлеглась на одеяле рядом со своим братом — солидным на вид парнем, с грудью, начинавшейся чуть ли не от бедер.

Миссис Брекстон сидела на краешке яркой индейской накидки, в центре которой под удивительно смешным зонтиком расположилась мисс Ланг, вся исходившая потом. Брекстон же, более породный, чем мне казалось, пытался встать на руки, чтобы показать, насколько он молод. Но делал он это крайне неуклюже, что лишний раз подчеркивало его возраст.

Мисс Ланг окликнула меня.

— Садитесь сюда! — И она похлопала по накидке рядом с собой.

— Нет, нет. Не хочу вам мешать, — быстро ответил я и уселся, скрестив ноги, прямо на песок между нею и Клейпулами, оказавшись, таким образом, в добром яреде от ее шаловливых пальчиков.

— Боже! Я никогда не видела такого сильного мужчины!

Хотя ее глаза были скрыты темными очками, я понял, что меня внимательно изучают.

В этот момент Брекстон упал прямо лицом в песок.

— Черт побери, камень попался под руку. Острый, зараза, — недовольно бросил он, выплевывая песок, и сделал вид, что сильно ушиб руку.

Мы с Элли обменялись понимающими взглядами.

— Все мы уже немолоды, — с усмешкой заметил ее брат. — С каждым днем ты все больше напоминаешь Пикассо.

— Мерзкий мошенник, — раздраженно выпалил художник, стяхивая песок с лица. — Девять десятых того, что он сделал, я могу сделать лучше... да любой это может!

— А одну десятую?

— Ну, это...

Какое-то время Брекстон разглагольствовал, произнося яркую речь. Я с удовольствием растянулся на спине и, закрыв глаза, наслаждался теплом.

Первым в воду кинулся Клейпул. Пловцом он был отменным, и наблюдать за ним было одно удовольствие. Затем миссис Брекстон медленно подошла к краешку воды и стала надевать купальную шапочку, причем встала так, чтобы никто из нас не увидел синяка на ее шее. Она медленно побрела по кромке воды. Брекстон вскочил, подошел к ней и взял ее за руку. Они остановились, несколько минут о чем-то говорили, затем он пожал плечами и отпустил ее, а она как-то странно нырнула в набежавшую волну. Повернувшись спиной к нам, Брекстон смотрел, как она медленно плывет в сторону Клейпула.

Вдруг ко мне обратилась Элли:

— Вам не кажется, что она слишком далеко заплывает? Смотрите, какие там волны!

— Но она, похоже, неплохо плавает, и потом там же ваш брат.

— Боже! — воскликнула мисс Ланг. — Они ныряют прямо как черепахи! Как я завидую им!

Клейпул уже заплыл за буйки. Плыл он легко, вместе с волной, которая сносила его в сторону. Миссис Брекстон еще не доплыла до буйков. Ее белая шапочка временами мелькала среди синих волн.

Мы с Элли вскочили и подошли к Брекстону, стоявшему у самой кромки прибоя. Вода, вихрившаяся вокруг наших лодыжек, была довольно холодной.

— Мне кажется, Милдред не стоит так далеко заплывать, — встревоженно сказала Элли.

Брекстон кивнул, не сводя глаз с жены.

— Я ей говорил, но она меня не послушала.

Вдруг, не сказав никому ни слова, Брекстон бросился в воду. Стремительно взмахивая руками, он поплыл к жене. Она издали лишь вяло махала рукой. Неожиданно волна накрыла ее.

Я ринулся в воду. Элли крикнула брату, выходящему из воды на берег, и он присоединился к нам, устремляясь к Милдред. Соленая вода щипала глаза, но я заметил, что Клейпул уже рядом со мной, однако до Милдред мне так и не пришлось добраться. Вместо этого я вынужден был помогать Брекстону, который был уже в нескольких футах от жены. Он судорожно хватал ртом воздух.

— Ногу свело! — крикнул он и стал скрючиваться. Я схватил Брекстона, а Клейпул, пролетев мимо, устремился к Милдред. С трудом дотащил я Брекстона до берега, а Клейпул вытащил Милдред. Брекстон сел, пытаясь отдышаться и схватившись за ногу с гримасой боли.

Меня всего трясло — от холода и напряжения.

Затем мы подошли к тому месту, где все сгрудилось вокруг мертвенно-бледной и неподвижной Милдред Брекстон.

Клейпул делал ей искусственное дыхание.

Я с ужасом заметил, как на ее посиневших губах появляются радужные пузырьки. И чем отчаянней он работал, тем больше их появлялось. Прошла, казалось, вечность. Не раздавалось ни звука, кроме измученного дыхания Клейпула.

Мы невольно вздрогнули, когда неожиданно услышали его голос. Он повернулся к сестре и, не прекращая своих усилий, приказал:

— Доктора! Быстро!

Солнце было в самом зените, когда появился доктор и заявил, что Милдред Брекстон мертва.

Ошеломленный, шатаясь, как побежденный боксер, выбитый за канаты, Клейпул встал над погибшей женщиной и устремил взгляд на Брекстона.

Он произнес только два слова, но произнес их отчетливо, с ненавистью:

— Ты подонок!

Так и стояли они над покойной, уставившись друг на друга. И никто из нас ничего не мог поделать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Перед обедом, ко всеобщему удивлению, появился полицейский. Он был в штатском.

— Нам позвонили, — мрачно произнес он, — и сказали, что кто-то у вас утонул.

Судя по всему, ему было скучно. Видимо, утопленники были довольно привычным явлением в этих местах.

— Даже представления не имею, кто послал за вами, — быстро произнесла миссис Вииринг. — Мы уже сообщили о случившемся доктору, в морг...

— Это я вызвал полицию, — сказал Клейпул.

Мы сидели в гостиной. Отсутствовал только Брекстон, он удалился в свою комнату и до сих пор не показывался.

— Дамы и господа, что вам известно о происшедшем? — резко спросил полицейский, сразу же переходя к делу.

Мы рассказали ему все, что знали. Миссис Вииринг, с бокалом добонне в одной руке и носовым платком в другой, заявила, что была дома и если б только могла предположить, что бедная Милдред...

Полицейский бросил на нее недовольный взгляд, и она сразу же замолчала. Лицо ее было стекшим и красным. Похоже, она действительно сильно переживала.

— О'кей,— произнес полицейский и вынул из кармана огрызок карандаша.— Назовите мне, пожалуйста, ваши имена, возраст, место рождения, занятие, кем вы приходитесь покойной, и все, что видели и знаете о том, как она утонула.

— Я не понимаю, какое к этому имеют отношение наш возраст... профессия...— последовали причитания со стороны Мэри Уэстерн Ланг.

Полицейский жестом пригласил ее следовать за ним. Они пересекли комнату и исчезли в алькове.

Между оставшимися завязался разговор. Настроение у всех было подавленное. Я повернулся к Элли Клейпул. Побледневшая, вся в напряжении, она сидела рядом со мной на кушетке.

— Я даже представить себе не мог, что это произойдет... так быстро,— совершенно не к месту сказал я.

Она бросила на меня удивленный взгляд и с трудом произнесла:

— Дайте мне сигарету.

Я прикурил сигарету и передал ей. Ее руки так дрожали, что я стал опасаться, как бы она не обожглась. Однако одной длинной затяжки оказалось достаточно, чтобы она успокоилась.

— Если б не эти ужасные волны. Лично я никогда так далеко не заплывала. Даже не знаю, зачем Милдред... но ведь она... она просто великолепно плавала.

Я был удивлен, услышав эти слова. И сразу же вспомнил замедленные, неуклюжие взмахи рук миссис Брекстон.

— А мне показалось, что она просто устала... совершенно выбилась из сил.

В другом конце комнаты миссис Вииринг тихо рыдала в свой бокал дубонне, в то время как Флетчер Клейпул, так и не объяснивший причины своего неожиданного поступка, с невозмутимым видом пытался успокоить ее.

Из алькова доносились истеричные вскрики Мэри Уэстерн Ланг. Мне сразу же представилось, как ее толстенная ненасытная ручка жадной хваткой вцепляется в целомудренную коленку полицейского.

— Думаю, все дело в ее болезни,— произнесла наконец Элли.— Другого объяснения не вижу.

— Вы считаете, что нервный срыв мог на нее повлиять?

— А у вас есть другое предположение?

Она неожиданно подняла на меня свои очаровательные фиалковые глаза.

— Даже не знаю,— пробормотал я, поражаясь неожиданной резкости ее слов.— Просто я подумал...

— Она ослабла от болезни, вот и все. У нее сильное душевное расстройство, что неизбежно должно было повлиять и на физическое состояние.

— Может быть, у нее была навязчивая идея смерти?

— Сомневаюсь, что Милдред желала умереть,— несколько сухо произнесла Элли.— Она отнюдь не была суицидным типом, если уж говорить серьезно.

— А вдруг она бессознательно пошла на это? Разве такого не бывает?

Как и все люди, я привык разыгрывать из себя эксперта по психоанализу. Я все знаю о Фрейде, хотя не прочитал ни единой его строчки.

— Даже не знаю. Бедный Брекстон. Интересно, чем он сейчас занимается?

— Как вы считаете, это был счастливый брак? — поинтересовался я, вспомнив синяк на шее миссис Брекстон и ее крики в минувшую ночь. После всего этого как-то трудно представить, что их совместная жизнь могла быть счастливой.

Элли пожалала плечами.

— Вряд ли существуют счастливые браки, по крайней мере в наше время, но есть люди, которые без конца ссорятся и тем не менее не могут жить друг без друга.

— И у них было так же?

— В значительной степени, в особенности когда она начала стареть. Он был с ней необычайно обходителен, что просто удивительно, если вспомнить, какой у него отвратительный характер.

— А она всегда была такой? Я имею в виду, как вчера вечером.

Элли помедлила с ответом.

— Таких людей, как Милдред, называют тяжелыми. При желании она могла очаровать кого угодно, а если такого желания не было, она становилась просто невыносимой.

— Насколько я понимаю, такого желания у нее не было?

— Вот именно.

Из алькова появилась Мэри Уэстерн Ланг. Она хихикала, явно чем-то довольная. Полицейский, покрасневший как рак, едва сдерживался, чтобы не взорваться. Он обратился к Элли:

— Вы будете следующей.

Вслед за Элли вызвали меня.

Полицейский явно стремился как можно быстрее покончить с опросом. Он что-то писал в своей записной книжке и даже не поднял головы, когда я опустил в кресло, стоявшее у стола времен королевы Анны.

— Имя?

— Питер Катлер Сарджент Второй.

— Второй чего?

Тут он взглянул на меня.

— Второй значит второй. Ставите рядом с фамилией римскую двойку.

Он посмотрел на меня с явным отвращением.

— Возраст... место рождения... место жительства...

— Тридцать один год... Родился в Хартфорде, штат Коннектикут. Живу в Нью-Йорке, на 49-й стрит, 280 Ист.

— Чем занимаетесь?

Я загнулся, вспомнив обещание, данное миссис Вииринг.

«Интересно, — подумал я, — можно ли рассчитывать на молчание полиции?»

— Владелец фирмы по связям с общественностью. Контора расположена на 55-й стрит, 60 Ист.

- Давно знакомы с покойной?
- Нет. Примерно восемнадцать часов.
- На этом все.

Я уже собрался уходить, как вдруг полицейский остановил меня:

— Пойдите, совершенно забыл спросить: вы не заметили ничего необычного во время несчастного случая?

— Нет, не заметил.

— Постарайтесь рассказать мне своими словами о том, что произошло.

Я так и сделал, очень быстро, и был отпущен.

Сейчас же, оглядываясь в прошлое, я удивляюсь, почему никому, включая меня, даже в голову не приходила мысль об убийстве.

2

Обед прошел в подавленной атмосфере.

Миссис Вииринг оправилась от своей печали по поводу потери любимой племянницы и, похоже, полностью взяла себя в руки.

Брекстону обед отнесли в комнату. Остальные после обеда продолжали вполголоса беседовать, стараясь не упоминать о происшедшем. Но вскоре мы испытали второе потрясение, когда миссис Вииринг обнаружила на спинке кресла шарф своей племянницы. Казалось, Милдред вот-вот заявится специально за ним.

Скрывшись с миссис Вииринг в алькове, я быстро переговорил с нею.

— Как вы считаете, это не сломает мои планы? — спросила миссис Вииринг, бросив на меня пронизательный взгляд.

— Какие еще планы?

— По организации приема. Какие еще? Этот несчастный случай сыграет, конечно, рекламную роль, но не такая известность мне нужна...

Наконец-то я стал понимать, что она имеет в виду.

— Есть пословица...

— «Любая известность всегда на руку», — выпалила она. — В жизни, однако, все совсем не так. Получите не ту известность, что надо, и вас покинут абсолютно все.

— Не понимаю, каким образом известие о том, что кто-то из ваших гостей случайно утонул, может сказаться на вас?

— Если дело только в этом, конечно, никак не скажется. — Она решила подойти к этому вопросу с другой стороны. — Когда заявятся представители прессы, я хочу, чтобы вы выступали от моего имени. Они уже наверняка по дороге сюда. Только не вздумайте проболтаться и рассказать о том, ради какой цели я пригласила вас. Просто говорите, что вы — один из гостей, что я расстроена случившимся... а это на самом деле так... и поручила вам говорить от моего имени.

— И что же я скажу?

— Да ничего. — Она улыбнулась. — Что вы можете сказать?

Что Милдред — моя племянница, которую я очень любила, что она была больна и поэтому не смогла справиться с волнами.

— Они отвезли ее в морг?

— Не знаю. Доктор куда-то увез ее в карете «Скорой помощи». Я уже отдала необходимые распоряжения похоронной конторе. Она находится в постоянном контакте с доктором, одним из моих старейших друзей.

Я просто поражался быстрой смене настроения, приписывая это ее странным привычкам. Большинство известных мне алкоголиков были такими же — общительными, добрыми, эмоциональными, довольно безответственными и совершенно непредсказуемыми. За обедом я сидел рядом с ней, и то, что мне казалось бокалом с охлажденной водой, при ближайшем исследовании оказалось джином. К концу обеда бокал был пуст.

— Я буду вам очень благодарна, Питер, — наконец заговорила она, — если никто не узнает о... недоразумении, произошедшем накануне вечером.

— Вы имеете в виду крики?

Она кивнула головой.

— Если в обществе сложится... ну, скажем, неправильное представление об отношениях между Брекстоном и Милдред, это может нанести мне немалый вред. Во время того ужасного срыва он был с нею. Я не хочу, чтобы из-за этого возникли какие-нибудь слухи.

— Значит, вы не исключаете такой возможности? Но ведь бедная женщина просто купалась и утонула. Мы все видели, как это произошло.

— Все это, конечно, так, но вы прекрасно знаете, что такое пересуды. Я не хочу, чтобы какие-нибудь газетчики, эти мерские бумагомаратели, начали делать различные предположения.

— Я прослежу за этим, — чрезвычайно самоуверенно изрек я, хотя при сложившихся обстоятельствах такой уверенности у меня просто не могло быть.

— Вот почему я и хочу, чтобы вы выступали перед прессой от моего имени. Кроме того, — она запнулась, — постарайтесь, чтобы и другие держались подальше от этих писак.

— Но почему? Какая разница? Мы все видели одно и то же, и полиция взяла у нас показания.

— Полиция будет молчать. Поэтому делайте, как я вас прошу, и я буду вам очень благодарна.

— Конечно, если смогу, я сделаю все, что в моих силах, но что может остановить кого-нибудь из ваших гостей переговорить с журналистами?

— Вы, я надеюсь. — Она сменила тему разговора. — У меня была приятная беседа с Альмой Эддердейл, которая попросила напомнить вам о себе. Сегодня утром она остановилась в «Си-Спей».

— Прекрасно.

— Я думала, она навестит нас завтра утром, но после... Короче, не знаю, как вести себя.

— Как обычно. Это ужасное несчастье, но...

— Но она была моей племянницей, очень близким мне чело-

веком, а не гостьей. Может, стоит кого-нибудь пригласить? Просто друзей семьи. Мне кажется, это будет кстати.

— У меня есть приглашение на сегодняшние танцы в яхт-клубе,— смело вставил я.— Если вы не собираетесь идти, может быть, я смогу сегодня вечером...

— Конечно, конечно, о чем разговор. Но, пожалуйста, очень прошу вас, никому ничего не рассказывайте о происшедшем. Я, к сожалению, с вами пойти не могу, да и остальные, думаю, тоже, потому что они были в той или иной степени привязаны к Милдред. А у вас нет причин сидеть здесь.

И с чувством слуги, которому дали выходной на вторую половину четверга, я удалился. Миссис Вииринг прошла в свою спальню и наверняка осушила целый кувшин напитка, отгоняющего всякие тревоги.

Час спустя я сидел в гостиной. Ко мне приблизился дворецкий с молодым человеком, у которого совершенно не было подбородка. Тот представился корреспондентом «Нью-Сервисиз».

— Я хотел бы переговорить с миссис Розой Клейтон Вииринг и мистером Полом Брекстоном,— адеонидным голосом жестко выговорил газетный ястреб.

— Вам придется удовлетвориться мною.

— Я пришел переговорить с миссис Розой...

— А придется говорить со мной,— еще более резко сказал я.— Я выступаю от имени миссис Вииринг.

— А кто вы такой?

— Питер Катлер Сарджент II.

— И все же я хотел бы...— тупо продолжал он, но я резко прервал его:

— Так дело не пойдет, молодой человек. Или вы будете говорить со мной, или убирайтесь отсюда.

Мои слова произвели на него впечатление.

— Ну хорошо, сэр. Я был в полиции. Там мне сказали, что сегодня утром в шесть минут двенадцатого утонула миссис Брекстон. Верно?

Я подтвердил его слова и выпалил все известные факты. Он их тщательно записал.

— А теперь я хотел бы подойти к этому вопросу с психологической точки зрения,— произнес он тоном человека, недавно закончившего журналистскую школу, причем с плохими отметками.

— Вы и так получили массу информации. Брекстон — известный художник. Миссис Вииринг — общественная деятельница. Побывайте в море, и у вас будет вполне достаточно материала для хорошего сообщения.

— А вы случайно не работаете в газете?

Я покачал головой.

— Как-то я видел фильм под названием «На первой странице», так что мне о вас, ребята, все известно.

Он с явным отвращением взглянул на меня.

— Я хотел бы переговорить с миссис Вииринг просто, чтобы...

— Миссис Вииринг, кавычки, убита горем. Кавычки закрыть. Пол Брекстон, кавычки, известный современный художник, от-

казывается делать какие-нибудь сообщения и не выходит из своей комнаты. Кавычки закрыть. Вот и весь ваш рассказ.

— От вас мало помощи.

— Лучше такая, чем никакая. Если б не я, вам бы не с кем было разговаривать.

Я с тревогой оглянулся по сторонам, надеясь в душе, что никого из гостей миссис Вииринг поблизости нет. К счастью, так и оказалось.

— Я слышал, что собираются делать вскрытие тела миссис Брекстон. В связи с этим хотелось бы знать...

— Вскрытие?

Это показалось мне странным.

— Вот именно. Насколько мне известно, оно уже производится. В связи с этим я хотел бы знать, нет ли какого-нибудь намека...

— На убийство? Нет, что вы. Мы все видели, как она утонула. Сама утонула, без чьей-либо помощи. У нее недавно был нервный срыв. Нет никаких сомнений в том, что это как-то связано с ее смертью.

При этих словах он прямо-таки расцвел.

Ну что ж, я следовал данным мне указаниям.

Наконец мне удалось избавиться от настырного журналиста и попросить дворецкого от имени миссис Вииринг направлять газетчиков ко мне. Похоже, он все прекрасно понял.

Скучая и размышляя, чем бы еще заняться, я вышел на террасу и уселся в плетеное кресло, повернув его к морю. По берегу в одиночестве бродила Элли Клейпул. Хмурясь, она подбирала ракушки, камушки, остатки водорослей и бросала их в волны, как бы совершая жертвоприношение. Ее изящная фигура вырисовывалась на фоне синих волн.

Вдруг я услышал за своей спиной голоса. Они доносились из окна слева от меня. Явно из спальни Брекстона. Я вспомнил, что только его комната располагалась внизу. Разговаривали двое мужчин. Брекстон и Клейпул. Я сразу же узнал их по голосам.

— Это ты ее прикончил. Ты знал, что у нее совершенно нет сил, — обвиняющим тоном произнес Клейпул.

Брекстон что-то устало ему ответил. Его голос доносился как бы издалека.

— Брось, Флетчер, замолчи. Ты просто не знаешь, о чем говоришь. Тебе ничего об этом неизвестно.

— Я знаю. Она мне все рассказала. Она сказала, что...

— Флетчер, за последние несколько месяцев она практически выжила из ума, и тебе это известно не хуже меня... даже лучше, потому что отчасти ты сам виноват.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что сказал. В особенности после Бермуд.

Последовала длительная пауза. Я даже подумал, что они вышли из комнаты.

Затем вновь раздался голос Клейпула.

— Ты только подумай, — медленно заговорил он, — она же никогда не была счастлива с тобой. Никогда! Твой чертовский эгоизм погубил ее. Да, да, погубил.

— Слушай, тебе не удастся приписать ее смерть моему эгоизму...

— А я и не приписываю. Даже не собираюсь этого делать. Холодная дрожь пробежала у меня по спине.

— Запомни, есть такое понятие, как «преднамеренная клевета». — Голос Брекстона звучал жестко. — Не забывай об этом!

— Я знаю. Тем не менее собираюсь в суде рассказать обо всем. Ты, видимо, считал, что я буду бояться последствий. Так вот, я их не боюсь и сделаю то, что обещал. Всем станет все известно.

— В суде? — рассмеялся Брекстон. — А почему ты думаешь, что будет суд?

— Потому что я собираюсь заявить в полиции, что ты убил ее.

— Ты выжил из ума, Флетчер. Как я мог убить ее, даже если бы захотел? Ты же сам все видел.

— Мне кажется, я знаю. Как бы то ни было, я буду свидетельствовать против тебя.

— Ты забываешь о том, что там также был молодой человек, приглашенный сюда Розой. Еще неизвестно, что он скажет.

— Все равно. Я был ближе и видел...

— Ничего ты не видел. Убирайся.

— Я предупредил тебя.

— Тогда, Флетчер, позволь и тебя предостеречь. Если ты начнешь рассказывать свои дикие выдумки, я буду вынужден втянуть в это Элли.

Больше я ничего расслышать не смог. Появился дворецкий. Он сообщил, что меня желает видеть представитель местной газеты. Проклиная все на свете, сбитый с толку и озабоченный тем, что мне удалось услышать, я вышел в гостиную и в очередной раз произнес свой накатанный текст по поводу случайной смерти Милдред Брекстон. Правда, на сей раз я не был уверен в том, что смерть ее была случайной.

3

Непонятно, по какой причине, но газеты учуяли скандальную сенсацию задолго до нас и даже до полиции. Видимо, все дело было в именах. Хозяйка — известная светская дама миссис Вииринг, один из гостей — популярный художник Пол Брекстон. История сразу же приобретала иное звучание.

Весь остаток дня я провел за телефоном, отвечая на многочисленные звонки и давая интервью. Миссис Вииринг на глаза не появлялась. Немало беспокойства вызывала у меня Мэри Уэстерн Ланг, которой удалось перехватить корреспондента и дать интервью как очевидцу происшедшего.

— Так что вы видите, — закончила она, обращаясь к газетчику, который с ужасом взирал на нее, — что при жизни мы никогда не знаем, когда и где смерть ожидает нас. Только теперь я осознаю значение последних слов этой бедняжки. Она сказала, обращая ко мне: «Надеюсь, что вода теплая». Подумайте только, какой смысл заключался в этой фразе. В особенности после того, как мы поняли, что она намеревалась сделать.

— Вы хотите сказать, что миссис Брекстон покончила с собой? Представитель четвертой власти штата¹ при этих словах стал просто пускать слюни.

Я немедленно вмешался, подтолкнув его к двери.

— Конечно, нет. Нет никаких фактов, свидетельствующих об этом, кроме того, в то утро она была необычайно жизнерадостной и...

— И я вышлю вам экземпляр «Разговора о книгах», последнее издание! — крикнула мисс Ланг в спину удаляющегося интервьюера.

Я приказал дворецкому больше никого не пускать, а затем повернулся к мисс Ланг.

— Вам же известно, что миссис Вииринг попросила меня выступать перед прессой от ее имени, чтобы не было никаких слухов. А вы вмешиваетесь и пытаетесь вбить им в головы, что Милдред якобы намеревалась покончить жизнь самоубийством. — Она это и сделала.

Мисс Ланг многозначительно улыбнулась, подняв глаза над ожерельем своих подбородков.

— Почему вы так думаете?

— Она была великолепной спортсменкой, прекрасной пловчихой и утонула намеренно.

— На виду у всех? Отчаянно пытаюсь выплыть? Не может быть, я же сам видел, как она старалась привлечь наше внимание.

Мисс Ланг пожала плечами.

— В самую последнюю минуту она могла передумать... Если это не так, она бы не утонула, что бы вы ни говорили.

— Как человек, бывший от нее всего в нескольких футах, я заявляю, что она сделала все, что в ее силах, чтобы остаться в этой «долине слез».

— Какая удачная фраза! Действительно, «долина слез»!

— Вы и полиции заявили, что она утонула намеренно? — произнес я гневно.

— Конечно, — промурлыкала мисс Ланг. — Мой долг, как гражданки и подруги бедной Милдред, говорить только правду.

Теперь понятно, почему решили сразу же провести вскрытие.

— Хотелось бы надеяться, что вы поступили правильно.

Телефонный звонок прервал наш милый разговор. Я подошел к аппарату в холле. Звонила Лиз.

— Питер?

— Да, Лиз?

— Что у вас там происходит? С тобой ничего не случилось?

— Ничего.

— Ты бы слышал, что здесь говорят. А, кстати, что произошло?

— Одна из гостивших здесь — Милдред Брекстон — сегодня утром утонула.

— Боже, какой ужас! Надо же, в самый уик-энд!

Мне фраза показалась странной, не к месту, но я никак не отреагировал на нее.

¹ Имеется в виду пресса.

— Жена художника, да? — Лиз с такой силой засвистела в трубку, что у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. — Это вызовет сенсацию!

— Пожалуй, ты права, но, как бы то ни было, я сегодня вечером приду на танцы. Все остальные сидят дома, так что я буду один.

— Прекрасно! На входе я оставлю для тебя приглашение. Потрясающие вещи происходят, правда?

— Можно выразиться и так. Ну, до встречи.

Только я повесил трубку, как появилась миссис Вииринг, медленно скользившая по лестнице с улыбкой жрицы на лице. Она была в стельку пьяна.

— А-а, это вы, Питер. — По непонятной причине ее обычно мощным голос звучал тихо, даже приглушенно, как в храме. — Насколько я понимаю, нас осаждали сотрудники прессы.

— Всего лишь несколько человек. Не больше, чем при побеге из тюрьмы.

Миссис Вииринг, заметив присутствие в гостиной Мэри Уэстерн Ланг, жестом показала мне в сторону веранды, где мы могли спокойно поговорить вдвоем.

Пляж казался пустынным и даже каким-то загадочным в лучах заходящего солнца.

— Как вы считаете, может, мне стоит дать интервью Чолли Никербокер или кому-нибудь еще? — Она вопросительно посмотрела на меня. Лицо ее было очень красным. Я еще подумал — от высокого давления или же от алкоголя?

— А к вам уже обращались с такой просьбой?

— Пока еще нет, но я уверена, что это произойдет. Мы звывали к себе, того не желая, необычайный интерес.

— Думаю, в этом нет ничего плохого. Я бы даже сказал, что разговор с Никербокер даст вам нужную рекламу.

— Я тоже так думаю, но опасаясь, что люди будут считать меня бессердечной за то, что я собираюсь дать прием буквально через несколько дней после смерти моей племянницы.

— Я так не думаю, — успокаивающим тоном произнес я.

— Бедняжка Милдред. — У миссис Вииринг резко сменилось настроение. Из спокойной разумной матроны она вдруг превратилась в Ниобу¹, оплакивающую своих чад. Это действовало на нервы. Затем неожиданно миссис Вииринг вытерла глаза, выморкалась и произнесла своим обычным тоном: — Думаю, вы абсолютно правы. В понедельник я разошлю приглашения. Будь, что будет.

Я схватил ее за руку, когда она собиралась войти в дом.

— Что такое? — спросила она, задерживаясь в дверях.

— Ваша знакомая, мисс Ланг, заявила полиции, что миссис Брекстон, по ее мнению, утонула намеренно.

— О, нет! — Казалось, это известие просто выбило миссис Вииринг из колен. — Она этого не говорила! Не могла сказать!

¹ В греческой мифологии супруга фиванского царя Амфиона. Гордясь своим многочисленным потомством, она оскорбила богиню Лето (Латону). За это дети Латоны — Аполлон и Артемида — стрелами из лука убили всех детей Ниобы, а сама она окаменела от горя.

— Смогла и сказала.

Щеки у миссис Вииринг вспыхнули недовольным алкогольным румянцем. Лицо покрылось красными и белыми пятнами.

— Как она посмела?!

— Не думаю, что это принесет много вреда,— попытался я успокоить ее.— Никто не в состоянии этого доказать, если она, конечно, не оставила никакой записки.

— Чтобы люди говорили, что... бедная Милдред... о, это просто ужасно!

И миссис Вииринг, не говоря больше ни слова, ринулась прямо в гостиную к мисс Ланг. Я поднялся наверх, чтобы переодеться к обеду.

4

Лучшие мысли у меня рождаются всегда в ванной, сидя в которой я ощущаю себя хозяином вселенной.

Я вполз в старомодную ванну — огромное фарфоровое сооружение, напоминающее собой грандиозное римское надгробие,— и серьезно задумался над тем, что произошло, и над тайной, витающей в воздухе.

У Милдред Брекстон произошел нервный срыв по неизвестным причинам; существовала какая-то связь между нею и Клейпулом, причем Брекстон знал и пытал к этому отвлечение; некоторые обстоятельства указывали на то, что Брекстон желал видеть свою жену мертвой, в частности, синяк на ее шее. Видимо, он ее недавно избил. Правда, родственные отношения, представлявшие собой запутанный клубок, меня не касались.

Выходит, действительно существовала возможность, что смерть Милдред была не случайной. Это меня крайне заинтриговало.

Взвесив все, я решил провести свое собственное расследование, что значительно интереснее, чем охота на диких животных, и намного выгоднее... если, конечно, сам не получишь пулю в лоб.

Я решил все выяснить к концу недели, переоделся и спустился вниз.

Наша доблестная компания уже собралась в гостиной и попивала джин.

К моему удивлению, Брекстон тоже пришел.

Каждый из нас разыгрывал кладбищенскую печаль. Уныние, как грозное облако, висело в воздухе. Я пробрался сквозь него к бару, у которого в одиночестве стоял Брекстон. Звуки шейкера в его руке были единственным шумом, производимым в комнате.

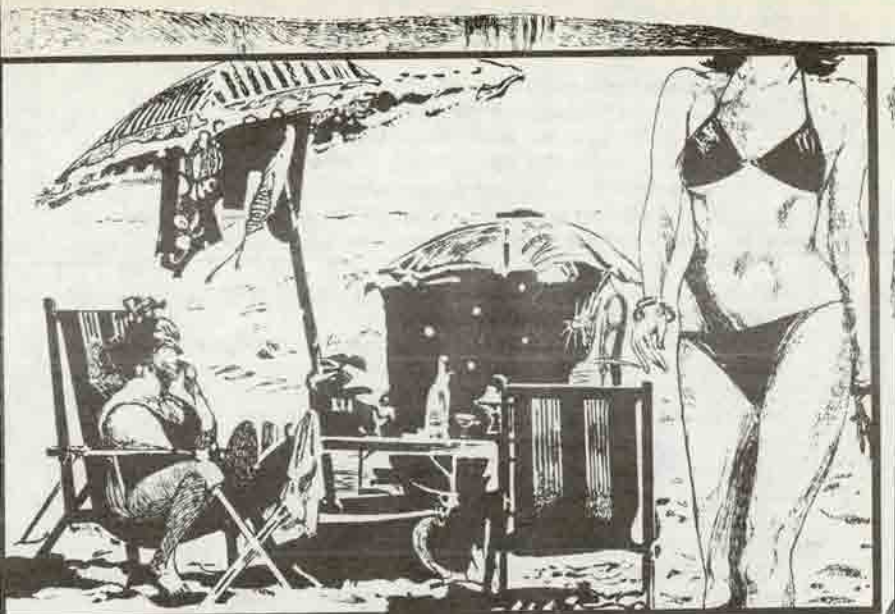
Все гости старательно избегали смотреть друг на друга.

— Чем могу быть полезен? — Кажется, таковы были первые слова, произнесенные несчастным мужем, когда я подошел к нему.

— Мартини,— произнес я.

Недрогнувшей рукой он налил мне бокал мартини.

— Должен поблагодарить вас,— произнес он тихим голосом,— за то, что взяли прессу на себя.

- Я сделал это с удовольствием.
- Они были очень навязчивы?
- Нет.— Я покачал головой.— Обычные вопросы.
- Надеюсь, никаких разговоров о самоубийстве не было?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Об этом не упоминалось. Они вполне удовлетворились тем, что это несчастный случай.

Я помолчал, а потом решил сообщить ему о промахе мисс Ланг. Он лишь печально кивал головой, когда я ему рассказывал о том, что она заявила полиции.

— Мне уже известно,— спокойно произнес Брекстон.— Они меня спрашивали об этом, и я ответил, что сомневаюсь, чтобы у Милдред было намерение покончить с собой. Это же глупо, разве не так? Утонуть на глазах у нескольких человек, часть которых прекрасные пловцы.

Я был удивлен, с каким равнодушием произносились эти слова. Если он действительно был потрясен ее смертью, то никак этого не показывал. Несколько сбитый с толку, я присоединился к остальным, сидевшим у камина.

За обедом было достаточно тоскливо. Поскольку Брекстон был с нами, мы не знали, о чем говорить. Все думали об одном, но говорить о Милдред в присутствии ее мужа было бы бестактно.

Интересно отметить, как разные люди по-разному реагировали на ситуацию.

Мэри Уэстерн Ланг старалась казаться веселой, без конца говорила о своей книге, очень долго рассказывала о визите, который она однажды нанесла Фрэнсис Карпин Лок, известной писательнице, проживавшей в Новом Орлеане.

— Атмосфера любезности! А какой у нее был стол! А какие блюда она предлагала даже самым скромным из гостей!

Миссис Вииринг поделилась местными сплетнями — кто бросил своего мужа, кто выходит замуж, и тому подобное.

Флетчер Клейпул не произнес ни слова. Он был весь в каком-то напряжении. Я видел, что его сестра встревожена. Она внимательно следила за ним на протяжении всего обеда.

Немного выбитый из колеи дворецкий ввел в гостиную неряшливого маленького человечка, инспектора Гривза, и двоих мужчин в штатском.

Мы оцепенели от страха.

— Миссис Вииринг? — произнес Гривз, глядя на мисс Ланг.

— Я — Роза Клейтон Вииринг,— заявила хозяйка, поднявшись с кресла.

— Я — инспектор Гривз, мадам. Отдел расследования уголовных преступлений.

Мисс Ланг непроизвольно пискнула. От этого мышиного звука все невольно вздрогнули. Я бросил взгляд на Брекстона и заметил, как он спокойно закрыл глаза.

— Пожалуйста, сюда, мистер Грейвз.

— Гривз.

Он прошел следом за нею в альков. Его коллеги удалились в холл. Гости, включая меня самого, сидели ошеломленным кругом. Никто не произнес ни слова. Клейпул налил себе вы-

пить. Мисс Ланг выглядела так, будто задыхалась. Элли, как обычно, не спускала глаз со своего брата. Брекстон продолжал неподвижно сидеть на стуле. Лицо его ничего не выражало, глаза были закрыты.

Из алькова доносилось неясное бормотание. Я отчетливо различал голоса — недовольный, эмоциональный миссис Вииринг и неумолимый инспектора. О чем, однако, они говорили, слышно не было. Вскоре, впрочем, все прояснилось.

Миссис Вииринг, с лицом красным от гнева, появилась в дверях алькова в сопровождении полицейского, выглядевшего несколько смущенно.

— Мистер Грейвз желает кое-что сказать нам... кое-что настолько странное, что...

— Гривз, мадам, — перебил он с приятной усмешкой. — Пожалуйста, садитесь. — И она покорно опустила в кресло, на которое он указал.

Полицейский инспектор задумчиво посмотрел на нас.

Это был невысокий человек с волосами песочного цвета, покрасневшими глазами и бледным, словно нагримированным лицом.

— Мне ужасно неприятно, что я вторгаюсь в ваше общество, — извиняющимся голосом произнес он. — У меня вот здесь список имен, и я хотел бы, чтобы при его чтении каждый из вас подписался при упоминании своего имени.

Он быстро прочитал фамилии. Мы все представились, причем мисс Ланг вновь удивила нас своим придавленным мышинным шиком.

— Огромное спасибо, — сказал он, закончив чтение списка.

Инспектор старался не задерживать своего взгляда на наших лицах. Почти все время он смотрел в сторону двери холла.

— Больше я не буду держать вас в неведении. Существует версия, что сегодня утром миссис Брекстон не утонула, а была убита.

Ни одного звука не раздалось при этом сообщении. Мы были так ошарашены, что в немом молчании взирали на него.

Когда напряжение ослабло, Гривз спокойно продолжал:

— Мы, конечно, не уверены в этом. Вскрытие, произведенное сегодня днем, показало, что смерть покойной действительно наступила в результате асфиксии. У нее не было ни сердечного приступа, ни каких бы то ни было физических недомоганий. Она была в отличной спортивной форме...

— Как же она могла утонуть, если была первоклассной пловчихой? — раздался напряженный голос Клейпула.

Гривз с нескрываемым интересом посмотрел на него.

— Вот именно поэтому мы здесь, мистер Клейпул. Странно, что она утонула так быстро, в такой близости от берега и от троих мужчин, пытающихся ее спасти...

— Если, конечно, она сама этого не хотела, — самоуверенно заявила мисс Ланг.

— Возможно... хотя, надеюсь, это только возможность. В противном случае, боюсь, нам придется рассматривать это как убийство, совершенное неизвестным лицом или лицами.

Миссис Вииринг первая кинулась в бой.

— Мистер Гривз, это только предположение с вашей стороны, причем чрезвычайно смелое. Однако, что бы вы ни думали, нет фактов, свидетельствующих о том, что моя племянница задумала покончить жизнь самоубийством или что ее просто убили. В последнее время в результате нервного срыва она была в очень подавленном состоянии. Уверю вас, при таком настроении она вполне могла потерять голову и покончить жизнь самоубийством.

Меня поразила резкость тона миссис Вииринг. Она окончательно протрезвела, и ее обычная болтовня уступила место железной логике и злости.

— Неплохо, неплохо. — Гривз одобрительно кивнул головой. — Мы тоже сперва так думали, когда нам сообщили о ее смерти. Почти ежедневно что-нибудь подобное происходит в этом районе. Утопленники — дело обычное. К несчастью, вскрытие показало нечто странное. Похоже на то, что сразу же после завтрака миссис Брекстон приняла довольно большую дозу снотворного... а может быть, кто-то дал ей его.

На этот раз тишина была полной. Миссис Вииринг открыла рот, видимо, хотела что-то сказать, затем вновь закрыла его, напоминая макрель на сухом берегу.

— С разрешения миссис Вииринг, я собираюсь обыскать дом, чтобы найти это снотворное.

Наша хозяйка только кивнула головой, слишком ошеломленная, чтобы произнести хоть слово.

Гривз приоткрыл дверь в холл и сказал:

— Начинайте, ребята.

Полицейские приступили к поискам.

— Тем временем, — продолжал инспектор, — попрошу всех оставаться в этой комнате. Я побеседую с каждым в отдельности. Он воспринял наше молчание, как согласие.

К моему удивлению, инспектор обратился ко мне:

— Начнем с вас, мистер Сарджент.

Я проследовал за ним в альков. За нашей спиной все вдруг разом заговорили, зажужжали как пчелиный рой. Даже при закрытой двери из гостиной доносились недовольные, встревоженные голоса.

Инспектор задавал мне рутинные вопросы, получая от меня такие же рутинные ответы. Затем перешел прямо к делу. Отвечая на его вопросы, я принял решение: не говорить ни слова о ссоре между Брекстоном и Клейпулом. Кто бы мог подумать, какую ошибку я совершаю!

— Так, мистер Сарджент, насколько я понял, никого из присутствующих в этом доме вы раньше не знали, правильно?

Я кивнул.

— Тогда ваше мнение, как человека со стороны, будет иметь особое значение при условии, конечно, что вы будете говорить правду. — Инспектор натянуто улыбнулся.

— Мне прекрасно известно о лжесвидетельстве. — обидчиво произнес я.

— Очень рад. Скажите, какое у вас сложилось впечатление о миссис Брекстон при первой встрече с нею?

— Довольно приятная на вид, но неприветливая особа.

— Что-нибудь говорилось о ее нервном срыве?

— Да, упоминалось, чтобы объяснить ее несколько странный характер.

— Кто говорил вам об этом?

Инспектор точно не был тупицей, и я даже почувствовал к нему некоторое уважение.

— Один раз миссис Вииринг, другой — мисс Клейпул, и даже мисс Ланг, насколько помню, тоже что-то мне говорила.

— До или после... смерти?

— Думаю, что до, но не уверен. Однако довольно быстро у меня сложилось впечатление, что миссис Брекстон не совсем в своем уме, и о ней следовало бы позаботиться. Все это проявилось ночью накануне смерти, когда у нее произошла сцена с мужем.

И я рассказал ему о криках, о том, как миссис Вииринг успокаивала нас. Гривз проглотил все это без всякого комментария.

— А кто-нибудь видел, как она скандалила с мужем?

— Видел ли кто, не знаю, зато все ее слышали. Мне кажется, миссис Вииринг присутствовала при скандале, хотя я в этом не уверен. Мне показалось, что она поднималась снизу, где расположена их спальня, когда пришла нас успокаивать.

— Понятно. Ну, а теперь расскажите о том, что произошло сегодня утром.

Я изложил ему все подробности, рассказал о том, как Брекстон первым почти доплыл до жены и затем сам чуть было не утонул, как мне пришлось спасти его, а Клейпул вытащил на берег Милдред.

Он молча записал мои показания.

— Скажите, а какой эффект могло оказать снотворное, которое она приняла? Это была смертельная доза? — не выдержал я.

Инспектор задумчиво посмотрел на меня, как бы размышляя, отвечать на этот вопрос или нет. Наконец он произнес:

— Нет, не смертельная. Установлено, что она приняла примерно таблетки четыре. От такого количества не умирают. Правда, она должна была почувствовать слабость, опьянение, замедление сердца.

— Тогда понятно, почему она так странно плыла. Сперва я подумал, что другие просто шутят, заявляя, что она великолепная пловчиха. Она и в воду-то вошла как-то неловко, а плыла вообще еле-еле...

— Нет сомнения, она утонула от того, что у нее просто не хватило сил, чтобы держаться на воде. Вопрос, конечно, заключается в ином: почему она отправилась купаться вместо того, чтобы лечь в постель после снотворного?

— Чтобы покончить с собой?

Это была неразрешимая загадка.

— Вполне вероятно.

— Кроме того, нельзя исключить того, что кто-то, знавший,

что она собирается купаться, мог просто подложить ей снотворное, например, в кофе.

— Да, это другая возможность.

— Но как этот «кто-то» мог быть уверенным, что именно так все произойдет? Она чувствовала себя не лучшим образом... и могла отказаться идти на пляж. Думаю, это скажут и другие. Сейчас, оглядываясь назад, я припоминаю, что был даже удивлен, когда она пошла купаться.

— Человек, давший ей снотворное, видимо, знал ее лучше вас. Наверняка он был уверен, что она обязательно полезет в воду, — произнес Гривз, одновременно продолжая делать какие-то пометки в своем блокноте.

— А человеком, знавшим ее лучше всех, был, несомненно, ее муж.

— Я бы этого не сказал.

Гривз посмотрел мне прямо в глаза.

— Кто же тогда? Даже если б я был Брекстоном и собирался избавиться от своей жены, я не решился бы на подобное.

— К счастью, вы не Брекстон.

Холодный тон, каким были произнесены эти слова, дал мне необходимый ответ. Значит, полиция все-таки подозревает Брекстона в убийстве своей жены.

Я подбросил ему еще одну идею.

— Тогда почему, если намеревались от нее избавиться, ей не дали смертельную дозу?

— А вот это необходимо выяснить, — глубокомысленно произнес Гривз. Я ему явно надоел.

Намереваясь хоть как-то заинтересовать его на будущее, я как бы мимоходом заметил:

— Я буду освещать происшедшее в «Нью-Йорк Глоуб».

Эффект был именно такой, как я рассчитывал.

Гривз вздрогнул и поморщился.

— Насколько я помню, мистер Сарджент, вы занимаетесь связями с общественностью.

— Это так, — согласился я, — но когда-то я работал в «Глоуб». В последние годы написал для них целую серию статей. Надеюсь, вы помните убийство сенатора Роудса пару лет тому назад...

Гривз взглянул на меня с некоторым интересом.

— Так вы тот самый парень? Помню это дело.

— Я оказал, скажем так, некоторую помощь полиции.

— Я, правда, слышал несколько иное.

А вот это начинало раздражать.

— Не имеет значения, что вы слышали. Я собираюсь написать для «Глоуб» серию очерков об этом деле в случае, если действительно было убийство, в чем я очень сомневаюсь.

— Интересно.

Гривз задумчиво посмотрел на меня.

В этот момент вошел полицейский и что-то прошептал ему на ухо. Гривз кивнул. Полицейский, протянув ему платок с двумя небольшими цилиндрической формы предметами, удалился.

— Флаконы от таблеток со снотворным?

Мои догадки оказались верными.

Он кивнул и осторожно развернул платок.

— Как профессионального журналиста и сыщика-любителя, вас, мистер Сарджент, наверняка заинтересует, где мы их нашли. Так вот, они были в двух местах — в шкатулке миссис Брекстон и в ванной комнате Флетчера Клейпула. В обоих флаконах содержится барбитурат, обнаруженный в организме миссис Брекстон. Таким образом, нам остается только выяснить, из какого флакона были взяты таблетки.

— Только и всего?

— Да, мистер Сарджент.

У меня в запасе оставался один выстрел, и я его сделал.

— Синяк на шее миссис Брекстон появился до того, как она отправилась купаться. Я заметил его еще вчера вечером во время обеда.

— Вы очень наблюдательны, мистер Сарджент. Благодарю вас.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Примерно в час ночи я пробрался на лестницу, прошмыгнув через кухню и черным ходом выбрался из дома. Дежуривший полицейский сидел в плетеном кресле на углу дома и меня не заметил, поскольку смотрел совсем в другую сторону.

Пригибаясь, я побежал между дюнами, в душе кляня безоблачное небо и яркую луну, которая отбрасывала глубокие тени между дюнами и серебрила холодное море.

Я двинулся в сторону шоссе. Похоже, меня никто не видел.

Гривз приказал всем не выходить из дома до дальнейших распоряжений. Я был в гостинной недолго. Извинившись перед остальными гостями, я поднялся к себе в комнату и приготовился к побегу, надеясь, что танцы в яхт-клубе не закончились.

К счастью, они еще продолжались.

Членами клуба были хорошо обеспеченные представители среднего класса, гордившиеся древностью своих родов, восходивших, как правило, к фермерам восемнадцатого века.

Я направился в бар и заказал «Манхэттен». Там меня и рассмотрела Лиз.

Она была просто великолепна — в черно-белом платье, с ярким украшением в волосах. По блеску ее глаз я понял, что она уже чуть-чуть поднабралась.

— Прекрасно! Тебе удалось сбежать! А я опасалась, что ты там так и застрянешь! — Она со вздохом посмотрела на мой бокал. — Пошли потанцуем.

— Чуть позже, когда я допью.

Самые приличные люди уже разошлись по домам. Один козел валялся пьяный — при виде его невольно вспоминалось, что случилось с подобным же типом в одном из туалетов на Лонг-Айленде. Муж и жена (чужой муж и чужая жена, конечно) страстно обнимались в темном углу зала. Университетская компания, великолепная банда загорелых животных, горланила песни и от счастья ржала. Из долетевших до меня обрывков разгово-

ров я понял, что они планируют внезапный набег на Суатхэмптон. Мне сразу же представились искореженные автомобили и выбитые стекла телефонных будок.

Что поделаешь, молодежь!

И эта же самая молодежь предстала мне в этот вечер в блаженной форме Лиз Беземер. Ее дядюшка и тетушка уехали домой, а те козлы, которые пытались завоевать ее расположение, либо расползлись с девицами более доступными, либо бесцельно околачивались среди припаркованных автомобилей.

В счастливом расположении духа, вволю натамцевавшись и выпив бессчетное количество напитков, мы с Лиз расстались в нескольких ярдах от «Норт-Дюна». На востоке занимался серо-розовый рассвет.

— До завтра?

Она кивнула.

— Правда, если мне удастся. Я еще не знаю, буду ли я свободна.

— Я тоже не знаю, но выскользнуть из дома смогу.

Она уехала, немилосердно скрежеща переключателем скоростей. Худшего водителя я еще не знал, но девушка она просто потрясающая. Она была прелестна, ночь великолепна, луна ярка. Я осторожно открыл дверь черного хода и вошел в кухню.

2

...Очнулся я в постели.

214 Голова раскальвалась. В глазах двоилось. Все было как в тумане. Затем, правда, с трудом, я различил миссис Вииринг.

Она наклонилась надо мной, с тревогой вглядываясь мне в лицо.

В окно струился солнечный свет.

— Который час? — спросил я.

— Десять утра. Вы напугали нас до смерти. Что с вами произошло?

Я приложил руку к голове и нащупал огромную шишку. Череп не пострадал, повязок не было, единственное, что тревожило, так это головная боль.

— Понятия не имею. Я вернулся на рассвете и...

В дверях появился Гривз.

— Давно он пришел в себя, миссис Вииринг?

— Только что. Если вы...

— Оставьте нас, пожалуйста. Я бы хотел задать мистеру Сардженту несколько вопросов.

— Конечно, конечно.

Подбадривающе похлопав меня по руке, миссис Вииринг удалилась, закрыв за собой дверь.

— Ну? — с полуулыбкой спросил меня полицейский.

— Что ну? — Чувствовал я себя ужасно, как в тумане.

Я заметил, что на мне только рубашка и шорты. Вдруг мне стало жарко, я отбросил одеяло и сел, спустив ноги с кровати.

— Пытались сделать нашу работу за нас? Да, мистер Сарджент?

— Убирайтесь.

— Боюсь, придется ответить на мои вопросы. Вам нанесли серьезный удар, но доктор утверждает, что сотрясения мозга нет и вы сможете встать, когда захотите.

— Вы любезно предлагаете мне возвратиться домой, как только я почувствую себя лучше?

Моя голова разламывалась от боли, когда я, шатаясь, направился в ванную комнату.

— Я должен совершить естественные отправления, — сказал я резко.

— Могу и подождать.

Сдерживая стоны, я прошел в ванную, где сунул голову под кран с холодной водой. Затем принял две таблетки эмпирина, подумав при этом, не стоит ли принять еще. Мне все-таки здорово досталось!

Когда я вернулся в комнату, Гривз сидел на стуле у моей кровати, делая пометки в маленькой записной книжке.

— Вы еще здесь?

— Так что же все-таки произошло? — Он выжидающе посмотрел на меня.

— Когда я вошел, через кухню проходила какая-то женщина, вся в черном. В руке у нее были цветы, похожие на каллы. Я спросил, могу ли я ей быть чем-нибудь полезен, а она вдруг ударила меня этими цветами по голове и закричала: «Это за всех Мактевишей!»

По лицу Гривза было видно, что он встревожился, как бы пытаясь понять, насколько же серьезным был удар.

— Каллами? — недоумевающе переспросил он.

— Или чем-то еще.

Я стал раздеваться, надеясь, что он уйдет, но он, как ни в чем не бывало, продолжал рассеянно взирать на меня, пока я влезал в плавки.

— Вы видели ее лицо?

— Я пошутил, — сказал я, чувствуя просветление в голове, как будто хорошо опохмелился, и осторожно уселся на краешек постели. — Никого я не видел. Только вошел в кухню и — шарах! Вот и все. Очнулся уже здесь.

— Ударили вас справа, металлическим предметом, причем человек, нанесший удар, был такого же роста, как вы, или чуть повыше.

— Или стоял на стуле.

— Да. Или на чем-то стоял. Обнаружила вас в половине восьмого кухарка, которая кричала не переставая в течение нескольких минут. Один из моих людей принес вас сюда, а затем мы вызвали доктора.

— Нашли какие-нибудь ключи?

— Мы называем их «нитеми», мистер Сарджент. Полицейское управление на...

— Хорошо. Пусть будут нити. Нашли вы их? Ну, скажем, какую-нибудь светлую волосинку, пропитанную кровью? Или, может, застарелую перхотинку пожилого убийцы, которая валялась рядом с моим неподвижным телом?

— Ничего, кроме вашего тела.

Он замолчал, как бы показывая, что для него этого недостаточно.

— Ну, что ж. Больше мне нечего сказать.

— Вас не было здесь. Вы сбежали из дома, хотя я убедительно просил всех этого не делать. Вы оделись в...

— В смокинг. И отправился в яхт-клуб «Лейдирок».

— Некая мисс Беземер подбросила вас сюда в пять двадцать или около этого.

— Как я понимаю, это сказал ваш сотрудник? Тот самый, который видел десятый сон, когда я вернулся?

— За это мы его и сменили, — спокойно и невозмутимо ответил Гривз. — Сарджент, что вам известно?

Он наклонился вперед и выплеснул мне в лицо эти слова, как ушат холодной воды. Ясно, ему было не до шуток.

— Как что?

Эмпирия еще не начал действовать, и голова моя по-прежнему раскалывалась.

— Вы что-то утаили от нас. Что-то очень важное, причем настолько, что это побуждает убийцу избавиться от вас.

Это я понял раньше, когда узнал, что меня чем-то ударили. Однако я был в полной растерянности, не зная, что и подумать. Ни Брекстон, ни Клейпул не знали, что я подслушал их разговор, а только они были самой подходящей парой.

Гривз, однако, считал иначе.

— Что же вы увидели в воде в тот самый момент, когда миссис Брекстон тонула? Что конкретно делал Брекстон? Что делал Клейпул? А сама миссис Брекстон не кричала? Не взывала о помощи?

— Вы хотите сказать, что в тот момент я случайно мог видеть что-то, что было не в интересах убийцы?

— Вот именно.

Я медленно покачал головой.

— Я уже десятки раз прокручивал в уме все происшедшее и не мог вспомнить ничего необычного, ничего такого, что вам не было бы известно.

— Как далеко был Брекстон от жены, когда вы подплыли к нему?

— Примерно в пяти футах. Он наглотался воды, и лицо его посинело. Я схватил его, в то время как...

— Клейпул подхватил миссис Брекстон.

— Да, затем мы поплыли к берегу.

— И Брекстон ни разу не касался своей жены?

Я отрицательно помотал головой.

— Не думаю. Когда я подплыл к миссис Брекстон, она уже захлебывалась, отчаянно пытаюсь выплыть наверх. Она не произнесла ни звука.

— А Клейпул?

— Он плыл позади меня, пока мы не добрались до Брекстона. Потом он вырвался вперед и схватил миссис Брекстон. Я же занялся ее мужем.

— Как обращался с ней Клейпул во время обратного пути?

— Я не видел. Я был занят Брекстоном. К счастью, мне удалось удержать его на воде.

Гривз в задумчивости дымил трубкой.

— Он предпримет еще попытку.

— Кто? И что за попытку?

— Убийца еще раз попытается отправить вас на тот свет.

Я засмеялся, хотя мне было отнюдь не до смеха.

— Я не уверен, что именно по этой причине меня шарахнули по голове. В конце концов, если бы кто-то действительно хотел избавиться от меня, он не стал бы полагаться на один-единственный удар. И откуда он мог знать, что я собираюсь появиться на кухне в пять часов утра? Что он там делал?

— На все эти вопросы мы и должны найти ответ, — с важностью публичного оратора глубокомысленно произнес Гривз.

— Ну, пока вы ищете ответ, я собираюсь чего-нибудь поесть и позагорать. У меня ломит все тело.

— Если бы я был на вашем месте, мистер Сарджент, я был бы очень осторожен.

— Сделаю все, что в моих силах. И пускай ваши люди будут повнимательней.

— Да, конечно. В этом доме, мистер Сарджент, находится убийца, и, по-моему, он охотится за вами.

— Из-за вас я чувствую себя мишенью.

— Мне кажется, «приманка» — более подходящее слово. А как вам?

Ну разве не мерзкий тип!

3

Я завтракал на веранде в окружении наших дам, которые взирали на меня, как на героя. Клейпул, похоже, был в Истхэмптоне, а Брекстон — в своей комнате, где он якобы что-то писал.

Бросив взгляд на открытое окно, я понял, что любой находившийся в его комнате мог слышать наш разговор.

Больше всех мне сочувствовала Мэри Уэстерн Ланг.

— Мы все прибежали на кухню, как только раздались крики кухарки. Если бы вы только видели, какая была суматоха! Вы лежали на полу, в лице ни кровинки! Я вызвала врача, — добавила она, подчеркивая, что единственная из всех сохранила присутствие духа.

— Вы хоть заметили, кто это сделал? — с едва прикрытой настойчивостью спросила Элли Клейпул.

— Нет, не заметил. Как только я открыл дверь кухни, кто-то ударил меня по голове.

Миссис Вииринг указательным пальцем помешала апельсиновый сок в своем бокале. Интересно, подумал я, какой горячительный напиток она выбрала себе на завтрак? Скорее всего джин.

— Полиция просила нас молчать о всем происшедшем. Почему, не знаю. Лично я полагаю, что в дом забрался какой-нибудь бродяга... из тех, что периодически болтаются в Саутхэмптоне. Он пробрался сюда, но, когда услышал вас, испугался и...

— И спокойненько вышел из дома, пройдя мимо спящего

полицейского у входа? — Я отрицательно покачал головой. — Не думаю, что даже какой-нибудь сбежавший из тюрьмы взломщик осмелится подойти близко к дому, у которого на страже находится полицейский, пускай даже спящий.

Все со мной согласились, однако миссис Вииринг продолжала держаться своей версии. Альтернативная теория невольно заставляла бы всех нервничать.

Наконец мисс Ланг высказала то, что у всех вертелось на языке.

— Кто-то, живущий в этом доме, пытался... разделаться с мистером Сарджентом.

Она замолчала, широко раскрыв глаза, явно довольная словом «разделаться».

— Убийца, — сказал я, — видимо, считает, что мне что-то известно.

Произнеся эти слова, я был уверен, что за открытым окном своей комнаты, всего в нескольких шагах от меня, стоит, затаясь, Брекстон.

— Конечно, я не знаю, все дело в том...

— Какой кошмар! — неожиданно страстно воскликнула Элли. — Что может быть более ужасного, более бессмысленного!

— Думаю, — жестко произнесла миссис Вииринг, — каждый придет к своему собственному заключению. Нет никаких доказательств, что бедняжку Милдред убили. Я лично отказываюсь верить в это. Конечно, никто из присутствующих здесь не мог бы пойти на такое. Что же касается мистера Сарджента... Ну, здесь может быть иное объяснение. — Какое именно, она так и не сказала. Затем, повернувшись к мисс Ланг, с обвиняющим видом спросила:

— Насколько я помню, вы со мной согласились, что здесь не может быть и речи об убийстве?

Мисс Ланг рассеянно помахала пухленькой ручкой.

— После того, что произошло с мистером Сарджентом, мнение мое изменилось. Я была совершенно уверена в том, что вчера, отправляясь купаться, бедная Милдред действительно имела намерение встретиться со своим Творцом. Но сейчас у меня такой уверенности уже нет.

Женщины еще некоторое время поспорили относительно того, что же произошло, однако фактов никаких не было, за исключением неожиданного повреждения меня куском металла. Никто до этого даже не желал задумываться над тем, что Милдред могли убить.

После завтрака миссис Вииринг пожелала поговорить со мной с глазу на глаз, но я извинился, заявив, что мне необходимо сделать несколько телефонных звонков. Я поднялся к себе в комнату, в которой сейчас никого уже не было, и позвонил мисс Флинн. Интересно, подумал я, меня кто-нибудь подслушивает? Домашние телефоны отличаются характерной особенностью: именно они являются основной причиной разводов как результат телефонных разговоров во время уик-эндских приемов.

— Видимо, следует понимать, — холодно заявила мисс

Флинн, — законная жена известного современного художника умерла естественной смертью?

Скептицизм в ее голосе был достаточно тяжел, чтобы покаутировать любого собеседника.

— Насколько мне известно, да, — бойко ответил я. — Наверняка я задержусь здесь на неделю. По просьбе полиции...

— Понятно, — пресекла мисс Флинн мои дальнейшие объяснения. Она была просто непробиваема. — За дела не беспокойтесь. Сделаю все, что в моих силах. Вы будете в контакте с «Глоуб»?

— Возможно. Раз зашел об этом разговор, мне придется им позвонить, чтобы узнать, смогут ли они...

— Знаю, знаю. Дать психологический портрет того или иного типа. Надеюсь, вы будете осторожны в своем расследовании.

Я ответил, что постараюсь, а затем посоветовал ей, что делать с нашими клиентами во время моего отсутствия.

Потом позвонил в Уэстпорт главному редактору «Нью-Йорк Глоуб».

— Рад тебя слышать, мой мальчик. Надеюсь, не влип в новое убийство, а?

— Вот именно, влип.

Я почувствовал, как на другом конце провода затаили дыхание. Главный редактор быстро соображал, как бы подешевле меня купить.

— Дело-то стоящее? — спросил он намеренно скупающим голосом.

— Милдред Брекстон.

— Истхэмптон? Ты что, сейчас там?

— Да, в доме миссис Вииринг. Надеюсь, вы следили...

— Я подумал, что это просто несчастный случай.

— А полиция считает, что нет. Теперь...

Мы поторговались, как джентльмены, и я получил нужную мне сумму. Кроме того, я попросил его предоставить мне всю возможную информацию о миссис Вииринг, Клейпулах, Брекстонах и Мери Уэстерн Ланг. Все они были более или менее известны в обществе. Он обещал сделать это, а я сказал, что представляю ему материал через пару дней, задолго до того, как другие газетчики смогут получить интервью у основных действующих лиц. Я повесил трубку, а секунду спустя поднял ее и услышал щелчок. Значит, кто-то меня подслушивал.

Затылок у меня перестал болеть, хотя и был еще необычной формы. Я спустился вниз.

Когда я проходил через холл, миссис Вииринг кивнула мне в сторону гостиной. Мы прошли туда.

— Где Гривз? — поинтересовался я.

— Ушел. Правда, на время. Боже мой! Быть под арестом двадцать четыре часа, — мрачно добавила она.

Интересно, подумал я, неужели она трезвая? Что же она хочет мне сказать?

— Что ж поделаешь, он ведет следствие.

— Мистер Сарджент... Питер... Мне кажется, мы в ужасном положении, в смертельной опасности.

На меня подобное не действует, я даже могу и не такое выдать.

— Похоже, мы не в состоянии ничего сделать, — уклончиво заметил я.

— Но ведь должен же быть какой-то выход! — Она нервно ломала руки. — У меня предчувствие, что нам угрожает опасность.

— Как вы считаете, миссис Брекстон была убита или нет?

Она ничего не ответила, только со вздохом посмотрела в окно на бархатную зеленую площадку для гольфа, блестящую под лучами солнца, как водный бассейн. Миссис Вииринг сменила тему разговора, причем со скоростью, к которой я уже привык. Алкоголики любое долгое обсуждение находят слишком утомительным.

— Я хочу, чтобы в своем первом сообщении для «Глоуб» вы упомянули о приеме, намечаемом в моем доме на День труда.

— Так вы подслушали мой телефонный разговор?

— Скажем так, птичка на хвосте принесла, — смущенно произнесла она.

— Вы не возражаете, если я буду писать об убийстве?

— Конечно, возражаю. Но поскольку об этом будут писать все ужасные бульварные газетки, для меня лучше, чтобы такой джентльмен, как вы, человек, присутствовавший здесь, занялся этим.

Ее рационализм всегда поражал меня.

— А я боялся, что вы рассердитесь.

— Ну что вы, просто мне хотелось бы время от времени знакомиться с тем, что вы пишете. Может, я смогу быть вам полезной.

— Это было бы чертовски любезно с вашей стороны.

— Ну что вы!

— Ваша племянница была убита? — спросил я неожиданно, пытаясь застать ее врасплох.

— А вот здесь от меня помощи не ждите.

На этом наш разговор закончился. Я оставил ее и отправился на пляж загорать.

Там я застал только Элли Клейпул.

Она лежала на спине в очаровательном красном бикини. Я нашел ее удивительно привлекательной, и, если бы не моя увлеченность Лиз, я бы от нее не отказался.

Элли улыбнулась мне и спросила:

— Ну как, выздоравливаем?

Я опустился рядом с нею на песок. Солнце ласкающе прогрело тело. Море искрилось. Прошли всего сутки после трагедии.

— Я чувствую себя значительно лучше. А где все остальные?

— Мисс Ланг отправилась к себе, чтобы написать очередной очерк. Брат в городе. Брекстон все еще не выходит из своей комнаты. Черт побери, что происходит?

Я развел руками.

— Не имею ни малейшего представления. До пятницы я никого из них не знал. Вам это хорошо известно.

— Ничего не могу понять, — произнесла она, втирая масло в загорелые руки.

— Миссис Вииринг считает, что мы в ужасной опасности. Элли слегка улыбнулась.

— Боюсь, Роза всегда считает себя в большой опасности, особенно когда пьяна.

— Но мне показалось, что сегодня утром она была довольно трезвой.

— Это трудно определить. Я бы не стала с излишней серьезностью относиться к ее словам, которые составляют часть ее собственного безумия.

— С другой стороны, удар по голове, которым меня наградили сегодня утром, свидетельствует о том, что это отнюдь не ее пьяная галлюцинация.

— Да, это все гораздо серьезнее. Но я все равно не могу поверить, что кто-то убил Милдред. Тем более кто-то из нас.

— А как вы полагаете, что произошло?

Я посмотрел на нее невинным взглядом. Мне придется еще немало выспрашивать этих людей, одного за другим, и лучший подход — прикинуться дурачком.

— Я верю тому, что говорит Пол.

А вот это было интересно. Я ведь до сих пор не знал мнения Брекстона об убийстве, и никому, похоже, он его не излагал, за исключением полиции.

— Так что же он говорит?

— Чтобы успокоиться, Милдред принимала снотворное в любое время. В то утро она приняла свою обычную норму и отправилась купаться, не понимая, насколько силен прибой.

— Что ж, звучит вполне убедительно.

— За исключением одного — у моего брата были такие же таблетки снотворного.

— Вы хотите сказать, что полиция подозревает его?

— Нет, не думаю. — Элли покачала головой. — У него не было мотива. Даже если это сделал он, нет доказательства, что таблетки из его флакона. Просто похоже на то, что кто-то имел доступ в его ванную, в то же время не имея возможности добраться до таблеток Милдред, которые она хранила в своей шкатулке. Только она знала цифровую комбинацию замка. Брекстон божится, что ему шифр неизвестен и даже при желании он не смог бы открыть шкатулку.

— Выходит, либо эти таблетки она приняла сама, либо кто-то незаметно проскользнул в ванную комнату вашего брата, а затем так же незаметно подбросил ей таблетки в кофе или другой напиток.

— Если бы на вас не напали минувшей ночью, я бы считала, что Милдред сама приняла таблетки. Теперь такой уверенности у меня нет.

— Похоже на то, что покушение на меня сломало всю версию. Элли кивнула головой.

— Да, я была уверена, что этот ужасный маленький человек Грейвз, или как там его еще, просто пытался напугать нас, чтобы привлечь к себе внимание. Я думаю, он так и не решил, было это убийство или нет.

— У него-то сейчас уже есть определенное мнение, а вот у вас?

— Даже не знаю, что и подумать.

— А что было между вашим братом и Милдред? — произнес я на одном дыхании, чтобы поймать ее врасплох. Мне это удалось.

Ее ресницы встревоженно задрожали. Она нахмурилась.

— Что... Что заставляет вас думать...

— Миссис Вииринг, — солгал я. — Она заявила мне, что много лет тому назад...

— Идиотка! — Элли буквально взвилась, но тут же взяла себя в руки и даже попыталась убедительно рассмеяться, чтобы затушевать неожиданный просчет. — Извините, — быстро произнесла она. — Мне кажется бессмысленным копаться в семейном белье. А факты предельно просты. Милдред была помолвлена с моим братом, затем встретила с Брекстоном и вышла за него замуж. Вот и все. Мой брат был очень привязан к ней, но холоден к Брекстону, правда, потом они поладили...

— Почему она не вышла замуж за вашего брата?

— Думаю, Брекстон больше очаровал ее, — уклончиво произнесла Элли.

— А как вы отнеслись к тому, что Брекстон женился на ней?

— Мне кажется, мистер Сарджент, это не имеет никакого отношения к делу.

Она холодно посмотрела на меня.

— Пожалуй, нет. Извините. Просто я подумал, что если убийца собирается использовать меня вместо боксерской группы, то мне следовало бы лучше знать о том, что здесь происходит.

— Извините, — быстро отозвалась мисс Клейпул. — Я не хотела вас обидеть. Просто это очень болезненный вопрос для всех нас. По правде говоря, я даже не хотела приезжать сюда на уик-энд, но Флетчер настоял. Он очень любил Милдред. Всегда.

Из того, что она сказала и о чем умолчала, я начал представлять взаимоотношения действующих лиц.

С террасы меня позвал дворецкий. Звонила Лиз. Я ответил ей по аппарату, стоявшему в холле.

— Дорогой, как ты себя чувствуешь? — с тревогой спросила она.

— Только не говори мне, что ты слышала...

— Я знаю абсолютно все. Тетушка рассказала мне утром, как тебя вчера ударили по голове, когда ты вернулся домой. Я пытаюсь дозвониться уже в течение двух часов, но линия все время занята. С тобой все в порядке? Где...

Я рассказал ей о том, что произошло, все время поражаясь скорости, с какой новости распространялись в этом обществе. Похоже, без слуг не обошлось, так как, насколько мне известно, никто из присутствовавших в доме, я имею в виду гостей, не вымолвил пока ни слова.

Она облегченно вздохнула, услышав, что меня не ранили, хотя и продолжала тревожиться.

— Думаю, тебе не стоит оставаться на ночь в этом ужасном

доме, Питер. Совершенно очевидно, что на свободе бродит ма-
ньяк и...

— И когда я тебя увижу?

— О! А как насчет того, чтобы сегодня вечером? Где-то около
полуночи. Весь вечер я должна быть с тетей и дядей, зато потом
я приглашена к Эвану Эвансу, скульптору-абстракционисту. Мы
можем встретиться там. Вход туда свободный.

Я записал адрес, а затем, взяв с меня твердое обещание, что
я больше не буду наткаться на металлические предметы, она
дала отбой.

Я вновь собирался отправиться на пляж. Мне было слышно,
как наверху лихорадочно трещала машинка Мэри Уэстерн Ланг.
Дверь в комнату Брекстона была закрыта. Миссис Вииринг
писала письма в гостиной. Всюду царили мир и покой.

Когда я вернулся на пляж и подошел к Элли Клейнул, она
беседовала с незнакомым молодым человеком.

— О, мистер Сарджент. Разрешите представить вам Дика
Рэндана, моего племянника.

Это был долговязый юноша лет двадцати, в массивных очках
и в полосатом костюме.

Я произнес несколько фраз о том, какая молодая тетька у такого
взрослого племянника, и она со мной согласилась.

— Дик только что приехал из Кембриджа.

— Я услышал о том, что произошло, и приехал убедиться, что
все действительно так, — заметил Дик бесстрастным голосом.

Сидя на песке, обхватив руками костлявые колени, он напоми-
нал собою умную сову.

— Только что сюда добрался... Ну и слухи... — Он мрачно
покачал головой.

— Дик готовится на магистра истории, — заявила Элли, как
будто этим все объяснялось. — Ты бы лучше прошел в дом,
дорогой, и сказал Розе, что ты здесь.

— О, я остановлюсь в городке, — ответил молодой историк.

— Ну, по крайней мере поздоровайся. Я уверена, что она
пригласит тебя остаться на обед.

Страхнув песок с брюк, племянник направился к дому.

Элли вздохнула.

— Мне следовало догадаться, что Дик появится. Он просто
обожает всяческие загадки. Именно поэтому он заинтересовался
историей, этими ужасными войнами и всем остальным.

— Может, он развеселит нас?

— Боюсь, для этого одного Дика будет маловато.

— Вы ведь ненамного старше его, да?

Элли улыбнулась.

— Такие слова, конечно, приятно слышать, хотя я старше его
на целых десять лет.

«Что составляет примерно тридцать один или тридцать два
года», — мысленно провел я в уме необходимые расчеты, благо-
даря которым приобрел в школе репутацию математического
неудачника.

Затем мы отправились поплавать, держась поблизости от
берега.

Первыми на коктейле появились я и мисс Ланг. Ее одежда была еще более вызывающей, чем обычно. Вероятно, она считала, что необычно умна и привлекательна.

— Похоже, мы первые, своего рода авангард.

От разговора с мисс Ланг меня избавило появление Клейпула. Лицо его было бледным и озабоченным, как будто он не спал целую неделю.

— Весь город жужжит, — механически начал он. — Я был в театре, на выставке картин. Кстати, там есть довольно неплохие, хотя Пол, конечно, считает их мазней.

В дверях появился Брекстон. Он даже улыбался, как будто к нему вернулось прежнее радушие. «Интересно, почему?» — подумал я. Ведь к этому моменту шея его была уже наполовину в петле.

Клейпул холодно взглянул на него.

— Я рассказывал о выставке картин в театре Джона Дроу.

— О, это действительно мазня, — весело произнес Брекстон, смешивая себе коктейль. — Вы абсолютно правы, Флетчер.

— А мне они понравились. Я сказал, что вы...

— Да Бог с ними. За искусство!

— За искусство? Мне это нравится!

В комнату вошла миссис Вииринг в сопровождении Дика Рэндана. Она была в приподнятом настроении — пьяна, как сапожник. Представила мисс Ланг и Брекстону родственника Клейпулов. Писательница моментально перекинула всю свою влюбленную внимательность на молодого историка.

— Так вы учитесь в Гарварде? — замурылькала она, и юношу усадили рядом с ней на кушетку. Можно считать, что с ним на этот вечер было покончено.

Последней к нам присоединилась Элли. Она села рядом со мной.

— Ну вот, мы опять вместе, — произнесла она неуместные слова.

В этот вечер вся компания лихорадочно веселилась. Нас всех захватило одно настроение — каждый хотел напиться. Я, однако, старался быть осторожным — наблюдать, прислушиваться, замечать. Ведь кто-то из присутствующих в комнате ударил меня по голове — возможно, с намерением убить. Но кто? И почему?

Затем мы пили кофе в гостиной.

Рассеянно беседуя с Диком Рэнданом, я вдруг заметил, как Гривз на цыпочках пересек холл. Интересно, зачем он здесь?

— А что, преступник действительно нанес вам сильный удар? — спросил Рэндан, неожиданно прервав меня.

— Да, — коротко бросил я ему. Мне ужасно надоело рассказывать, что со мной произошло.

— Значит, вы обладаете какой-то информацией, и поэтому он желает убрать...

— Меня или информацию?

Рэндан выражался так же неясно, как и большинство историков.

— Обоих, конечно.

— Кто знает, — сказал я. — Как бы то ни было, он напрасно теряет время, потому что мне ничего не известно.

— Потрясающе! — Его глаза за стеклами очков потемнели. — Кроме того, возникает еще и психологическая проблема. Ваши родственниками являются...

Я постарался как можно скорее удалиться, едва представилась такая возможность, и сказал миссис Вииринг, что устал и хочу пораньше лечь спать. Она со мной согласилась, заявив, что просто удивительно, что я не чувствую себя хуже, если вспомнить, какой мне нанесли удар.

В холле я встретил Гривза. Он в задумчивости сидел на стуле с прямой спинкой у телефонного столика, держа в руках какую-то бумагу.

— Готовимся кого-то арестовать? — весело спросил я.

— Что? О... Вы опять собираетесь смыться?

— Да, и хотел бы получить у вас разрешение.

— Я не могу задержать вас, мистер Сарджент, — печально произнес Гривз. — Только сделайте милость — никому не рассказывайте о том, что здесь происходит.

— Не понимаю, что это дает. Ведь в газетах все есть.

— В газетах много чего есть. У нас сегодня на дежурстве двое полицейских, — добавил он.

— Надеюсь, этого будет достаточно.

— Если вы, конечно, не забудете запереть свою дверь на ключ.

— У убийцы тоже может оказаться ключ.

— Один из наших людей будет на лестнице. В его задачу входит следить за вашей комнатой.

— Вы что же, — усмехнулся я, — думаете, что в доме, где находятся двое полицейских, может что-то произойти?

— Никогда нельзя знать точно.

— У вас что, не хватает фактов?

— Да, не хватает, — последовал на удивление откровенный ответ. — Но мы знаем, что делаем. Кстати, скажите мне, мистер Сарджент, вы не играете в бумажные куклы?

— Куклы? — переспросил я, глядя на него в полном недоумении.

— Или, может быть, собираете газетные вырезки?

— Это делает моя секретарша. Обычная профессиональная подборка. Впрочем, о чем мы говорим?

— Тогда это развлечет вас. — И он пододвинул ко мне обычный лист бумаги для машинки, на котором были приклеены разной величины буквы, взятые из газетных заголовков.

Текст гласил: «БресСтонН — УбиВЦа».

— Где вы его нашли?

— Здесь, сегодня утром. — Гривз показал на телефонный столик. — Этот лист лежал под книгой. Не знаю, что заставило меня обратить на него внимание. Возможно, следы клея.

— Значит, он пришел не по почте?

— Нет. Его просто положили на стол. Очень странно.

— Есть отпечатки пальцев?

Инспектор жалостливо посмотрел на меня.

— Со времен Диллинджера никто не оставляет отпечатков.

— Интересно, почему в словах ошибки?

— Видимо, соответствующих букв не оказалось в заголовках статей. Мы еще не выяснили, из какой газеты это вырезано.

— И кто оставил это послание, как вы считаете?

— Вы.

Инспектор спокойно посмотрел на меня.

Я невольно рассмеялся.

— Если бы я думал, что Брекстон — убийца, я бы сказал вам об этом.

Гривз пожал плечами.

— Не рассказывайте мне сказки. Это ваших рук дело, мистер Сарджент. Я убежден, убийца полагает, что вам что-то известно. Вот почему он пытается убрать вас с дороги. Пока еще не слишком поздно, расскажите мне все, что вы видели, когда тонула Милдред Брекстон.

— Как вы упрямы, — со вздохом произнес я. — Повторяю — я ничего не видел. Более того, могу сказать, что, поскольку не я — автор этой записки, значит, кто-то знает, что произошло, или по каким-то соображениям пытается бросить тень на Брекстона. Будь я на вашем месте, я бы последовал по пятам автора этой писульки.

А этот след, я был абсолютно уверен, рано или поздно приведет к мстительному Клейпулу.

Гривз же был полностью в плену своей собственной версии. Какой — мне не известно, но он явно беспокоился за мою безопасность.

— Должен предупредить, мистер Сарджент, если вы не расскажете правду, я слагаю с себя ответственность за все, что может произойти.

— В случае моей смерти?

— Вот именно.

У меня было такое ощущение, что мне подписали приговор, притом окончательный.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

К полуночи я прибыл на сборище, которое проходило в покоившемся невзрачном деревянном коттедже близ железнодорожной станции, расположенной рядом с океаном. Здесь собралась богема Истхэмптона: человек тридцать обоего пола, более или менее связанных между собой сексом и интересом к искусству.

Когда я вошел, на меня никто не обратил внимания.

Все комнаты освещались свечами, установленными в бутылках. Складывалось какое-то странное ощущение — как будто ты в аду.

В одной комнате кто-то играл на гитаре, а все остальные сидели на полу и болтали, не обращая внимания на музыку.

Я разыскал Лиз. Цветом лица она уже соперничала с красным вином, которым, похоже, усердно накачивалась.

— Я чувствовала себя так уж-жасно!

Лиз внимательно посмотрела мне в лицо, и я понял, что, несмотря на всю ее игру, она действительно встревожена.

— С тобой на самом деле все в порядке? — спросила она и стала ощупывать мою голову. Ее глаза округлились, когда она дотронулась до шишки величиной с грецкой орех.

— Я чувствую себя вполне прилично. Ты полагаешь, что тебе следует пить эту дрянь?

Я указал на вино, которое наливали из бутылок без этикеток. Скорее всего это был сидр.

— Да не пью я его, просто держу бокал. Пойдем, я представлю тебя хозяину.

Хозяином оказался дородный мужчина. Его жена, по всей видимости, индонезийка, одетая в сари, танкетки и с розовой сеткой на голове, весь вечер простояла за его спиной. Она не знала ни слова по-английски, что было, вероятно, неплохо.

Лиз и я присоединились к группе молодых литераторов, очень чувствительных парней с шипящими голосами, напоминающими о разрываемой ткани. Они с полным знанием дела болтали обо всех диссидентах нового поколения — писателях, артистах и им подобных.

Пока они шипели друг на друга, мы с Лиз обсуждали наши собственные проблемы.

Самый разгар вечеринки пришелся примерно на час ночи. Кто-то начал поливать грязью Т. С. Элиота. Какая-то толстая блондинка стала сбрасывать с себя одежду, оставшись чуть ли не в том, в чем мать родила. Молодые парни, не обращая на нее никакого внимания, обсуждали счастливые дни своего внутриутробного развития. Яркие приверженцы «Партизан-ревью» в буквальном смысле лупили друг друга за нарушение долга, которому никто из них не хотел следовать.

Это была типично сельская вечеринка, столь характерная для курорта.

Мы же с Лиз тихо беседовали на полу, совершенно не обращая внимания на происходящее вокруг.

Наш разговор прервал Дик Рэндан.

— Не ожидал встретить вас здесь, — сказал он, с любопытством глядя на нас.

— Что?

Прищурившись, я в недоумении посмотрел на него. Подобно журавлю, опустившемуся в свое гнездо, он сел рядом с нами.

— Я старый друг Эванса, — сказал Дик, махнув в сторону нашего хозяина, который показывал свои рисунки бородатому мужчине.

— Как дела в доме? — спросил я.

— По-моему, все нормально. Я ушел следом за вами и отправился в клуб, но там было мало интересного, поэтому я устремился сюда, полагая, что Эванс еще не спит. Наверное, вы знаете, что это я организовал его бостонскую выставку.

Затем я представил его Лиз. Они с недовольным видом кивнули друг другу.

В противоположном конце комнаты полуобнаженная блондин-

ка уселась на пол, скрестив ноги, как йог, и стала раскачиваться из стороны в сторону. Это произвело нужный эффект. Даже чувствительные литераторы обратили на нее внимание.

— Ничего подобного в яхт-клубе «Лейдирок» не увидишь, — сказал я недовольно.

— А вот я не уверена, — задумчиво произнесла Лиз. — Мне кажется, нам пора убраться.

Мы выскочили из дома, за нами последовал Рэндан. Сегодня ночью Лиз была без машины. Я уже собирался поймать такси или отправиться пешком, но Рэндан настоял на том, чтобы подвезти нас в своем автомобиле.

Расставаясь с Лиз у дверей ее дома, я поцеловал ее на сон грядущий. Мой спутник скромно глядел в сторону. Затем она вошла в дом, а Рэндан отвез меня к «Норт-Дюнз».

2

Оказалось, что он больше заинтересовался убийством, чем я думал, и не просто был заинтересован, а в буквальном смысле заинтригован.

— Я занимался изучением подобных случаев, — заметил он с серьезным видом. — Однажды даже написал работу об убийстве сэра Томаса Овербери. Потрясающий случай!

— Кажется, это было в семнадцатом веке?

Я знал еще немало интересных вещей, которые могли сбить с толку даже университетских студентов.

— Вот именно. Вообще-то я не собирался приезжать, хотя Элли и приглашала меня. Но как только по радио в Бостоне сообщили, что произошло, я немедленно бросился сюда. Я был знаком с миссис Брекстон, правда, немного, когда она дружила с моим дядей.

— Но это ведь было достаточно давно?

— Да, лет пятнадцать, если не ошибаюсь, но я прекрасно помню. Все были абсолютно уверены, что они поженятся. Я так и не понял, почему этого не произошло. Потом мы узнали, что Милдред вышла за Брекстона.

— Похоже, ваши дядя и тетя сильно привязаны друг к другу?

Но Дик был слишком хитрым молодым человеком и не попался на эту удочку.

— Да, вы правы, — равнодушно бросил он.

«Норт-Дюнз» чернел на фоне белого пляжа, производя зловещее впечатление. Нигде ни огонька. Интересно, почему для меня не оставили свет в холле?

Мы подъехали к дому и остановились на шоссе. На затемненной террасе не было видно ни души.

— Вы хотите здесь? — спросил я, поворачиваясь к Рэндану.

— Нет, в городе. Я не хотел никого стеснять. Кроме того, пока я в Истхэмптоне, мне надо со многими повидаться. — Он вылез из автомобиля. — Я провожу вас.

Мы обошли дом и подошли к нему со стороны моря.

Молодой человек всю дорогу болтал об убийстве, что не доставило мне особого удовольствия. Впервые с того времени, как нача-

лись все тревоги, я был испуган. Меня пронизывал ледяной непонятный страх. Я хотел попросить его пройти в дом, но мне было слишком стыдно показывать свою слабость. Вместо этого я тянул время, давал на его вопросы невероятно длинные ответы, стараясь как можно дольше оттянуть неизбежное. Мы уселись на металлическую скамейку-качели, которая стояла рядом со ступеньками на террасу. Немного в стороне, подобно черным грибам, возвышались пляжные зонтики. Благодаря дуне ночь была светлой и ясной. Мы старались не двигаться, чтобы качели не скрипели.

— Я приехал сюда,— тихо признался Рэндан,— по вполне определенной причине. Элли считает, что я просто ужасный человек, но дело не в этом. Я очень люблю ее и своего дядю.

— То есть вы хотите сказать, что они могут иметь какое-то отношение к этому?

Он кивнул.

— Только не думаю, что прямое. Просто в газетах может появиться множество разных сплетен, которые...

— О вашем дяде и Милдред Брекстон?

— Главным образом да. Видите ли, я уверен, если они попытаются предъявить обвинение Брекстону, он втянет в дело Флетчера и Элли. Просто так, чтобы вызвать больше шума.

Потрясающе! Чуть ли не эти же самые слова я слышал в разговоре между Брекстоном и Клейпулом в день смерти Милдред. Дядя с племянничком, видимо, обменялись письмами... Или, возможно, существовала какая-то семейная тайна, и они опасались, что благодаря Брекстону она всплывет.

— И что же вы собираетесь делать? — спросил я, с любопытством присматриваясь к нему.

Он пожал плечами.

— Все, что в моих силах. Я очень люблю Флетчера и Элли. Дело в том, что, когда умер мой отец, Флетчер стал моим законным опекуном. Так что в моих интересах оказать им помощь, свидетельствовать в их пользу, если... гм, против них будет выдвинуто обвинение.

— Какого рода обвинение? Что может предъявить Брекстон? Рэндан усмехнулся.

— Трудно сказать. Вряд ли что-нибудь серьезное, по крайней мере не обвинение в убийстве. Думаю, что-нибудь связанное с семейными делами.

Я понял, на что он намекает. Находясь в отчаянном положении, Брекстон мог извратить отношения между братом и сестрой. Правда, как это могло быть связано с Милдред Брекстон?

Затем Рэндан перевел разговор на день убийства. Он интересовался поведением каждого и в особенности хотел знать, что я действительно думаю о происшедшем. Он оказался умнее, чем я предполагал, но скоро стало ясно, что он знает не больше других о загадочной смерти Милдред.

Я предложил ему сигарету, сам взял одну и дал ему прикурить, но нечаянно выронил спички и, чертыхаясь, стал искать их в песке у своих ног. И вот тут-то я заметил, что мои пальцы в какой-то темной жидкости.

— О Боже! — в ужасе воскликнул я, уронив на этот раз и спички, и сигарету.

— В чем дело?

— Не знаю... мои пальцы... Похоже на кровь... Должно быть, я порезался.

— Действительно, у вас идет кровь. Возьмите.

Рэндан предложил мне свой носовой платок.

— Как вы умудрились пораниться?

— Понятия не имею. Даже ничего не почувствовал.

Я насухо вытер пальцы и увидел, что никакого пореза нет. Кровь была не моя.

У меня по телу побежали холодные мурашки. Мы вскочили на ноги и отодвинули качели в сторону. У наших ног в луже крови на белом песке лежало тело мужчины. Горло его было перерезано, голова чуть ли не отделена от туловища.

В ярком свете луны я узнал Флетчера Клейпула.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

До самого утра в доме никто не ложился спать.

Прибыл Гривз. Его встретил огонь свечей в гостиной. Дело в том, что сразу же после полуночи свет в доме вырубился. Вот почему, когда я приехал с Рэнданом, в окнах не было ни огонька. Один из полицейских более часа ковырялся в распределительном щитке, расположенном на кухне, но безуспешно — восстановить освещение не удалось.

Все пытались держать себя в руках, за исключением Элли Клейпул, которая билась в истерике. Вызвали сиделку. Она быстро успокоила Элли, введя ей какое-то лекарство. Мы с облегчением вздохнули, ибо крики мисс Клейпул, когда она узнала об убийстве брата, довели наши нервы до предела.

Все молчали. Говорить было не о чем. Мы сидели в гостиной, ожидая, когда нас пригласит к себе инспектор Гривз. Только мы с Рэнданом были полностью одеты. Брекстон сидел в вылинявшем халате, прикрыв лицо рукою, как бы отгораживаясь от нас. Мэри Уэстерн Ланг, выглядевшая действительно испуганной, пребывала в состоянии оцепенения, напоминая собой какую-то беспорядочную кучу — бледную, с отеками, одутловатым лицом, запутавшуюся в широком розовом халате. Миссис Вииринг принялась к бокалу бренди с непреклонностью человека, решившего напиться как можно быстрее. Рэндан и я были сторонними наблюдателями. Мы следили не только за другими, но и присматривались друг к другу.

Мне, в частности, было интересно знать, как он воспримет смерть любимого дядюшки и опекуна. Однако Рэндан был спокойнее всех. После первоначального потрясения, когда я был уверен, что он вот-вот упадет в обморок, он вдруг стал проявлять необычайную активность — у него единственного хватило силы духа прикоснуться не только к телу, но и к длинному острому ножу, лежавшему близ него. Пока я стоял в растерянности, не зная, что делать, и с дрожью взирал на Флетчера Клейпула с отрезанной головой, Рэндан вызвал полицию.

Сперва допросили женщин. Затем Рэндана, потом меня и последним, насколько я помню, Брекстона.

Впервые я стал допускать мысль, что убийца — он.

Уже занимался рассвет, когда Гривз вызвал меня. Остальные разошлись по своим комнатам. Только Брекстон сидел в гостиной. Свет уже был восстановлен.

Гривз выглядел таким же уставшим и измученным, как и я.

Я рассказал ему все, что произошло. Как мы с Рэнданом минут двадцать вели разговор, прежде чем под качелями обнаружили тело его дяди.

— В какое время вы прибыли в дом, — Гривз с мрачным видом заглянул в свои записи, — Эвана Эванса?

— Незадолго до полуночи. Буквально за несколько минут.

— И есть свидетели?

— Конечно.

— А в какое время мистер Рэндан появился у Эванса?

— Я бы сказал, минут пятнадцать второго, точно не знаю. На вечеринке за временем как-то не следишь. Ушли мы, правда, ровно в половине второго. Помню, я еще посмотрел на часы.

Я был уверен, что меня спросят, почему я посмотрел на часы, но инспектор даже вида не подал, как бы понимая, что такие вещи могут произойти совершенно случайно.

— Затем вы подбросили домой мисс Безземер и отправились прямо сюда?

— Вот именно.

— В какое время вы нашли тело?

— В час сорок шесть. Мы с Рэнданом специально обратили на это внимание.

— И никто из вас ничего не трогал?

— Ничего, хотя, может быть, я и прикоснулся к телу, прежде чем понял, что лежит под качелями. Отсюда и кровь на пальцах.

— А что вы там делали? Почему вы вдруг оказались на качелях?

— Мы приехали с вечеринки. Освещения в доме не было, а Рэндан очень хотел поговорить со мной об убийстве миссис Брекстон, поэтому мы обогнули дом и уселись на качели. Думаю, если бы в доме был свет, мы пошли бы в гостиную.

Мне ужасно не хотелось признаваться в том, что я был напуган до смерти и боялся входить в дом один.

— Вы заметили что-нибудь странное? Какие-нибудь отпечатки пальцев или еще что-нибудь?

— Ничего. А почему в доме не было света?

— Пока не знаем. Видимо, перегорели предохранители. Один мой сотрудник пытался разобраться в этом, в то время как другой продолжал оставаться на своем посту.

Гривз явно занял оборонительную позицию. Я прекрасно понимал, почему.

— А убийство произошло без четверти час?

— Откуда вам это известно?

Инспектор выпалил этот вопрос, и его прежде сонные глаза округлились.

— Просто все состыковывается. Убийца что-то сделал со щит-

ком, затем выскочил из дома, убил Клейпула, сидевшего на качелях, а полиция и все остальные занимались в это время светом, затем...

— И что затем?

— Ну, не знаю... — неуклюже закончил я. — А вы?

— Это наше дело.

— Так когда же произошло убийство?

— Это не ваше... — Гривз вдруг замолчал. В конце концов я был не только свидетелем и подозреваемым, но и представителем прессы. — Коронер еще не пришел к окончательному решению, однако он считает, что все произошло, как только погас свет.

— Где находится распределительный щиток? — спросил я.

— Сразу же за кухонной дверью.

— А где был полицейский?

— Полицейскими охраняется весь дом, но в этот момент на кухне никого не было.

— А дверь на кухню была заперта?

— Нет, не заперта.

— А вам не кажется это странным? Насколько я знаю, кухарки смертельно боятся всяких бродяг.

— Дверь была заперта прислужгой после мытья посуды примерно в одиннадцать часов. Кто открыл дверь позднее, нам неизвестно.

— Нашли что-нибудь?

Гривз лишь устало пожал плечами.

— Кого-нибудь подозреваете?

— На это я вам ответа не дам, мистер Сарджент. — Инспектор холодно взглянул на меня.

— У меня безупречное алиби. Можете мне доверять. — Я посмотрел, как мне казалось, по-собачьи преданными глазами, однако Гривза это нисколько не тронуло.

— Безупречное алиби ничего не стоит сварганить, — с горечью заметил полицейский.

2

На следующее утро я понял, что он имел в виду.

Я проснулся в половине девятого, после непродолжительного, но крепкого сна. Потом в течение получаса составлял статью для «Глоуб» и передал ее в редакцию по телефону, абсолютно уверенный в том, что меня, затаив дыхание, прослушивает не один человек. Наконец спустился к завтраку. Через окна холла я увидел несколько газетчиков и фотографов, яростно спорящих с человеком в штатском. «Я переплюну вас всех, — злорадно подумал я, — если, конечно, останусь в живых». Мысль о том, что один из гостей — убийца-маньяк, уже не раз приходила мне в голову. Я, как и любой из присутствующих в доме, мог стать очередной жертвой.

В столовой задерганный дворецкий принес яйца и тосты. В комнате был еще Рэндан, который прямо-таки сиял от возбуждения.

— Они попросили меня остаться, полиция то есть, так что я провел ночь в комнате дяди.

— Особого удовольствия это наверняка не доставило?

— Вы имеете в виду Элли? — Его лицо вдруг помрачнело. — Да, это просто ужасно. Конечно, с нею всю ночь была сиделка и периодически давала ей успокоительное. Поэтому я ничего особенного не слышал, хотя стены здесь тонкие, как бумага. Кроме того, было крайне неприятно лежать в постели Флетчера. К счастью, полиция изъяла все его вещи.

— Сегодня утром вы уже кого-нибудь видели?

Он покачал головой.

— Никого, за исключением полицейских да репортеров у входа. Быстро они сюда примчались.

— Все это попадает в дневные выпуски, — заметил я осторожно. — Пришла ли полиция к какому-нибудь мнению по поводу убийства?

— Не знаю. Мне немного удалось выудить у Гривза. Между прочим, он ужасно рассердился, когда я стал задавать вопросы, и заявил, что одного детектива-любителя вполне достаточно. Интересно, кого он имел в виду?

— Видимо, меня.

— А вы частный детектив, да?

Рэндан посмотрел на меня с восторгом. Глаза его прямо сияли за толстыми линзами.

— Нет, но я бывший газетчик и пару раз был замешан в подобные истории. Правда, не такие сногшибательные, как эта.

— Сногшибательные? У меня предчувствие, что это дело предельно простое.

— Что ж, приятно слышать. Зачем же так долго держать нас в неведении? — произнес я с ядовитым сарказмом.

Рэндан с таинственным видом устался в свою кофейную чашку, вызывая у меня еще большее раздражение, чем прежде. Если бы я был убийцей, с ним бы разделался в первую очередь, а затем уж с Мари Уэстерн Ланг.

— Вы наверняка думаете, — продолжал я, — что все это сделал Брекстон, потому что он ревнив и хотел убить не только свою жену, но и ее любовника, избрав для этой мерзкой цели в качестве соответствующей обстановки дом родственницы его жены.

— Не понимаю, что вас не устраивает в этой версии, — парировал Рэндан. — Она не так глупа, как вы пытаетесь ее представить. Бывают же убийства экспромтом, под влиянием минуты, разве не так? Кроме того, они собрались вместе в одном доме.

Рэндан прямо-таки исходил самодовольством.

— Разве он не мог поступить разумнее? — возразил я. — Большинство художников не отличаются особым умом, но если уж он решил разделаться с ними, худшего способа не придумать.

— Ну, во-первых, я не утверждаю, что именно Брекстон — убийца, — заявил Рэндан. — Но готов поспорить, что выясню это раньше вас и Гривза.

Я предложил ему пари. Двадцать долларов тоже деньги.

Утро было солнечным, но прохладным. Повсюду сновали полицейские, а Гривз, как выяснилось, уже успел побывать в Риверхеде и вернуться. Сейчас он находился в комнате Брекстона,

а самого художника перевели на второй этаж. Почти весь день мы не отходили от дома.

Я принялся рассматривать все алиби.

Как выяснилось, миссис Вииринг и мисс Ланг отправились спать в одно и то же время — примерно в половине первого. В гостиной оставались Элли и Брекстон. Рэндан был в клубе. Клейпул около полуночи вышел на последнюю в своей жизни прогулку. Как я понял, ни у кого из дам алиби не было. Я начал понимать, что имел в виду Гривз, говоря, что безупречные алиби ничего не стоят сварганить. Смысл этого дошел до меня после ленча.

К Брекстону за столом относились как к прокаженному. Все были взвинчены и испуганы, так что увести его от других мне ничего не стоило.

— Пойдемте, прогуляемся, — предложил я.

Мы стояли на веранде, выходящей в сторону моря.

— Не знаю, разрешат ли нам... — заметил художник.

— Попытаемся.

Мы спокойно вышли и на мгновение остановились на террасе. Под качелями был уже насыпан новый песок, чтобы скрыть кровавое пятно. Все казалось спокойным, и не верилось, что откуда-то может прийти смерть. На террасе появился человек в штатском, явно следивший за нами.

— Я чувствую себя чертовски важной персоной, — мрачно усмехнулся Брекстон. — Лучше далеко не уходить.

На виду у полицейского мы прошли еще несколько ярдов и опустились на песок.

— Вы журналист? — спросил Брекстон.

— Не совсем, хотя и пишу временами для «Глоуб».

— И вот здесь, на пляже, вы хотите знать, как во время уик-энда я утопил свою собственную жену и убил старого друга семьи? Да, это будет трогательный рассказ, — мрачно засмеялся он.

— Ну, хотя бы какие-нибудь признания, — сказал я, подыгрывая ему.

— Неужели вы действительно полагаете, что это моих рук дело?

Вопрос был для меня неожиданным.

— Не знаю, — откровенно признался я. — Не думаю, потому что по ряду причин это было бы вам не на руку.

— И у меня точно такой же подход.

— Кто, по-вашему, мог сделать это?

Он оглянулся по сторонам. Затем быстро нарисовал женский торс на песке. Я невольно обратил внимание, с какой легкостью он это делал, почти не глядя на линии, — крайне неожиданно для художника-абстракциониста.

— Не знаю, что и сказать, — произнес Брекстон. — У меня есть только предчувствие. Все происшедшее ставит меня, как и всех остальных, в тупик. Единственная разница в том, что большинство из гостей уверены, что убийца — это я. Хотите верить, хотите нет, но я не мог совершить ни одного убийства.

Это произвело нужный эффект. Я даже посмотрел на него с некоторым изумлением.

— Вы хотите сказать, что...

— Сегодня ночью, когда был убит Флетчер, если это действительно произошло до четверти второго, я был с Элли Клейпул.

Вот это поистине ошеломляющая новость. Теперь понятно, почему Гривз был так мрачен сегодня утром.

— Вы сказали об этом полиции?

— Даже с некоторым удовольствием.

— Они поверили вам?

— Им оставалось только спросить Элли.

— Но она, кажется, без сознания, разве не так?

Он слегка нахмурился.

— Так утверждают. Но, когда она вновь придет в себя, они выяснят, что ни я, ни Элли, если уж на то пошло, не могли убить ее брата.

Некоторое время мы молчали. Я пытался выяснить, что происходило прошлой ночью, раздавались ли какие-нибудь звуки, когда мы с Рэнданом шли вокруг дома, были ли следы на песке. Единственное, что я вспомнил, — огромный темный дом на фоне лунного неба. Темный! Кажется, я наконец-то нашел прореху в этой истории.

— Вы беседовали с мисс Клейпул в темноте? Ведь в доме не было ни огонька, когда мы подошли к нему.

— Мы сидели на веранде, освещенной лунным светом.

— На веранде, выходящей на террасу?

— Нет, с южной стороны.

— Интересно, а где же были полицейские?

— Один все время ходил вокруг дома, а другой искал свечи. У полицейского был фонарь, — добавил он и пальцем проткнул фигуру, нарисованную на песке.

— Вы больше ничего не хотите мне сообщить? — спросил я доверительным тоном, пытаясь расположить к себе собеседника. — Завтра я отправляю очередную статью и...

— Вы можете просто подчеркнуть, что я был с мисс Клейпул. Кроме того, упомяните, что моя жена имела привычку принимать для успокоения нервов большие дозы снотворного в любое время дня и ночи. Я пытался объяснить все полиции, но они, видимо, посчитали это маловероятным. Возможно, сейчас они отнесутся к моему сообщению более серьезно.

— Вы считаете, что миссис Брекстон никто не убивал? Что она сама приняла лекарство?

— Уверен в этом. Поверьте, ее смерть была сюрпризом не только для нее, но и для всех нас.

— А вам не кажется, что она хотела покончить с собой?

— Покончить с собой? Да она мечтала жить вечность!

Но он не стал развивать эту мысль дальше, и вскоре мы повернули к дому. Полицейский в штатском продолжал следить за нами с высоты террасы.

В тот же день к нам нагрянула Лиз, и мы с ней пешком отправились вдоль берега в клуб. Полицейскому явно было не до меня.

В малиновом бикини Лиз была просто очаровательна. Глядя, как она бредет по песку, любуясь ее длинными ногами, которыми она поддевала ракушки и высохшие морские звезды, я невольно забыл все свои тревоги.

Но Лиз не позволила мне забыть об убийствах.

— Думаю, тебе грозит опасность, — заявила она после того, как перечислила все кровавые подробности, которые успела почерпнуть из газет.

— Я так не думаю, Лиз, да и что я могу поделать?

— Тебе нужно уехать, вот и все. Они не могут задерживать тебя. Единственное, что они могут, — вызвать в суд в качестве свидетеля.

Мы маневрировали среди дюн, пока не оказались у клуба.

Днем «Лейдирок» напоминал собой своеобразный морской корабль с развевающимися флагами, бассейном для детского купания, террасой для серьезных пьяниц, рядами маленьких пляжных домиков — образцовый клуб на образцовом пляже, полный образцовых членов, если не столпов, то по крайней мере больших шишек национального общества.

Я чувствовал себя несколько нервно, когда Лиз представила меня своей тете. Та восседала под полосатым зонтиком вместе с группой полных дам среднего возраста в ярких цветастых платьях и широких шляпах. Они пили чай.

Лиз избавила меня от своей тетушки, и мы оказались за свободным столиком рядом с бассейном. Мы пили коктейль, только что изобретенный буфетчиком клуба, который оказался настоящим гением — он смешал джин, мятную водку и добавил соды. Все было просто прекрасно, пока к нам не подсел Дик Рэндан.

— Я смотрю, вы бездельничаете, — заметил он сердечно, имитируя старых козлов в баре. — Как дела, мисс Безземер?

— Спасибо, прекрасно. — Лиз одарила его лучшей своей улыбкой.

— Слышали, что произошло после того, как мы с вами вчера расстались?

— Да, — тихо ответила Лиз и скромно потупила глаза.

— Ужасное дело, — продолжал Рэндан, щупая свои тощие мышцы.

— У вас, должно быть, стальные нервы! — воскликнула Лиз.

— Ну, не совсем, но уверен, что Пит рассказал вам о том, как это было.

— Через пять минут я буду пьяна, — сказала девушка, бросив на нас восхищенный взгляд.

— Да, это было непросто, — произнес Рэндан, героически сжав губы.

Я не выдержал и прервал его.

— В доме заметили, что меня нет?

— Нет, но полицейский видел, как вы шли в эту сторону вместе с мисс Безземер. Поэтому я решил тоже отправиться сюда и посмотреть, что здесь делается. Я несколько устал от той атмосферы. Вам известно, что Элли до сих пор еще не пришла в себя?

— Я думал, она уже на ногах.

Рэндан покачал головой.

— Нет, она в ужасном состоянии, постоянно бредит. К ней никого не подпускают, кроме Гривза.

— Неужели вы думаете, что мистера Брекстона действительно арестуют? — перебила его Лиз.

Рэндан пожал плечами.

— Трудно сказать. Некоторые считают, что он здесь ни при чем.

— О, но это должен быть мистер Брекстон.

— Почему ты так решила? — поинтересовался я, пораженный ее уверенностью.

— Потому что только мужчина мог перерезать горло мистеру Клейпулу. У Питера причин не было. Следовательно, остается Брекстон.

— И я, — добавил Рэндан, кивая головой. — Я ведь тоже подозреваемый.

— Да? Но вас же не было в ту ночь? Кроме того, вы бы не стали убивать собственного дядю... и не смогли бы расправиться с миссис Брекстон, ибо находились в Бостоне...

— С друзьями, — весело добавил Рэндан. — Правда, я не думаю, что мне придется доказывать Гривзу, где я был в момент убийства.

— Вы отпадаете. Выходит, только бедняга Брекстон мог совершить оба преступления.

— Ловко, — сказал я. — Ну а если предположить, что у мистера Брекстона есть алиби на второе убийство и вполне убедительное объяснение на первое?

— А что именно?

Они с любопытством уставились на меня.

— Я ничего вам не скажу, пока вы не прочтете утренний номер «Глоуб». Отмечу только один факт — во время убийства Брекстон был с Элли Клейпул.

Рэндан посмотрел на меня с немалым интересом.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно. Так что он тоже отпадает.

— Если не... — Лиз замолчала.

— Если не? — раздраженно произнес Рэндан.

— Если, конечно, они не сделали это вместе... Чем, кстати, можно объяснить ее состояние впоследствии.

— Мисс Клейпул — моя тетька... — сухо перебил Рэндан.

— Вообще-то, — продолжала Лиз, — я ничего плохого не имела в виду. Просто размышляла вслух. Мне ведь ничего не известно, только то, что я вычитала в газетах, или то, что мне рассказали. Клянусь, мне даже в голову не приходило, что она или кто-то иной...

И Лиз довела свою мысль до благопристойного конца.

Мы еще немного посидели, выпили и молча побрели к дому.

Гривз ждал нас у качелей. Инспектор был в сером помятом костюме.

— Как моя тетька? — спросил Рэндан.

— Где вы, черт побери, были? — Гривз с раздражением посмотрел на нас. — Я хотел поговорить с вами.

— Я был в клубе. Она все еще...

— В том же состоянии.

— О чем вы хотели поговорить со мной?

— Мы перейдем к этому после обеда.

Затем Рэндан потребовал, чтобы поставили полицейского у комнаты Элли. Ему отказали на том основании, что двоих полицейских и круглосуточной сиделки вполне достаточно. Когда же Гривз поинтересовался, зачем все это нужно, Рэндан смутился и, сделав мне знак, чтобы я молчал, отправился к себе в комнату переодеваться.

Я уже было собрался войти в дом, как неожиданно мне пришла в голову одна мысль.

— Интересно, — спросил я, повернувшись к Гривзу, — почему вы больше не расспрашиваете меня по поводу найденной вами записки? Той самой, которую, по вашему мнению, я состряпал ради собственного удовольствия?

— Вы же сказали, что вы тут ни при чем, вот и все, — прозвучал категорический ответ.

— Значит, вы знаете автора записки?

— Возможно.

— Убийца?

Гривз покачал головой.

— Клейпул, — ответил он.

— Как?! — воскликнул я, пораженный не столько именем, сколько откровенностью инспектора. — Вы нашли какие-нибудь отпечатки пальцев или иные следы? Почему вы пришли к такому выводу?

— Для этого вполне достаточно здравого смысла, — с уверенностью заявил Гривз. — Клейпул был убежден, что Брекстон — убийца. Он не мог заявить об этом открыто из-за взаимоотношений в семье. Возник бы скандал, шумиха, что так или иначе отразилось бы и на нем. Вот почему он оставил записку, чтобы дать нам нужную нить. К несчастью, об этом узнал и Брекстон, который умудрился разделаться с Клейпулом до того, как тот изложил бы нам историю взаимоотношений их троих, а может быть, и четверых. Историю, которая раскручивается сейчас прямо перед нами.

— Вы понимаете, что обвиняете Брекстона в убийстве?

— Понимаю, — с необычайной легкостью бросил Гривз.

«Интересно, — подумал я, — какие новые факты появились у полиции?»

Гадать долго не пришлось. Гривз решил проинформировать меня.

— Похоже, Клейпула сперва ударили, и он потерял сознание. Затем его перетащили к качелям и перерезали горло.

— Почему вы считаете, что его перетаскивали? Разве на песке остались следы?

— Песок у него в одежде. А следы, даже если и были, смыты волнами прибоя.

Я не мог понять направление его мысли.

— Ну и почему вы думаете, что это указывает на Брекстона? Если Клейпула сперва ударили так, что он потерял сознание, значит, это могла сделать и женщина. А поскольку женщина не в состоянии нести мужчину, она была бы вынуждена тащить его к качелям, а там уж спокойно перерезать ему горло...

— Ножом, принадлежащим Брекстону и покрытым его отпечатками пальцев?

Гривз лукаво посмотрел на меня. Свое дело он сделал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Теперь я прекрасно понимаю, что Гривз блефовал. Он был уверен, что Брекстон — убийца, и имел немало косвенных уликов для передачи дела в районную прокуратуру, но он не забывал, что немало полицейских погубили свою карьеру именно из-за этого. Сырые факты давали возможность опытному адвокату поставить в тупик обвинение. Сейчас-то понятно, почему он блефовал со мной, — он хотел всем внушить мысль о виновности Брекстона и, если бы добился этого, сложилась бы соответствующая психологическая атмосфера.

Я поднялся к себе в комнату и, лежа в ванной, пытался восстановить события дня. Их было немало, но, как ни странно, они не укладывались в картину, постепенно складывавшуюся у меня в голове.

Я перебрал все алиби. Бросить снотворное в кофе Милдред мог любой из гостей, за исключением Рэндана, который в этот день находился в Бостоне. И Клейпулы, и Брекстон хорошо знали, где лежат таблетки. Мисс Ланг вряд ли об этом было известно. Миссис Вииринг тоже знала. Кроме того, она, похоже, из тех хозяек, которые просто обожают совать нос в вещи своих гостей.

Что же касается второго убийства, то алиби у всех довольно шаткие, за исключением Элли и Брекстона. Если они действительно были вместе во время убийства, то это либо дает каждому из них алиби, либо, наоборот, выставляет их в качестве напарников, совершивших преступление, причем по непонятным причинам. Ни у миссис Вииринг, ни у мисс Ланг алиби не было. Зато у Рэндана оно было: в момент убийства он находился в клубе.

Кто же тогда имел наилучшую возможность для совершения обоих убийств?

Ответ, каким бы ужасным он ни казался, мог быть только один — миссис Вииринг.

Я уронил мыло. Голова моя лихорадочно работала, свыкаясь с новой мыслью.

Из всех подозреваемых только у нее ни на одно убийство не было алиби. Если Брекстон и Элли не преступники, значит, это миссис Вииринг, хотя, насколько мне известно, мотива для совершения убийств у нее не было.

Размышляя о мотивах, я пришел в уныние. Ответить, как совершается преступление, значительно легче, чем объяснить, почему.

Когда я натягивал на себя брюки, дверь соседней комнаты

распахнулась, и передо мной предстала Мэри Уэстерн Ланг. Глаза ее горели, грудь тяжело вздымалась.

— Вы меня искали, мисс Ланг?

— Я уверена, что вы поймете. Кстати, я с большим интересом прочитала в «Глоуб» ваши статьи о наших несчастьях.

— Благодарю, — произнес я, завязывая галстук.

— Но должна сказать, что в целом не согласна с вашим диагнозом дела.

— Диагнозом?

Она кивнула.

— Из вашей статьи в «Глоуб» — точнее, между ее строк — следует: вы считаете, что Брекстон не мог убить ни своей жены, ни Флетчера...

— А вы считаете, мог?

— Я этого не сказала, — на удивление быстроотреагировала она. — Но не понимаю, на чем же основывается ваша уверенность?

— Вряд ли это можно назвать уверенностью... хотя между строк, как вы справедливо заметили, эта мысль проскальзывает.

— Вот именно. Поэтому-то я решила поговорить с вами. Совершенно того не желая, вы можете принести нам немало хлопот.

— Я не...

— Я хочу сказать, мистер Сарджент, что, если Брекстон не имеет отношения к этим убийствам, преступником является кто-то из нас. Это же предельно ясно. Но если это один из нас, мы можем быть втянуты в неприятное расследование, которое серьезно скажется на всех.

— Боюсь, мы все имеем к этому то или иное касательство. Если Брекстон не признает себя виновным или произойдет еще что-то ужасное, мы вынуждены будем пройти через суровые испытания.

— Зачем все усугублять? Я, например, уверена, что именно он убил Милдред.

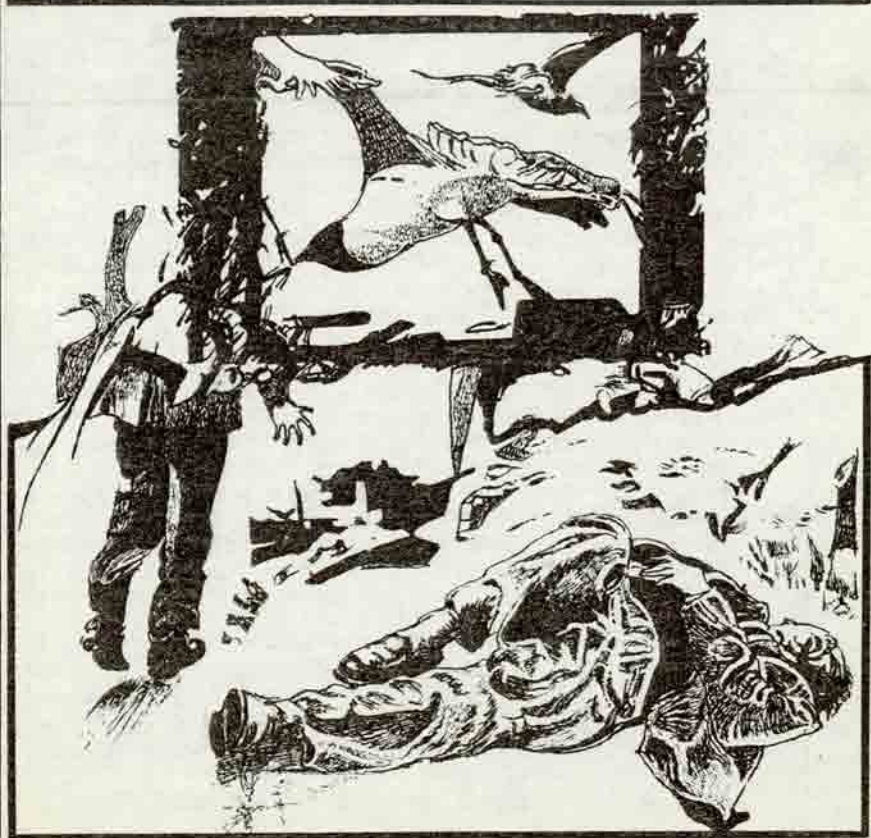
— Здесь вы не оригинальны.

— Я хочу только одного — чтобы это дело быстрее закончилось и Брекстон получил по заслугам. Он давно испытывал искушение... Я знаю. Милдред с каждым днем становилась все более невыносимой. Накануне своей смерти она была просто в истерике, бросалась на милую Розу с ножом, с тем самым ножом, которым Брекстон порешил Флетчера! О, это было ужасно! Как она кидалась на Розу! Та стала кричать и разбудила всех нас. Помните? А затем вмешался Брекстон и положил конец...

Должен признаться, я слушал ее, раскрыв рот от удивления. Когда она замолчала, чтобы перевести дух, я спокойно произнес:

— Вот именно. После того, как мы разошлись по своим комнатам, Милдред и миссис Вииринг продолжали оставаться в гостиной, ведь так?

— Ну да... Вот тогда и началась ссора. Роза рассказала мне об этом позднее. Брекстон отправился спать, а Роза, как я понимаю, стала отчитывать Милдред за ее поведение. Милдред потеряла голову и кинулась на нее с ножом. Бедняжка Роза закричала,

в комнату ворвался Брекстон и ударил свою жену. Только так можно было привести ее в чувство. Затем отвел ее в спальню, а Роза поднялась наверх, чтобы попросить нас не волноваться... Вы же помните.

— Интересно, как у Милдред оказался нож, причем не простой, а мастихин¹?

Мисс Ланг пожала плечами.

— Кто его знает. Роза уверена, что Милдред хотела убить ее. Вы знаете, что из себя представляет Роза — импульсивная, даже несколько порочная личность, на разумность которой нельзя полагаться на все сто процентов. Но, похоже, на сей раз Роза говорила правду, и Милдред действительно напала на нее...

— Почему?

— Это не наше дело, — холодно заметила мисс Ланг. — Должна сказать, что до нервного срыва жены Брекстона они были подругами. Роза оставалась привязанной к ней даже тогда, когда от Милдред отвернулось большинство людей. Она пригласила их на уик-энд, чтобы Милдред могла расслабиться и взять себя в руки, а та набросилась на Розу. Разве справедливо? Я считаю, что это не наше дело, и надеюсь, что полиция будет действовать оперативно, прежде...

— Прежде чем произойдет очередной несчастный случай или убийство?

— Нет, я другое имела в виду... Надеюсь, мы не опаздываем к обеду?

Она бросила взгляд на золотые часы в форме сердечка, висевшие у нее на цепочке. Затем мы спустились вниз и присоединились к остальным гостям.

Гривз сидел на диванчике, напоминая собою неудачно выполненное чучело. Поскольку сегодня вечером он выступал в качестве одного из приглашенных, а не полицейского, то переоделся в голубой, пропахший нафталином, весь в белых нитках, костюм.

Брекстон был в превосходном настроении. Поразительно, если учитывать, что петля на его шее почти затянулась. Интересно, подумал я, не приготовил ли он нам очередной сюрприз?

— Бедняжка Элли, — заявила миссис Вииринг, беря с подноса бокал с мартини, — все еще не пришла в себя. Я очень обеспокоена ее состоянием. Мы бессильны. Остается только молиться.

— Вы видели ее?

— Нет, к ней никого не пускают, кроме врача и сиделки. Я потребовала проведения консультации врачей, и мистер Рэндан как ближайший родственник дал на это согласие.

— На консультацию?

— Да, чтобы выяснить, что с ней происходит.

— Вы хотите сказать...

— Что она, видимо, сошла с ума.

На этой радостной ноте мы приступили к обеду.

Помню, как в тот вечер я присматривался к сидевшим за столом. Убийца был среди нас, спокойно сидел и поглощал тушеные помидоры и омара под соусом «ньюберг». Но кто же он?

¹ Нож, применяемый в масляной живописи для удаления красок с полотна.

Спокойнее всех вел себя Брекстон. Без сомнения, он полагался главным образом на свое безукоризненное алиби: если он действительно говорил правду, а мы об этом вскоре узнаем от Элли Клейпул, то ему не о чем беспокоиться.

Как только принесли десерт, миссис Вииринг приподнялась со странной улыбкой на губах и вдруг свалилась, ударившись головой об стол. Все онемели. Ее бокал с глухим стуком упал на толстый ковер.

Мисс Ланг пронзительно закричала. Все замерли на своих местах. Только Гривз вскочил и крикнул: «Никому не двигаться!»

2

Никто не ожидал ничего подобного. Вбежал дворецкий с дигиталисом, и миссис Вииринг наконец пришла в себя. Со слабой улыбкой она произнесла:

— Все в порядке... Что-то с сердцем... в постель.

Ее отвели наверх, и Гривз вызвал доктора.

Наше все более тающее общество молчаливо попивало бренди и ожидало пояснений Гривза, который вместе с человеком в штатском исследовал бокал миссис Вииринг, ее пищу и стул, на котором она сидела.

Происшедшее больше всего взволновало мисс Ланг. Я даже испугался, как бы ее тоже не хватил удар.

— Бедная Роза! Я знала, что так... предупреждала ее... не хотела слушать... напряжение, ужасное напряжение... это не могло долго продолжаться... все возможно, всегда, с самого начала... алкоголь...

Гривз вернулся к нам примерно через час. Похоже, он был действительно встревожен.

— С миссис Вииринг все в порядке. С радостью сообщаю вам об этом. Оказывается, она страдает хронической болезнью сердца. У нее был приступ и...

— Ей дали наркотик! — воскликнула мисс Ланг, широко раскрыв свои поросычьи глазки. — Я в этом уверена! Ей точно дали наркотик, как бедняжке Милдред. А может быть, и хуже — отравили!

Именно об этом мы все и думали.

Гривз решительно подошел к бару и, не обращая внимания на правила приличия, налил себе солидный бокал виски. Затем присоединился к нашему тесному кругу.

— Ее не отравили и наркотика ей не давали. Сейчас она чувствует себя вполне нормально, только придется день-два полежать в постели. До утра ее беспокоить нельзя.

— Роза — моя ближайшая подруга, и, если наступил час ее тревог, я должна быть с нею, — решительно поднялась с места мисс Ланг.

— К сожалению, я не могу позволить вам этого, — категорически отрезал Гривз и задумчиво посмотрел на всех нас. — Ночь будет тяжелой. Мы ожидаем, что с минуты на минуту мисс Клейпул придет в себя и расскажет о том, что она делала во

время убийства брата. Пока у нас нет ее показаний, мы ничего не можем предпринять. Остается только ждать. В случае необходимости я буду внизу, в комнате Брекстона.

Я подошел к Брекстону и сел рядом с ним. С одной стороны, мне было его очень жаль, а с другой — хотелось узнать, почему он так в себе уверен.

— Спокойный уик-энд, не правда ли? — обратился ко мне Брекстон.

— Осталось только четверо, — сказал я, кивнув. — На войне мы бы сказали: «Роковая четверка».

— Да, это так. Но, к счастью, в живых осталось шестеро, а не четверо, так что это не так уж плохо.

— Все зависит от того, как относиться к несчастным случаям. Раньше у миссис Вииринг были подобные сердечные приступы?

— Да. Насколько мне известно, это третий. Во время приступа она синееет, но стоит ей принять лекарство, как через несколько минут все проходит.

— Минут? Но сейчас, похоже, ее действительно сильно прихватило. Доктор говорит, что она должна полежать в постели день или два.

Брекстон улыбнулся.

— Это Гривз сказал, что доктор велел ей полежать в постели. Постепенно до меня дошло.

— Так вы считаете, что с ней сейчас все в порядке? Тогда зачем этот спектакль? Почему Гривз сказал, что ей необходимо несколько дней полежать в постели?

Брекстон вздохнул.

— По какой-то не известной нам причине она прикидывается больной... Ну что ж, пусть делает, как ей нравится.

— Скажите, мистер Брекстон, — спросил я с обезоруживающей улыбкой, — кто убил вашу жену?

— Никто.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно.

— Тогда по той же самой причине Клейпул ударил себя по голове, оттащил свое тело под скамейку и отрезал себе голову нашим мастихином?

— Да, — усмехнулся Брекстон, — загадочные вещи происходят, вы не находите?

— Что вы имеете в виду?

— Ну хотя бы удар по голове, который на днях был нанесен вам в кухне.

— Кстати, что вы об этом думаете? Ведь не мог же я нанести его себе сам.

Брекстон улыбнулся, а я продолжал задавать навязчивые вопросы.

— Значит, вы считаете, что ваша жена покончила с собой?

— Да, случайно.

— А Клейпул?..

— Был убит.

— Вы знаете, кто это сделал?

— Нет, не знаю.

— Но догадываетесь?

Брекстон пожал плечами.

— Кое-какие идеи у меня есть.

— Но вы еще не пришли к определенному выводу?

— Не пришел.

— А вы понимаете, к какому выводу придет полиция, если Элли Клейпул подтвердит, что действительно была с вами, когда убили ее брата?

— Ну и к какому? — бесстрастно бросил он.

— Что, видимо, вы вдвоем его и убили.

Брекстон холодно посмотрел на меня.

— Почему они должны прийти именно к такому выводу? Она была преданна ему и очень его любила.

Чувствуя, что мне его никак не разговорить, я решил попробовать с другой стороны.

— Если не вы с Элли убили Клейпула, остаются только трое подозреваемых — мисс Ланг, миссис Вииринг и Рэндан. Но зачем кому-то из них убивать Клейпула?

Брекстон бросил на меня насмешливый взгляд.

— Я почти в таких же потемках, как вы и полиция, хотя одну идею я вам подкину — «преступление страсти».

— Что вы имеете в виду?

Быстрым жестом он указал на мисс Ланг.

— Она была влюблена и, как говорят, с презрением отвергнута.

— В кого влюблена?

— Во Флетчера Клейпула, и в течение многих лет.

— А я-то думал, что она влюблена во всех мужчин.

— Это тоже есть. Много лет тому назад, когда я с ней познакомился, кстати, и Флетчер тоже, она была очень симпатичной девушкой. Сейчас в это трудно поверить. Полнота появилась позднее, когда Флетчер отверг ее.

— Если она была так прекрасна и влюблена в него, почему же он в нее не влюбился?

— Ну, почему, почему... просто не влюбился, и все.

— Как-то трудно представить, что женщина могла пойти на убийство через пятнадцать лет после того, как ее отвергли.

— Ваши представления — это ваши проблемы, — сказал Брекстон. — Я пошел спать. — И, кивнув головой остальным двум гостям, сидевшим на диванчике, вышел из гостиной.

Я поднялся в свою комнату, не раздеваясь, лег на кровать и выключил свет. Я думал о том, что Брекстон рассказал мне, и о том, о чем он умолчал. Некоторые факты могли сыграть большую роль в обвинении: Элли Клейпул и он были влюблены друг в друга, и оба по ряду причин, пока еще не установленных, имели повод убить ее брата.

3

Проснулся я неожиданно и сразу же бросил взгляд на часы. Светящийся циферблат показывал ровно двенадцать.

Я почувствовал жажду и решил выпить глоток бренди, чтобы снова заснуть. Спустившись в гостиную, я увидел мисс Ланг — бледную, взволнованную, в какой-то немислимой розовой накидке.

— Где сиделка? Вы видели ее?

— Какая сиделка? — Я в недоумении уставился на нее.

— Сиделка, которая...

— Кто ищет меня? — раздался из холла звонкий женский голос, и в дверях появилась внушительная сиделка с накрытым подносом в руках. Мисс Ланг повернулась к ней.

— Я зашла в комнату Розы, в постели ее не оказалось. Я испугалась и...

— Я — ночная сиделка, — заявила фигура в белом. — Мы сменяемся ровно в полночь. Я была в кухне. Мне необходимо кое-что приготовить.

— Но где может быть Роза?

— Это скоро выяснится, — рассудительно заметила сиделка.

Мы поднялись наверх и вошли в комнату миссис Вииринг. Наша хозяйка, вся в черных кружевах, сидела в кровати и читала детективный роман. Она была на вид совершенно трезвой, что для нее нехарактерно, и недовольной.

— Какого черта вы здесь делаете... — начала было она, но мисс Ланг не дала ей закончить.

— О Роза, слава Богу! Я опасалась, что с тобой что-то произошло. Я заходила сюда несколько минут назад и тебя не видела. Затем постучала в дверь к Элли, — она показала на соседнюю дверь, — но никто не ответил, и я ужасно перепугалась.

— Я была в ванной, — недовольным тоном произнесла миссис Вииринг. — Со мной все в порядке, Мэри. Иди спать, завтра утром мы обо всем поговорим. Я еще не совсем хорошо себя чувствую.

— Конечно, конечно. Роза, но, прежде чем я уйду, ты должна...

Пока обе женщины разговаривали, сиделка отперла дверь в соседнюю спальню и вошла в нее. Она оставила дверь приоткрытой, и я смог заглянуть в комнату. Мне хотелось знать, как чувствует себя Элли.

Казалось, все в порядке. Но сиделка уже звонила по телефону.

— Доктор, быстро приезжайте. Инъекция. Что именно, мне не известно. Думаю, ей понадобится скорая помощь.

Прежде чем вмешался представитель закона и выставил нас, я подбежал к кровати Элли.

Она лежала на спине и тяжело дышала. Лицо у нее посерело, руки судорожно впились в одеяло.

Встревоженная сиделка внимательно осматривала шприц.

— Что произошло?

— Кто-то сделал ей укол.

Сиделке удалось выжать из шприца на кусочек ватки последнюю каплю жидкости.

— Это же... господи, это же стрихнин!

На этот раз допрашивали всех вместе. Никаких хождений поодиночке в альков больше не было.

Гривз присоединился к нам ровно через час после того, как «скорая» отвезла Элли в больницу.

Рядом со мной сидела миссис Вииринг — бледная, с воспаленными глазами. В суматохе как-то все позабыли о ее приступе. Мисс Ланг была близка к истерике, временами теряя контроль над собой и бессмысленно хихикая. Брекстон нервничал, судорожно ломал пальцы и натянул на голову поблекший халат, как бы пытаясь спрятать лицо. Рэндан, появившийся во время этой сумятицы, был явно поставлен в тупик.

— Кто-то в полночь вошел в комнату мисс Клейпул и попытался сделать ей укол стрихнина. К счастью, проделал это крайне небрежно, и в вену почти ничего не попало, что спасло ей жизнь. — Гривз выгащил блокнот. — А теперь попрошу каждого из вас рассказать мне, где вы были в полночь. Прежде чем я начну, должен сказать, — для тех, кто здесь впервые, — что на втором этаже расположены семь спальных комнат, каждая со своей ванной. По центру этажа проходит коридор, который с обеих сторон заканчивается окном. С одной стороны этажа расположены лестница и три комнаты. Самая дальняя из них — комната мистера Сарджента. Затем идет спальня мисс Ланг, потом пустая комната. Между смежными спальнями есть двери.

— Я не понимаю, какое это имеет отношение к тому, что произошло? — раздраженно бросила миссис Вииринг.

— Самое прямое. Я постараюсь объяснить вам через несколько минут. — Гривз сделал несколько записей в своем блокноте. — Теперь далее. С противоположной стороны коридора, выходящей к океану, расположены четыре комнаты. Самая дальняя из них — спальня мистера Рэндана. Затем идут комнаты миссис Вииринг, мисс Клейпул и, наконец, мистера Брекстона. Спальни Брекстона и миссис Вииринг соединяются дверьми с комнатой мисс Клейпул.

— Дверь в моей комнате заперта, — произнес Брекстон.

От неожиданности мы вздрогнули.

— Все правильно, — спокойно согласился Гривз. — Я ее запер как раз со стороны спальни мисс Клейпул. Правда, ключа в замке не было.

— Что вы хотите этим сказать? — натянутым голосом спросил Брекстон.

— Все хорошо в свое время. И не прерывайте меня, пожалуйста. А теперь, надеюсь, вы будете абсолютно откровенны со мной. Это в ваших же интересах.

Повисла гробовая тишина. Гривз повернулся ко мне.

— Где вы были в полночь?

— В постели. Точнее, только что проснулся.

— Вы всегда спите одетым?

— Нет, я не собирался спать, но заснул где-то около одиннадцати.

— Понятно, и проснулись в двенадцать?

— Да, я еще посмотрел на часы, включил свет и решил выпить бренди, чтобы легче было заснуть снова.

Затем Гривз повернулся к мисс Ланг.

— Так. Будем переходить от комнаты к комнате. Теперь ваша очередь. Где вы были в полночь?

— Я... я была у Розы... В комнате миссис Вииринг... Я искала ее.

— Вы уверены, что была полночь?

— Нет, не совсем, хотя близко к этому, потому что буквально через несколько минут я увидела мистера Сарджента. Я была в ужасе оттого, что не могла найти Розу. Затем постучала в комнату Элли, но ответа не последовало. Я поняла, что что-то не так, и побежала за сиделкой. Дежуривший полицейский видел меня.

— К несчастью, он не заметил, как вы вошли, но видел, как вы вышли. Похоже, когда была смена сиделок, он стоял на площадке лестницы и разговаривал с уходившей сестрой, повернувшись спиной к коридору.

— Ну да, я помню, полицейский с кем-то разговаривал, правда, я не видела с кем.

— Мисс Ланг, а вы пытались открыть дверь между двумя комнатами?

Наступило напряженное молчание. Мисс Ланг побледнела как полотно. Брекстон сел на самый краешек стула. Глаза миссис Вииринг были закрыты, как будто она старалась вычеркнуть из памяти какую-то ужасную картину.

— Я...

— Мисс Ланг, пытались вы открыть ту дверь или нет?

Тишина с треском взорвалась. Мисс Ланг разразилась слезами. Сквозь ее причитания мы узнали, что она пыталась открыть дверь, но та была заперта на ключ.

Потребовалось несколько минут, чтобы успокоить мисс Ланг. Когда она наконец затихла, Гривз неумолимо продолжал допрос.

— Мистер Рэндан, а где вы были в полночь? Вернее, когда вы вернулись домой?

— Не знаю. Примерно без четверти двенадцать. Ночная сиделка и я появились в одно и то же время. Мы вместе вошли в дом, вместе поднялись наверх, где она встретилась с сестрой, которую сменяла, а я прошел в свою комнату. Я почти разделся, когда началась вся эта суматоха.

— И что вы сделали?

— Я вышел в коридор и поинтересовался у полицейского, что происходит. Он сказал, что не знает. Затем появились вы и...

— Хорошо.— Гривз повернулся к миссис Вииринг.— А где были вы?

— Сидела в туалете.

Грубый ответ произвел впечатление электрического разряда. Мисс Ланг истерически захихикала.

— В какое время вы там были?

— В туалет я по часам не хожу, мистер Гривз. Я была там сколько нужно, а потом вернулась в постель. Я помню, как ко мне в комнату ворвались три маньяка.

Довольно подходящее описание нашего вторжения.

— В течение этого времени вы не слышали ничего необычного?

— Нет.

Гривз повернулся к Брекстону и задал те же самые вопросы.

— В двенадцать часов я видел десятый сон.

— В каком часу вы отправились спать?

— Не знаю, где-то около одиннадцати.

— Вы не слышали никаких странных звуков из соседней комнаты, спальни мисс Клейпул?

— Нет, не слышал ничего особенного. Гм... хождение по комнате, вот и все, но это было перед тем, как я заснул.

— Когда вы проснулись?

— Около полуночи. Мне показалось, что я слышу какой-то шум.

— Бегущих людей? Или хлопанье дверей?

— Нет, скорее стон. Возможно, это была игра моего воображения, а может быть, просто шум прибора. Я не знаю, но я проснулся. Затем началась вся эта кутерьма.

— А шум, который вы слышали, откуда он шел?

— Из комнаты Элли. Кажется, это был голос.

— И когда вы его услышали?

— Я... Значит, так. Как раз за несколько секунд до того, как все поднялись наверх.

Гривз кивнул. Лицо его ничего не выражало.

— Очень интересно, мистер Брекстон. А сами вы случайно не пытались открыть дверь между вашей комнатой и спальней мисс Клейпул?

— Нет, я знал, что она заперта.

Гривз вытащил из кармана носовой платок, развернул его и показал ключ.

— Что это, мистер Брекстон?

— Ключ.

— Вы его раньше видели?

— Откуда я знаю? Все ключи выглядят одинаково.

— Это ключ от двери, ведущей из вашей комнаты в спальню мисс Клейпул.

— Ну и что?

— Двадцать минут назад его обнаружили в наволочке на вашей кровати, мистер Брекстон. Я вынужден арестовать вас по подозрению в попытке совершения убийства первой степени. Можете передать вашему адвокату, что Специальный суд состоится в эту пятницу в Истхэмптоне. Властью, возложенной на меня штатом Нью-Йорк.

Мисс Ланг упала в обморок.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Брекстона арестовали и во вторник отправили в тюрьму. Специальный суд был назначен на пятницу. Это давало мне

возможность в течение двух оставшихся дней ради собственной славы и торжества слепой дамы с весами разыскать настоящего убийцу. Сорок восемь часов, чтобы доказать невинность Брекстона.

На следующее утро я встал в девять часов. Я еще одевался, когда раздался звонок от редактора «Глоуб».

— Послушай ты, недоразвитый ищейка, на что ты намекаешь в своих идиотских репортажах? Ты что, действительно полагаешь, что убийца не Брекстон?

— Вот именно.

Я отвел трубку от уха на расстояние вытянутой руки, пока мой бывший начальник продолжал бесноваться. Когда он успокоился, я ее опять придвинул и успел уловить:

— Ну вот что, я направляю к вам Элмера. Пускай разбирается. Он рвался еще раньше, но я ему отказал. Я сказал, что ты все выяснишь и разберешься в этом чертовом деле. И вот тебе на! Вместо этого ты бьешь нас под коленки!

— Лесть вам не поможет, — ответил я недовольно. — Да и Элмер тоже. А что вы скажете, если я не позднее пятницы назову вам настоящего убийцу?

— Да разве ты...

Я сказал ему, что все его гадания просто бессмысленны. Затем посоветовал, что делать с Элмером, если он еще не отказался посылать его, и первым повесил трубку.

Насвистывая похоронный марш, я спустился к завтраку.

Вид Рэндана, с аппетитом поглощающего еду, не поднял моего настроения. Больше никого в столовой не было.

— Видели газеты? — Рэндан прямо-таки горел от возбуждения. — На всех первых полосах.

Он пододвинул мне целую кипу прессы. Заголовки последних выпусков гласили: «Арестован известный художник за убийство своей жены и своего друга». Это было типичное перетряхивание грязного белья, кошмар, равный Содому и Гоморре.

Я едва взглянул на заголовки. Из собственного журналистского опыта мне прекрасно было известно, что основным в газетных публикациях являются заголовок и первый абзац, все же остальное — более или менее удачный набор слов.

— Очень интересно, — сказал я.

— Думаю, никто из нас так и не угадал преступника. — Рэндан не обратил внимания на мой хмурый вид. — Как правило, преступником является тот, на кого падает подозрение, но готов поклясться, что Брекстон тут ни при чем.

— Но ведь вы всегда утверждали, что убийца — он, разве не так?

Рэндан снисходительно улыбнулся.

— Я делал это специально, чтобы увести вас в сторону, пока собирал факты против настоящего убийцы, точнее — против человека, которого считал виновным. Но это мне ничего не дало.

— Так же, как и мне.

— Дело с ключом окончательно все решило, — со вздохом произнес Рэндан, взяв «Дейли Ньюс».

«Знаменитый кубист обвиняется в убийстве своей жены и своего друга», — гласила надпись на первой странице.

Миссис Вииринг и мисс Ланг спустились к завтраку вместе. Обе, похоже, сохраняли самообладание и выглядели оживленными.

— А наши джентльмены, оказывается, ранние пташки! — весело воскликнула писательница, явно оправившаяся после удара, испытанного всего лишь несколько часов назад.

— Наверное, нелегко пришлось, Питер?

Миссис Вииринг с улыбкой посмотрела на меня.

Я пробормотал в ответ какую-то бессмыслицу.

— И боюсь, нам не удастся довести до конца наш первоначальный план.

— Возможно, при данных обстоятельствах вы правы, — согласился я, печально кивая головой. — Неразумно делать...

— Я знала, что вы поймете. Мне очень жаль, что вы потеряли почти неделю.

— Ну, не совсем потерял.

Она улыбнулась.

— Вот именно. Сделали несколько публикаций, верно?

Я прошел к себе в комнату и позвонил мисс Флинн.

— Весь Нью-Йорк жужжит, — заявила она тоном человека, который следит за событиями на расстоянии.

— Не удивляюсь, — ответил я. — Вернусь в пятницу днем. Есть какие-нибудь новости?

Она коротко изложила все, что произошло в мое отсутствие. Я дал ей указания по работе, а потом попросил кое-что для меня выяснить. Мисс Флинн, как всегда, отреагировала сдержанно.

— Я все сделаю, хотя, знаете, на наведение справок уходят все силы, — канцелярским тоном произнесла она. — Кстати, каждый день вам звонит некий мистер Уил. По какому поводу хочет с вами встретиться, ничего не говорит. Он с вами еще не связывался?

Я ответил, что нет, и повесил трубку. Затем решил осуществить стратегический маневр.

Из соседней комнаты, спальни мисс Ланг, до меня донеслись тихие звуки пылесоса. На втором этаже не было ни души, за исключением одной-единственной служанки. Осторожно, чтобы не шуметь, я вышел из комнаты, перешел в коридор и пробрался в комнату Дика Рэндана.

Она была точной копией моей. Он даже поленился развесить одежду. Его чемодан лежал открытым, забытый помятыми вещами. Я быстро их просмотрел. Если не упоминать о дырявых носках, ничего особенного не нашел. Правда, ничего особенного я и не искал, что, естественно, усложняло мою задачу.

Я обследовал ванную комнату и обнаружил бритвенные приборы. Я также нашел женский платок с инициалами «Р. В.». Он был весь в вате и засунут в стакан, стоявший на второй полке аптечки. «Р. В.» — скорее всего Роза Вииринг, но почему ее платок у Рэндана? Странно. На нем нет никаких следов, ни кровавых пятен, ничего интересного. Обыкновенный кружевной платок. Несколько сбитый с толку, я положил его обратно. Может

быть, он kleптоман? Или фетишист? Или миссис Вииринг отдавалась ему здесь ночью, оставляя платок как залог своей любви? А может, он случайно нашел его и сунул в первый попавшийся сосуд, которым оказался стакан? Я решил, что схожу с ума, приписывая большое значение всякой чепухе.

Я вернулся в спальню и осмотрел окна, затем открыл дверь между комнатой Рэндана и следующей спальней, где размещалась миссис Вииринг. Это была самая большая из комнат, окна которой выходили на море. Везде была разбросана одежда. Да, бегом не успеешь все осмотреть. И тем не менее в ее ванной комнате я нашел кое-что интересное. На металлическом столике лежал небольшой автоклав с несколькими шприцами. Рядом стояли пузырьки с лекарствами. На этикетках написано ее имя и указан состав. Два пузырька со стрихнином, входившим в состав лекарства, который принимали в случае сердечного приступа.

Дверь в спальню Элли Клейпул была не заперта. Одежда все еще висела в стенном шкафу и лежала в комодe. Если здесь было хоть что-то, дававшее полиции след, то, естественно, ожидать новых находок не приходилось. Я бегом осмотрел комнату и перешел в спальню Брекстона, в которой царил беспорядок. Матрас, одеяло, подушки валялись на полу. Комнату, безусловно, уже тщательно обыскали, хотя искать в ней было нечего. Единственное, что я заметил, — окно, выходившее на восток в сторону океана, было прямо над металлическими качелями, под которыми я нашел тело Флетчера Клейпула. Поскольку в ту ночь светила полная луна, Брекстон, если выглядывал из окна, мог видеть убийцу. Из других комнат качелей видно не было!

По крайней мере так можно объяснить кажущуюся самоуверенность Брекстона. Но почему он молчит? Я даже не подозревал, что разгадка прямо под рукой.

2

До половины двенадцатого я безуспешно ждал появления Гривза, но оказалось, что он находится в администрации Риверхеда, где пытается выплыть из моря всяческих запретов. Районной прокуратурой была пущена в ход машина правосудия, и мужественный Гривз мог почитать на лаврах.

Когда я понял, что ждать его бесполезно, то попросил Рэндана одолжить мне свою машину. Он не имел ничего против; единственно, поинтересовался, есть ли у меня водительские права. Я сказал, что есть, и отправился в путь.

День был ясным и прохладным, скорее осенним, нежели летним. Вязы на главной магистрали Истхэмптона начали уже желтеть. Осень была не за горами.

Я подъехал к больнице Св. Агаты, куда, насколько я знал, отправили Элли Клейпул. С самоуверенностью, которой я на самом деле не чувствовал, я вошел в мрачное, викторианского вида, здание и заявил в приемном покое, что я — Дик Рэндан, племянник мисс Клейпул, и очень хочу видеть свою тетю.

К моему удивлению, после нескольких минут телефонных переговоров, мне заявили, что я могу ее навестить на десять

минут. Оказалось, что она уже несколько часов в сознании и совершенно спокойна.

Элли лежала в постели. Лицо ее было бледным как полотно, а глаза лихорадочно горели. При виде меня она вздрогнула.

— Я думала, что Дик...

Я быстро прервал ее.

— Он хотел прийти, но послал меня. Я могу поговорить с вами наедине?

Говоря это, я бросил взгляд на сестру, стоящую наготове у подноса с успокоительными лекарствами.

— Запрещено врачами. И полицией тоже, — твердо заявила медсестра. — Не беспокойтесь, я не буду подслушивать.

Элли натянуто улыбнулась.

— Боюсь, придется подчиниться приказам. Почему вы хотели видеть меня, мистер Сарджент?

Я присел рядом с ее кроватью и постарался говорить как можно тише.

— Во-первых, я хотел знать, как вы себя чувствуете?

— Почти оправилась. Похоже, что стрихнин, вместо того чтобы убить меня, оказал противоположное действие. Правда, говорят, что я была на грани потери рассудка.

— Вы ничего не понимаете? Я имею в виду стрихнин...

Она покачала головой.

— Я пришла в себя только в «скорой».

— Когда был убит ваш брат, вы были с Брекстоном?

Она кивнула.

— Такой же точно вопрос задавал мне сегодня утром этот ужасный маленький человечек из полиции.

— Так он не поверил вам?

— Нет, не поверил, хотя не могу понять, почему?

— Вам известно, что полиция арестовала Брекстона?

Ее зрачки расширились. У нее даже перехватило дыхание, затем она закрыла глаза.

— Мне следовало догадаться. Полицейский ничего не сказал, но по крайней мере это объясняет его разочарование, когда я ответила на вопрос. Пол не мог этого сделать! У него не было оснований для убийства, и потом он был со мной.

— У нас совсем мало времени, — быстро заговорил я. — Я тоже считаю, что Брекстон не убивал, но полиция полагает иначе, и у них достаточно, по их мнению, улики. Вы должны помочь мне.

Считаю, всю эту историю можно распутать, но для этого я должен гораздо больше знать о людях, причастных к ней, и об их прошлом. Пожалуйста, расскажите мне все.

— Что вы хотите знать?

— У кого были причины убить вашего брата?

Она оглянулась по сторонам.

— Трудно сказать. И что вообще понимать под словом «причины»? Немало людей, у которых есть поводы для недовольства, но они ведь не убивают...

— Как у мисс Ланг?

— Ну, хотя бы у нее. Между прочим, а откуда вы знаете?

— Не имеет значения. Кстати, что в действительности произошло между нею и вашим братом?

— Да ничего особенного, в этом-то все и дело. Она была влюблена в него, а он оставался равнодушен. Мы жили в Бостоне и довольно часто виделись. Наверное, вам известно, что в то время она была еще не толстой и достаточно симпатичной. Она была убита горем, когда он связался с Милдред. Примерно в то же самое время и начала толстеть. Я думаю, это у нее не гормональное, а невротическое. Она никогда, насколько мне известно, не встречалась с другими мужчинами и продолжала любить Флетчера.

— А не могла ли она дать снотворное Милдред?

— Я... я давно задумывалась над этим. Она ненавидела Милдред. Мне кажется, она стала ненавидеть ее еще больше, когда та отказала Флетчеру. Произошла глупейшая из вещей — сначала она ненавидела соперницу, а потом еще больше возненавидела ее, когда та пренебрегла человеком, которого она любит. Да, я полагаю, она могла дать снотворное Милдред. Одно лишь странно — стоило ли для этого ждать пятнадцать лет?

— Вероятно, ей впервые представилась такая возможность.

— Может быть, не знаю. Но даже если и она, зачем тогда убивать Флетчера?

— За то, что он ею пренебрег.

— Бог его знает. А насчет Милдред я сперва подумала, что это несчастный случай, она случайно приняла снотворное и, забыв об этом, пошла купаться. Но потом, когда вмешалась полиция, мне пришло в голову, что Мэри Уэстерн Ланг вполне могла дать Милдред таблетки. Тем более что среди гостей не было людей, действительно ненавидевших бедную Милдред.

— Вы исключаете даже ее мужа?

— Он привык к ней. Кроме того, у него была масса более благоприятных возможностей. Он не стал бы использовать уик-энд, на котором собрались хорошие знакомые, чтобы убивать свою жену.

— А как вы относились к Милдред?

— Она не была моей подругой. Кроме того, мне не нравились ее отношения с Флетчером. Мы с нею, как правило, ссорились. Она обвиняла меня в том, что я специально удерживаю Флетчера в Кембридже, когда он должен быть, по ее мнению, в Нью-Йорке, где она могла вцепиться в него.

— А вы действительно удерживали его в Кембридже?

— В этом не было особой необходимости, — ответила Элли с печальной улыбкой. — Когда Милдред вышла замуж, Флетчер потерял к ней всяческий интерес. Она даже навела на него скуку.

— И тем не менее... она продолжала заигрывать с ним?

— Вполне подходящее слово. Вообще по натуре она собственница.

— А не мог ли ваш брат желать ее смерти?

Элли в удивлении вскинула на меня глаза.

— Что вы хотите этим сказать?

— Просто пытаюсь выяснить все возможные мотивы. Вот

и все. В связи с этим я и подумал, а не мог ли у него быть какой-нибудь мотив.

— Вряд ли. Уверена, что нет. Вы же не убиваете своих старых подруг только потому, что они вам надоели?

— Ну ладно, перейдем к вашему племяннику. А у него не было оснований для убийства Милдред?

Элли покачала головой.

— Думаю, он и видел-то ее всего пару раз. Кроме того, он в это время был в Бостоне. Помню, вечером накануне смерти Милдред я разговаривала с ним по междугороднему.

— По семейным делам?

— Отчасти. Я пригласила его сюда, сказав, что приглашение исходит и от Розы.

— Ну, тогда это исключает его, во всяком случае, в вопросе о Милдред. У него были какие-нибудь причины желать смерти вашему брату?

Элли медленно покачала головой.

— Нет, не думаю. Хотя они не очень симпатизировали друг другу, в открытую никогда не ссорились. Правда, минувшей зимой у них возникли какие-то разногласия относительно денег. Флетчер был опекуном Дика и управлял его имуществом. Дик хотел перевести все на свое собственное имя, но Флетчер был непреклонен, и этим все закончилось. С тех пор они редко виделись.

Мне нужно было работать быстрее. Я заметил, что сестра, сидевшая в другом углу комнаты, начинает испытывать нетерпение.

— А миссис Вииринг?

— Мы познакомились с ней примерно в то же самое время, что и с Милдред. У нас были общие друзья. И Роза, кажется, больше всех переживала, когда Милдред отказала Флетчеру.

— А у нее не могло быть мотива для убийства, как вы думаете?

Элли опять покачала головой.

— Ничего подобного. Милдред, конечно, была не подарок, и в прошлом году Роза с ней не встречалась. Я была несколько удивлена, узнав, что на уик-энд приглашены и Брекстоны. Все это довольно странно. Мы с Флетчером не были уверены, что поедем. О Боже, как было бы хорошо, если б мы не поехали!

Элли прикусила нижнюю губу, а сестра неодобрительно посмотрела в мою сторону.

Я был непреклонен. Оставалось мало времени.

— Миссис Вииринг хорошо относилась к вашему брату?

— Да, конечно.

— Значит, вы категорически исключаете, что она может быть убийцей?

Элли смущенно покачала головой.

— Не знаю, что и думать. Это все так ужасно.

— Вам пора идти, сэр, — произнесла сиделка.

— Вы любите Брекстона? — задал я последний вопрос.

При этих словах Элли вспыхнула.

— Нет, нет.

— А он вас?

— Я... вам лучше спросить его самого, мистер Сарджент.

3

Я нашел Лиз на террасе клуба. Она быстро отвела меня в сторону, испытывая наслаждение от последних новостей.

— Видишь, все так, как я и говорила. А ты что, не рад? Теперь можно уехать из этого ужасного дома, и с делом будет покончено.

— Я постараюсь задержаться там подольше.

В этот самый момент появилась моя Немезида¹ в лице Элмера Буша. Он был в спортивных брюках канареечного цвета, каштановой куртке и башмаках из крокодиловой кожи. На его губах красовалась улыбка, которую он привык выжимать из своего деревянного лица перед миллионами телезрителей.

Он решительно направился ко мне, протянул руку и громовым голосом воскликнул:

— Давно мы не виделись, братец Сарджент!

Едва сдерживая отвращение, я представил его всем сидевшим за столом. Никто, похоже, не испытал особого удовольствия при виде этой неожиданной знаменитости.

— Надо малость поразмяться в этих местах,— сказал Буш, похлопывая меня по спине, очевидно, в надежде, что я обгорел на солнце. Я, в свою очередь, дружески применил к его руке прием дзюдо, рассчитанный на то, чтобы на несколько секунд парализовать нерв. То ли Буш был резиновый, то ли я потерял свое прежнее мастерство, но он и глазом не моргнул.

— В «Глоуб» посчитали, что мне следует сюда съездить на разведку.

— Зачем?

Я продолжал улыбаться, надеясь нанести ему очередной удар по руке. Но Буш отодвинулся от меня.

— Так просто, осмотреться. Ты всегда был шутником, Пит. Ха-ха! Ну и статейки ты написал, только подумать! Для очевидца потрясающий охват, я бы сказал.

— Благодарю,— произнес я, давно ожидая подобного удара.

— Похоже, ты поставил не на ту лошадку. В городской администрации все прямо-таки раздражены. Ты же знаешь, какие они обидчивые.

— Но ему пока не предъявляли обвинения.

— В пятницу предъявят.— Элмер облизал губы.— Я тут немного поговорил с Гривзом. Старый мой знакомый. Я его знал еще в те времена, когда открывал для себя графство Саффолк. Хорошее дельце он раскопал. А ключ! Нет, дружище, полиция сработала просто первоклассно!

— Ты прав, Элмер,— устало произнес я.— Надо обладать недюжинными умственными способностями, чтобы обыскать комнату и найти ключ.

— Не надо недооценивать Гривза,— покровительственно про-

¹ Богиня возмездия в греческой мифологии.

изнес Буш.— Такой ум еще поискать надо. Вот за это он мне и понравился. Тебе не удалось ничего выудить из него, а мне повезло. Я смог это сделать и не стыжусь в этом признаться.

Наступило глубокомысленное молчание.

— А тебе не удалось узнать, — произнес я, как бы не придавая этому значения, — зачем Брекстон воспользовался ключом?

Буш посмотрел на меня, как на ненормального.

— Да, ты точно слишком долго занимался рекламой, — высокомерно протянул он. — Брекстон украл ключ у миссис Вииринг, который хранился у нее в столе, между прочим, в самом верхнем ящике, куда мог любой залезть. Затем, услышав, что сиделка ушла, он отпер дверь в спальню мисс Клейпул, на цыпочках вошел туда, взял шприц, наполнил его стрихнином и попытался сделать ей укол, но неудачно. Быстро вернулся в свою комнату, запер дверь и спрятал ключ в своей наволочке.

— О, потрясающе! — Лиз была буквально в экстазе.

— Стрихнин, — спокойно заметил я, — хранился в комнате миссис Вииринг, а не у мисс Клейпул. Так как он попал к нему?

— Он мог взять его в любое время, — ответил Элмер с располагающей улыбкой.

— Возможно. Тогда остается еще один вопрос. Уверен, что вы с Гривзом уже его проработали. Почему Брекстон хотел убить Элли?

— Чтобы убрать свидетеля.

— Но ведь она уже заявила, что во время убийства брата была с Брекстоном. Разве не так? Какой же смысл уничтожить своего единственного свидетеля?

Элмер снисходительно улыбнулся.

— Я не имею права разглашать тайны следствия... пока.

Я был утрачен этими намеками. Ни Элмера, ни Гривза не назывешь полнейшими дураками. Не означает ли это, что представители штата попытаются доказать, что Элли и Брекстон были сообщниками? А потом Брекстон решил убрать ее, чтобы окончательно развеять подозрения? Нет, это не сработает. Полиция не настолько глупа. Значит, им что-то известно, или они просто блефуют.

Альма Эддердейл, пьяное взбалмошное создание, уныло болтавшееся по всему миру, пригласила нас в свою кавану. Мы с Лиз последовали за нею, а Элмер остался пообщаться с важными членами клуба.

Кавана леди Эддердейл выделялась среди остальных пляжных домиков своим ярким тентом и маленьким баром. Мы расселись в шезлонгах на открытом воздухе. День был прекрасный, наполненный тем серебристым светом, какой бывает только осенью у моря. Несколько минут мы беседовали с леди Эддердейл. Постепенно я расположил ее к себе. Похоже, она заинтересовалась, когда я сказал, что гощу у миссис Вииринг.

— Милая бедная Роза, — пробормотала она. — Боже, какой кошмар! Брекстон всегда был моим любимым художником. И кому понадобилось убивать его?

Я попытался объяснить ей, что убит не Брекстон, а его жена,

но она только кивала, как близорукая лошадь перед овсом, до которого не может дотянуться.

— Его жена Пегги не подарок, не правда ли? Бедняжка, что она будет делать без него? Вы же знаете, она — дочь Розы.

Я окончательно сдался. Мешанина в голове леди Эддердейл была просто неопикуемой.

— Да, это, должно быть, у них на роду написано, — зачастила она умирающим голосом. — Уверена, что человек, убивший его, сейчас в этом раскаивается. Я бы точно раскаивалась. А вы? Он такой чудесный художник. Кстати, а как Роза? Я ее еще не видела.

Я сказал, что она старается держаться.

— О, она — человек мужественный. Со мной, значит, такое тоже произошло. Прямо среди ясного неба. Ко мне пришли и сказали: «Леди Эддердейл, нам нужны ваши финансовые документы». Естественно, я понятия не имела, о чем они говорят. «Какие документы?» — сказала я им. — Всеми моими бумагами занимается мой адвокат». Ну они и пошли к нему, и, прежде чем я уяснила, что происходит, мне пришлось заплатить сто тысяч долларов.

У меня было такое ощущение, что меня преследует кошмар. Либо она сбрендила, либо мы оба. Я в отчаянии искал глазами Лиз. Она, забыв обо всем, жарилась на солнце рядом с толстым белобрысым шведом.

— Сто тысяч долларов? — повторил я слова, которые уловил из ее болтовни.

— Примерно. Точную сумму я не помню, но она была ужасна. И раздобыть ее надо было за короткое время. Они были непреклонны. Надеюсь, они дали Розе больше времени, нежели мне.

— Времени?

— Ну да, чтобы заплатить.

— Кому?

— Да этим кошмарным типам из налогового управления.

Теперь все стало ясно.

— И когда же Розе стало известно, что ей придется платить?

— Ну, не очень давно. В то время я как раз ужасно себя чувствовала. Помню, мы еще сидели в ресторане «Колони» с Чико Пацетти... Вы знаете Чико? Кстати, жена бросила его.

— И она рассказала вам об этом в «Колони»? Давно это было?

— Примерно месяц назад. Да, точно. Я еще помню, она несколько дней была в Нью-Йорке и ходила в налоговое управление поговорить о каком-то деле.

— О каком?

Альма вздохнула и в бессилии воздела свои украшенные изумрудами руки.

— По правде говоря, не знаю. Знаю только, что она была ужасно расстроена и очень хотела поговорить со мной, потому что я прошла через то же самое. Кажется, она сказала, что должна заплатить сто тысяч; или я должна была заплатить? Ах да, каждая из нас должна была заплатить такую сумму, причем в очень короткое время. Помню, я еще сказала, что мы с нею в одной и той же лодке. Правда, у бедняжки Розы уже не было таких денег.

Я сказал Лиз, что позвоню позднее, если выдаться возможность. Затем, извинившись, отправился в «Норт-Дюнз».

Дом выглядел мирным и на удивление безлюдным. Когда я вошел, он действительно оказался почти пустым. Никого не было, за исключением мисс Ланг, сидевшей за столом миссис Вииринг.

— Кстати, я недавно виделся с Элли, — сказал я, опускаясь в кресло рядом со столом, за которым так много беседовал с Гривзом.

— Вот как? А мне казалось, к ней не пускают.

— Мне разрешили. Она чувствует себя намного лучше.

— Очень рада. Меня тревожило ее состояние. Кстати, на этой неделе я рассказываю в своем эссе о Пёрл Бак. Мне кажется, ее вещи индийского периода просто бесподобны. В особенности если сравнить с тем, что она написала после Китая, о котором и так уже известно много.

И она прочитала мне целый отрывок. Из вежливости я выразил свое восхищение.

— Трудимся, не разгибаясь? — заметила миссис Вииринг, появляясь в алькове. Она выглядела трезвой и деловой. — Какой день! Наконец-то мне удалось поработать!

Мисс Ланг вскочила из-за стола.

— А мы тут с мистером Сарджентом очень мило побеседовали. Он был первым слушателем моей новой главы. Вы же знаете, как я отношусь к читательскому мнению. Если бы все писатели работали, пытаясь учитывать запросы рядового читателя, как это делаю я!

Я извинился и отправился на небольшую прогулку по пляжу. Солнце клонилось к закату. Как я понял, до сих пор еще не обнаружили место, где убили Клейпула. Его тело тащили по пляжу, вполне возможно, у самой воды, так что волны уничтожили все следы. Интуитивно я чувствовал, что убийство произошло рядом с домом, наверняка среди ближайших дюн. Тогда возникает вопрос, почему убийца не оставил тело на месте преступления? Зачем надо было тащить его к террасе? Дело рискованное, если учитывать, что в доме полно полиции. Я чувствовал, что что-то ускользает от моего внимания.

Над морем кружили две чайки. На горизонте появились темные облака. Неужели приближается шторм? Меня пробрала дрожь, и я вернулся в дом. Осталось выполнить еще одно дело.

Брекстон с унылым лицом сидел на койке в довольно живописной тюрьме Истхэмптона и кусочком угля делал какие-то наброски в блокноте.

— Терапия, — произнес он с улыбкой, когда я вошел. — А вы совсем не похожи на моего адвоката.

— Только таким способом мог пробраться к вам. Я заявил, что

являюсь младшим партнером адвокатской конторы «Оливер и Дейл». А вы неплохо выглядите.

— Приятно слышать. Садитесь.

Я сел на стул у зарешеченного окна, чувствуя себя чуть ли не заключенным.

— Уверен, вы не совершали преступления.

— Значит, нас уже двое. Чем могу быть полезен?

— Не двое, а трое. Сегодня утром я разговаривал с Элли, и не понимаю, как после ее показаний они осмелились арестовать вас.

— Вот и осмелились.

Он положил блокнот на кровать и уголком одеяла стер с пальцев уголь.

— Я освещаю происшедшее в «Глоуб». Вы читали мои статьи?

Он молча кивнул.

— Так вот, я пытаюсь разобраться в этом деле и выяснить, кто убил Клейпула. Думаю, что вы могли видеть убийцу, бросающего тело за качели. Ваше окно выходит на террасу прямо над ними.

Он тихо засмеялся.

— Если таков пример ваших методов расследования, я просто теряюсь. Во-первых, я вернулся к себе в комнату значительно позднее, а во-вторых, я тогда жил в комнате на первом этаже.

— О! — Я тупо уставился на него. — Да, тогда это все объясняет. Где вы были во время смерти Клейпула?

— Сидел на веранде вместе с Элли, большей частью в темноте.

— Кто-нибудь из вас выходил с веранды в то время, когда погас свет?

— Да. Кстати, мы оба выходили. На короткое время. Я пошел разыскивать дежурного полицейского, чтобы узнать, когда будет восстановлено освещение, но не смог его найти. Наверняка он в это время искал распределительный щиток. Затем я вернулся назад, и мы с Элли продолжили разговор. А потом она выходила, чтобы принести альбом по искусству, который привезла специально для меня, но забыла отдать.

— И все происходило в темноте?

— Светила яркая луна. Наверняка вы это заметили. Элли принесла альбом, мы еще немного поговорили и разошлись по своим комнатам. Остальное вам известно.

— О чем вы говорили?

— Главным образом о Милдред.

— А не о заключении брака? Я имею в виду, между вами и Элли?

— Это никого не касается, — отрезал Брекстон.

— Извините. — Я поднялся. — А вам что-нибудь известно о сложностях миссис Вииринг с налоговым управлением?

— Так вы знаете и об этом? — усмехнулся он.

— Немного. Только в общих чертах. Я полагаю, что она немало задолжала?

— Да, довольно значительную сумму. — Брекстон кивнул. — Более ста тысяч долларов.

— Она в состоянии выплатить ее?

— Думаю, да, но это вне всякого сомнения ударит по ее доходам.

— И как она сможет выкрутиться?

— Ну... У Вириригов где-то на Западе есть литейное предприятие, которое приносит ей неплохой доход. Делом управляет брат ее покойного мужа. Но и у самой Розы неплохая деловая хватка. Она ведь начинала секретарем старого Виририга, президента компании. Он женился на ней и, умирая, оставил ей свою долю. Похоже, недавно ее деверь поторопился в каких-то делах. Я в этом не очень разбираюсь. Но точно знаю, что это было сделано с целью добиться уменьшения налогов. У них что-то не получилось. Так или иначе, налоговому управлению стало об этом известно, и Розе придется выплатить сто тысяч наличными.

— А у миссис Вириринг их нет?

— Если не продаст свою долю акций компании.

— Значит, правильно говорят, что она в сложной ситуации?

— Да, я бы сказал, в чертовски сложной, — медленно произнес Брекстон.

— Мистер Брекстон, ваша жена была богатой женщиной?

— Да, — бесстрастно бросил он.

— Ее богатство не имело никакого отношения к миссис Вириринг, ее тетке?

— Нет, не имело. Вы правы. Милдред получила деньги от других родственников.

— А миссис Вириринг не пыталась занять денег у вашей жены?

Брекстон заерзал на койке, нервно ломая пальцы.

— Вам Элли сказала об этом?

— Нет, просто я пришел к этому выводу логически.

— Да. Роза просила Милдред помочь ей выкрутиться с налогами, но Милдред отказала.

Какое-то мгновение мы молчали, затем я спросил:

— Почему ваша жена отказала?

— Не знаю. Думаю, что сумма слишком велика даже для нее. У них была ужасная сцена как раз накануне того дня, когда Милдред утонула. Уверен, вы слышали крики. У обеих ужасные характеры. Милдред набросилась на Розу с моим мастихином. Между прочим, после той ночи я его не видел, пока его не нашли у тела Флетчера. В общем, я вмешался в драку и успокоил Милдред.

— А я уверен, что все было наоборот. Взбесилась миссис Вириринг из-за того, что ей отказали.

— Они обе хороши. Злобные, несдержанные. Милдред хотела сразу же уехать, но я ее отговорил. Правда, на следующее утро она вела себя как ни в чем не бывало.

— Как вы считаете, не по этой ли причине пригласили вашу жену, точнее, вас обоих на уик-энд? Чтобы помочь выкрутиться миссис Вириринг?

Брекстон кивнул.

— Думаю, именно поэтому Милдред и взбеленилась. Она прекрасно знала, что Роза терпеть ее не может, и не приглашала

нас почти целый год. Затем, когда мы получили приглашение, Милдред оживилась. Дело в том, что она всегда считала Розу как бы главой семьи, и ей было неприятно, что та не хотела с нами зняться. Но когда в первый же день нашего пребывания здесь выяснилось, что нас пригласили только потому, что Розе понадобились деньги, Милдред взорвалась. Я не могу осуждать ее за это.

— А как вы считаете, при обычных обстоятельствах ваша жена могла бы дать ей в долг такую сумму?

Брекстон пожал плечами.

— Может быть. Хотя сумма была ужасно большой. Впрочем, я никогда не знал, сколько денег у Милдред. Она всегда сама оплачивала свои счета, а я — свои. Это одно из условий нашего соглашения.

— У вас был подписан брачный контракт?

— Нет. Только устная договоренность. Милдред была хорошей женой. Это может показаться странным, в особенности тому, кто познакомился с ней недавно.

Теперь я решил перейти к юридическим аспектам сложившейся ситуации.

— Как вы считаете, какую позицию займет обвинение?

— Не знаю. Наверняка совершенно дику. Мои адвокаты абсолютно уверены в этом. Ну что ж, учитывая суммы, которые я им плачу, так и должно быть. — Он криво усмехнулся. — С помощью денег они смогут раздобыть все необходимые факты, но, если говорить серьезно, они даже не представляют, что у Гривза на уме. Мы полагали, что показаний Элли будет вполне достаточно, чтобы убедить районную прокуратуру, а вместо этого они назначают внеочередную сессию суда на пятницу. Меня же запикивают в камеру.

— Я думаю, они главным образом опираются на следующие соображения: вы убили свою жену, потому что не любили ее и хотели завладеть ее состоянием. Возможно, они попытаются доказать, что вы осуществили это из желания жениться на Элли. Именно поэтому они будут рассматривать ее показания как стремление дать вам алиби.

— Все правильно. Только зачем мне было убивать Клейпула? Единственного человека, к которому Элли была привязана?

— Наверняка они найдут какой-нибудь мотив. Высосут прямо из пальца, лишь бы использовать против вас в качестве главной улики мастихин, найденный около тела убитого.

— Довольно шатко, — заметил Брекстон.

— К счастью, обвинению не известно о ссоре, которая произошла у вас с Клейпулом после того, как утонула ваша жена. Я в это время сидел на веранде и все слышал.

Выдержка Брекстона была просто потрясающей. Он ничуть не удивился.

— Слышали?

— Да, большую часть вашего разговора. Клейпул обвинял вас в убийстве жены. Не впрямую... У меня сложилось впечатление, что он считал вас виновным в определенном каком-то, ему известном, смысле и намеревался разоблачить вас.

— Да. Примерно так и было,— небрежным тоном бросил Брекстон.

— Я, естественно, не стал сообщать в районную прокуратуру.

— Очень мило с вашей стороны.

— Но мне хотелось бы знать, что означал весь этот разговор. И потом, что вы имели в виду, когда заявили, что тоже все расскажете?

Брекстон молчал. Быстрыми цепкими глазами художника он изучал меня, как будто я модель, все линии которой надо точно перенести на холст. Наконец он произнес:

— Говорить особенно нечего. Последние несколько лет Милдред буквально гонялась за Флетчером, пытаясь вынудить его жениться на ней. Он не проявлял к ней никакого интереса, хотя раньше любил ее. Но в последний год он стал меняться, и, кажется, я понимаю, почему. Он стал с ней видеться. Под вымышленным именем они совершили прогулку на Бермуды. Мне это стало известно. Такие вещи всегда всплывают. Я, конечно, устроил Милдред скандал. Она быстро изобразила нервный срыв, позднее предложила развод, а я отказал ей. Думаю, это было ошибкой с моей стороны. Я не любил Милдред, но она нравилась мне, и я к ней привык. Был уверен, что Клейпул обхаживает ее только ради денег. Элли рассказывала мне, как сильно сократился их доход за последние несколько лет, и я подумал, что Флетчер решил найти себе богатую жену. Он был просто в ярости, что я стою у него на пути. Потом, когда Милдред утонула, он был уверен, что это моих рук дело, что я нацелился на ее деньги и поэтому не давал ей развода. Вот и все. Он взорвался и обещал обвинить меня в убийстве. У меня такое предчувствие, что он успел это сделать до своей смерти, и, видимо, именно на это рассчитывает Гривз.

— Другой вопрос: что вы имели в виду, когда сказали Флетчеру, что, если он выступит с обвинением против вас, вы втянете в это дело Элли?

Брекстон невольно покраснел.

— Неужели так сказал? Видимо, едва сдерживался, иначе никогда не пошел бы на подобное. Я просто угрожал, пытаюсь образумить его.

— Каким путем ее все-таки можно было втянуть в это дело?

— Да никаким. То, что я сказал... совсем другое, касающееся только нас троих — ее, меня и ее брата. Я только угрожал. Худшего способа я не мог придумать. Странно, но я даже забыл об этих словах, пока вы не напомнили.

Мы распрощались с Брекстоном, и я поспешил выйти из тюрьмы. У меня впереди была еще уйма дел. Вдруг рядом со мной остановился автомобиль, из которого вышел Рэндан.

— Как хорошо, что я вас нашел. Я только что расстался с Лиз, и она просила передать, что будет ждать вас на приеме, который устраивается в Саутхэмптоне в честь Альмы Эддердейл. Я сказал, что подброшу вас.

— А вы тоже приглашены?

Рэндан, похоже, был недоволен моей бестактностью.

— Я просто хотел быть полезным.

- Уверен в этом. Кстати, я сейчас виделся с Брекстоном.
- В тюрьме? А я не знал, что к нему пускают.
- У меня есть свои каналы влияния. Вы тоже пытались с ним увидеться?

Рэндан кивнул.

— Да, хотел кое-что уточнить. Дело в том, что я начинаю испытывать определенные сомнения,— добавил он с важным видом.

— Сомнения? А мне казалось, вы согласились с Гривзом, что Брекстон...

— Нет, сейчас я в этом не уверен. Дело в том, что сегодня случайно кое-что услышал здесь, в доме. Не хочу сказать, что люблю подслушивать, но...

— Но вы подслушали разговор, не предназначенный для ваших ушей,— типичная человеческая черта. В конце концов что было бы с историей, если бы не подслушивание?

К счастью, это был риторический вопрос, и Рэндан его проигнорировал.

— Я слышал, как миссис Вииринг разговаривала с адвокатом.

— С адвокатом Брекстона?

— Да... Но они говорили не об убийствах. Они говорили о завещании. О завещании миссис Брекстон. Похоже, она оставила половину своего состояния тетке, миссис Вииринг, остальное — Клейпулу. Мужу не досталось ничего. Самое главное в другом: он знал об этом и с таким завещанием давным-давно согласился. Вот я и думаю...

Атмосфера во время обеда была натянутой. Я старался не смотреть на миссис Вииринг, которая вопреки совету врача решила выпить капельку дубонне. Она так хорошо накалаась к тому времени, когда подали кофе, что мы с Рэнданом, практически никому не объясняя, смогли незаметно ускользнуть из дома.

Дорога от Истхэмптона до Саутхэмптона заняла около полчаса.

Луна скрылась, а ночное небо заволокли тучи, двигавшиеся с севера.

Мы почти не разговаривали, занятые своими собственными мыслями. Правда, Рэндан попытался расспросить меня относительно истории с налогами, но я отмолчался, оставив при себе свои взлелеянные версии.

Когда мы выходили из автомобиля перед особняком на Джин-Лейн, где проводился прием, Рэндан заметил:

— Мы, кажется, оба знаем, кто убийца.

— Жаль, что это не произошло раньше,— согласился я, кивнув головой.— К сожалению, слишком много было неразгаданных вопросов.

— Мастерски все было проделано. Когда вы догадались?

— Вчера, во время разговора с Альмой Эддердейл. Она и выболтала секрет, рассказав о проблемах Розы.

Рэндан кивнул.

— Да, теперь все ясно. Собираетесь сообщить об этом Гривзу? Или Специальному суду?

Я покачал головой.

— Нет. Сперва должен попытаться использовать полученную информацию для «Глоуб». Потом, если удастся, переговорю с Гривзом. Только так смогу опубликовать свое сообщение раньше других.

Мы отправились на прием. Я был в прекрасном настроении, чувствуя себя на седьмом небе.

Танцевальный зал представлял собою огромное помещение с паркетным полом, многочисленными вазами с цветами, тремя люстрами и галереей, где музыканты исполняли нежную музыку. Присутствовал, как принято говорить, весь свет.

Я почтительно склонился перед леди Эддердейл, стоявшей рядом с хозяином — человеком, таинственно нажившим миллионы во время второй мировой войны. Скорее всего он воровал крышки и продавал их на черном рынке.

— А, да, мистер... — со вздохом произнесла она, явно забыв мое имя. — У меня такая плохая память на имена, но я прекрасно помню лица. Когда вы приехали из Лондона?

Я постарался побыстрее закончить церемониал и, пройдя через многочисленную толпу, попал в гостиную, где находилась буфетная стойка, укомплектованная четырьмя шеф-поварами. Окруженная группой полных, лысых и рябых холостяков, Лиз поглотила копченую индейку.

— Питер! Можешь попробовать!

— Из твоих рук с удовольствием! — произнес я залихватским тоном.

Холостяки недовольно уставились на меня — племенной жеребец, пробирающийся через стадо лошадей к ближайшей кобыле.

Кобылка моя прямо-таки сияла. Она была в бело-золотистом платье, вся увешанная семейными драгоценностями. Интересно, подумал я, может, стоит предложить ей руку и сердце?

Я бросил вызывающий взгляд на холостяков, и они моментально ретировались. А нам осталась копченая индейка, шампанское и звуки Кола Портера, доносившиеся из танцевального зала. Никто не нарушал нашего блаженства.

— Я слышала, что дело закончилось? Кто-то мне сказал, что у Брекстона не осталось ни шанса и они добились от него признания, — сказала Лиз.

— Ты уверена в этом?

— Нет, не уверена. Просто все так говорят.

— А что ты делаешь после этого, душка? — сказал я с набитым ртом.

— Сегодня вечером? Поеду домой, как любая порядочная девушка.

— Пошли в кровать?

— В кровать? — воскликнула она удивленно, причем так громко, что один из поваров заметно побледнел. — В кровать? — повторила она тише. — А мне казалось, что тебе нравится возить-

ся только на кактусах... или же у тебя где-нибудь приготовлена кровать с гвоздями?

— Молодые женщины никогда не понимают шуток, — ответил я холодно. — Это не моя вина, что ты не снабдила меня необходимым количеством средств для организации правильной любви, предпочтительнее в позолоченной клетке. У тебя ведь есть деньги?

— Да, и я хочу, чтобы меня любили только за мои деньги, — согласилась она, кивнув головой. — В конце концов красота проходит. Характер портится. А вот деньги, если они правильно вложены, всегда дают любовь.

— А твои правильно вложены? В надежные или, на худой конец, простые ценные бумаги?

— Да, но я не знала, что это тебя волнует.

— Настолько, что я желаю пригласить тебя на ночь в мотель «Новая Аркадия», центр запрещенной сексуальности, всего в нескольких милях отсюда.

— А что я скажу своим?

— Скажешь, что ты распутница. Деньги — на твое имя, ведь так?

— О да. Моя мамуля потребовала от второго мужа, чтобы он создал попечительский фонд. Мило, правда?

— Все зависит от суммы.

Вдруг над нами раздался рев Элмера Буша.

— Привет, парень! Боже, это, кажется, та самая аппетитная крошка, которую я сегодня видел на пляже. Мисс Лиз Беззимер, правильно?

— Да, та самая аппетитная крошка, — с ослепительной улыбкой произнесла Лиз. — А вы, если не ошибаюсь, тот пока еще знаменитый Элмер Буш, который благодаря любезности Уит-Машлетс каждую неделю выступает по программе «Эн-би-си»?

— Какая умная девочка! Правда, Питер? А ты удачливый стрелок, парень! Ну что ж, как говорится, не везет в преступлении, так повезет в любви. Ха! Ха!

Пока мы весело ржали над этой остротой, Лиз тихо смылась.

— Клянусь, я не хотел мешать тебе. — Элмер чуть ли не облизывал губы, следуя взглядом за Лиз, проходившей через танцевальный зал.

— Я тебе верю, Элмер. Увидимся как-нибудь в другой раз.

— Хочешь оказать мне любезность? — небрежно бросил Элмер, видя, что вокруг никого нет и очаровывать ему, за исключением меня, некого.

— Что за любезность?

— Я хочу взять интервью у миссис Вииринг, но никак не могу добраться до нее. Она все время ускользает... Одному Богу известно, почему, ведь она стремится к известности. Так вот, если ты...

— Но Элмер, мы же противники. — Я попытался изобразить удивление. — И потом, мне самому еще надо как-то выкрутиться из ситуации, в которую я попал.

— Это для «Глоуб», а не для меня.

Он стоял с благородным видом, как бы принося себя в жертву.

— Очень сожалею, Элмер, но этого тебе придется добиваться самому.

— Послушай, Сарджент. Меня сюда послал редактор «Глоуб», той самой газеты, которая платит тебе деньги за дурацкие статьи о том, что Брекстон якобы не совершал убийства. Запомни только одно: ты не очень в чести у руководства. Но стоит лишь сказать, как ты мне помог, они наверняка тебя не спишут.— Он сердито посмотрел на меня.

— Элмер,— спокойно произнес я,— я тебя ненавижу. Всегда ненавидел тебя. И буду ненавидеть. Ничто не в состоянии показать масштабы моей к тебе ненависти. Я сброшу на тебя камень, если ты будешь тонуть. Я...

— Все дурачишься. А вот я не шучу. Газета ждет от тебя помощи. Если ты отказываешься, не надейся больше на сотрудничество с нею.

— А предположим, что я прав?

Я устал от него и в то же время понимал, что бессмысленно бороться, пока не раздобуду стоящие факты, причем как можно скорее. Он брал меня за горло, как говорят журналисты.

— Что Брекстон не убивал своей жены и Клейпула?

Элмер с жалостью взглянул на меня.

— Лично я не стал бы строить обвинение на показаниях Клейпула,— выстрелил я наугад и попал в точку.

— Ты знаешь и об этом? — вздрогнул Элмер.

— Конечно. Я знаю, что обвинение собирается строить свои утверждения на том, что Клейпул заявил, будто Брекстон убил свою жену...

— Он рассказал об этом в полиции в день своей смерти.

Элмер выглядел самодовольным, как будто сам все это проделал с помощью своего журналистского дара. Я был рад, что моя догадка подтвердилась. Элмер отработывал свое назначение.

2

— Уверена, они разнюхают, чем я занималась. Просто мне назло.

Лиз, совершенно обнаженная, сидела перед туалетным столиком и укладывала волосы. Она — из того разряда женщин, которые сперва приводят в порядок свои волосы и лицо, а только затем начинают одеваться. Я в блаженстве нежилась в кровати, наслаждаясь лучами утреннего солнца, падавшими мне на живот. Это была потрясающая ночь, да и утро тоже. Ничто не тревожило меня.

— А тебя это волнует? — спросил я, зевая.

— В общем-то нет.— Я смотрел на ее лопатки, когда, повернувшись ко мне спиной, она расчесывала волосы.— Просто, когда я им сказала, что остановлюсь у друзей в Саутхэмптоне, мне не следовало упоминать Анну Триз. Они собираются к ней, и наверняка моя тетя поинтересуется, когда я заявила ночью, и...

— Ты слишком тревожишься. Мне кажется, твоя тетка будет без ума от «Новой Аркадии». Чистые простыни. Отдельные

ванны. Прекрасный вид на закусочную и на американскую магистраль номер один, не говоря уж об американском мальчишке с красной кровью... Подойди сюда.

— Сейчас не до этого, Питер. — Она с достоинством поднялась и влезла в шелковые трусики. — Тебе это доставляет удовольствие... Ты, как это говорят, чувствуешь себя важным, мужественным козлом...

— Я никогда не важничаю.

Мне вдруг захотелось ее, но у нее были другие планы. Раздосадованный, я встал и прошел в ванную комнату, чтобы принять душ. Когда я вышел, Лиз уже была полностью одета и копалась в корзине с бумагами, напоминая собой женщину, которая знает, что делает.

— Вот так, так, — ехидно, как шкодничающий мальчишка, сказал я. — Смотри, найдешь что-нибудь непристойное, не прикасайся!

— Ченуха. — Лиз вытряхнула газету и сигаретные окурки. — Так я и думала: марихуана. Вот откуда я почувствовала странный запах.

— Не прикасайся к ним. А я-то думал, женщины смертельно боятся эмбрионов.

— Кончай дурачиться.

Лиз кинула окурки обратно в корзину и с рассеянным видом открыла газету. Я начал одеваться.

От резкого возгласа Лиз я замер.

— Это Клейпул? — спросила она, протягивая мне газету.

Это был утренний выпуск «Джорнел Америкэн», в котором были опубликованы фотографии людей, связанных с убийством в «Норт-Дюнс». На одной из них был изображен Клейпул. Я кивнул, возвращая ей газету, и стал причесываться, глядя в пыльное зеркало.

— Ну и что из этого?

— Как что? Я его знаю!

— Знала. Ну и что? Многие его знали.

— Возможно, но я его совсем недавно видела. Не помню, как это произошло... то ли я виделась с ним, то ли случайно столкнулась или еще что-то... — Она смущенно замолчала и внимательно уставилась на фотографию. — Я вспомнила! — завопила она.

— Что?

— Это было в воскресенье вечером, в клубе, до того, как я поехала на вечеринку к Эвану Эвансу. Я заскочила в клуб с одним знакомым парнем. Просто посмотреть, кто там есть. Никого не было — ты же знаешь, что там бывает по воскресным вечерам, поэтому я попросила этого парня отвезти меня к Эвансу... Как бы то ни было, но до ухода я видела Клейпула. Точно не помню. Он выглядел таким душкой, правда, на старомодный манер. Я заметила его, потому что он был один и в скромном костюме. Все остальные были разодеты. Он стоял в одиночестве у двери, выходящей на террасу...

— Ты разговаривала с ним?

- Нет. Только мимоходом его заметила.
— А какое было время?
— Время? Чуть попозже половины первого.
Я был взволнован.

— Да ты понимаешь, что, возможно, последней видела его в живых?

— Ты так думаешь? — Она ужасно заинтересовалась. — Но это ведь ничего не доказывает, да? Он, наверное, пришел со стороны «Норт-Дюнз». Питер, я ужасно голодна, давай завтракать.

Украдкой мы выскочили из мотеля «Новая Аркадия». Так каждую неделю делают сотни парочек, которые, как только их союзы благославляют боги любви, моментально начинают отрицать и игнорировать суровые узы общества.

В южной части Истхэмптона мы отыскивали очаровательную харчевню и наелись там до отвала.

Это было странное утро. Висел густой белый туман, сквозь который пробивались слабые лучи солнца.

— Я люблю такие авантюры экспромтом, — заявила Лиз, поглощая яйца в таком количестве, что я просто обалдел, не понимая, как они вмещаются в такое стройное тело.

— А тебе плохо не будет?

— Я могу их есть сколько влезет, — спокойно произнесла она.

Мне оставалось лишь гадать — шутит она или нет.

— Надеюсь, когда в очередной раз будем в мотеле, ты не забудешь об этом.

— В тебе есть ужасно неприятные пуританские черты, Питер. Меня это очень беспокоит.

— Просто мне хотелось бы, чтобы ты принадлежала только мне. Такова жизнь.

— Да, такова жизнь.

Лиз лучезарно улыбнулась мне над чашкой кофе.

Она была просто сказочным созданием, творением природы, а не человеческим существом. Стихией. Ветром. Небом. Обычные законы морали не для нее.

Я сменил тему. Я не мог спокойно смотреть на нее.

— И сколько еще времени ты собираешься быть здесь?

Она вздохнула.

— Завтра я возвращаюсь. Я просила разрешить мне задержаться, но в редакции отказали. Никакой журнал не станет впустую тратить деньги и делать дополнительные выпуски в жаркую погоду. Покупать-то некому.

— Неужели кто-то читает журналы мод? Женщины ведь покупают их только из-за моделей одежды.

— Очень тяжело работать в Нью-Йорке душным летом. Я должна была вернуться еще вчера, но мне дали еще один день. А ты когда возвращаешься?

— В пятницу. Я пробуду здесь до Специального суда, на котором буду вынужден выступать в качестве свидетеля. Сразу же после суда я вернусь в Нью-Йорк.

— Потрясающий у нас уик-энд был! — сказала Лиз, переключая лед из своего бокала в кофейную чашку. — Не знаю, почему я никогда не прошу приготовить холодный кофе? Горячий-то я терпеть не могу. Питер, ты действительно считаешь, что Брекстон невиновен?

Я кивнул.

— Но если он не убийца, то кто?

— Кое-кто другой.

— О, не глупи! Кто другой мог сделать это?

— Человек, у которого был мотив.

— Наверняка у тебя есть факты, кто это, раз уж ты так уверен, что Брекстон тут ни при чем.

— О да, я прекрасно знаю, кто совершил убийство.

И я действительно знал. По крайней мере уже не меньше получаса.

Глаза у Лиз округлились.

— Ты хочешь сказать, что вот так спокойно сидишь со мною и попиваешь кофе, прекрасно зная, кто убил миссис Брекстон и Клейпула?

— Не понимаю, почему я не могу пить с тобой кофе, хотя и знаю, кто убийца. Кстати, благодаря тебе.

— Мне? Что я такого сделала?

— Я скажу тебе об этом позднее.

Лиз в задумчивости посмотрела на меня, как бы раздумывая, вызвать команду людей в белом или нет. Она попыталась воспользоваться практическим подходом.

— И что ты теперь собираешься делать, после того как узнал, кто убийца?

— Сейчас, насколько я знаю, не думать. Я в этом уверен. Мне сперва необходимо соединить кое-какие вещи. Даже тогда я не смогу доказать то, что мне известно.

— О, Питер, ну скажи, кто это?

— Ни за что в жизни. — Я заплатил за завтрак и встал. — Пошли, дорогая. Мне необходимо доставить тебя домой.

— Какой же ты садист! Я лично никогда такой не была.

Лиз просто разъярилась, но я все равно ничего ей не сказал. Она едва разговаривала со мной, когда автомобиль остановился у «Норт-Дювз», и я вышел. Она захлопнула дверцу и с надменным видом перебралась на место водителя.

— Было очень приятно, мистер Сарджент.

— Мне тоже.

— Чудовище!

И Лиз чуть ли не на задних колесах рванула вперед, бешено скрежеща коробкой передач. Улыбаясь про себя, я вошел в дом. Впереди еще предстоял тяжелый день.

При входе я столкнулся с дворецким, он пожелал мне доброго утра и словом не обмолвился о моем ночном отсутствии. Я поднялся к себе в спальню и немедленно позвонил мисс Флинн.

— Я выполнила поставленные передо мною задачи,— произнесла она канцелярским тоном.— Результаты моих геркулесовых подвигов следующие...— И она изложила кое-какие сведения, причем некоторые из них были довольно важными. Я передал ей, что ожидать меня следует в пятницу днем. Мы еще немного поговорили о делах, и я положил трубку. Затем упаковал свой чемодан, спустился вниз и поставил его в холле. Я не собирался больше оставаться в этом доме.

На террасе, наблюдая за тем, как легкая дымка перерастает в густой туман, сидела мисс Ланг в яркой гватемальской накидке.

При моем появлении она вскочила.

— О, мистер Сарджент, как вы меня напугали!

— Похоже, надвигается шторм,— сказал я, усаживаясь рядом с нею.

Она кивнула. Мы оба посмотрели на море: со стороны исчезающего горизонта надвигались клубы молочного тумана. Стало прохладно и непривычно сыро.

— Какая была прекрасная погода! — с ностальгическими нотками в голосе заметила мисс Ланг.— Похоже, лето кончилось. И как неожиданно!

Мисс Ланг была необычайно бледна. От привычного щебетания о книгах не осталось и следа. Как ни странно, под этими слоями жира и разочарования я смог увидеть стройную фигурку довольно симпатичной женщины.

— Вы любили мистера Клейпула? — спросил я, наблюдая за нею краем глаза.

— Почему вы так думаете?

— Просто интересуюсь всем случившимся, вот и все. Я всегда полагал, что есть факты, неизвестные полиции.

— Думаю, таких фактов более чем достаточно,— резко ответила мисс Ланг.— Значит, я, по вашему мнению, намеренно держу их в неведении?

— В общем-то да. А разве не к этому вы стремились? Помните, вы были против дальнейшего расследования. Однажды во время нашего разговора...

— Да, да, помню. Мне нечего скрывать. Ни для кого не секрет наши отношения с Флетчером. Думаю, если б не Элли, мы бы наверняка поженились. Она держала его. Милдред предприняла попытку и потерпела поражение. Вот и все.

Мы еще долго болтали. Затем я вошел в дом. Все складывалось прекрасно.

Так прекрасно, что становилось страшно.

Поднявшись на второй этаж, я проскользнул в комнату Брекстона. Никто меня не видел. Комнату уже убрали, и теперь она выглядела как обычно. Я проверил замок двери, ведущей в комнату Элли (ключ сменили, потому что первый полиция изъяла как вещественное доказательство). Замок работал нормально. Затем прошел к окну и проверил раму. Как я и ожидал, на подоконнике с обеих сторон были царапины. Длинные прямые

бороздки в истрепанном непогодой дереве. Я осторожно надавил пальцем на раму — она двигалась свободно. Я не успел проверить стекла в других окнах, ибо в тот момент, когда я уже собирался перейти в комнату Элли, в дверях появилась миссис Винринг.

— Мистер Сарджент! — Она вне всякого сомнения была поражена. — Что вы здесь делаете?

— Я... просто кое-что искал, — запинаясь, глупо забормotal я.

— В этой комнате? Даже не знаю, что и подумать, — решительно заявила она, как будто я спер у нее столовое серебро. — Мэри Уэстерн сказала мне, что вы собираетесь уезжать. Я бы хотела переговорить с вами.

— Конечно, конечно.

Мы спустились вниз и прошли в альков гостиной.

— Я все-таки решила провести прием, — сказала миссис Винринг.

Я был удивлен.

— А я подумал...

— Сперва я посчитала, что это будет рассматриваться как дурной тон. Но сейчас думаю, что поздно давать отбой. Все как-то на него настроились.

— Возможно, вы и правы, — согласился я. — К сожалению, боюсь, что не смогу быть вам полезен. Я должен быть в Нью-Йорке в пятницу...

— О, как жаль. Если это связано с вопросом оплаты...

Она, похоже, была смущена моим отказом.

— Нет, нет, дело не в этом. У меня просто накопилась масса работы и... — И я выдал целую серию причин, надеюсь, вполне объяснимых. Настоящую причину, естественно, сказать я ей не мог. Да она и сама скоро узнает.

— Очень жаль. По крайней мере, может, вы сейчас посоветуете, что мне делать.

Я согласился, и мы быстро обо всем переговорили, причем я пытался убедить ее в том, в чем был абсолютно уверен. — Она способна провести рекламную кампанию не хуже других. Миссис Винринг восприняла это довольно равнодушно.

— Спасибо. Постараюсь сделать все возможное. Вы, наверное, слышали, что у меня в последнее время были кое-какие затруднения?

Она устала на меня, желая увидеть, какова будет реакция. Но я и глазом не моргнул. Тогда она продолжила, вполне удовлетворенная моим молчанием:

— Кто-то распустил слух, что у меня финансовые затруднения. Естественно, это не так, и поэтому я решила провести запланированный прием и сегодня утром разослала приглашения.

Вот так-то. Она стала тратить деньги Милдред, еще не получив их. При сложившихся обстоятельствах я не мог ее винить... Такова, видимо, воля Божья.

К моему удивлению, на ланч в сопровождении инспектора Гривза пришла Элли Клейпул. Она была очень бледна и двига-

лась как-то нерешительно. Гривз прямо-таки сиял, но сдержанно, на казенный манер.

— Как приятно всех видеть, — сказал он. — Причем не в качестве официального лица.

— Мы тоже рады видеть вас, мистер Гривз, — вкрадчивым тоном произнесла миссис Вииринг.

Дворецкий разнес шампанское. Все напоминало официальный завтрак.

Рэндан и Элли сидели рядом и почти весь обед шептались, в то время как остальные слушали очередные литературные излияния Мэри Уэстерн Ланг или в молчании поглощали шампанское.

Когда подали десерт, я смог обратиться к Гривзу и незаметно для других спросить:

— Как выглядел нож?

— Нож? — в удивлении переспросил Гривз.

— Ну да. Тот, который нашли рядом с телом Клейпула. Кажется, такой нож называют мастихином. К сожалению, я не имел возможности внимательно его рассмотреть.

— Обыкновенный нож, просто очень острый. Напоминает кухонный, но с костяной ручкой и инициалами Брекстона на ней.

— Инициалы? Так вот в чем дело! Они были видны?

— Да, очень большие буквы. Что у вас на уме, мистер Сарджент? — Он подозрительно посмотрел на меня.

— У меня, вероятно, будет для вас сюрприз.

— Какой именно?

— Настоящий убийца.

Гривз фыркнул.

— Мы его уже взяли, и нечего расшатывать лодку. У нас достаточно неприятностей и без вас. Элмер Буш рассказал о ваших методах. Я обещал ему, что если вы попытаетесь...

— Элмер — мой лучший друг, — ответил я, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. — Один только вопрос, и все. В воскресенье утром Клейпул сказал, что ездил в театр Джона Дроу на выставку картин. Я случайно узнал, что театр в то утро был закрыт. Следовательно, решил я, он ездил к вам.

— Ну и что, если ездил? — недовольно поморщился Гривз.

— Он приехал в Риверхед и заявил вам, что Брекстон убил свою жену. Я уверен, что введенный в заблуждение районный прокурор строит свое обвинение и свое будущее политическое банкротство на этом визите.

— Мне не нравится ваш тон, Сарджент. — Лицо Гривза налилось кровью. — Но поскольку вам уже так много известно, я признаюсь — да, действительно Клейпул приезжал ко мне и сделал заявление с обвинением Брекстона. Я не думаю, что Брекстон знал об этом... и убил Клейпула, чтобы тот не проболтался. Мне следовало действовать немедленно. Сейчас я это прекрасно понимаю, но тогда я считал, что в доме, где всегда под рукой двое полицейских, ничего плохого произойти не может. Как бы то ни было, все это позади. Никто уже не сможет спасти вашего Брекстона, — произнес Гривз, спокойно сложил салфетку и положил ее рядом со своей тарелкой.

— Он мне не друг, но и не ваша мишень, Гривз.

— Послушайте...

Тут миссис Вииринг вскочила на ноги и пригласила всех в гостиную на кофе.

Мне удалось буквально на секунду оторвать Элли Клейпул от Рэндана.

— Вы еще держитесь?

— В отношении Пола? — Она вздохнула и опустилась на стул. — Даже не знаю, что и думать. Гривз был со мной все утро. Он настойчиво убеждал меня, что Пол пытался покончить со мной, но я не могу... Я просто не верю в это.

— Прекрасно. Доверяйте вашей интуиции. Большого от вас не требуется. Главное, знайте — вы правы!

— Но если Пол здесь ни при чем, то кто же сделал это?

— Тот же человек, который убил вашего брата.

— И вам известно, кто это?

Я кивнул. Она посмотрела на меня. В ее глазах стоял немой ужас. Затем Гривз, видимо, считая, что я запугиваю ценного свидетеля, подошел к нам. Я извинился и удалился.

Выйдя через парадный вход, я решил еще раз обойти дом и зашагал между зонтиками на террасе, печально присматриваясь к серому туману, покрывавшему океан. Это был самый плотный и густой туман, который я когда-либо видел. Расплывчатые контуры зонтиков напоминали сказочных чудовищ. Я взглянул на часы и широким шагом устремился по пляжу в сторону клуба.

274

Это была странная прогулка. Я видел только в нескольких футах от себя. Если бы не масса прогнивших черных построек, отмечавших начало территории клуба, я бы никогда не сообразил, где нахожусь. Самого здания видно не было, и с его стороны не доносилось ни звука.

У меня было такое ощущение, будто меня запаковали в вату. Ну что ж, сказал я себе, скоро все закончится. Я разгадал тайну, но настроение от этого не поднималось. Чуть-чуть снялось напряжение, но страх остался.

Я медленно двинулся в обратный путь. Шел по самой кромке воды, черневшей на фоне белого песка. Если бы не она, я давно бы уже потерялся, так как нигде не было никаких отметок, только белый песок и серый туман.

Я так рассчитал по времени свой обратный путь, что точно знал, когда буду рядом с «Норт-Дювз». В противном случае у меня оставалась только одна возможность — идти по берегу до самого Монтока, но при этом я не знал бы, где точно нахожусь.

Я был всего в трех минутах ходьбы от клуба, когда передо мной появилась темная высокая фигура. Мы оба остановились у кромки воды. Это был Рэндан, державший в руке мой чемодан.

— Я решил, что вы отправились на прогулку, — дружелюбно произнес он, — и последовал за вами.

— Вы поняли, что я пойду к клубу?

Он кивнул.

— Приятная прогулка, не правда ли? В особенности в туманный день.

— Я люблю туман.— Я бросил взгляд на чемодан в его руке. Ну наконец-то! Я знал, что меня ожидает.— Правда, прогулка не такая уж приятная, если приходится что-то нести.

— Типа вашего чемодана? — с усмешкой бросил он.

— Или вашего дяди.

Улыбка погасла на его лице, черты стали расплываться в белом, густом тумане. Мы стояли на самой границе видимости, а где-то вверху, в ином мире, светило полуденное солнце. Мы походили на двух оставшихся в живых участников трагедии — одни, со своими тайнами и секретами.

На берег накатила волна и залила наши башмаки. Мы одновременно отошли от воды.

Был ли Рэндан вооружен? Этот вопрос постоянно крутился у меня в голове. Если он...

— Вы слишком много знаете,— протянул Рэндан, поставив чемодан на песок.

— Я давно уже догадывался,— произнес я, стремясь, чтобы мой голос звучал как ни в чем не бывало.— Но толку с этого мало, потому что у меня не было никаких доказательств.

Может, стоит нырнуть в туман и пробираться дальше по берегу? Один прыжок, и меня не будет видно. Но если он вооружен...

— Н-да, вы не глупы,— откровенно признался Рэндан.

— Благодарю. К несчастью, вы тоже. Я абсолютно уверен в вашей виновности, но доказательств у меня, к сожалению, нет. Вы заранее все предусмотрели и тщательно обдумали.

— Расскажите, что вам известно, Сарджент.

Вопрос был поставлен спокойно, без всяких эмоций.

— Мне не все известно.

— Все равно расскажите.

Он сунул руку в карман. Я почувствовал смертельный холод: неужели он вооружен? В горле у меня пересохло. Пот катился по лицу. С большим трудом мне удавалось сохранять спокойствие.

— Мне кажется, вы разработали свой план еще в Бостоне, вечером накануне вашего приезда сюда. Вы услышали по радио сообщение об убийстве или скорее о таинственной смерти Милдред Брекстон. Вы знали, что подозрение неизбежно падет на ее мужа. Вам также было хорошо известно об отношениях между Флетчером и Брекстоном. Вы поняли, что вам случайно представился шанс убрать дядю с дороги и свалить все на Брекстона.

— Да, это действительно так. Такая мысль зародилась у меня после того, как я услышал по радио о случайной смерти Милдред.

По голосу Рэндана чувствовалось, что признание доставляет ему удовольствие.

Я кивнул.

— А также из телефонного разговора с Элли накануне вечером. Я думаю, она вам немало рассказала о ситуации, сложившейся здесь. Правда, не предполагал, что она проболтается насчет телефонного разговора. Да, приглашение на уик-энд помогло мне.

— Еще в Бостоне на всякий случай вы приготовили записку, что Брекстон — убийца. Я попросил свою секретаршу выяснить, что было в бостонских газетах в последний день вашего пребывания там. Так вот — никаких сообщений о смерти Милдред! Слишком мало прошло времени. Поэтому вы не смогли найти отдельных букв и написали текст с ошибками. Сперва мне это показалось странным, ведь все местные газеты были полны сообщений о Милдред и Брекстоне.

— Хорошо, хорошо. — Рэндан выглядел довольным. — А я опасался, что полиция сообразит и выяснит, что текст записки составлен из букв различных бостонских газет. К счастью, они были уверены, что Флетчер — ее автор, и даже не позаботились проверить, откуда вырезаны буквы. Ну, а что потом?

— Вы приехали сюда на автомобиле в воскресенье рано утром. Прошли прямо к дому. Полицейские спали. Вы огляделись. В большой комнате нашли мастихин Брекстона с его инициалами на ручке. Его забыла Милдред после ссоры с миссис Вииринг. Вы прихватили его так, на всякий случай. Вы были в кухне... вероятно, копались в распределительном щитке. А тут вошел я... Вот вы меня и ударили.

— Самой удобной домашней вещью — сковородкой. — Рэндан рассмеялся. — Правда, не очень сильно.

— Затем вы выбрались из дома, а открыто заявили туда в тот же день, но значительно позднее. Вы сразу же разобрались в ситуации. Ваш дядя, вне всякого сомнения, рассказал вам о своих подозрениях, о том, что Брекстон, по его мнению, убил свою жену. Он мог даже сказать о том, что сообщил об этом в полицию. Милдред погибла совершенно случайно. Брекстон знал об этом. Все остальные тоже, пока инспектор Гривз, подбадриваемый вашим дядей, не решил выжать из происшествия все возможное. А с вашим дядей он довел игру до совершенства... к несчастью.

— Гривз еще извлечет выгоду. Он уже герой.

Рэндана так и распирало от самодовольства. Значит, я выбрал правильную тактику.

— Верно. Боюсь, Гривз никогда не узнает, что отправил на электрический стул невинного человека.

— Да, не узнает. Никогда, — весело согласился Рэндан. — Никто не сможет сказать ему, что он не прав.

Я сделал вид, что не понял его, но был готов к любой неожиданности.

— Вы организовали два алиби на субботний вечер, — продолжал я, — когда убили своего дядю. Сперва в клубе. А вторым алиби должна была послужить вечеринка у Эвана Эванса, на которой мы с вами столкнулись. Я бы сказал, непредвиденная встреча. Вы договорились встретиться с дядей у клуба примерно в половине первого. Вы отправились на машине, а он пошел пешком по берегу. Встреча произошла на пляже в темноте. Видимо, у домиков. Поговорили. Возможно, пошли в сторону клуба. На каком-то расстоянии от него сели на песок. И неожиданно вы ударили его каким-то предметом...

— Всего лишь камнем.

— Затем оттащили к дому, прекрасно зная, что полицейские будут ковыряться с испорченным щитком, а другие рано отправятся спать. Потом вы перерезали мастихином Брекстона горло своему дяде и перекатили тело под скамейку, оставив рядом с ним нож, который должен был уличить художника. Вы были спокойны, зная, что дружище Гривз с радостью воспримет то обстоятельство, что человек с брекстоновским интеллектом остается рядом с убитым нож со своими отпечатками пальцев и инициалами.

— Очень хорошо, Сарджент. Вы не уловили несколько нюансов, но в целом совершенно правы. Продолжайте.

— Вы направились к клубу, делая вид, что все время болтались где-то поблизости, после пошли на прием к Эвансу. Вы не сделали ни единой ошибки.

Вот я все и сказал. Передо мной было только два выхода: либо исчезнуть в тумане и броситься бежать, чтобы избежать выстрела, либо попытаться перехватить оружие, прежде чем он успеет нажать на курок.

— В конце концов, — сказал Рэндан, — вы единственный человек, с которым я могу говорить открыто. Расскажите, когда вы стали подозревать меня? Ведь никто даже не догадывался.

— Помогла удача. Я сказал вам то, что вам не было известно, помните? Я проболтался, что Элли в момент смерти Клейпула была вместе с Брекстоном. Мне было известно, что убийца, как, впрочем, и другие, об этом не знает. Вы стали действовать немедленно. Элли ни за что не должна прийти в сознание, решили вы. Ее свидетельство спасет Брекстона, а ее смерть сразу приищут ему. Здесь вы воспользовались дополнительной линией обороны, которую на всякий случай подготовили, — финансовыми затруднениями Розы. У нее действительно был очень веский мотив. Вы похитили у Розы носовой платок, чтобы подбросить его в комнату Элли. Это неизбежно должно было впутать Розу в убийство, но то ли вы забыли воспользоваться им, то ли слишком были в себе уверены... В общем, вы вернулись в дом во время смены сиделок. У вас было не более пяти минут. За это время вы должны были впрыснуть Элли стрихнин, который уже позаимствовали из ванной комнаты миссис Вииринг. По крыше веранды вы спокойно прошли в комнату Элли и повернули ключ в двери, ведущей в спальню миссис Вииринг. Это вы вовремя сделали, потому что в комнату уже рвалась мисс Ланг. Вы стали вводить Элли стрихнин, но времени сделать укол нормально у вас уже не было, поскольку мисс Ланг подняла тревогу. Тогда вы открыли ключом дверь в соседнюю комнату, проскочили туда, заперли дверь и через окно вернулись к себе, чтобы затем появиться в коридоре.

— Прекрасно, — перебил меня Рэндан. — Надо добавить только пару деталей. Одна заключается в том, что накануне я положил в наволочку Брекстона ключ от комнаты Элли. Вторая деталь касается окон. Я ослаблял рамы с помощью ножа, думая, что мне никогда не удастся с ними справиться. К счастью, из-за влажной погоды они все искривились и становились на место сразу же, как только их отпускали. В отношении носового платка

вы тоже правы. Я решил воспользоваться им, если Элли поможет Брекстону сорваться с крючка.

— Откровенно говоря, я никогда не верил, что Милдред убита. Вот Клейпул — другое дело. Здесь, как говорится, сомнений быть не может. Но это могло быть убийство «экспромтом», импровизированное прямо на месте, при наличии уже конкретного подозреваемого и обставленное как преступление первой степени... — Я на миллиметр приблизился к нему.

— Приятно разговаривать с вами. — Он сделал шаг назад.

— Правда, возникает вопрос: зачем вы его убили? Это единственное, что я никак не могу понять.

— Деньги. Он был руководителем моего попечительского фонда. Я мог получить состояние в собственные руки только по достижении сорока лет. А мне не хотелось ждать. Это был ужасный человек. Я всегда его ненавидел. Когда Милдред утонула, я сказал себе: «Вот твой шанс!» Больше такой возможности мне никогда бы не представилось. И я был просто поражен, насколько легко совершить убийство... Удивительно легко.

Я еще ближе подошел к нему.

— Но, к сожалению, сейчас, — спокойно продолжал Рэндан, — мистеру Сардженту придется срочно покинуть Истхэмптон, оставив багаж и все остальное. К тому времени, когда станет ясно, что вас на Манхэттене нет, Брекстон будет на пути к...

Я изо всех сил ударил его. Раздался выстрел, и мы спешились в смертельной схватке. Пуля, к счастью, в меня не попала. Мы боролись на самой кромке воды. Рэндан ругался, отбивался и дрался, как слабое, но отчаянное животное. Минуту спустя он валялся на песке, глотая воздух губами, почти без сознания. Я поднял его, как куклу, и понес в «Норт-Дюнз». Я нес его тем же самым путем, каким он за три дня до этого тащил бесчувственное тело своего дяди — Флетчера Клейпула.

4

— В приемной находится некая мисс Безземер. — Мисс Флинн посмотрела на меня гранитными глазами. — Она не договаривалась заранее о встрече.

— Тем не менее я ее приму. Бедняжка... Она была втянута в черные дела работорговой банды белых в Джорджии. А теперь я пытаюсь восстановить ее честное имя.

Немой ответ мисс Флинн можно было бы выделить курсивом. Секретарша исчезла. Затем в кабинет влетела Лиз. Лицо ее просто сияло.

— Герой! Душка Питер — герой! Я прочитала в газетах и не могла поверить, что это тот самый парень, которого я знаю... Тот самый Питер Сарджент, который...

Поток слов иссяк, и я позволил ей поцеловать меня в щеку.

— Вот не думала, что ты такой храбрый...

— А...

— И такой правильный!

— Я просто выполнял свой долг, мадам. Мы здесь, в Южном

Онтарио, считаем, что сознание долга вполне достаточно и без зова трубы...

Взгляд ее затуманился.

— По правде говоря,— задумчиво произнесла Лиз,— я его тоже подозревала. Конечно, я не говорила об этом, но у меня было предчувствие... Ты же знаешь, как это бывает. В особенности в тот вечер у Эвансов, сразу же после убийства дяди... У него глаза были слишком близко расположены друг к другу. Кстати, поздравляю тебя! Подумать только, сколько места отвела тебе «Глоуб»! Представляю, как бесится мистер Буш.

— Да-а, он очень переживает.

Мысль о том, как искрошили статьи Элмера, согревала меня. Свой же очерк я поместил в популярном издании «Америкас Нью-Йорк», причем в нем немало места было отведено роли Элмера в собирании доказательств и организации газетной кампании против Брекстона.

— А где сейчас Брекстон? — спросила Лиз.

— Не знаю. Наверное, где-нибудь скрывается. Возможно, потом, когда все уляжется, он женится на Элли.— Я встал и подошел к углу комнаты, где лицом к стене стояла большая картина.— Брекстон, весь в слезах, предлагал мне взять что ни за грош: деньги, картины... Все. Я попросил вот это.

Я повернул полотно. Там, в победно обнаженном виде, упивающаяся красотой своей золотистой кожи, была изображена Мэри Уэстерн Ланг.

Лиз прямо завизжала от восторга.

— Это мисс Ланг! Не может быть! Ты знаешь, а она была недурна! Грудь, правда, несколько великовата.

— А многим нравится,— сказал я, снова поворачивая полотно лицом к стене.

Вдруг маленькая коробочка у меня на столе зашипела, как мисс Флинн. Я включил селектор.

— На проводе мистер Уил. Он желает переговорить с вами...

Голос мисс Флинн затих. Лиз подошла ко мне и села на колени. Ее ручки шаловливо забегали.

— Кончай!

Таковы были первые мои слова, которые услышал мистер Уил.

— Кончай? — в растерянности произнес он.— Но я еще не сказал ни слова, мистер Сарджент...

— О, это не вам, сэр,— любезно ответил я.— Насколько я понимаю, вы пытались связаться со мной...

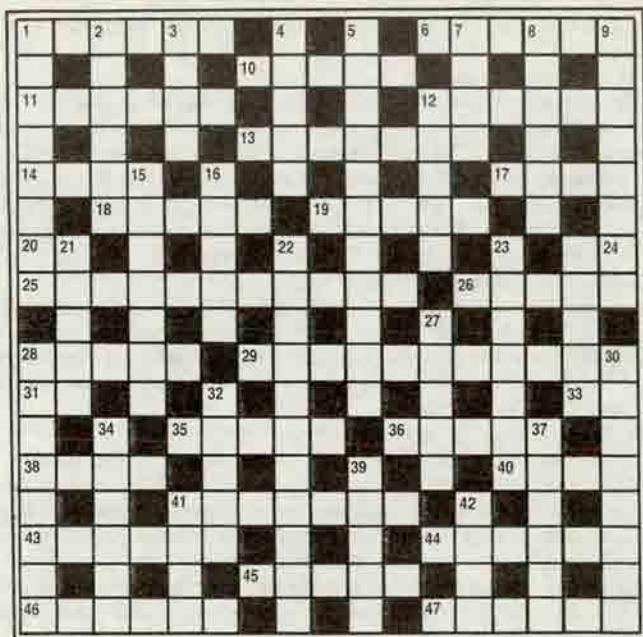
— Да, это так. Мне кажется, у меня есть для вас дело. Оно касается Мюриэл Сандоу.

— Мюриэл Сандоу? По-моему, я не...

— Она — моя помощница. Возможно, она вам известна под своим профессиональным псевдонимом. Она выступает в цирке под именем «Пичис¹ Сандоу». Видите ли, этот слон...

**Перевод с английского
СЕРГЕЯ ШПАКА.**

¹ Персик.

ЗРУДИТ | По горизонтали:

1. Цинь... — китайский император. Придя к власти, он распорядился закопать живыми в землю всех ученых. 6. Манекенщица, благодаря которой вошли в моду мини-юбки. 10. Упражнение, в котором Н. Шатов стал первым советским рекордсменом мира. 11. Арабский плащ из стихотворения Б. Пастернака «Памяти демона». 12. Название дневника в пушкинские времена. 13. Пролив между островом Эвбея и материковой Грецией. 14. У девушки... косою закрыт (русская поговорка). 17. Жанр, каким средневековый итальянский придворный поэт Д. Саннадзаро назвал свои комические монологи в стихах. 18. Художник, посоветовавший В. Сурикову в «Утре стрелецкой казни» изобразить хотя бы одного повешенного. 19. Каморка для съестных припасов в домах древних римлян. 20. Основатель Трои в греческой мифологии. 24. Восточное, в том числе грузинское, название колодца. 25. Город при впадении реки Балык в протоку Оби. 26. Славянский бог. 28. «С тех пор как вечный... мне дал всеведенье пророка, в очах людей читаю я страницы злобы и порока» (М. Лермонтов. «Пророк»). 29. Должность в Севилье Исидора, написавшего в начале VII века книгу «О природе вещей». 31. Тридцатая буква в русской церковной азбуке. 33. Народ в Юго-Восточной Азии, у которого до середины XX века были развиты культ черепов и охота за головами. 35. Дерево, из которого был построен троянский конь. 36. Герой в «Пятой колонне»

3. Хемингуэя. 38. Язык, на котором писал Фирдоуси. 40. Обитатель хлева в стране гуингнмов (Д. Свифт. «Путешествия Гулливера»). 41. «Ясли» для икринок горчак. 43. Спортсмен, чье снаряжение, как заметил французский историк и этнограф Жан Луи Бабелз, рождено голодом, снегами и колдовством. 44. Город на самом юге Германии, где в восьмидесятих годах построили автомобильный тоннель единственно для того, чтобы сохранить красивую местность. 45. «Эх, вы, сани! Что за сани!... мерзлые осин. У меня отец — крестьянин, ну, а я — крестьянский сын» (С. Есенин. «Мелколесье. Степь и дали...»). 46. Космический объект, излучающий в десятки раз больше энергии, чем любая галактика. 47. Австриец, один из трех ученых, вторично открывших независимо друг от друга на пороге XX века закон о наследственности, но благородно отдавших пальму первенства неизвестному тогда Г. Менделю.

По вертикали:

1. «Ситцевая рыбка». 2. Старинная иранская мера веса, вьюк осла. 3. Название французами башкирского воина, вооруженного луками и стрелами (тридцать полков таких воинов участвовали в Отечественной войне 1812 года). 4. Плод весом 246 килограммов, присланный в канун 1989 года фермерами штата Вирджиния в Москву под девизом «России — с любовью». 5. Каждый из тех, кого приказала одеть в камзолы революционной Франции Екатерина Вторая, надеясь, что их перестанут носить в Петербурге. 7. Искусство давать всему истинную цену. 8. Порода собак. 9. Европейская «звезда», певец. 12. Немецкий физик, усовершенствовавший воздушный термометр и создавший чувствительные пружинные весы. 15. Глашатай на Руси. 16. Крупная лошадь в рассказе «Лебедянь» И. Тургенева. 21. Самый крупный — вари, самый маленький — монгоц (обезьяна). 22. Теннисистка, девятикратная победительница Уимблдонского турнира. 23. Русский оперный персонаж, поющий: «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?». 24. Третий, по В. Набокову, русский писатель. 27. Телебашня в СССР, по выражению сатирика, — идеологический... 28. Один из любимых камней М. Волошина. 30. Объект гордости в XVI веке ремесленников Дубровника. 32. Название приема пиццикато по-русски. 34. Единственная сфера общения, в которой китаец остается свободным от всяких условностей. 37. Древнее царство на северо-западе Азии, в искусстве которого был период своеобразного барокко. 39. Время, когда возглавляющий сбор овец крестьянин в Исландии становится королем гор. 41. Изнурительная трудовая повинность индейцев во времена испанского колониального владычества в Перу. 42. Самый острый перец Нового Света.

281

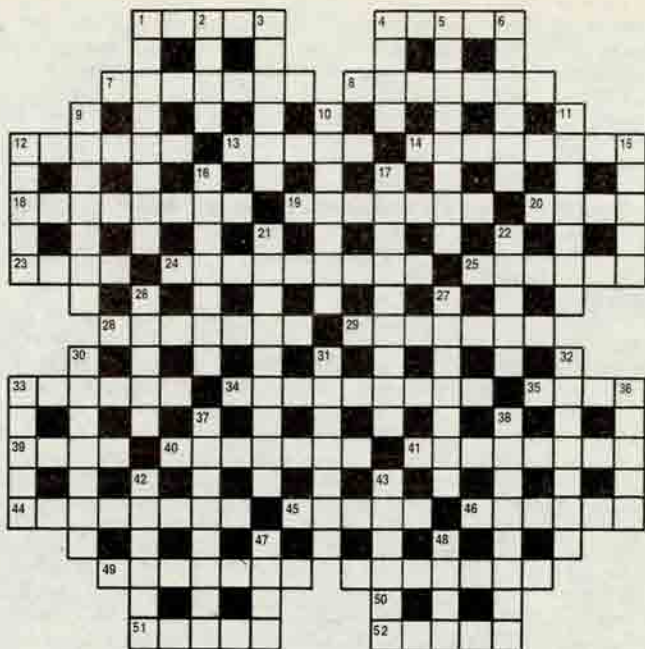
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

1. Токиец (танка — стихотворение). 5. Шекспир. 9. Барит. 11. Сорока. 12. Маринист. 13. Аделт. 14. Злак. 17. Чинш. 18. Баласанян. 19. Ввод... 24. Свердруп. 25. Цензура. 27. Кочерга. 28. Бедствие. 31. Анри. 35. Нектарник. 36. Лиса. 37. Курд. 39. Федра. 41. Бюрократ. 42. Гроций. 43. Наезд. 44. Айболит. 45. Халыва.

По вертикали:

1. Тусузов. 2. Корганов. 3. Емка. 4. «Гаудеамус». 5. Штат. 6. Крин. 7. ...прилив... 8. Ретушь. 10. Импхал (столица штата в Индии). 15. Хайдеггер. 16. Вяземский. 20. Восход. 21. Дерен. 22. Язьва (Вишера впадает в Каму). 23. Ордер. 26. Терроризм. 29. ...интуиция... 30. Этрета. 32. Индейка. 33. Улыбка. 34. ...ястреб. 38. ...укол. 39. Фант. 40. Юрта.

КРОССВОРД
Составила
Л. МИТИНА,
Архангельск

По горизонтали:

1. Копытное, которое считали вымершим сорок миллионов лет назад, пока его не поймали в Конго.
4. Большое колодезное ведро.
7. Дерево, на доске из которого написана икона Казанской Божьей Матери.
8. Острова, на которых стоит Венеция.
12. Город, родина Тура Хейердала.
13. Карманный вор.
14. Насекомое, обладатель голубой крови.
18. Один из баснописцев, у кого И. Крылов часто заимствовал сюжеты своих произведений.
19. Самое обычное во времена фараонов растение не берегах Нила.
20. Ударный музыкальный инструмент.
23. Предмет экспериментов Ф. Арго, доказавшего, что электротоком можно намагничивать железные и стальные предметы.
24. Европейское озеро, разделяющее два государства.
25. Птица, изображенная на медали первых Олимпийских игр в Афинах.
28. Американский философ, сказавший: «Хорошо, кто хорошо говорит, но еще лучше, кто хорошо слушает».
29. Растение, близкий родственник винограда.
33. Украшение, полезное для здоровья.
34. Знаменитый средневековый врач и естествоиспытатель. Был еще и художником, за что его подозревали в связи с нечистой силой.
35. Сооружение для боя быков.
39. Степень родства.
40. Продукт-деликатес, о котором фламандский натуралист XVI века Карл Ключиз говорил, что он пригоден скорее в пищу свиней, чем человека.
41. Единственная мягкотелая черепаха, обитающая в России (на Дальнем Востоке).
44. Обманщик, плут.
45. Черноморская рыба,

зимующая на глубине семьдесят — восемьдесят метров. 46. Тарпан — это дикая ... 49. Русские крестьяне, которых Л. Пастер спас от смерти прививкой против укуса бешеного волка, по принадлежности к губернии. 50. Эпическая поэма, названная Вильгельмом Гриммом «немецкой Одиссеей». 51. Плод «королевы пальм». 52. Одежда кучеров в Ярославле во времена Н. Некрасова.

По вертикали:

1. Специальность, обладатель которой, по заповеди Лондонской академии, «должен владеть тонкостью дипломата, мудростью философа, ловкостью жонглера». 2. «И стан худошавый к луке наклоня, ... горячил вороного коня» (М. Лермонтов. «Три пальмы»). 3. Химический элемент, в тысячи раз более распространенный в космосе, нежели в земной коре. 4. Одна из муз В. Маяковского. 5. Французский художник, чью известную картину разрезали. И часть ее с портретом Ф. Шопена теперь в Париже, а с портретом Ж. Санд — в Копенгагене. 6. «Солнечный камень». 9. Гриб, о котором упоминает древнегреческий ученый Теофраст. 10. Французский физик, создавший термометр, где точкой отсчета была температура плавления льда. 11. Основоположник русской шахматной школы. 12. Композитор, один из создателей французской оперы. 15. Титул императора Эфиопии в XIX—XX веках. 16. Металл; по его добыче несколько столетий первенствует Мексика. 17. Профессия, в которой совершенствовался в Париже С. Морзе до того, как решил стать изобретателем. 21. Дворцовая должность. 22. Хозяин этого года по лунному календарю. 26. Буква греческого алфавита. 27. Игра, изобретенная в Англии, усовершенствованная во Франции и доведенная до совершенства в России. 30. Мыс на юге Чили. 31. Теплая шапка, плотно облегающая шею. 32. Штат в США, где из 440 озер 96 названы Большими, 85 — Нижними и 57 — Круглыми. 33. Гнилое море, отделенное от Азовского Арабатской стрелкой. 36. Материал, из которого в средневековой Европе делали коньки. 37. Предмет, изображенный на гербе Парижа. 38. Деталь одежды, наиболее украшенная у древних египтян. К ней пришивали фигурки, цветное стекло, жемчуг. 42. Обувь, в форме которой был сделан первый почтовый ящик. 43. Действие, поступок, приносящий пользу другому. 47. Римский бог, о котором мы должны бы вспомнить на пороге Нового года. 48. Болотное растение.

283

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

5. Увраж. 8. Пария. 10. «Ларусс». 12. Хванун. 14. Ремарк. 15. Оратор. 16. ...нитка... 17. Клотик. 18. Нитхардт. 21. Онсилла. 22. Бирюза. 24. Кюре. 25. Амур. 28. Громов. 32. Артишок. 35. Игуменья. 38. Батара... 39. Волан. 40. Галоши. 41. Ерамян. 42. Левкой. 43. Прогон. 44. Четка. 45. Зойка.

По вертикали:

1. Явление... 2. Маратхи. 3. Фанатик. 4. Бинокль. 6. «Рамит». 7. Журка. 8. Парос. 9. Рутил. 11. Скарб. 13. Волна. 17. Козерог. 19. Дикарка. 20. Трюмо. 23. Юруми. 26. Арбалет. 27. Щитовка. 28. Горно. 29. ...вувер. 30. Деллагоа. 31. Льянка. 33. Талет. 34. Шашка. 36. Мороз. 37. Намой.

Шахматная эпиграмма

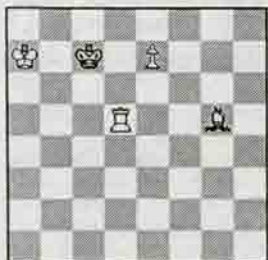

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Жюри подвело итоги конкурса решения шахматных задач, опубликованных в «Смене» в 1992 г. Победителями стали:

В. КОЖАКИН (Магадан), Ю. ЛЯЛЮШКИН (Екатеринбург) и В. СТАНКЕВИЧ (Челябинск). Немного уступили победителям: М. ВЛАСОВ (д. Карбас Пермской обл.), М. ДЕРЯБИН (г. Ленинск), Ю. КАРТАШОВ (Санкт-Петербург), И. НЕКРАСОВ (Архангельск), В. СИМОНОВ (Самара), Н. ЧИСТЯКОВ (Омск). Все они награждаются дипломами и книжными призами.

31. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
г. Котокск Одесской обл.

Мат в 2 хода

б) $Cg5 - a8$, в) $Cg5 - f3$
з) $Ld5 - h5$

32. М. ЧЕРНУШКО
г. Уссурийск, Приморский кр.

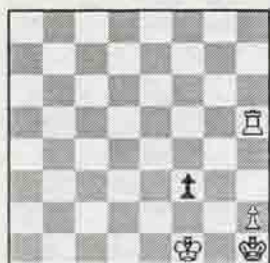

Мат в 2 хода

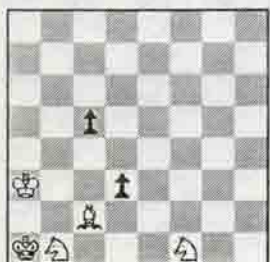
33. А. ДАШКОВСКИЙ
г. Черкассы

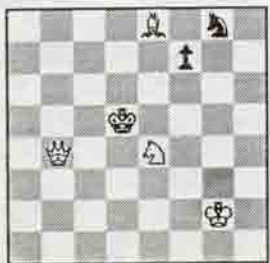
Мат в 2 хода

34. В. МЕЛЬНИЧЕНКО*г. Котовск Одесской обл.*

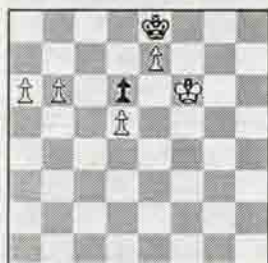
Мат в 3 хода
 б) н. f3 — d7

35. Н. ЧИСТЯКОВ*г. Омск*

Мат в 3 хода

36. М. МАРАНДЮК*г. Новоселица Черновицкой обл.*

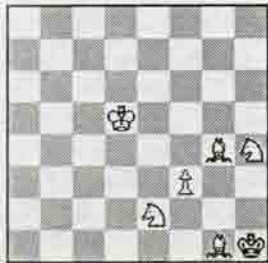
Мат в 3 хода

37. Е. БЕЛЯЕВ*Москва*

Мат в 3 хода

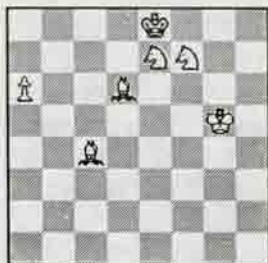
38. В. ЖУПИКОВ*г. Люберцы Московской обл.*

Мат в 3 хода

39. Н. ЗУЕВ*г. Клайпеда*

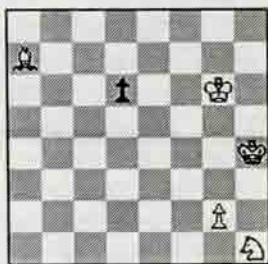
Мат в 3 хода

40. М. КОРМИЛЬЦЕВ
г. Екатеринбург

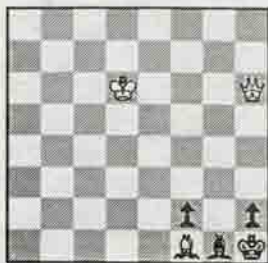
Мат в 3 хода

41. В. ШИЛЬНИКОВ
г. Асбест
Екатеринбургской обл.

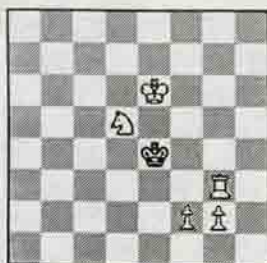
Мат в 4 хода

42. В. ГАВРИЛОВ
Москва

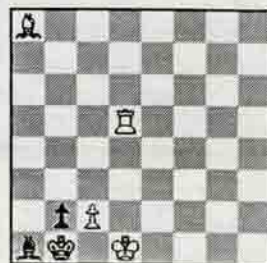
Мат в 4 хода

43. В. МАТЗУШ
Москва

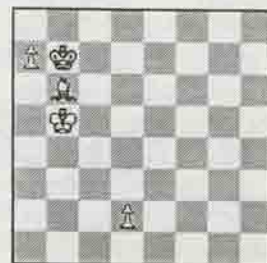
Мат в 5 ходов
б) Креб — d6

44. М. ВЛАСОВ
д. Карбас Пермской обл.

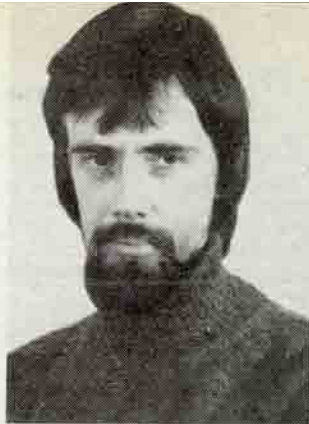

Мат в 5 ходов
б) Лd5 — c6

45. В. ГРЕБЕШКОВ
п. Середка Псковской обл.

Мат в 6 ходов

Александр ЗАВАРИН

Сейчас модно рассказывать, как трудно жилось художникам в годы застоя. Хотя справедливости ради следует отметить, что многие художники не так уж скверно и существовали, особенно если сравнить с сегодняшним днем. Московский художник Александр Заварин никогда не был членом МОСХа (да и не стремился туда вступать). Он не участвовал в подпольных и полуподпольных выставках, сопровождаемых, как правило, шумными скандалами, а просто занимался своим делом. Рисовал картины.

Заварин родился в Семипалатинске в семье военнослужащего. Родители часто переезжали из одного города в другой, пока наконец не обосновались в Москве. Здесь Александр окончил школу и поступил в МАИ. Особого желания учиться в техническом институте у него не было, но родители считали, что главное в жизни — иметь надежную престижную профессию. Прочувившись два года, Александр понял, что конструировать двигатели самолетов не его призвание, и без сожаления расстался с вузом. Лишившись студенческой «брони», он автоматиче-

ски попал в армию, где неожиданно для себя увлекся рисованием. «Скорее всего сказались гены, — рассказывает Александр. — В роду Завариных уже был один художник — мой прадед, крепостной крестьянин. Он любил изготавливать макеты древнерусских храмов и знаменит тем, что сам себя выкупил у помещика».

После армии Александр устроился на «Мосфильм» художником-декоратором. А по вечерам посещал художественные курсы. Несколько лет он со съемочными группами колесил по стране, но в конце концов был вынужден расстаться с интересной работой, так как суета бесконечных поездок лишала возможности серьезно готовиться к экзаменам в художественный вуз.

В Строгановку Александр поступил, когда ему было уже двадцать шесть. В училище прошел хорошую школу рисунка, а вот живописью занимался самостоятельно, находясь под сильным влиянием сюрреализма, особенно Сальвадора Дали. «В то время мне казалось, что прекраснее фантастических работ Дали ничего и быть не может. Писал полотна, делал графиче-

ские листы в стиле сюр, подражая великому мастеру. К счастью, этот период подражания быстро прошел». И появились новые кумиры — Константин Коровин и Исаак Левитан, Сергей Иванов и Абрам Архипов...

Александр работает неспешно, ищет, экспериментирует, часто переписывает свои произведения. «Волшебный цветок», «Идолы», «Зеркало», «Колесо», «Воспоминание», «Шествие»... Картины эти написаны в разных стилях, но, глядя на них, видишь, что автору их свойственны точность цветовой гаммы, мягкость тона и прекрасное владение рисунком.

Несколько лет назад Заварин работал над стенными росписями в храме св. Серафима Саровского в Свято-Даниловом монастыре. Религиозная живопись Михаила Нестерова, Виктора Васнецова и других мастеров начала века помогла молодому художнику переосмыслить установленные каноны и уже по-новому выразить свое понимание библейских сюжетов. Так появились полотна на евангельский сюжет: «Вход в Иерусалим», «Преображение»...

В картинах Александра нет крикливости или эпатажа, они не угнетают безысходностью, не заставляют ломать голову над скрытым смыслом. Они просто красивы, в них — четкость композиции, свежесть колорита. Прелестные женские образы, сказочные пейзажи, населенные таинственными существами... И еще — тихая русская природа, неброская и суровая.

Заварин — вне моды. Он не задает целью поразить воображение искусленного зрителя и не заискивает перед покупателями художественных салонов. В каждой работе — будь то обращение к стилю модерн или к русской реалистической школе живописи, к сюжетам сюрреализма в графике или к религиозной тематике — художник стремится преодолеть сложившиеся стереотипы. Он чутко улавливает особенности стилей искусства рубежа XIX—XX веков, к которому постоянно обращается в своем творчестве, и создает свой особый образный мир.

За рубежом Александра Заварина знают. Многие его работы находятся в частных собраниях Германии и Югославии. А вот в России он почти неиз-

вестен. Может быть, оттого, что художник слишком самокритичен при оценке собственных работ. Видимо, этим объясняется тот факт, что, имея множество полотен и графических листов, он только сейчас готовится к своей первой персональной выставке.

АЛЛА ПАВЛЕНКО

Сон.

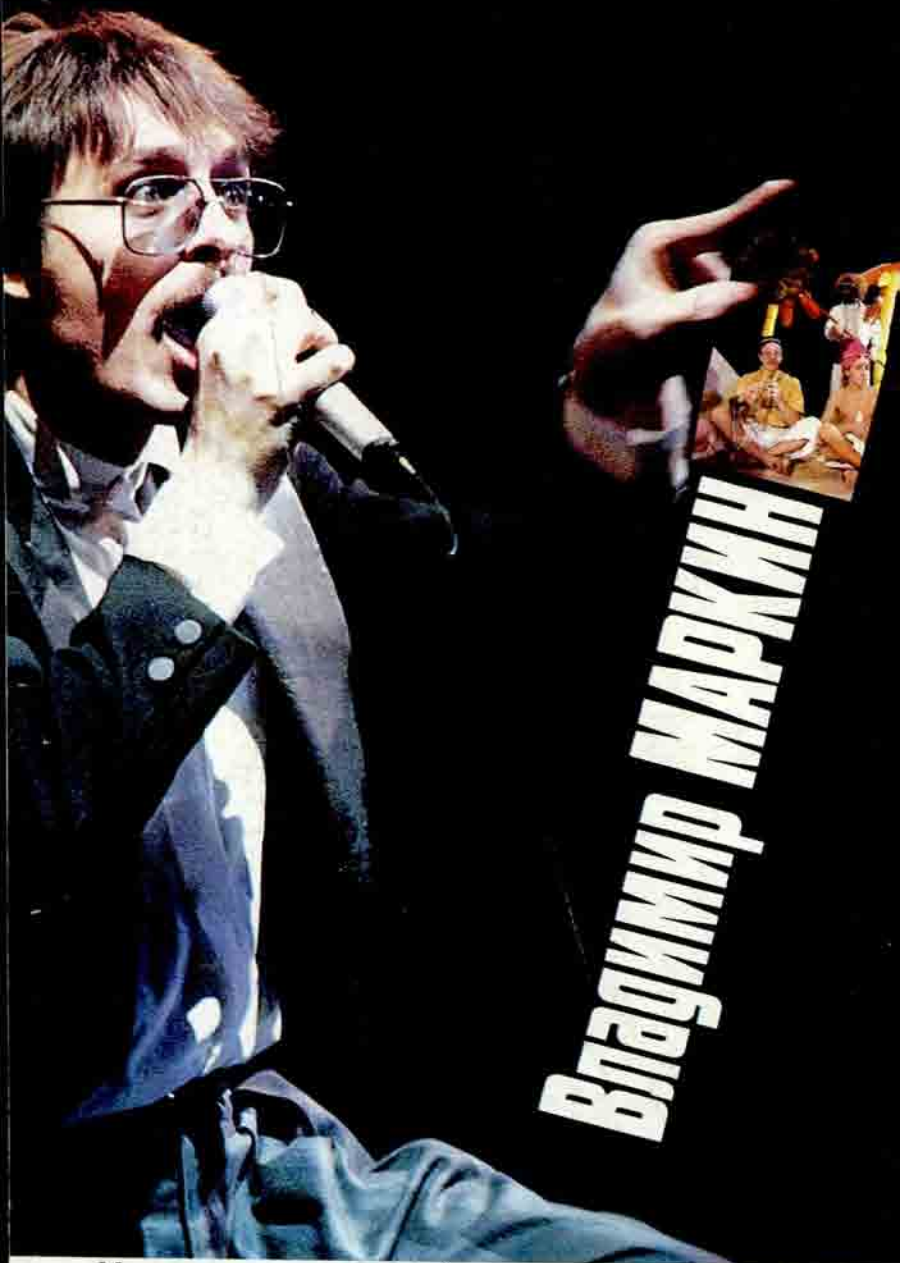
▲ АЛЕКСАНДР ЗАВАРИН. Богатырь.

▲ Ночной полет.

Портрет.

ИНДЕКС 70820

Владимир МАРКИН

Музыкальная антенна представляет: